

ВАСИЛИЙ *Grandmaster* ГОЛОВАЧЕВ

Одиночка

Annotation

Человек имеет право на выбор. Но иногда судьба решает за него, и тогда остается только действовать. Исполнители воли Аморфа Конкере, задавшегося целью уничтожить людей и Землю, убивают учителя и возлюбленную Тараса Горшина, мастера боевых искусств, только что ставшего Посвященным Внутреннего Круга, хранящих тайные знания человечества. Теперь путь Тараса—путь воина, мстителя, поборника справедливости. Он будет долг и труден, потому что враги сильны и жестоки, и число им – тьма.

- [ОДИНОЧКА](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
-

ОДИНОЧКА

Светлой памяти бабушки Ани посвящаю

*Если ты мне враг —
Кто тогда мне друг?*

Леонид Филатов

Глава 1

ПОГРУЖЕНИЕ

Больше всего это походило на стремительное падение в темную пропасть, хотя никуда он не падал: так начинался спуск сознания по цепи наследственной памяти в прошлое. Учитель называл такой процесс «получением доступа к файлам генетического древа человека», самому же Тарасу нравилось другое определение: «погружение трансперсональной сферы в глубины родовой линии». По сути, он открывал тайники глубинной психики, кладовые памяти, хранившие все сведения о предках, которые жили до его появления на свет. Но ощущение быстрого погружения во тьму превалировало над другими чувствами, и Тарас отдался потоку сил, уносящему его «вниз», в бездну памяти, и лишь считал секунды, стараясь не пропустить момент выхода в нужное время и в нужном месте.

Научился он «хронопогружениям с фиксированным выходом» не сразу. Несколько раз его вышвыривало обратно в родное время с оглушающей отдачей, дважды заносило в начало времен, когда его предками были какие-то громадные существа, не оставившие в истории Земли никаких следов. И лишь благодаря подсказкам учителя Тарас наконец добился необходимой сосредоточенности и дисциплины мысли и смог контролировать свои сны-состояния, чтобы видеть и переживать то, что видели и переживали его предки сотни тысяч и миллионы лет назад. На самом деле, конечно, это не он «нырял» в глубины родовой памяти, а информация о прошлых звеньях филогенеза всплывала из подсознания и проявлялась в сознании картинami жизни предков.

Но вот падение замедлилось, ощущение невесомости прошло, тьма «внизу» под ногами расцвела сполохами северного сияния, и Тарас прозрел.

Перед глазами лежала каменистая, поросшая куртинами жесткой желтоватой травы долина, окруженная цепью белоснежных гор. Темно-синее небо с висящим над горами слепящим оком солнца перечеркивали серебристые полосы облаков, похожие на инверсионные следы высотных самолетов. В центре долины высилось

монолитное угрюмое сооружение необычной формы из коричневого бликующего материала, похожего на расплавленный базальт. Более всего оно напоминало форт с пятью округлыми башнями и центральным куполом – это если сравнивать его с человеческими постройками, или гигантскую раковину моллюска – если вспомнить формы, созданные неразумной земной природой. Однако Тарас в своих походах по родовой памяти уже встречался с подобными постройками и знал, что перед ним «замок» изоптеров, разумных термитов.

Разрушить подобные сооружения можно было, наверное, только с помощью ядерного взрыва, и тем не менее в куполе «замка» зиял огромный звездообразный пролом, по которому можно было судить о невероятной силе противника колонии изоптеров, который пробил стену «замка» и уничтожил его хозяев.

Над мертвым «фортом» висело в воздухе еще одно удивительное сооружение, соединенное с ним толстым колючим тросом. Его сложную форму описать было трудно, однако отдаленно оно напоминало гигантский самолет, без винтов и кабины летчиков, из желтовато-зеленого пористого материала. Фюзеляж этого «самолета» образовывали вертикальные овальные короба, или, точнее, складки из того же толстого материала, а «крылья» с бахромчатыми вздутиями на конце походили на соты, некоторые ячейки которых светились изнутри. Кроме того, из «фюзеляжа» вырастали ветвистые рога, черные кончики которых дымились, как сгоревшие в костре ветки.

И это сооружение было хорошо знакомо Тарасу. Оно представляло собой «гнездо», или летающую «крепость», разумных ос – веспидов.

Эпоха, в которую он попал после «всплытия» в нише родовой памяти, хранившей знания и переживания предка, давно сменила эпоху Инсектов на Земле, однако их сооружения жили долго и попадались на глаза часто, хотя на место разумных насекомых пришли уже новые повелители природы, потомки трансформированных блаттоптеров – люди.

Впрочем, еще не совсем люди.

Тело предка Тараса, в котором он временно «поселился», имело шесть конечностей – две ноги, сжимавшие в настоящий момент бока странного зверя, скорее всего прирученного динозавра, и четыре руки. Одна пара рук держала поводья «коня», вторая – устрашающего вида самострел.

Конечно, самого себя (то есть предка) Тарас видеть не мог, но уже встречался с «соотечественниками» во время погружений и знал, что на людей они похожи мало, несмотря на почти человеческую голову и вполне человеческие кисти рук.

Во время хроногенетических путешествий ему встречались и еще более экзотические существа: одноглазые великаны, позднее воспетые в мифах как циклопы, трехглазые и четырехрукие гиганты восемнадцатиметрового роста и вообще жуткие монстры, похожие на помесь динозавров, крокодилов и людей. Все они были детьми трансформационной войны, вспыхнувшей между Инсектами, кроме собственно людей, которые представляли собой потомков измененных Аморфами блаattoптеров – тараканов разумных. Остальные Инсекты после вмешательства Предтеч, Первых Разумных на Земле, были сброшены ими в «энтропийную яму», то есть резко измельчали – в сто раз! – и потеряли весь свой интеллектуальный потенциал. Хотя некоторые насекомые, избежавшие общей участи в ходе трансформационной диффузии, встречались на Земле еще тысячи лет после Изменения.

Предок Тараса прищипорил «коня» и поскакал по склону в долину, к «форту» изоптеров. Он не был странником или открывателем земель, как другие предки, но целеустремленно обшаривал древние сооружения в поисках сохранившихся информационных банков данных. Этими «банками» могли быть и каменные плиты и свитки, и кристаллические стержни, и многое другое, что использовали в своей деятельности Инсекты. Однако самому Тарасу нужны были только лингвотопологические носители, изменявшие форму в соответствии с изменением законов реальности. В двадцать первом веке, в котором жил Тарас Горшин, эти носители представляли собой плиты с гипертекстом, расшифровать который специалисты еще не смогли. Во времена Перволюдей, один из которых – предок Тараса – стал Хранителем опасных знаний, плиты могли быть чем угодно, от материальных предметов до голографических долгоживущих кластеров. Но главное, что тексты этих плит не надо было переводить на человеческий язык. Предки знали метаязык, основанный на звуках, которые, в принципе, не могло произносить человеческое горло, а также на Ключах понимания, и если бы плиты нашлись, через сознание предка Тарас воспринял бы и смысл послания. Искал же он

по заказу учителя не что иное, как описание базовой системы самозащиты, которую разработали Перволюди и отголоски которой дошли до современников Тараса в виде иносказаний и легенд.

Впрочем, возможно, никакой базовой системы боя и не существовало, а учитель принимал желаемое за действительное и искал то, чего никогда не было.

«Форт» изоптеров приблизился, закрыл полнеба, внушая уважение и страх. Высотой он был не менее двенадцатиэтажного дома, а в диаметре достигал размеров футбольного стадиона.

Внезапно «носитель» Тараса остановился, вглядываясь в дальний конец долины, где наметилось какое-то движение. Зрение у Перволюдей было объемным, как и у всех насекомых, в то время как у людей – бинокулярным, поэтому приспособиться к такому способу обработки видеoinформации удавалось не сразу.

Сначала Тарасу показалось, что зашевелилась одна из скал на краю долины. Потом он понял, что это идет один из гигантов, вымирающие ветви которых сохранились вплоть до голоцена.

Гигант приблизился к «форту» изоптеров, ступая тяжело, с грацией слона, однако быстро и целеустремленно. Рост его достигал примерно пятнадцати метров, он был узкоплеч, не имел талии, ноги у него были толстые и по первому впечатлению гнулись где придется. Руки длинные – гораздо ниже пояса; одна болталась свободно, вторая придерживала лежащую на плече дубину, или скорее булаву с колючками. На бугристой голове, уходящей в плечи, сидело нечто вроде дырчатой шапки или шлема. Лицо у гиганта было также бугристым, с очень широким носом и узким и длинным, как у лягушки, ртом. Глаз посреди лба был один, и тоже узкий и длинный, сверкающий ледяной синью.

Он остановился у «форта», не обращая внимания на Тараса, поднял руку ко лбу козырьком, разглядывая висящую в воздухе крепость веспидов, потом начал взбираться на стену «форта», не выпуская своей огромной шипастой булавы. И, как оказалось, не зря, хотя булава ему явно мешала. В тот момент, когда гигант-циклоп взобрался на купол крепости изоптеров, из «фюзеляжа самолета» веспидов на крыло выбрался его хозяин. Но не веспид, как ожидал Тарас. Это был такой же великан, как и тот, что заинтересовался летающей крепостью, разве что трехглазый и четырехрукий.

В отличие от первого, закованного в подобие чешуйчатых лат, хозяин замка веспидов был одет в нечто косматое, вроде шкуры медведя цвета дорожной пыли, а вооружение его состояло из зазубренного меча длиной не менее десятка метров и висящих на поясе шипастых шишек, напоминающих ручные гранаты.

Некоторое время гиганты разглядывали друг друга, не торопясь начинать диалог. Затем циклоп поднял руку и гулким рыком, от которого заколебалась земля под ногами «коня» Тараса, выкрикнул какое-то непонятное слово.

«Самолет» веспидов дернулся, затанцевал в воздухе, словно от порыва ураганного ветра. Его нынешний хозяин взмахнул всеми четырьмя руками, но не для сохранения равновесия, как показалось Тарасу, а для того, чтобы метнуть в пришельца две шишки, которые и в самом деле оказались гранатами.

Одна из них упала на камни у стены «форта» изоптеров, вторая угодила в дыру в куполе. Раздались два мощнейших взрыва. Вспышка от первой гранаты была такой яркой, что затмила солнце. Хотя опытный предок Тараса успел закрыть глаза ладонью, Тарас все же смог оценить и яркость вспышки, и силу взрыва, образовавшего десятиметрового диаметра воронку.

Вторая граната взорвалась внутри крепости изоптеров и разворотила ее как консервную банку!

Купол взлетел на воздух, распадаясь на куски, стены же, более толстые и прочные, просто легли во все стороны лепестками тюльпана.

Циклоп, однако, успел соскочить с крыши «форта» и зычно прокричал еще одно дикое и страшное слово, от которого «самолет» веспидов подбросило вверх на добрые полсотни метров, и он начал разламываться на части.

Но и трехглазый великан уцелел. Схватившись за трос, он соскользнул по нему на землю и выпрямился во весь рост перед циклопом, не спешащим с нападением, вытянул вперед свое сверкнувшее металлом грозное оружие.

Тарас затаил дыхание. Его предок тоже. Они еще не были свидетелями схватки между представителями Предтеч, хотя битвы их с различными видами Инсектов видели не раз.

Трехглазый взмахнул мечом.

Длинное зазубренное лезвие с шипением вспорол воздух, обрушилось сверху на голову циклопа и наткнулось на подставленную булаву. Раздался хруст и звон, будто столкнулись два сосуда – стеклянный и костяной. Во все стороны полетели фонтаны искр. Меч срезал часть навершия булавы, но при этом резко уменьшился в размерах – вдвое!

Трехглазый отступил, озадаченно поднес к глазам изменившийся меч, перевел взгляд на противника, который, в свою очередь, угрюмо разглядывал его.

Еще один выпад мечом, едва не доставший циклопа. Но острие меча вонзилось в подставленную булаву, и меч снова уменьшился, превратился в кинжал, задымился, раскалившись до бело-золотистого свечения. Трехглазый выронил его, но тут же подхватил с земли, попятился, решая, продолжать бой или нет.

Тарас понял, что циклоп вооружен более серьезно, чем его противник. Булава, очевидно, была силовым трансформатором или своеобразным компактификатором, изменяющим размеры и свойства объектов. К тому же циклоп знал Слово Власти, то есть владел метаязыком, также влиявшим на материальные предметы и вообще на пространственные связи. Трехглазый великан был обречен, несмотря на свои гранаты, взрывающиеся, как мощные авиабомбы.

По-видимому, это понял и он сам. Отступив еще дальше, трехглазый гигант метнул в своего противника кинжал – бывший меч, затем еще две гранаты и бросился бежать, сгибая ноги странным образом, как кузнечик.

Его атака не достигла цели. Кинжал, не долетев до циклопа, превратился в струю дыма, одна граната взорвалась еще в воздухе, выбросив длинный язык лилового пламени, а вторая не взорвалась вообще. Но и циклоп не стал преследовать противника, послав ему вдогонку короткое и энергичное с л о в о, прозвучавшее как проклятие.

Трехглазый споткнулся на бегу, пробежал еще несколько десятков метров, постепенно останавливаясь, упал ничком и больше не поднялся. Смерть настигла его, странная и непонятная, прятаясь всего в одном сложном звуке. И даже на предка Тараса, находившегося в километре от места схватки гигантов, «проклятие» циклопа, не предназначавшееся ему, подействовало как физический удар.

У Тараса потемнело в глазах, воздух застрял в легких, остановилось сердце, и он ощутил волну страха, охватившую душу предка.

Однако все обошлось.

Сердце заработало вновь, дыхание восстановилось, глаза прозрели. Тарас напряг зрение, разглядывая разрушенный «форт» изоптеров, но никого не увидел. Пока он приходил в себя, циклоп пересек долину и скрылся за скалами. Его недавний противник остался лежать недалеко от «форта» и упавших с неба остатков крепости веспидов. Над ним уже кружили огромные черные птицы, напоминавшие летучих мышей.

Два крыла крепости все еще плавали в воздухе, а вот «фюзеляж» торчком воткнулся в камни, смятый ударом.

Предок Тараса пришпорил маловосприимчивого к шуму «коня» и подскакал к телу поверженного трехглазого великана. Вспомнилось изречение знаменитого американского гангстера Аль Капоне: «С помощью доброго слова и револьвера можно добиться гораздо большего, нежели одним только добрым словом». Но этот представитель исчезнувшего в веках племени великанов умер не от пистолета, а именно от слова. Хотя вряд ли доброго.

Предок спешил, постучал ногой в сапоге по руке великана, по плечу, по голове. Успокоенный, осторожно снял с пояса три оставшиеся гранаты, спрятал в седельную сумку и вскочил в седло. Он был не только запасливым человеком, но и исследователем, хранителем криптехнологий и артефактов, созданных предшественниками Перволюдей. Гранат в его коллекции еще не было.

Вскоре он подъехал к упавшему «самолету» веспидов, снова спешил и подошел к смятому «фюзеляжу», состоящему из шести складок-коробов. Материал, из которого он был сделан, больше всего напоминал крупнопористый бетон или губку, но главное, что поры вблизи складывались в удивительную вязь неких письмён, создающую впечатление осмысленного, хотя и непонятного текста. Предок Тараса замер, сам же Тарас вострепнулся, вглядываясь в письмена, покрывающие весь гигантский остов летающего дома веспидов. Это было то, что искал учитель Тараса, – древнейшая система рун и знаков, основа метаязыка, которым когда-то владели Инсекты. Прочитать письмена, не имея Ключей смысла, было невозможно. К тому же они

покрывали весь корпус обиталища разумных ос, и для их изучения и перевода потребовался бы не один месяц кропотливого труда.

Предок тем временем достал из сумки какой-то прибор из планок, трубок и объективов, приладил к голове, и Тарас практически ослеп, перестал видеть пейзаж. Все расплылось перед глазами, смазалось в цветные пятна и радуги. Прибор, очевидно, представлял собой нечто вроде оптического преобразователя, приспособленного под зрение Первобытных, и, не зная принципов его работы – диффракция ли, интерференция, эмиссионное расщепление, спектральное расширение, – нечего было и думать о непосредственном участии в процессе изучения письмён и вообще о наблюдениях за действиями предка.

Сознание Тараса «завибрировало», сместилось в серую зону десинхронизации. Пора было возвращаться, организм требовал отключения энергоинформационного потока.

Усилием воли он «выдернул» рецепторы мысленного восприятия из сферы сознания предка и начал «всплывать» в будущее, как глубоководный батискаф сквозь толщу воды.

Сознание померкло... и снова развернулось в полном объеме.

Тарас ощутил себя сидящим в кожаном кресле в кабинете учителя. Голова кружилась, сердце работало в режиме пожарного насоса, он был потный и слабый, хотелось пить и спать.

Перед глазами сгустилась тень, превратилась в руку с большой фарфоровой чашкой. В чашке дымился густой коричневый напиток.

– Пей, – слышался низкий, басовитый голос.

Тарас послушно взял чашку и выпил горячий, вкусный, пахнущий травами напиток до дна. Глубоко вздохнул, успокаивая сердце.

Учитель стоял рядом и смотрел на него внимательно и строго. Во всем его облике сквозила необычайная уверенность, опиравшаяся на великое терпение, знание и мудрую силу.

Учителя звали Елисеем Юрьевичем, и шел ему шестьдесят седьмой год, хотя выглядел он на сорок пять: в светлых волосах ни единой седины, лицо твердое, волевое, с добродушными ямочками на щеках, нос с горбинкой, а глаза темно-синие, умные и полные невероятного спокойствия.

Работал Елисей Юрьевич Смирнов экспертом-аналитиком Департамента стратегического планирования Федеральной службы

безопасности, а учителем Тараса он стал по законам Внутреннего Круга, адептом которого был уже много лет. Впрочем, когда Тарас впервые встретился с ним после победы на очередных Боях без правил мирового уровня, проходивших в Новгороде, он тогда не знал ничего о Внутреннем Круге, о древних системах воинского искусства и об Инсектах, предках людей. Исполнилось тогда Тарасу всего двадцать четыре года, а прошло с тех пор ни много ни мало – двенадцать лет.

– Удачно сходил? – спросил Елисей Юрьевич, отбирая чашку.

Тарас слабо улыбнулся.

– Я нашел Тексты... но оценить их не успел. К тому же предок нацепил на себя какой-то оптический прибор, и я вообще перестал что-либо видеть.

– Транслятор, – кивнул Елисей Юрьевич. – Для идентификации смыслового ряда и применения Ключей нужен транслятор. Нам повезло, что твой предок по отцовской линии оказался не просто воином, а Хранителем знаний. Рассказывай.

Тарас потер лоб.

– Мне бы принять душ...

– Тогда иди купайся, я а пока приготовлю ужин.

Елисей Юрьевич вышел на кухню.

Тарас сбросил с себя влажную от пота рубашку, направился в ванную, разделся догола, разглядывая себя в зеркале.

Занятия боевыми искусствами и изучение эзотерической литературы изменили его больше, чем это сделал бы любой пример или косметолог. Он и раньше отличался от сверстников уравновешенным и сильным характером, упорством и трудолюбием, стойкостью перед лицом неприятностей, теперь же, после двенадцати лет занятий под руководством учителя, и вовсе превратился в олицетворение уверенности и спокойствия. А иронично-решительный взгляд светло-желтых, не кошачьих, скорее тигриных глаз только подчеркивал это впечатление.

Тарас был не слишком высок – сто восемьдесят шесть сантиметров, но гибок, развит, мускулист, силен, хотя физическая сила не была основным его достоинством. Главное, он был внутренне силен и независим, что чувствовалось на расстоянии. В этом они с учителем сходились полностью. А еще они почти одинаково оценивали красоту

и тяготели к мистике, хорошо зная при этом, что так называемая мистика – р е а л ь н а.

Не мужской, скорее женский, миндалевидный разрез глаз, прямой нос, но круглый на кончике, луковкой, лица не портили. Прямые губы, чуть выдающиеся скулы, твердый подбородок. Вот и все приметы. Не ахти какой красавец, но и не урод. Если бы не чересчур упрямая и решительная складка губ, его можно было бы назвать обаятельным. Хотя, как говорил рано умерший отец Тараса: не волнуйся, сынок, если находятся женщины, любящие козлов, то найдутся и те, кто любит баранов. А ты не баран, а всего лишь упрямец.

Правда, такой женщины, которая полюбила бы упрямца, Тарас пока не встретил.

Приняв холодный душ, он насухо вытерся махровым полотенцем и вернулся в гостиную.

Глава 2

УЖИН С УЧИТЕЛЕМ

Учитель все еще возился на кухне.

Тарас было сунулся к нему предложить свою помощь, но получил отказ и устроился на своем любимом диване в гостиной, рядом со столиком, на котором всегда лежали свежие журналы. Когда их читал хозяин, не имевший ни минуты свободного времени, было неизвестно, однако он всегда был в курсе всех политических, научных и светских событий и мог поддержать разговор на любую тему. Впрочем, удивляться его эрудиции не приходилось. Елисей Юрьевич в свое время закончил два института – радиотехнический и экономический, затем Академию внешней торговли, два года проработал пресс-секретарем президента и пять лет послом в Ватикане и представителем России в Мальтийском ордене. И все это время был одновременно сотрудником КГБ, позднее – ФСБ. А когда ему исполнилось шестьдесят лет, стал экспертом юротдела службы, а затем аналитиком Департамента стратегического планирования.

Однако и это было не все. Вряд ли кто-нибудь из его приятелей и сослуживцев догадывался, что их добродушный и неизменно вежливый коллега является Посвященным во Внутренний Круг человечества, о существовании которого складывались легенды.

Сам Тарас узнал о Круге всего лишь два года назад, когда прошел первую стадию инициации к Посвящению в Круг и стал кшатрием. В то время первый ученик Елисея Юрьевича внезапно изменил свое отношение к учителю, и пути их разошлись. Ученика звали Дмитрием Щербанем, Тарас знал его, но так и не понял, что произошло. На его прямой вопрос Елисей Юрьевич ответил уклончиво, мол, каждый оценивает свои силы сам, и лишь много позже Тарасу удалось выяснить, что Дмитрий потребовал от учителя прямого выхода на иерархов Внутреннего Круга, чтобы получить Посвящение экстерном, минуя ступени реализации. Елисей Юрьевич ответил отказом, и взбешенный Дмитрий ушел, пообещав дойти до главного иерарха и заменить его.

Тарас не знал, чем закончился демарш Дмитрия, он с ним больше не встречался, а учитель избегал говорить об этом. Но Дмитрий был упрям, настойчив, силен, виртуозно владел боевой гиперборейской системой «наваждение» и всегда добивался своего. Дружить с ним было невозможно, враждовать опасно. Учитель однажды обмолвился, назвав его Конкере, но что означала эта кличка, Тарас не понял. «Наваждением» он занимался всего второй год и еще не овладел ею в надлежащей мере, хотя считал это несущественным. С малых лет он предпочитал азиатские воинские стили – кэмпо, айкидо, карате, тайский бокс, – и лишь в армии, в десантных войсках, освоил барс – боевую армейскую систему и увлекся синтетическим унибосом, унаследовавшим первые русские стили самбо и смерш. И только став учеником Елисея Юрьевича, Тарас узнал о существовании древнеславянских практик и стал заниматься хорой, потопом и спасом, оказавшимися ступенями единой системы «жива».

Елисей Юрьевич был не первым мастером, занимавшимся синтезом боевых искусств в современном исполнении с применением психофизических и энергоинформационных дистантных методов воздействия на противника, а также поиском древних документов и свидетельств о существовании универсальной системы праметабоя. Но он оказался первым, кто изучил наиболее действенные практики, создал специальную программу для их анализа и с помощью компьютера разработал единый универсальный алгоритм оптимального боевого состояния и движения. Мало того, он пошел дальше, к прикладному использованию в боевых системах методов воздействия с помощью звука и слова. Так, как это делали предки людей во время войн за выживание сотни миллионов лет назад.

Основой для подобных исканий послужили психолингвистические учения древних философов и современных ученых, утверждавших, что «слово и лечит, и калечит». Гипотеза о том, что у человеческого бессознательного есть некий «внутренний язык», адекватно отражающий реальность, подтвердилась. Ученым удалось доказать, что движения и положения тела напрямую связаны с архетипическими символами и структурами человеческого подсознания. Елисей Юрьевич взял эти исследования в качестве краеугольного камня своей системы и разработал двигательные формы, через которые можно было навязывать желания и решения

своему или чужому подсознанию, и таким образом управлять как собой, так и другими людьми. Это был путь к «мягкому» управлению человеческой психикой и движением, и Елисей Юрьевич добился того, чего не добивался ни один адепт боевых искусств, – восстановления целостной структуры личности бойца и через это – возможности самолечения любых болезней и травм. Но и это было еще не все.

Ему удалось восстановить секреты древней системы «жива», которая позволяла работать не только с физическими движениями противника, но и с его бессознательным. В отличие от «наваждения» (ожидания Нави, смерти), одной из самых жестоких боевых школ гипербореев, которая не давала противнику никаких шансов выжить, «жива» могла использоваться и как система оздоровления, лечения и даже оживления, так как воздействовала на подсознание человека и снижала в ходе боя уровень его агрессивности.

Кроме того, Елисей Юрьевич начал изучать древние языки, пока не добрался до праязыковых структур древнерусского языка, языка творения, который наиболее точно, без искажений, переводил образы бессознательного в современную речь. По сути, это были уже основы метаязыка, существующего еще во времена Инсектов, который воздействовал на мир на тонком уровне, изменяя его «грубую» физическую структуру. Если бы удалось соединить бессознательное и сознание через движение и метаязык, можно было бы научиться влиять на людей без контакта, посредством виртуальных форм движения или фразами магического звукоряда. Но Елисею Юрьевичу не хватало базовых элементов метаязыка, изменяющих мотивы и побуждения противника напрямую, и он с помощью Тараса пытался найти их в прошлом, в бездонных кладовых родовой памяти, научив его «нырять» в омут генетической линии.

Впрочем, Елисей Юрьевич и так стал мастером ВИК – «виртуального искусства контроля», как окрестил его способности сам Тарас, и по праву входил в иерархию Внутреннего Круга. Стоило услышать, как он произносит-поет один из ключей смысла метаязыка – слово «здро», чтобы ощутить его внутреннюю силу.

Вообще же Ключей смысла, или «Ключей для нелогического восприятия нового», существовало восемнадцать. Елисей Юрьевич знал четырнадцать, Тарас – семь, и тайне от учителя он искал эти Ключи самостоятельно и надеялся, что когда-нибудь познает их все.

Система Ключей позволяла снять внутренние запреты с упрятанных в глубинах подсознания изначальных знаний, и ее практическое применение превращало человека в мага, в оператора реальности. Хотя этим знанием следовало пользоваться с большой осторожностью, так как Природа реагировала на магическое воздействие адекватно и не терпела «несанкционированного» вмешательства в свои Законы.

Впрочем, Тарас не собирался становиться оператором реальности и с помощью метаязыка изменять мир по своему усмотрению. Ему было достаточно научиться владеть самим собой и достичь понимания законов Вселенной, чего добивался и учитель, совершенствуя сиддхи – цели самодисциплины. Тарас вспомнил, как во время первой встречи с учителем у него дома Елисей Юрьевич продемонстрировал ему одну из сиддх – лагхиму, то есть способность по желанию делать тело легким, уменьшать вес и даже воспарять над землей.

Когда речь зашла о возможностях человеческого ума и тела, Тарас поинтересовался, не может ли учитель показать «что-либо необычное». Елисей Юрьевич улыбнулся, закрыл глаза и вдруг начал медленно подниматься в воздух. Повисев на высоте двух десятков сантиметров над полом гостиной, он так же медленно опустился обратно.

Это могло оказаться и иллюзией, наведенным пси-состоянием, но Тарас сразу поверил, что учитель владеет сиддхами реально. Однако больше всего Тараса поразила способность учителя без вреда для здоровья пропускать сквозь свое тело пули и лезвие ножа. Он и сам научился этому за годы упорного тренинга ценой многих ушибов и ран и теперь мог не обращать особого внимания на вооружение противника. А ведь учитель занимал в иерархии Круга далеко не самую высшую ступень, ступень мастера. Что же тогда знали и умели Посвященные в высшие тайны Круга, светлые иерархи – от пентарха до декарха, не говоря уже об адептах и ангелах, достигших энергетической стадии бытия?

– Тайна сия велика есть... – вслух пробормотал Тарас.

– Ты что-то сказал? – донесся из кухни голос Елисея Юрьевича.

– Разговариваю сам с собой, – отозвался Тарас, вспоминая первую беседу о Внутреннем Круге.

Речь о каналах информации скрытой реальности заходила и раньше, к тому же Тарас уже почитывал кое-какую серьезную

литературу и знал о существовании тайных знаний, хранимых некими носителями древних традиций. Но то, что он услышал от Елисея Юрьевича, подействовало на него как удар.

Во-первых, оказалось, что человечество неизмеримо старше, чем считает мировая академическая наука. Его возраст исчислялся не десятками и даже не сотнями тысяч, а сотнями миллионов лет! Перволюди появились на Земле еще во времена динозавров, и сменилось по крайней мере пять человеческих рас, прежде чем люди приобрели современный облик. Хотя ни о каком родстве с обезьянами речь, конечно, не шла.

Некоторые цивилизации достигали куда более высокого уровня, чем современная, хотя от них не осталось почти никаких следов, если не считать таковыми «файлы памяти», сбереженные Хранителями Внутреннего Круга.

Сам Круг был создан еще Перволюдьми, потомками Инсектов, точнее – потомками трансформированного рода блаттоптера сапиенс, тараканов разумных, и Тарасу действительно повезло, что один из его предков-Перволюдей оказался Хранителем, может быть, самым первым, или же представителем первой волны Хранителей, осознавших свою ответственность перед будущими поколениями за сохранение знаний.

Вторым откровением оказалось для молодого Тараса существование темных иерархов наряду со светлыми. И Елисей Юрьевич пояснил:

– К сожалению, согласно Герметическому Принципу полярности земного бытия, даже Внутренний Круг не свободен от столкновения мнений и борьбы за власть. Таким образом, также сохраняются древние знания, более всего опасные, и темные Хранители, «тарантулы» и «монархи тьмы», используют эти знания в угоду своим желаниям и ради личного возвышения. К счастью, скрытое знание доступно далеко не всем Посвященным, иначе земное человечество давно погубило бы Природу и себя в жестоких войнах за право повелевать другими.

– Но ведь войны идут по сей день... – пробормотал ошеломленный открытием Тарас.

– Это войны людей, которым не доступны великие тайны прошлого. Войны Посвященных или, как принято говорить нынче,

войны магов намного страшнее. Последняя такая война между магами Атлантиды и Гипербореи закончилась сорокатысячелетней «ядерной зимой», хотя в ход было пущено не атомное оружие, а психофизическое, глубоко изменившее законы реальности. Естественно, и Атлантида, и Гиперборея, и их союзники-люди были уничтожены, а уцелело человечество лишь благодаря терпению светлых иерархов.

– Что это было за оружие?

– В нашем обычном понимании оружием назвать его трудно, однако если оно уничтожает живых и разрушает природные основы, значит, это оружие. Но тебе еще рано знать такие вещи.

– Почему? Я же никому не скажу...

Елисей Юрьевич снова улыбнулся:

– Разумеется, не скажешь. Ты действительно хочешь знать, чем воевали предки?

– Хочу. Вы только намекните...

– Я думаю, ты уже догадался. Во-первых, это заклина-ния, то есть фразы метаязыка, способные мгновенно изменять материальные объекты. Во-вторых, это особые энергии или с и л ы, с помощью которых наш Создатель творил Вселенную. Но вот об этом мы поговорим позже, когда ты созрешь.

Тарас недоверчиво заглянул в непроницаемые глаза Елисея Юрьевича.

– Если верить Библии, Создатель творил нашу Вселенную словом...

– Да будет свет! – усмехнулся Елисей Юрьевич. – В принципе, Библия права, хотя писали ее люди для того, чтобы сокрыть истину. Истина же хранится в Знаниях Бездн, которые мы с тобой ищем. Так вот с л о в о Бога и есть с и л а, причем физическая, затрагивающая основы материи. В дальнейшем ты узнаешь все подробности, сейчас же запомни только, что всего уровней воздействия на мир – с и л Создателя – девять, от первой – Эхейх, что означает «Я Есть», до девятой – Шаддай Эль Хай, что означает «Я Всемогуший».

– Значит, мы тоже можем овладеть этими силами?

Елисей Юрьевич покачал головой.

– Не все так просто, мальчик. Для овладения силами необходимо пройти много испытаний и многому научиться. Для начала надо

заставить работать свой собственный механизм внутреннего регулирования поведения – совесть, изменить свое отношение к природе и к людям, пройти все десять Сфер Света, почувствовать их порядок и гармонию, а уж потом решать...

– Что решать? – не понял Тарас.

– Нужна ли тебе такая ответственность. Ибо могущество – это прежде всего ответственность за судьбу всего сущего. Владение силами требует жестокой самодисциплины и твердости духа, безусловного подчинения своих желаний Предназначению.

– А если я не знаю своего... предназначения?

– Будешь идти правильным путем – понимание придет. Станешь на путь удовлетворения страстей, как это сделал Дмитрий, превратишься в слугу Монарха Тьмы...

Разговор этот происходил давно, однако запомнился Тарасу на всю жизнь. С тех пор он много узнал и многому научился, хотя не был уверен, что подошел к овладению силами Бога достаточно близко. Метаязык, которым пользовались Инсекты и Перволюди и который являлся отражением Дэванагари, праязыка, базировался на звукорядах, не связанных с артикуляцией и резонансами голосовых связок человека. Человеческое горло просто было не в состоянии произносить божественные императивы – слова и формулы воздействия. Инсекты обошли этот барьер тем, что создали особые семантикограмматические синтезаторы, воспроизводящие заклинания. Перволюди пытались усовершенствовать собственные звукогенераторы – горло и гортань, но, добившись успеха, уничтожили цивилизацию. Их потомкам надо было начинать с нуля, с поисков древних Текстов, описывающих силы и их воздействие на живое.

Знание об этом не было утеряно, сохраняемое адептами Внутреннего Круга, которые с трудом удерживали глобальное равновесие Тьмы и Света, Добра и Зла. Но иногда происходили утечки опасной информации, и мир снова оказывался на пороге очередного кризиса, высвобождая запасы зла и агрессии в этнических конфликтах и войнах.

Мало того, поиском методов воздействия на людей и вообще на физические законы занимались уже не одиночки-энтузиасты, доморощенные маги, а целые научные коллективы, и добивались успехов, не догадываясь, что их технологии по сути являются

фрагментами единой «божественной технологии», опирающейся на законы магического оперирования пространством, временем и материей.

– Заходи, – появился в дверях кухни Елисей Юрьевич и поманил Тараса рукой. – Поужинаем здесь.

Тарас очнулся, послушно двинулся на кухню, где хозяин уже расставил на столе приготовленные блюда: кулебяку с грибами, жареную картошку и салат из свежих овощей. Жена Елисея Юрьевича Вера Павловна уехала к матери в Чечню, и он уже вторую неделю хозяйствовал сам. Правда, поваром он был отменным и, в отличие от Тараса, мог приготовить самое замысловатое блюдо.

Поужинали молча, думая об одном и том же. Затем взяли по кружке горячего клюквенного морса и устроились в гостиной, напоминавшей библиотеку, картинную галерею и геологический музей одновременно. Здесь же в уголке стоял и компьютер; отдельного кабинета Елисей Юрьевич не имел.

Наступило время беседы, и Тарас рассказал учителю о «виртуальном» походе в прошлое своего рода, о бое гигантов-Перволюдей и о находке Гипертекстов, зашифрованных «рунными сотами» летающей крепости веспидов.

– Я вернусь туда, – поспешил добавить Тарас, закончив повествование и видя задумчивость собеседника. – Это будет нетрудно, я запомнил момент выхода. Поскольку предок начал изучение артефакта, от своих намерений он не отступится, и мы наверняка сможем прочитать, что записано в Текстах.

– Не факт, – качнул головой Елисей Юрьевич; в стареньком спортивном костюме он напоминал тренера дворовой команды. – Информация Текстов может оказаться недоступной восприятию предка, и тогда он просто спрячет Тексты в хранилище. Но вообще твой род очень могуч и интересен, гораздо информативнее моего. У тебя великое будущее, если ты, конечно, сможешь перекачать информацию из кладовых подсознания в сознание и правильно выберешь цель.

– Постараюсь, – скупой улыбнулся Тарас. – По долгу службы мне иногда приходится заниматься математическими и инженерными расчетами, и я задался вопросом: существует ли группа матпреобразований, которая приводит Мироздание к Богу?

– Ну и как? – приподнял бровь Елисей Юрьевич. – Ответ положителен?

– Я понял, что одному мне эту проблему не одолеть. Хотелось бы знать, не занимался ли ею кто-либо из Посвященных?

– Конечно, занимался, и ответ уже имеется, но каждому идущему лучше находить решение самому.

– Вы тоже нашли его сами?

– Нет, меня интересовали другие проблемы. Я искал и ищу истоки Мироздания, иными словами – материнскую, или матричную, реальность, ибо реальностей много, а Начало Начал – одно.

– Значит, наша реальность – не материнская?

– Наша реальность запрещенная.

– Кем?

– Теми, кто имеет право запрещать.

Тарас подождал продолжения, но Елисей Юрьевич молчал.

– Странно... я никогда не слышал о том, что наша реальность запрещена.

– К сожалению, мы живем в той реальности, которой заслуживаем.

– А как сильно наша реальность отличается от... э-э, материнской?

– Не знаю. Поиск не закончен, я все еще в начале пути, а прямого ответа в анналах Хранителей нет. Или этот ответ мне просто недоступен. Еще морсу?

Тарас поставил на стол пустую кружку, чувствуя прилив сил.

– Нет, спасибо, учитель. Больше одной чашки ваш морс пить нельзя, начинает тянуть на подвиги. Что вы в него добавляете?

– Это старинный рецепт, – ухмыльнулся Елисей Юрьевич. – Кое-какие травы, кое-какие корни, ягоды и вода, вот и все.

Он ушел на кухню.

Тарас покачал головой. Напитки, которые готовил учитель, снимали головную боль, бодрили, тонизировали и «подключали к космосу», по его собственному выражению, хотя ни о каких наркотических добавках речь не шла. «Зелье» действительно готовилось на травах, цветах и ягодах, и весь секрет крылся лишь в пропорциях добавляемых в настой ингредиентов и насыщении смеси положительной энергией. Однако Елисей Юрьевич знал толк не только

в отечественных травах, ягодах и фруктах. Он умел приготовить и плоды экзотических растений, такие, как рамбутан, папайя или дуриан, употреблявшиеся в пищу особым образом.

Однажды учитель угостил ученика рамбутаном, так и не признавшись, где он добыл этот необычный фрукт. Тарас, никогда прежде не бывавший на Мальдивах, где растет рамбутан, и не встречавший его в московских ресторанах, с интересом повертел в руках плод рамбутана, похожий на морское животное величиной с детский кулачок. Шкурка у него была красная и волосатая, и казалось, что он вот-вот высунет ножки и побежит. Шкурку же следовало разрезать вместе с внутренним плодом и семечком, отделить от беловато-желтой мякоти и лишь потом съесть эту плоть, оставлявшую во рту ощущение свежести и изысканной терпкой сладости.

Пробовал Тарас у Елисея Юрьевича и мангостин, фиолетовый шарик размером с яблоко. С ним надо было поступать так: аккуратно разрезать кожуру по кругу, снять верхнюю часть и ложкой извлекать белоснежные, кисло-сладкие дольки сердцевинки. Но больше всего Тарасу понравилась пассифлора, или «цветок страсти». Эта ягода величиной с лимон содержит не только много витамина С, пектин и полезные для организма кислоты, но и алкалоиды, действительно повышающие сексуальное желание. Контролирующим свои чувства людям пассифлора не вредна, а вот привыкших потакать своим желаниям она способна довести до эмоционального взрыва.

Елисей Юрьевич вернулся в гостиную, неся в руке желтовато-коричневый плод пассифлоры. Он словно прочитал мысли гостя, собравшегося идти на встречу с женщиной. С Оксаной Тарас был знаком уже три года, хотя о женитьбе разговора не было. Оксана была замужем, мужа не любила, но и бросать его не собиралась, и такое положение устраивало всех.

– Возьми, – протянул «лимон» Тарасу Елисей Юрьевич. – Тебе сегодня пригодится.

Тарас смутился, хотел спросить: откуда вы знаете? Но передумал. Вместо этого задал другой вопрос, принимая подарок:

– Где вы их берете?

– Друзья привозят, – небрежно отмахнулся Елисей Юрьевич.

Тарас кивнул, подумав, что этими друзьями могут быть только сотрудники ФСБ, с которыми учитель работал вместе много лет.

– Спасибо, я пойду, пожалуй. Когда мы начнем очередное погружение?

– Отдохни пару дней, опиши, что видел. Надо подготовиться как следует, чтобы не проскочить момент истины. Глубокая генетическая память – не библиотека, штука капризная, иногда выкидывает такие сюрпризы, что приходится выгонять из себя зверя.

Тарас посмотрел на Елисея Юрьевича непонимающе, и тот добавил:

– При неосторожном вскрытии наследственных «файлов» могут возбуждаться «секретки» – скрытые гены, в результате чего сознание погружается в психику дочеловеческих предков – тех животных, которые предшествовали появлению людей.

– Инсектов?

– Инсекты тоже имели своих предков. Вот почему спуск к корням генетического древа требует подстраховки. Одному это делать не рекомендуется.

– Но я пробовал спускаться один, и ничего... – признался Тарас виновато.

– Будь осторожен, воин. Если ты нащупал оптимальный режим погружения, это хорошо, если надеешься на авось – рискуешь когда-нибудь застрять в собственном прошлом.

– Как это? – озадачился Тарас.

– Попросту говоря, ты не сможешь выйти из сферы памяти предка и будешь вынужден «прожить» его жизнь

– То есть я... умру вместе с ним?

– Не умрешь, но сойдешь с ума.

Тарас внутренне поежился.

– Хорошо, я буду осторожен.

Они попрощались, пожав друг другу руки, и Елисей Юрьевич закрыл дверь за учеником, не запирая ее. Он никогда не закрывал дверь на замок, даже уходя из дома, и еще не было случая, чтобы его квартиру ограбили. Это работало заклинание «ограничения доступа», или по-русски – «от ворот поворот». Когда-то Тараса поразило это обстоятельство, красноречиво показывающее возможности учителя, но впоследствии он и сам научился наговорам и простым заклинаниям, не требующим особых навыков.

Во дворе старенького двенадцатиэтажного дома – Елисей Юрьевич жил в Митине – уже зажглись фонари, хотя время было не позднее – девять часов с минутами. Однако небо было затянуто тучами, накрапывал дождик, и казалось, что наступила ночь.

Начало апреля в этом году выдалось холодным и дождливым. С одной стороны, дожди оказались благом, так как принесли долгожданную весну, быстро согнав снег, с другой – они не позволяли этой самой весне развернуться во всю силу, и температура даже в погожие апрельские дни не поднималась выше десяти градусов.

Подняв воротник плаща, Тарас перебежал двор и нырнул в кабину своей темно-синей «Вольво» восьмьсот пятидесятой модели. На такой машине ездила семья вернувшегося в Россию графа Шереметева, о чем писали газеты, и коллеги по работе прозвали Тараса Графом, не зная, что точно так же его дразнили в детстве. Впрочем, он не обижался на кличку, считая, что лучше пусть его называют Графом, чем Рэкетиром или Мафиози. Хотя машину он купил, во-первых, за свои собственные деньги, а во-вторых, подержанную, четырехлетней давности.

Внезапно запиликал мобильный телефон.

Тарас достал трубку. Звонил Марат Барамидзе, великолепный теннисист, входящий в мировую элиту, и он же – дальний родственник Тараса по материнской линии. Года четыре назад он помог Тарасу переехать из подмосковной Кубинки в столицу, и с тех пор они встречались довольно часто, когда Марату удавалось вырваться из турнирного колеса для посещения отца и мамы.

– Привет, Граф, – раздался в трубке веселый голос Барамидзе. – Я в столице. Не занят?

– В общем-то нет, – почти искренне ответил обрадованный Тарас.

– Тогда бери тачку и жми в «Континенталь» на Садовой-Триумфальной, я заказал там столик. Сколько тебе ехать?

Тарас бросил взгляд на циферблат часов.

– Минут сорок.

– Жду.

В трубке заиграла мелодия отбоя.

Тарас улыбнулся, мысленно развел руками, прося прощения у Оксаны – извини, в другой раз, – и поехал в центр города.

Глава 3

КРАСИВО ЖИТЬ НЕ ЗАПРЕТИШЬ

Марат ждал его у входа в ресторан, нетерпеливо прохаживаясь перед коричнево-золотыми зеркальными – от тротуара до второго этажа здания – окнами. На нем был бежевый плащ в стиле «тренчкот», с обилием деталей, и белоснежный шарф, в туфлях от Brioni отражался свет фонарей, отчего двадцатисемилетний теннисист походил на молодого банкира, а не на спортсмена.

Они обнялись, и Марат повел Тараса в ресторан, не обращая внимания на склонявшихся перед ним швейцара и метрдотеля, хорошо знавших своих постоянных клиентов.

Под плащом на Марате оказался приталенный пиджак из серебристого вельвета, однобортный, на три пуговицы, прямые брюки из золотой кожи и белая рубашка без галстука. Марат не стал снимать шарф, подчеркивающий его «продвинутый» вкус.

Тарас был ненамного старше племянника, однако предпочитал классический стиль и носил либо темно-серые костюмы в голубоватую или фиолетовую полоску, либо все белое. Нынче на нем был темно-серый костюм, белая рубашка и галстук в диагональную полоску, так что он ничем не отличался от посетителей «Континенталья», если не считать спокойствия и уверенности, которым дышал весь его облик.

Ресторан «Континенталь» был камерным тихим рестораном, полным антикварных вещей, словно гостиная в старом аристократическом доме. Гостей здесь встречали приветливо и радушно, как хороших знакомых, и кормили блюдами европейской кухни.

Столик, к которому их подвел метрдотель, был накрыт на троих, и Тарас обратил на это внимание.

– Должны были прийти две мои девушки, – отмахнулся Марат, провожая глазами красотку с ногами от шеи и голой спиной. Кивнул на нее со смешком: – Видал стоп-модель? Хочешь, познакомимся?

– Не хочу, – улыбнулся Тарас, невольно завидуя напору и жизнерадостности Марата. – Ну и где же твои знакомые?

– Они подруги, сегодня у них съемка, так что они не придут. Вот я и позвонил тебе. Ничего, я с ними завтра пересекусь.

– И ты встречаешься сразу с двумя?

– А что тут такого? – удивился теннисист, изучая меню. – Им нравится, а мне и подавно.

– Ты же собирался жениться на какой-то спортсменке.

Марат поморщился.

– Это было случайное увлечение, да и рано мне еще жениться. Женщин хороших много, а жениться надо только по любви, на одной-единственной. Ты вон тоже еще холостой, и ничего, жив-здоров.

Тарас кивнул, с интересом разглядывая красиво вылепленное смуглое лицо собеседника. Он и сам думал так же, но не предполагал услышать подобные речи от парня, у которого в каждой стране было по сотне поклонниц.

– Я где-то читал, что один сорокалетний австралиец, который был женат дважды, и оба раза неудачно, решил связать себя брачными узами с телевизором.

– Бред! – рассмеялся Марат.

– Может быть, эту историю выдумали журналисты, но свадебная церемония прошла по всем правилам – со священником и обручальными кольцами.

– Шизофрения! – убежденно заявил Марат. – Запад вообще болен, ты представить не можешь. Я часто езжу по Европе и по Америкам и везде встречаюсь с подобного рода кретинизмом. Иногда тошно становится: неужели человечество действительно деградирует, как утверждают ученые?

– Не все человечество, – усмехнулся Тарас. – Россия пока держится, и есть шанс, что сумеет сохранить духовный потенциал.

– Дай-то Бог! Мне много раз предлагали другое гражданство, а я между тем люблю родину и никогда отсюда не уеду, хотя и бываю здесь нечасто. Ну, что будем заказывать?

Тарас пожал плечами.

– Вообще-то я поужинал.

– Где, если не секрет?

– У учителя.

– Ты все еще тренируешься у него? По-моему, ты давно можешь тренировать сам.

– Совершенствовать умения можно всю жизнь, тем более что этому процессу нет предела.

– Это философия, а на практике очень быстро достигаешь потолка, и тогда становится скучно. Тебе не приходилось переживать это ощущение?

– Нет, – покачал головой Тарас. – Как может быть скучным любимое занятие?

– Иногда приедается, – признался Марат со вздохом. – Особенно если достиг всего, чего хотел. Но без тенниса, конечно, я прожить долго не смогу. Ну, а ты до чего досовершенствовался? Какой сидхой овладел?

– Сиддхой, – поправил Тарас; когда-то он дал племяннику почитать кое-какую санскритскую эзотерическую литературу, в том числе об индийской школе самореализации, и Марат заинтересовался ею, хотя и ненадолго.

– Ну, сиддхой. Я пытался попрактиковаться, используя твои методики, но добился только уменьшения веса. Хотя в игре это довольно сильный козырь, я долго не устаю. Так какой сиддхой ты занимаешься сейчас? Небось уже научился летать или становиться невидимым?

Тарас неопределенно пожал плечами. Однажды он показал Марату, что такое т е м п, то есть сверхскорость, исчезая в одном месте и появляясь в другом, и этим сильно озадачил теннисиста, считавшего свою реакцию идеальной. В настоящее время Тарас под руководством учителя готовился овладеть вянти – тонкой силой восприятия мыслей, чувств и энергии других людей, и кое-что у него уже получалось.

– Ладно, давай полакомимся местной кухней, – сказал Марат, видя, что его более старший родственник не расположен к откровениям. – Я закажу гуся с яблоками, пару салатов, грибной жульен и сладкое. Что будем пить?

– Минералку, – сказал Тарас.

– Тогда еще мускатное шампанское. До следующего турнира ровно неделя, так что я могу позволить себе расслабиться. А ты по-прежнему не потребляешь ничего алкогольного?

– Глоток шампанского и мне не повредит.

– Тогда поехали.

Марат взглядом подозвал официанта, сделал заказ. Тарас попросил холодной минеральной воды и, в свою очередь, заказал тушеные баклажаны, чтобы не сидеть сложа руки, пока племянник будет есть.

– Мясо не любишь? – посмотрел на его блюдо Марат. – Или твоя религия есть его не велит?

– Моя религия – самореализация, – сказал Тарас, не обижаясь на шутку. – А мясо можно заменить десятком других продуктов, богатых белками и аминокислотами. Раньше я любил хорошо приготовленное мясо. Просто я не голоден, поужинал у учителя. Кстати, он мяса вообще не ест.

– Боится трансжиров?

– Едва ли, в природных продуктах трансжиры практически не содержатся. Но вот шутить по этому поводу не стоит. Трансжиры действительно вредны, так что ты поосторожнее с жирной пищей, да и маргарина ешь поменьше за границей.

– Я его и так не потребляю, фигуру блюду. Я слышал, что трансжиры способствуют развитию атеросклероза и приводят к инфарктам.

– В том числе. Страшнее то, что они нарушают работу ключевых ферментов, обезвреживающих химические шлаки организма и канцерогены. Вон посмотри. – Тарас скосил глаза на столик у стены, где сидели двое толстяков, упишывающих за обе щеки поросенка под хреном. – Не хочешь присоединиться?

– Чтобы быть похожим на них? Не хочу. Хотя поросенок – это вкусно. А вот видел бы ты трапезу одного йога в Индии – сна бы лишился. Я был в Калькутте и заходил в один из ресторанов, так этот йог живьем глотал ящериц и змей, запивая их бензином.

– Не может быть, – не поверил Тарас. – Бензин не усваивается организмом даже в малых количествах.

– А он пил! Я сам наблюдал. Вообще-то сколько наций – столько и видов пищи, которую они употребляют. Я поездил по миру, знаю. В Корее, к примеру, выводят породы «мясных» собак. В лондонском Сохо едят консервы из сверчков, пчел, гусениц, тараканов, муравьев и даже из мучных червей. А китайцы вообще едят все, что движется: от улиток и слизней до летучих мышей и ежей.

Тарас кивнул.

– Я читал об этом.

– А я видел собственными глазами.

– Что ты хочешь от китайцев? Их так много, что начнешь есть все живое и неживое, лишь бы выжить. Интересно, что бы сказали любители насекомых, узнав, что едят по сути своих трансформированных предков?

Марат поднял бокал с шампанским.

– Ты мне это уже не первый раз говоришь, намекая на родственные связи людей и насекомых, а потом таинственно умолкаешь. Ты так шутишь или знаешь истину? С чего ты взял, что мы родственники тараканов?

– Истину знает один Господь, мы, к сожалению, можем только приближаться к ней. Когда-нибудь я тебе расскажу о наших прямых предках – блаттоптера сапиенс. Сегодня у меня не то настроение.

– Ты всерьез считаешь тараканов нашими предками? – удивился Марат.

– Я это з н а ю, – кивнул Тарас.

– Ну, знаешь ли... – покрутил головой теннисист. – Боюсь, ты там на своей работе перегрелся. Кстати, что нового у экологов?

– Все старое. Хотя на самом деле экология у нас является набором страшных мифов, страшилкой журналистов, а более всего – инструментом политического давления.

– Даже так?

– Как специалист утверждаю. – Тарас имел в виду, что работает экспертом Национального комитета экологической безопасности. – Но давай лучше о чем-либо более веселом.

– За встречу!

Они сдвинули бокалы, отпили шампанского: Тарас – глоток, Марат – почти весь бокал.

– Хорошее шампанское... Что ты имеешь в виду, говоря об экологии, – «набор страшных мифов»?

– Что виноваты в загрязнении природы не газ, нефть, химия и атомные электростанции, как об этом трубят «зеленые», а конкретные люди. Я был в командировке в одном из районов Башкирии, где и в помине нет никакой промышленности, а тяжелых заболеваний регистрируется в два раза больше нормы. Молва утверждала, что это след комбината «Маяк», хотя находится он далеко от этого места и на

ближайшие районы не влияет. А оказалось, что в этой зоне находилось дно древнего океана с отложениями солей тяжелых металлов.

– Ну, это единичный случай.

– Не единичный, хотя примеров сбрасывания отходов куда попало хоть отбавляй. И тем не менее самый сильный удар по среде обитания наносят не новые технологии и промышленность как таковые, а сам человек, живущий одним днем. Между прочим, первым фактором загрязнения воздуха является транспорт и электроэнергетика, а не химические заводы. А воду загрязняет более всего жилищно-коммунальное хозяйство и пищевая промышленность, а уж потом нефтехимия. Я уж не говорю о радиационной опасности, которая для России в пятнадцать тысяч раз меньше алкогольной.

– Это выдумки журналистов, – хмыкнул Марат.

– Это статистика.

– А Чернобыль? Вдруг где-нибудь еще такой же реактор бабахнет?

– Не бабахнет, таких реакторов больше не делают, а Чернобыль вообще проблема из проблем, не решенная теоретически до сих пор. Во всяком случае, на стечение обстоятельств это не похоже.

– А на что похоже?

– На вмешательство неких сил, «тарантулов тьмы». Уж очень им хотелось... – Тарас замолчал, занявшись едой.

Марат выпил еще один бокал шампанского, покраснелся. Поковырялся вилкой в грибном салате.

– Это твои фантазии или тебе кто-то рассказал, как было дело?

– Утверждать не берусь, но то, что мне удалось узнать, похоже на правду.

– Что похоже на правду? Что хотелось этим самым... «тарантулам»? Не бойся, я никому не сообщу, просто любопытно.

– Я не боюсь, – улыбнулся Тарас, – хотя праздное любопытство обычно к добру не приводит. «Тарантулы тьмы» – это психофизические структуры, эгрегоры, пытающиеся подчинить системы светлых сил на Земле и вообще все человечество, превратить его в «расходный материал» для своих опытов. Один из таких «тарантулов» решил проверить свою силу, спровоцировал разнос чернобыльского реактора, но справиться с остановкой процесса не смог. А реактор не взорвался потому, что вмешались светлые иерархии.

Марат перестал есть, с недоверием разглядывая серьезное, спокойное лицо собеседника.

– Неужели это правда?

Тарас промолчал. Марат Барамидзе был далек от всякой эзотерики и мистики, в тайные союзы и оккультные силы не верил и жил так, как хотел, не привязываясь к каким-либо теориям.

– Обещай, что посвятишь меня во все это, – потребовал теннисист, оценив молчание родственника. – Скоро моя спортивная карьера закончится, и я займусь изучением всего того, что изучаешь ты. Или будет уже поздно?

– Учиться никогда не поздно, смотря какую цель поставить. Но давай сменим тему, мне тоже хочется услышать о твоих подвигах. Откуда прибыл в Москву на этот раз?

– Из Германии, дошел до полуфинала «Кубка Берлина».

Марат оживился и принялся описывать свои переживания до игры, во время игры и после. Тарас слушал его с удовольствием, получая подпитку бодрости и оптимистического отношения к жизни. Марат был счастливым человеком, поднявшимся на Олимп профессионального тенниса не только с помощью упорного труда, но и благодаря особенностям характера, жизнерадостного и легкого.

Незаметно пролетели два часа, пришла пора расставаться, и Тарас почувствовал, что в компании с парнем-везунчиком вполне отдохнул. Можно было возвращаться к своим рабочим проблемам и готовиться к следующему погружению в бездну родовой памяти.

Марат заплатил за ужин, не дав это сделать Горшину, и они направились к выходу из ресторана, провожаемые взглядами молодых, хорошо одетых красавиц, сидевших парами и поодиночке в ожидании кавалеров. Обычно они подсаживались для знакомства за столик к тем, кто заявлялся в ресторан без дам, однако к беседующим родственникам не подошли. Тарас заранее поставил вокруг столика «завесу интима», отпугивающую всех, кроме обслуживающего персонала.

На улице царствовала холодная и сырая апрельская ночь. Дождь перестал, но уюта и тепла от этого не прибавилось. Гулять по улицам по такой погоде не хотелось.

– Все еще на своей старушке ездешь? – похлопал по капоту «Вольво» Марат. – Пора менять. Хочешь, я тебе свой «мерс» отдам?

– Спасибо, не надо, – хмыкнул Тарас. – На твоей торпеде только в соревнованиях участвовать, а я не спортсмен, как ты.

Марат хохотнул.

– Да, машина – зверь, не ездит, а низко летает. Люблю прокатиться с ветерком. Пошли, покажу свой телик.

Они подошли к серебристому трехдверному «Мерседесу» полуспортивного типа, стоящему прямо напротив въезда на паркинг ресторана, среди мощных джипов и других «Мерседесов». Марат открыл салон и показал встроенный в панель управления дисплей телевизора.

– «Элджи», ловит все программы.

– Когда же ты успеваешь его смотреть? – покачал головой Тарас. – Не во время движения, я надеюсь?

Марат засмеялся.

– Можно и во время, компьютер сам притормозит или остановит машину, если что.

В это время на площадку въехал огромный «Лексус» редкого сиреневого цвета, остановился напротив. Из него выглянул здоровенный бритоголовый бугай в черных очках (ночью!), в белом костюме с черным галстуком.

– Эй, мужик, выкатывайся побыстрей, я аппарат поставлю.

Тарас и Марат переглянулись.

– А повежливей попросить нельзя? – сказал Марат.

Бритоголовый вытаращил глаза.

– Что ты брякнул?!

Марат демонстративно хлопнул дверцей машины.

– Подождешь, я раздумал выезжать.

– Ты на кого трусами машешь, козел?! – изумленно покрутил головой здоровяк. – Здесь же каждая собака меня знает!

– Собаки, может, и знают, а люди нет. Ставь свой аппарат, где хочешь, мест хватает.

– Ну смотри, я тебя предупредил!

Джип сдал назад, развернулся и, проезжая мимо, вильнул вправо, так что его мощный никелированный бампер снес номер на бампере «Мерседеса» и разбил блок-фару. Как ни в чем не бывало «Лексус» еще раз повернул и занял место в соседнем ряду машин, в десятке метров от остолбеневшего Марата. Из него со смехом выбрались трое

парней в белых костюмах, похожие друг на друга, как патроны из одной обоймы, и вальяжный господин в смокинге.

– Вот сволочь! – опомнился Марат. – Он же мне фару разбил! Я же его за это...

Теннисист сунул руку в бардачок машины и достал пистолет. Тарас понял, что пора брать ситуацию под контроль.

– Не суетись, – спокойно сказал он, накрывая пистолет ладонью и заставляя руку с пистолетом опуститься. – Не хватало нам только стрельбы.

– Это газовый...

– Зато у них наверняка настоящие. Попробуем договориться.

– Ну что, козел, доквасался? – сказал, подходя, бритоголовый бугай в очках. – Я тебя предупреждал. В следующий раз не будешь зазря рот разевать.

В следующее мгновение Тарас сделал выпад пальцем в брюхо парня, и тот, икнув, схватился за живот и осел на тротуар. Удара никто не заметил, кроме Марата, имевшего хорошую реакцию.

– Прошу прощения, господа гангстеры, – вежливо сказал Тарас, не выпуская из поля зрения остальных мордоворотов. – Мы вынуждены вызвать патруль ДПС, так как ваш аппарат нанес повреждения нашему. Правда, можно договориться и без этого, если вы благородно согласитесь оплатить расходы на ремонт.

Господин в смокинге с блинообразным лицом покосился на своего скорчившегося водителя, прошагал мимо, бросил через плечо:

– Разберитесь с ними.

Скрылся за зеркальными дверями ресторана, которые распахнул перед ним предупредительный швейцар.

– Ну, бяка чернозадая, ты нам сейчас... – угрожающе начал бугай с челочкой над узким лбом, сунув руку под мышку.

Тарас шагнул к нему и звонко щелкнул по лбу, перехватил руку парня и направил ствол армейского пистолета «волк» (калибр девять миллиметров, магазин на шестнадцать патронов, прицельная дальность стрельбы сто метров) на замершего напарника бугая с челочкой.

– Спокойно, малыш, лучше тебе не хвататься за свою пушку, можно случайно пораниться. Чьи вы «шестерки»?

– А? – вспотел бугай, глядя на зрачок пистолета.

– Кто ваш босс?

Парень с челочкой облизнул губы.

– Он тебя из-под земли достанет!..

– Я не клад, чтобы меня доставали из-под земли, – терпеливо проговорил Тарас. – Под землю нас еще запихнуть надо, чтобы достать. Я спрашиваю, кто твой пахан?

– Да я тебя, паскуда!.. – очнулся бугай с чубчиком, и Тарас снова щелкнул его по лбу особым образом, успокаивая.

– Ну?!

– Шейникис... Эдуард Артурович... бизнесмен...

– И каким же бизнесом он занимается?

– Нефть... бензин... у него двенадцать бензоколонок на Юго-Западе...

– Тогда понятно, почему он такой важный. В таком случае, у него есть деньги. – Тарас посмотрел на Марата, ошеломленного разворачивающимися событиями. – Сколько нам будет стоить ремонт?

Марат бросил взгляд на свою поврежденную машину.

– Да один бампер стоит полторы тысячи «зеленых»! Плюс блок-фара около тысячи... да плюс работа... всего три с лишним получится.

– Слышал? – повернул голову к охраннику Шейникиса Тарас. – Пошарь-ка по карманам, у тебя наверняка найдется требуемая сумма. Шеф потом возместит расходы.

– У меня только штука... – промямлил бугай.

– Тогда поищи у дружков.

Здоровяк наклонился над проходящим в себя водителем в черных очках, вытащил его бумажник.

– Тут две с мелочью... вот еще одна... всего три будет...

– Достаточно. – Тарас ловко выхватил деньги из руки охранника, протянул Марату. – Держи добровольный взнос, пока дают. Парни раскаялись.

Тарас выщелкнул обойму из пистолетов охраны и водителя, бросил оружие на асфальт.

– Забирайте свои грозные пушки, я сегодня добрый. А начнете шебуршиться, сдам всех мусорам, отсидите пару лет за ношение стволов. Кумекаете?

Охранник кивнул.

– Босс... тебя... по стене размажет... – сквозь зубы выговорил бугай в очках, сидевший на корточках.

– Передай ему, чтобы не мучился дурью, наживет крупные неприятности.

Тарас повернулся к охранникам Шейникиса спиной, взял под руку Марата:

– Поехали, спектакль закончен.

В кабине «Мерседеса» Марат окончательно пришел в себя, покачал головой, бросая восхищенные взгляды на невозмутимое лицо спутника.

– Я не предполагал, что ты знаешь такие приемчики. Где научился? В десанте?

– Я учусь этим приемчикам с детства. А когда долго занимаешься одним и тем же делом, в конце концов становишься профессионалом. Ты же стал теннисистом экстра-класса?

– Но то – теннис, а это – боевое искусство.

– Не имеет значения. Главное – для чего тебе то или иное знание. Я занимаюсь боем не для того, чтобы бить бандитам морды и крушить стены.

– А для чего?

– Мотивация у всех мастеров разная, но все сходятся в одном: жизнь – это иллюзия, реализующая борьбу страстей, и вся гамма техник должна всего лишь научить человека обходить эту борьбу, а не участвовать в ней. В идеале мастер должен не только эффективно противостоять атаке, но и предупреждать ее.

– Как это сделал ты?

– Я еще только учусь этому. Мой учитель вообще не допустил бы схватки. Его девиз: совершенствование боевого искусства – оптимальный способ познания самого себя. Поехали, не жди продолжения. Эти мальчики сейчас опомнятся и вполне способны наехать еще раз.

Марат тронул машину с места, вывел на дорогу.

– Пожалуй, я позанимался бы единоборствами под твоим руководством. Возьмешь в ученики? Я когда-то в детстве боксом занимался.

Тарас улыбнулся.

– Ты уже не раз делал подобные заявления, а потом укатывал за границу.

Марат виновато шмыгнул носом.

– Турнирная сетка... я участвую в двух-трех десятках соревнований в год. Но вот увидишь, составлю график и буду приезжать заниматься борьбой.

– Поживем – увидим. Однако больше не конфликтуй ни с кем по пустякам, особенно с такими жлобами, как эти. Есть железное автодорожное правило, оно работает и в обычной жизни.

– Какое?

– Правило «трех Д»: дай дорогу дураку. Останови, я выйду, предпочитаю свою машину нигде не оставлять.

Марат засмеялся, притормозил.

– Я совсем забыл, что ты на своей тачке. Спасибо за урок, дядя Тарас. – Он снова прыснул.

– Будь здоров, племяш, – в тон ему ответил Тарас, вылезая.

Марат помахал рукой, вдавил педаль газа, и «Мерседес» исчез в переулках Садового кольца. Тарас проводил его взглядом, вернулся к «Вольво», мечтая уехать тихо и мирно. Продолжать выяснение отношений с бензиновыми мафиози не хотелось.

Ему повезло.

У «Континенталя» «шестерок» бензинового короля Юго-Западного административного округа Москвы господина Шейникиса уже не было. Тарас вздохнул с облегчением, завел двигатель, расслабился, и ему вдруг показалось, что на него сверху насмешливо посмотрел кто-то огромный, как планета, и черный, как бездна.

Глава 4

МОЖЕТ БЫТЬ, ПОДОЖДЕМ?

Звонок телефона раздался в тот момент, когда Елисей Юрьевич открыл глаза: сработала интуитивная система оповещения об изменении обстановки. Секунду он вслушивался в тишину квартиры, автоматически определяя время – пять часов утра, – бесшумно встал, хотя жена уехала в Грозный и он уже вторую неделю жил один, можно было не бояться разбудить ее, накинул халат и прошел в гостиную.

Гость ждал его, сидя в кресле, не зажигая света, хотя рассвет еще только начинался и гостиная пряталась в полутьме. Телефонный звонок был лишь вежливым средством предупредить хозяина о своем появлении.

Гостем на этот раз был один из носителей тайного знания – Адептов Внутреннего Круга, занимавший в его иерархии место гептарха. Звали его Герардом, и отвечал он за Анналы Преемственности, или, иными словами, за отбор и инициацию учеников. Возраст его Елисею Юрьевичу был неизвестен, но он подозревал, что гептарх живет на Земле не одну сотню лет, хотя выглядит как сорокалетний мужчина. Уровень же его биоэнергетики был на порядок выше, чем у Елисея Юрьевича.

Одет гость был в серую хламиду, напоминающую рясу и плащ одновременно, которая скрывала фигуру.

– Прошу прощения за столь ранний визит, мастер, – сказал он, пожимая руку хозяину. – Плохие новости. Благодаря вмешательству эмиссара Монарха Госдума приняла закон об «Упорядочении систем образования» в стране. Фактически это означает дальнейшее выхолащивание русского языка, что накладывается на глобальную природоотрицающую деятельность человека и ведет к деградации общества по примеру Америки.

Елисей Юрьевич остался невозмутим.

– На Земле давно действует система замещения этических и эстетических норм на абсолютно уродливые формы отношений и взглядов, внедряемые «тарантулом» Конкере. Мода, реклама, ток-шоу,

эстрада, искусство, СМИ – везде засилье уродства! Что мы можем противопоставить этому?

– Пока в основном энтузиазм одиночек, вот почему так важен отбор учеников. Собственно, я пришел к вам поговорить о Посвящении вашего ученика Тараса Горшина. Однако есть и еще о чем побеседовать, близком к вашему уровню компетенции. Мы знаем, что Конкере готовит себе замену в среде Федеральной службы безопасности. Сможете его вычислить?

Елисей Юрьевич огладил пальцами подбородок.

– Попытаюсь.

– Только будьте осторожны, мастер, ошибок эта братия не прощает. Если Конкере вас засечет, возможна не просто прямая атака, но запуск целенаправленной программы уничтожения системы воспитания, которую вы поддерживаете. А когда объем Зла на Земле увеличивается, достигнуть равновесия очень трудно, так как уровень Добра остается прежним и не зависит от роста населения. Потребуется время, чтобы восполнить утерянное, а проигрывать мы не имеем права.

– Зло многолико.

– Увы, мастер, это правда. Во все эпохи мы считаем Зло временным победителем, и это уже становится постоянным. Я все больше убеждаюсь, что человечество идет тем же путем, что и его предки – Инсекты. И осталось совсем немного до последней черты. Нам дали шанс исправить ошибки предков, но мы им не воспользовались, свернув на дорогу технического прогресса по подсказкам того же Конкере. А вам должно быть известно, что скрытая цель так называемого технического прогресса – уничтожение цивилизации.

Елисей Юрьевич промолчал, не желая спорить, хотя не считал положение настолько катастрофическим.

Гептарх понимающе усмехнулся.

– Я вас напряг, мастер, прошу извинить. С утра плохое настроение, что отражается и на мыслях, и на поступках. Теперь поговорим о вашем ученике Горшине. Вы настаиваете на Посвящении?

– Да, – твердо сказал Елисей Юрьевич.

– Вы уверены, что не ошибаетесь?

– Он готов.

– Он готов физически, но не психологически.

– Его нынешний уровень – Метатрон [\[1\]](#), хотя сам он не догадывается об этом, и он близок к овладению первым планом сил – Эхейх.

– Тем не менее он еще не изжил обычные человеческие слабости и такие негативы, как агрессивность и неадекватно жесткий отпор. Свежий пример: вчера вечером он избил охрану предпринимателя Шейникиса.

Елисей Юрьевич испытал неприятное чувство досады, но не выразил своих чувств.

– Значит, была причина.

– Шестерки Шейникиса разбили бампер машины его друга.

– Тогда речь об агрессивности не идет, это просто жесткий ответ, причем я уверен – адекватный. Но я приму вашу озабоченность к сведению и поработаю с Тарасом. Ручаюсь, он преодолет соблазн использования своих сил без нужды и научится точно соразмерять их и соблюдать степень необходимой обороны.

– Уровней необходимой обороны всего два: внешний – сохранение тела, и внутренний – сохранение духа. Второй намного важнее.

– Я знаю.

– Я знаю, что вы знаете. – По губам гептарха скользнула тонкая печальная усмешка. – Но это не снимает с вас ответственности за деяния вашего ученика. Один раз вы уже ошиблись.

Елисей Юрьевич снова пережил неприятное чувство досады и вины. Его первый ученик Дмитрий Щербань не выдержал испытания силой и ушел от него, считая, что достоин большего в иерархии Круга, нежели предложенная ему ступень воинской интернатуры. Он желал большей свободы и не хотел подчиняться иерархическим законам Круга. А тот, кто уходит от одной команды, непременно окажется в другой. Доходили слухи, что Дмитрий перешел на сторону Конкере, который умел обещать.

Гептарх все еще смотрел с неопределенным сожалением, и Елисей Юрьевич сказал через силу:

– Он очень мощный парень и умный, но все же не настолько, чтобы овладеть метабоем. Не говоря о метаязыке. Информацию об этом он получал дозированно.

– Тем не менее, по моим сведениям, он знает уже три ступени «наваждения» и девять Ключей смысла метаязыка, а это уже почти ваш уровень, мастер. Дмитрий очень опасен, и с этим надо считаться. Ваш парень сможет ему противостоять?

Елисей Юрьевич ответил, помолчав:

– Не сразу, но сможет.

– Готовьте его по-максимуму. Как Горшин относится к «походам внутрь самого себя»?

– Тарас до сих пор в шоке от того, что наши предки – блаттоптера сапиенс, тараканы разумные.

Гептарх улыбнулся.

– В свое время я тоже был ошеломлен этим открытием. Но почему Аморфы трансформировали именно тараканов, а не Инсектов посимпатичней – пчел или бабочек, к примеру, остается за пределами нашего понимания. Как ваш ученик отнесся к проблеме поиска Гипертекстов?

– Вполне нормально. Ему интересно, но этот интерес скорее познавательный, чем прикладной.

– Не получится ли так, что он самостоятельно расшифрует Тексты и уйдет от вас, как Дмитрий? Соблазну влиять на реальность словом поддавались и многие из нас.

Елисей Юрьевич покачал головой.

– Я знаю его достаточно хорошо. Он чистый человек.

Гептарх снова опечалился.

– Я вижу тридцатипроцентный вероятностный размыв траектории его движения в будущем. Это слишком много. Он непредсказуем.

– Я ручаюсь за него! – тяжело сказал Елисей Юрьевич.

– Может быть, все-таки подождем с Посвящением? Посмотрим, как он поведет себя дальше?

– Я понимаю ваши сомнения, но, с другой стороны, не понимаю, почему вы не доверяете мне. Случай с Дмитрием – не показатель. Я чувствую потенциал Тараса, он близок к магическому уровню понимания мироустройства и пойдет далеко.

– Если научится подчинять свои чувства долгу и Предназначению. Что ж, я вас понял, мастер. Готовьте своего ученика к испытанию. Какое деяние ему по силам?

– Вплоть до уровня вянти [\[2\]](#).

– Конкретная ситуация?

– Он получит задание от руководства проинспектировать ЗАО «Наслаждение» в Кадоме Рязанской губернии. Это совместное американо-российское предприятие по производству табака и сигарет. Есть сведения, что ЗАО допускает неконтролируемые сбросы отравляющих веществ в реку Мокшу.

– Хорошее дело. Я имею в виду инспекцию. Если ему удастся доказать злой умысел владельцев фабрики и если наш Комитет по экологической безопасности примет резолюцию о закрытии ЗАО, мы получим маленькую, но победу в борьбе против системы Конкере. Желаю вам удачи, мастер. Помните о предупреждении.

И гептарх исчез. Современные транспортные средства ему были не нужны, как и всем иерархам. Он знал способы внепространственного перемещения, которыми владели еще Инсекты и Перволюди.

Глава 5

КАДОМ

В Кадом Тарас приехал к обеду, получив директиву от Юлиана Львовича Самсонова, начальника Комитета, проверить выступление газеты «Известия» о неблагополучной экологической обстановке на северо-востоке Рязанской губернии. Газета ссылалась на источник – «Кадомские ведомости», в которых местные «зеленые» заявляли о сбросе в реку Мокшу ядовитых отходов кадомской сигаретной фабрикой, купленной некоей американской компанией и превращенной в ЗАО «Наслаждение».

Поехал Тарас на своей машине, чтобы сэкономить время, но не один, а с бухгалтером Комитета Ниной Павлиашвили, красивой грузинкой тридцати лет, имевшей большой опыт работы в Счетной палате. Она должна была проверить бухгалтерские расходы ЗАО на экологическую безопасность производства, имея карт-бланш на подобные проверки. Точно такой же документ о неограниченных полномочиях имел и Горшин, числившийся главным экспертом Комитета, только стоящие перед ним задачи были посерьезнее.

День пятого апреля начался дождем, но в Кадоме сотрудников Комитета (экологов, как остроумно называл своих подчиненных Юлиан Львович) встретило солнышко, и настроение гостей слегка поднялось, несмотря на предстоящую нервотрепку. Правда, настроение, в принципе, тут же и упало, так как выяснилось, что половина Кадома затоплена паводковыми водами.

Кадом, которому исполнилось уже более семисот лет, был своеобразным городом, архитектура которого уходила корнями в теремное зодчество. Из-за разлива Мокши его затапливало не раз, но городские власти, как всегда, реагировали на следствия, а не на причины, и старинные деревянные дома левобережья, простоявшие по две-три, а то и по четыре сотни лет, постепенно исчезали, сменяемые безликими новостройками, участь которых была определена все тем же принципом «дешевого народного жилья» обеспечить существование людей хотя бы на два десятка лет. На большее

рассчитывать не приходилось при том качестве строительства, которое демонстрировали отечественные строительные организации.

Более или менее качественные дома строили в центре города, где жили «отцы» города и «доны Корлеоне» местного криминального разлива.

Сигаретная фабрика «Наслаждение», выпускающая сигареты двух десятков наименований, в том числе «Кэмел-Р», что означало – «Рязанский верблюд», располагалась как раз на более высоком берегу Мокши, и затопление ей не грозило. Однако гостиница, куда сначала подались эксперты Комитета, находилась на границе затопленного участка города, и вид на торчащие из воды дома и деревья подействовал на спутницу Тараса угнетающе. Она вообще не отличалась разговорчивостью и общительностью, а тут и вовсе замолчала, изредка вскидывая на Тараса миндалевидные черные глаза. В конце концов выяснилось, что у нее на родине, в Цхартели, несколько лет назад сель снес дом, погибли мама, брат и бабушка, и Нина до сих пор не могла забыть весь этот ужас. Наводнение в Кадоме напомнило ей семейную трагедию.

Заняв два одноместных номера в гостинице «Ока», эксперты поехали сначала в центр города, в редакцию газеты «Кадомские ведомости», предварительно созвонившись с ее редактором и договорившись о встрече.

Редактор – крупная женщина с решительным и жестким лицом, с тяжелым узлом льняных волос на затылке – пожала гостям руки и завела в свой кабинетик, где умещались два стола, шесть стульев, шкаф и компьютер. Звали хозяйку Нелли Трофимовна Зеленчук, и в качестве главного редактора «Ведомостей» она работала уже два года.

– Трижды нас пытались закрыть, подавали на нас в суд «за клевету», угрожали, – заявила она, выяснив, с чем прибыли высокие московские гости, – но мы работали, причем честно и профессионально, смею вас уверить, и будем работать. Материал, о котором вы говорите, был добыт журналистами в ходе расследования, после чего, кстати, на сотрудника газеты было совершено нападение, и все данные вы можете проверить сами.

– Проверим, – пообещал Тарас. – Можем ли мы поговорить с этим вашим корреспондентом?

– Коля сейчас дома, долечивается, ему поломали пальцы, чтобы не писал больше «вредных статей».

Тарас и Нина переглянулись.

Нелли Трофимовна грустно улыбнулась, развела руками.

– Как видите, наша жизнь – не сахар, приходится работать и в таких условиях.

– Вообще-то к журналистам я отношусь, мягко говоря, настороженно, – призналась Нина, – особенно за их готовность писать по заказу, за деньги, но уважаю конкретных людей, которые не боятся пойти против чиновничьего или бандитского произвола. Кстати, вы в суд не подавали на тех, кто избил вашего корреспондента?

– На кого подавать в суд? – поморщилась Нелли Трофимовна. – Наша доблестная милиция не нашла бандитов. А угрозы в наш адрес продолжают.

– От кого, вы знаете? – поинтересовался Тарас. – Кто заказчик?

– Заказчик известен – гендиректор ЗАО «Наслаждение» господин Киселев Давид Евгеньевич. Но доказать вам это не удастся, и не пытайтесь.

– Посмотрим, – шевельнул уголком губ Тарас, обозначая улыбку.

Улыбнулась и Нелли Трофимовна.

– Я чувствую, вы смелые люди, такие редко встречаются в наше время, и тем не менее будьте осторожны. Администрация города, да и всей губернии, пожалуй, кровно заинтересована в бесперебойной работе «Наслаждения», так как местные чины получают оттуда «зеленую» подпитку. Поэтому будьте готовы ко всему.

– Мы готовы, – заверил женщину Тарас. – Дайте, пожалуйста, адрес вашего работника, мы поговорим с ним.

Редактор продиктовала адрес: жил Николай Белозеров как раз в затопленном секторе Кадома. Они поговорили еще немного о делах и заботах редакции, о положении города, о насущных проблемах его жителей, и московские гости откланялись.

В шестом часу Тарас и Нина оставили машину у отделения милиции на улице Шевченко и отправились искать плавсредство, чтобы добраться до двухэтажного деревянного дома на улице генерала Скобинова, где на втором этаже жила семья Николая Белозерова: мать, бабушка, он сам, жена и четырехлетняя дочь Саша.

Плавсредство нашлось через несколько минут — плоскодонная лодчонка, похожая на корыто. Ее хозяин помогал эвакуироваться тем, до кого дошла вода, и сразу согласился доставить приезжих по адресу, не требуя никакой платы. Договорившись с мужичком, чтобы он подплыл к дому Белозеровых через час, эксперты высадились на ступеньки деревянной лестницы, ведущей на второй этаж, и постучали в крепкую на вид дверь, обитую толстым брусом.

— Кто там? — глухо спросили из-за двери.

— Гости из Москвы, — ответил Тарас.

— Не жду я никаких гостей, уходите!

— Мы действительно из Москвы, — заговорила Нина, приблизив губы к дверному косяку. — Из экологического комитета. Пришли поговорить с Николаем по поводу его журналистского расследования.

За дверью помолчали, потом загремел засов, дверь отворилась, и на пороге появился худой и бледный молодой человек с топором в левой руке. Правая у него была забинтована по локоть. Глянув исподлобья на гостей, он вздохнул со смущенным облегчением и проговорил:

— Извините, что я вас так встречаю, думал, это снова та братва пожаловала.

Тарас усмехнулся.

Парень смутился еще больше, опустил топор.

— Приходится вот держать под рукой колун. Вы и вправду из столицы?

— Не сомневайтесь. — Нина показала хозяину свою красную книжечку с тисненным золотом двуглавым орлом и буквами «НКЭБ Совета безопасности Российской Федерации».

— Тогда проходите. Только не обращайтесь на раскардаш, у нас тоже сыро, отопление не работает, только электронагревателем спасаемся, и мы все спим в одной комнате.

Гости прошли за хозяином в квартиру, — он занимал половину второго этажа старого бревенчатого дома, а всего в доме до затопления проживали четыре семьи, — и увидели, как живет бесстрашный журналист Николай Белозеров, рискнувший заняться расследованием деятельности ЗАО «Наслаждение».

Описать обстановку квартиры можно было одним словом: бедность. И у Тараса сжалось сердце, когда он встретил взгляд широко

раскрытых любопытных глазенок девочки, обеими ручонками вцепившейся в юбку пожилой женщины, по-видимому, матери Белозерова.

Однако время торопило, и задерживаться гости в квартире не стали, отказавшись от предложенных чая и кофе, несмотря на заблаговременно приготовленную коробку конфет; эту коробку Тарас вручил дочке хозяина, и девчушка, застеснявшись, спряталась за бабушку.

Разговор занял всего двадцать пять минут. Николай показал материалы расследования, которыми располагал: результаты анализа воды в Мокше ниже и выше фабрики, воздуха вокруг ЗАО, сделанные энтузиастами местной санэпидстанции, а также видеокассету, где были зафиксированы пятна пены на воде, мертвая рыба, черный налет на листьях засыхающих деревьев, увядшая трава на берегу реки; съемку делали еще прошлым летом.

– Возьмите кассету, – предложил оживившийся Белозеров. – У меня еще есть. А вот вторую у меня изъяли. Мы сняли с вертолета всю зону вокруг фабрики, особенно болота, там было видно, где есть выходы отравляющих веществ на поверхность – сизые пятна, словно инеем земля покрыта. Там ничего не растет. Но вот где проходит труба, по которой фабрика сбрасывает отходы, мы не нашли. – Он виновато развел руками. – Группу не пустили, стреляли даже и собак спускали.

Нина и Тарас переглянулись.

– Мы этим делом займемся, – сказал Горшин. – Спасибо за информацию.

– Берегите себя, – добавила Нина. – Не лезьте на рожон.

– Но ведь кто-то же должен остановить этих бандитов, – с бледной улыбкой сказал Николай, баюкая руку. – Нельзя же всю жизнь бояться, прятать голову в песок, как страус.

– Это заблуждение, – качнул головой Тарас.

– Что? – не понял журналист.

– Что страусы прячут голову в песок. Это легенда, придуманная кем-то из первых австралийских путешественников и исследователей. Страусы просто пригибают головы к песку, пониже, чтобы их не было заметно издалека.

– Я не знал. А откуда вы... – Николай не договорил.

Снаружи послышался стук в дверь и чей-то громкий голос:

– Эй, писака, открывай!

Гости посмотрели на побледневшего хозяина. Тот ответил беспомощным взглядом, посмотрел на возникшую из спальни жену.

– Не открывай, Коля, – сказала молодая и тихая женщина в халате, под которым уже обозначился животик – жена Белозерова ждала ребенка. – Это снова они...

– Я открою, – встал Тарас. – Не волнуйтесь, все будет хорошо.

Он рывком распахнул дверь и увидел двух крупногабаритных парней в серых костюмах и сержанта-милиционера. Первый парень, с толстым мясистым носом и глазами-буравчиками, так и остался стоять с поднятым кулаком, оторопев.

– Слушаю вас, – вежливо и негромко сказал Тарас, ощупывая ауру милиционера.

Сержант, лет сорока от роду, очень толстый в поясе, но ощутимо опасный и сильный, смотрел на Тараса, словно прицеливался, и зеленовато-серый оттенок его ауры говорил об отсутствии у этого человека каких-либо сомнений. Тем не менее в спектре ауры просматривались и темные струйки готовности подчиниться приказу, и коричневатые вихрики равнодушия и лакейской угодливости. И еще Тарас ощутил, что в настоящий момент сержант находится не на службе, несмотря на официальный вид, и подчиняется не своему непосредственному начальству.

Кроме трех визитеров, обнаружился еще четвертый – в моторной резиновой лодке, приставшей к лестнице вниз, у окон первого этажа дома.

– Гражданин Белозеров? – зычным, прокуренным басом проговорил милиционер.

– Нет, – ответил Тарас. – А в чем дело?

– Мне приказано доставить его в отделение. Где он? Пусть выходит.

– Во-первых, покажите ордер на арест. Во-вторых, представьтесь.

– Ты чего, оборзел? – выкатил глаза толстоносый громила. – Дай пройти!

Тарас остался стоять в дверях с выражением безмятежного спокойствия на лице, но глаза его посветлели, будто налились изнутри золотистым свечением.

Сержант замялся.

– Гражданин, вы мешаете работе органов правопорядка. Освободите проход или вызовите гражданина Белозерова.

– Ордер, – лаконично сказал Тарас, протягивая руку.

– Ах ты, падла! – Толстоносый здоровяк попытался схватить Тараса за грудки и вдруг отшатнулся и с криком сорвался с лестницы в воду, звучно шлепнулся о лодку, едва не потопив ее вместе с четвертым парнем.

Возникла пауза.

Сержант тупо посмотрел на барахтавшегося в воде спутника, перевел взгляд на Тараса, не сделавшего ни одного движения, и, видимо, что-то сообразил. Рука его потянулась к кобуре пистолета, замерла в нерешительности. Второй парень, такой же плотный и здоровый, с родинкой на щеке, шагнул было на ступеньку выше, собираясь силой проложить себе путь.

В этот момент в дверях появилась Нина, и гости остановились, разглядывая женщину.

– Что здесь происходит? – строго спросила Нина.

– Вы кто? – опомнился сержант.

– Инспектор из Москвы. – Тарас показал свои блеснувшие золотом «корочки» и спрятал в кармашек на груди. – Так как там насчет ордера, уважаемый слуга закона?

Сержант помолчал, туго принимая решение, повернулся спиной к Тарасу и Нине, бросил глухо:

– Поехали.

Парень с родинкой посмотрел на Тараса, наткнулся на его предупреждающе-холодный взгляд, вздрогнул и полез в лодку вслед за своим командиром, где уже сидел и матерился сквозь зубы мокрый здоровяк. Затарахтел мотор. Лодка с представителями местных властей направилась вдоль улицы к более высокой части города.

Из двери выглянул взволнованный Белозеров.

– Уехали? Как вам удалось их уговорить?

– Вам надо официально заявить в милицию об угрозах, – посоветовал Тарас. – Тогда такие визиты прекратятся.

– Но ведь это была милиция...

– Это были не милиционеры. Сделайте заявление в УВД и попросите, чтобы ваши коллеги, из тех, кому вы доверяете,

подежурили у вас дома какое-то время, дня три. Когда мы разберемся с ситуацией на фабрике, вы вздохнете спокойно.

– Спасибо вам! – тихо поблагодарила гостей жена Николая. – Я говорила ему, чтобы не вмешивался, но он разве послушает. Теперь вот живем, как в тюрьме...

– Ничего, авось все образуется, – утешил ее Белозеров. – Нельзя, чтобы нас травили, а мы молчали. Это же наша земля, мы здесь родились, и здесь жить нашим детям. То ядерные отходы сюда везут, то химию... Как-то надо с этим бороться? Да и не один я. Видишь, люди даже из Москвы приехали. Надо держаться всем вместе, тогда выживем.

– Правильное решение, – кивнул Тарас. – Это у американцев философия – выживает сильнейший. Наша русская философия – всем миром победим! Удачи вам.

Попрощавшись с хозяевами, эксперты спустились вниз, подождали давешнего мужичка-перевозчика и покинули затопленную тальми водами территорию. Добрались до машины, думая о простых людях, не имеющих никакой защиты, кроме веры в справедливость. В кабине «Вольво» Тарас заметил:

– Этот парень разворошил осиное гнездо. Они не успокоятся, пока не заставят его замолчать. Ты не боишься, что и на нас наедут лакеи Киселева?

Тарас имел в виду гендиректора ЗАО «Наслаждение».

– Не боюсь, – повела плечиком Нина. – Мы не делаем ничего противозаконного. Это они пусть боятся, не соблюдая законы.

– Будь осторожна. заметишь вокруг себя подозрительное шевеление, дай знать.

«Вольво» отъехала от здания Отдела внутренних дел, провожаемая взглядом охранника-милиционера, пересекла город и вскоре остановилась у проходной сигаретной фабрики. Территория фабрики была окружена высоким бетонным забором, из-за которого виднелись крыши двух зданий – административного и производственного корпусов – и высокая труба. Ворота в заборе рядом с проходной были металлические, тяжелые, раздвижные и не позволяли разглядеть территорию. Тарас, чувствуя на себе взгляды охраны – площадка перед проходной просматривалась телекамерой, – толкнул дверь проходной, пропустил Нину и вошел сам.

За турникетом справа стоял охранник в черном комбинезоне, с эмблемой сигарет «Кэмел-Р» на груди. На ремне у него висела кобура с пистолетом. Еще один охранник в черном сидел за окном слева у монитора и читал книгу или делал вид, что читает. Они подняли головы и посмотрели на вошедших с одинаковым профессиональным равнодушием, которое было сродни предупреждению.

Тарас раскрыл удостоверение сотрудника НКЭБ, протянул охраннику у турникета.

– Вас должны были предупредить о нашем приезде.

Охранник мельком взглянул на удостоверение, посмотрел на своего напарника за окошечком. Тот снял трубку телефона, что-то проговорил, подождал ответа и кивнул, глянув на гостей:

– Пропусти. Вас ждут на втором этаже администрации, в приемной. Подниметесь по центральной лестнице – и налево.

Тарас и Нина вышли из проходной, направились к четырехэтажному зданию административного корпуса, за которым располагались два низких барака со стеклянными крышами, но без окон, и двухэтажный производственный корпус. Ветерок принес едва ощущаемые горьковато-приторные запахи табака и каких-то химреактивов. Нина на них не отреагировала, но Тарас уловил, подумав, что запах табачных листьев намного приятнее запаха сигаретного дыма и намного опаснее. Сам он никогда не курил, даже в юности, хотя и не считал этот процесс настолько вредным, насколько его считали вредным медики.

В холле административного корпуса, отделанном мрамором и ракушечником, их встретил суровый рослый молодец в черном, проверил документы и сопроводил гостей из столицы до приемной, где дежурил еще один охранник, вооруженный пистолетом. Было заметно, что руководство ЗАО «Наслаждение» не чувствует себя спокойно в местных условиях.

Секретарша, дама в возрасте, в строгом деловом костюме, с короткой стрижкой, нажала пальчиком клавишу селектора и проговорила низким голосом:

– Давид Евгеньевич, к вам товарищи из Москвы.

– Пусть войдут, – ответил селектор фальцетом.

Секретарша открыла дверь, эксперты вошли в кабинет директора.

Кабинет был просторен и сверкал фарфоровой белизной и хромированными деталями интерьера. Все здесь было суперсовременным – от мебели до прибабасов делопроизводства.

Рабочий стол директора больше напоминал ажурный трехлопастной пропеллер из металла и стекла. На одной стеклянной лопасти стоял компьютер с клавиатурой, на второй лежали папки из рифленой кожи и Z-блокноты, третья служила столешницей, на которой стояли изящные приборчики таинственного назначения и элегантные подставки для ручек и карандашей.

Второй стол – для приема гостей – имел вид кленового листа и был окружен деревянными стульями оригинальной формы.

Кроме столов, в кабинете присутствовали прозрачные шкафы с моделями космических кораблей и продукцией фабрики и стойки с благородной матовой хромировкой. Две картины на стенах размером метр на полтора – с туманно-зыбкими пейзажами, созданными напылением разных металлов на медной подложке, – довершали интерьер.

Хозяин кабинета, Давид Евгеньевич Киселев, оказался тучным молодым человеком с пышной шевелюрой, с усиками, по-модному небритый. У него был большой нос и глаза неопределенного цвета. Одевался он в коричневый костюм, на зеленой рубашке сверкал золотой галстук, а на пальцах обеих рук директора Тарас насчитал семь разнокалиберных перстней.

Досье на директора Тарас изучил еще в Москве, поэтому знал о нем все, что было необходимо для работы.

Давид Евгеньевич начал свою деловую карьеру доцентом кафедры управления Дагестанской сельхозакадемии в тысяча девятьсот девяносто пятом году. Затем он возглавил Международный институт бизнеса «ОЛМА», два года жил в США, вернулся и стал одним из учредителей Союза защиты потребителей. Однако вскоре он попал под «колпак» правоохранительных органов и снова уехал за границу, где занялся торговлей сигаретами. Вернулся он в Россию уже в качестве генерального директора ЗАО «Наслаждение», вложив в фабрику немалые средства.

Первое время Давид Евгеньевич исправно платил налоги и даже занимался благотворительностью: переводил деньги на счета школ и детских домов, построил две синагоги и костел. Потом у него

появились высокие покровители из Государственной думы и губернской администрации, после чего Киселев почувствовал себя господином положения. Он достроил вторую линию по производству сигарет «Голубой дымок» и «Кэмел-Р» и перестал обращать внимание на законы, зная, что губернатор, имевший треть акций фабрики, всегда прикроет его своей широкой спиной.

Однако в открытую ссориться с властями он не хотел и визитеров НКЭБ принял с подчеркнутым радушием.

Предложил кофе, напитки, в том числе коньяк.

Выслушав, с какой целью прибыли в Кадом эксперты Комитета, он посетовал на журналистов, гораздых на досужий вымысел, и заверил, что представит всю необходимую для инспекции документацию и покажет производство. Договорились, что работать гости начнут с утра следующего дня.

— А пока я приглашаю вас сегодня вечером отужинать со мной, — заявил Давид Евгеньевич в конце беседы, не сомневаясь, что гости примут приглашение.

— Нет, спасибо, я не пойду, — отказалась Нина. — Неважно себя чувствую с дороги.

— Пожалуй, я тоже откажусь, — покачал головой Тарас. — Поброжу по городу и пораньше лягу спать.

— Понимаю, — осклабился директор. — Сам на вашем месте отказался бы, во избежание, так сказать. А городок наш весьма примечателен, есть что посмотреть. Затопленную часть вы уже видели, теперь погуляйте по центру.

Тарас заглянул в масляные глаза Киселева и понял, что тот знает об их визите к Николаю Белозерову. Однако уточнять этот момент не стоило.

Гости попрощались с владельцем ЗАО «Наслаждение» и вышли, провожаемые его недобрым взглядом.

В кабине «Вольво» Тарас задумчиво проговорил:

— Завтра у нас будет тяжелый день.

Нина промолчала. Она думала о том же.

Глава 6

ПРЕВЕНТИВНЫЕ МЕРЫ

Кадом действительно оказался своеобразным городом, где сохранились не только древние каменные церкви и монастырь, но и трехсотлетние деревянные дома. Однако бродил по городу Тарас недолго. Во-первых, потому что пошел дождь. Во-вторых, за ним следили. Заметить слежку было нетрудно, наблюдатели оказались неопытными, и оторваться от них не составило бы труда, но Тарас решил не предпринимать никаких активных действий и ждать, что будет дальше.

В книжном магазине в центре города он заинтересовался брошюрой «Происхождение жизни» американского ученого Мишлера и, придя в гостиницу и попив в буфете чаю, улегся на кровати поверх одеяла с книгой в руках.

Профессор биологии Калифорнийского университета Брент Мишлер утверждал, что на Земле существует пять основных ветвей генеалогического древа живых существ, пять царств сложных организмов, а не два, как считалось раньше, – царство растений и царство животных. Только одна ветвь – зеленые растения – содержала более пятисот тысяч видов, включая все известные наземные растения, в том числе травы, мхи, лишайники и цветы, а существовали еще коричневые растения, красные растения, грибы и животные.

Мало того, ученый сделал вывод, что вся многообразная земная жизнь имеет одного «прародителя», а раньше считалось, что мхи и папоротники произошли от разных предков. А выход на сушу происходил не однажды, раз десять-пятнадцать, но только один-единственный выход увенчался успехом. При этом многие «захватчики» суши через некоторое время возвращались назад в воду. Мишлер имел в виду дельфинов и осьминогов.

Тарас отложил брошюру в сторону, вспоминая все, что он узнал о происхождении жизни от учителя и во время походов в прошлое, и решил еще раз спуститься «вниз», на самое «дно» родовой линии, чтобы проверить высказанные американцем гипотезы. Если верить эзотерической информации, процесс распространения жизни по суше

происходил иначе, и первыми живыми существами на Земле были Аморфы, отличавшиеся и от растений, и от животных и представлявшие собой «квазиживые кристаллические организмы» величиной с горные цепи. Куда они ушли с Земли, достигнув высот понимания мира, оставалось загадкой, никаких следов своей жизнедеятельности они не оставили, если не считать таковыми человечество. После их ухода на Земле наступила эпоха Инсектов, разумных насекомых, едва не погубивших Землю, и последним деянием Аморфов стал акт трансформации Инсектов. Все гигантское царство Инсектов было просто уменьшено физически в пятьдесят-сто раз, а род блаттоптера сапиенс был изменен и дал начало роду Перволлюдей, предков современного человечества.

Тарас разделся, снова улегся в кровать, сосредоточиваясь на внутренних ощущениях, пока не перестал слышать все внешние звуки. Однако закончить процесс формирования поля необходимости получения генетической информации ему не дали. Кто-то приблизился к двери его гостиничного номера, и сработавшая сторожевая система отключила канал «спуска» сознания в глубины родовой генетической памяти.

В дверь постучали.

Тарас накинул на голое тело рубашку, прислушиваясь к тишине в коридоре гостиницы. За дверью было тихо, но обострившееся чутье подсказывало, что за ней сейчас притаились четверо человек.

Стук раздался снова.

– Кто там? – сонным голосом спросил Тарас.

– Девочку заказывали? – послышался игривый женский голос.

– Нет, – коротко ответил Тарас.

Молчание. Тихое шевеление за дверью. Сдержанный смех.

– Мы для вас сделаем скидку.

– Спасибо, не надо.

Тарас отступил, и вовремя.

От сильного удара дверь распахнулась, и в номер ворвались трое могучего телосложения парней, из-за спин которых выглянула молодая женщина с короткой прической. Один из парней, в коричневом костюме и зеленой рубашке (вспомнился наряд директора ЗАО «Наслаждение» господина Киселева), махнул рукой, оглядываясь, и

женщина закрыла за ним дверь со сломанным замком, оставаясь в коридоре.

Все трое визитеров посмотрели на оставшегося спокойным Тараса. Затем второй громила, в куртке и кожаных брюках, достал пистолет, и Тарас узнал его: это был тот самый толстоносый здоровяк, что пытался пройти в квартиру Николая Белозерова в компании сержанта милиции.

— Ну вот мы и встретились, — ухмыльнулся он. — Руки за голову!

Тарас усмехнулся.

— Битому нейдет.

Толстоносый нахмурился, демонстративно передернул затвор пистолета (тип 64, китайского производства, под патрон калибра семь и шестьдесят пять сотых миллиметра, пистолет средних качеств и к тому же легко идентифицируемый, странно, что им пользуются местные бандиты) и направил в лоб Тарасу.

— Ну, ты, эколог вонючий, руки за голову, я сказал, а то башку отстрелю!

— Не попадешь, — покачал головой Тарас. — Несерьезная у тебя пушка. — Он посмотрел на парня в коричневом, который тут явно был главным. — Вы не ошиблись номером, господа хорошие? Может быть, предъявить документы?

— Мы знаем, кто ты такой, — глухим голосом проворчал вожак группы. — И знаем, куда и зачем приехал. Так вот давай договоримся. Завтра ты пишешь заключение о проверке фабрики, причем то, какое нужно, получаешь за это тысячу баксов и уезжаешь в столицу вместе со своей дамой. Годится такое предложение?

— Нет.

Парень в коричневом костюме выкатил глаза.

— Что ты сказал?!

— Видимо, вы не поняли, какую структуру я представляю.

— Ты что, идиот?! Кого бы ты ни представлял, здесь у нас о д и н хозяин! А твоя контора далеко, смекаешь? Или ты принимаешь предложение, или...

— Что?

— Мы тебя обломаем.

— Большой, а без гармошки, — осуждающе качнул головой Тарас. — Как же ты меня обламывать будешь, ежели у тебя головка бо-бо,

денежки тю-тю и во рту бяка?

Вожак в коричневом изумленно вытаращился. Его напарники в замешательстве переглянулись. Тарас наконец поймал нужный момент и, вытянув губы особым образом, выстрелил звуковой пакет, содержащий один из ключей метаязыка, способный становиться силой на физическом уровне.

Звук – нечто среднее между «о» и «у» – упругим шариком толкнул руку толстоногого, выбивая пистолет, отразился от стены комнаты и влип в ухо третьего парня, заставив его охнуть и схватиться за голову.

Тарас подхватил пистолет, навел на вожака в коричневом костюме, не успевшего вытащить свое оружие.

– Стой смирно! Пистолет заряжен. Я зол. Вы – налетчики. Получите сполна. Доходит?

– Ты, гад, отдай пушку! – опомнился толстоносый, бросаясь на Тараса.

Тот сделал шаг в сторону и с виду лениво нанес точный уракен – удар с полувращения кисти по носу кулаком. Здоровяк отлетел к стене и присел на корточки, держась за нос. Тарас наставил на него палец.

– Сиди тихо! Говори мало. – Он посмотрел на третьего гостя, в куртке и спортивных штанах. – Руки за голову! К стене!

Парень молча повиновался.

Тарас повернулся к вожаку группы.

– Говори кратко. Кто послал?

Парень сунул было руку за пазуху, и Тарасу пришлось в темпе бить его под невероятным для нападения углом. Удар назывался рикен – «выхватить меч из ножен вбок», и от него вожака унесло по спирали к окну. Он запутался в ковре на полу, грохнулся на кровать, едва не сломав ее, сел с ошеломленным видом, тараща глаза.

– Повторяю вопрос, – терпеливо сказал Тарас, закрывая дверь перед девицей, заглянувшей в номер на шум. – Кто послал?

Вожак помотал головой, глухо промычал:

– Он тебя отсюда не выпустит...

– Ну, это мы с ним будем решать. Кто?!

– Губер...

– Громче!

– Губергриц.

– Это что еще за птица?

- Начальник охраны...
- ЗАО «Наслаждение»?

Здоровяк поднял голову, криво усмехнулся – на его щеке лиловел отпечаток кулака Тараса.

- Думаешь, сильно крутой? Мы таких крутых в Мокше топили.
- Не сомневаюсь. Кстати, все, что здесь происходит, записывается, так что советую держать язык за зубами. А теперь уходите отсюда. Быстро!

Вожак с недоверием посмотрел на Горшина.

- Ты нас... отпускаешь?
- Мне надо отдохнуть перед завтрашним днем. А Губергрицу передай, что он меня очень сильно раздосадовал. Теперь я буду работать по полной программе.

– Ну, смотри... – с плохо скрытой угрозой проговорил вожак.

– Спасибо за совет. Конечно, я буду смотреть.

Боевики команды неведомого Губергрица зашевелились, двинулись к выходу из номера, поглядывая на хозяина. Тарас привычно выщелкнул из пистолета обойму, вернул его владельцу.

– Никогда не вынимай эту штуковину всуе. К тому же я не уверен, что у тебя есть лицензия на ношение оружия. Ты меня понял?

– Понял, – хмуро буркнул толстоносый, держась за свой еще больше увеличившийся, вспухший и покрасневший нос.

– Болит? – сочувственно спросил Тарас.

Парень злобно скривился, и Тарас добавил:

– Скажи спасибо, что я бил в треть силы, иначе бы сломал.

Дверь номера закрылась и тут же распахнулась вновь.

– Ну ты и козел! – заглянула в нее девица, сопровождавшая налетчиков; в глазах ее плавало восхищение. – Согласился бы на девочку, и всем было бы хорошо. А теперь будешь ходить, как по минному полю. Не передумаешь?

Глубоким гортанным голосом Тарас произнес короткое и энергичное слово «Вон!», и девицу словно сдуло ветром. Дверь захлопнулась.

Подождав немного, он выглянул в коридор, затем натянул брюки и вышел, остановился у двери в номер Нины в конце коридора, постучал.

– Кто там? – раздался сонный голос бухгалтерши Комитета.

– У тебя все в порядке? Гости не беспокоили?

Нина, в халатике, открыла дверь, прищурилась от света в коридоре.

– Что-нибудь случилось?

– Нет, но вполне может случиться. Никому не открывай, а если постучат – сразу звони мне.

– Снова эти... визитеры? – догадалась женщина.

– Ничего, все образуется. Хотя такое давление на меня оказывается впервые. Спокойной ночи.

Он кивнул Нине и отправился к себе в номер, хотя мог бы, наверное, и остаться. Нина жила без мужа, с дочерью, и мужчины ей противопоказаны не были. Однако Тарас был воспитан в традициях почитания женщин и легкого секса не искал.

Кое-как починив замок, он лег и уснул без особых переживаний, просто приказал себе спать.

* * *

Утро шестого апреля выдалось хмурым, но без дождя. И уже к одиннадцати часам облака стали расходиться, выглянуло солнышко, и природа ожила, омытая ночным ливнем, а на лицах прохожих впервые появились улыбки. Правда, экспертов из Москвы встретили на территории фабрики без них.

Встречающих было трое: высокий поджарый мужчина лет тридцати пяти с худым острым лицом и цепкими прозрачно-серыми глазами, одетый в кожаную куртку зеленоватого цвета и такие же штаны, и двое охранников в черном. Мужчина в коже и оказался тем самым Губергрицем, начальником охраны фабрики, который, по словам ночных визитеров, приказал им прощупать инспектора из Москвы. Звали его Юстасом Карловичем.

– Мне велено сопровождать вас по территории, – сказал он с заметным прибалтийским акцентом.

– Без претензий, – пожал плечами Тарас. – Проводите даму в бухгалтерию, и начнем.

Они сопроводили Нину до административного корпуса. Один из охранников скрылся с ней в здании, Тарас остался наедине с

Губергрицем и вторым охранником, массивным, как сейф, и таким же эмоциональным.

– С вами все в порядке? – индифферентно поинтересовался Губергриц, прищурясь.

Он знал о провале своих подчиненных и пытался прощупать Тараса на предмет его отношения к ночному визиту.

– Со мной – вполне, – коротко ответил Горшин. – Давайте начнем.

– Вы ничего не хотите мне сказать?

Тарас остался невозмутим:

– Когда сочту необходимым.

Начальник охраны фабрики сжал губы в бледную полоску, но сдержался.

– Как хотите. С чего начнем?

– Покажите мне схему очистки предприятия. Затем мы посмотрим очистные сооружения и стоки...

– Что на них смотреть? – угрюмо пробубнил сейфовидный охранник. – Их кто только не смотрел, есть акты экспертизы санэпидстанции...

– Посмотрим очистные сооружения и стоки, – ровным голосом повторил Тарас. – После этого я проверю все водоотборы фабрики и пройду по цехам.

Губергриц и его телохранитель переглянулись.

– Может, лучше посидим в уютном кабинете, глотнем коньячку, пока наши специалисты приготовят акт? Зачем вам бродить по территории зря, пачкаться, дышать разной гадостью?

– Мое терпение имеет пределы, – тем же тоном сказал Тарас. – Или вы помогаете мне, или я составляю отчет о грубом давлении на эксперта НКЭБ.

– Не кипятись, эксперт, – поморщился Губергриц. – Всё мы тебе покажем, просто неохота терять время. Витя, неси документацию.

Сейфовидный Витя бросил на Тараса неприязненный взгляд и вразвалочку направился к административному корпусу.

– Плохо начинаешь карьеру, парень, – сказал Губергриц, не глядя на Горшина. – Тебе дело предлагали. Ну, не угадали с суммой, так не поздно переиграть. Назови свою. Зачем лезть на рожон?

Тарас не ответил.

– Чего молчишь? Прикидываешь цифру? Пять тысяч «зеленых» хватит?

Тарас покачал головой.

– Слов нет, одни буквы, да и те складываются по три. Знаешь, чем пахнут такие предложения?

– Так ведь никто нас не слышит, эксперт. А начнешь права качать, я в суд подам за поклеп. Хочешь совет? Не суй нос куда не надо. У нас губернаторская «крыша», а губернатор очень не любит столичных проверяльщиков.

– Тогда и ты выслушай совет: увольняйся с фабрики, сегодня же. Завтра будет поздно. Я все равно найду канал сброса отходов в Мокшу, и тогда ты сядешь вместе с директором на одну скамеечку.

Губергриц хмыкнул, поиграл желваками, изучая лицо Тараса злыми умными глазами, наткнулся на ответный ледяной взгляд, и улыбочка сползла с его губ.

– Это надо понимать как объявление войны?

– Это надо понимать как выполнение долга.

– Ну-ну, смотри, долговыполнитель. Человек ты, я вижу, смелый, но недалекий. Такие долго не живут.

Появился Витя с папкой в руке, покосился на Тараса.

– Не договорились?

– Пусть поработает, – осклабился Губергриц. – У нас все нормально. Может, клад найдет, тогда поделим по-честному.

Охранник хмуро улыбнулся.

– А если он...

– Заткнись! И не болтай много, этот парень не промах, вдруг действительно записывает наши речи?

Витя сплюнул, проворчал:

– Во жизнь пошла, на хрен некого послать!

Тарас молча взял у него папку, расстелил на лавочке схему очистных сооружений, поизучал ее несколько минут и свернул.

– Начнем с цеха подготовки. Показывайте.

Губергриц ответил Вите предупреждающим взглядом, кивнул.

– Веди, куда скажет, я займусь кое-какими делами. Будь на связи. – Он повернул голову к Тарасу: – Удачи тебе не желаю, эксперт. Будь готов к неожиданностям.

Он ушел.

– Пошли, – бросил Витя, направляясь в обход административного здания к производственным корпусам, откуда всю территорию фабрики накрывала волна горьковато-сладких запахов, от которых кружилась голова.

К обеду Тарас обошел все очистные комплексы фабрики, половина которых не работала, осмотрел производство, упаковочный и сушильный цеха и понял, что его не зря пытались купить. Оборудование на фабрике стояло итальянское, устаревшее, купленное по дешевке, выпускало оно около миллиона сигарет в месяц, и мощностей очистных сооружений, как воздушных, так и жидкостных, явно не хватало на весь цикл. Однако по документам выходило, что претензий к фабрике со стороны санэпиднадзора и местной экологической комиссии не было, все необходимые бумаги, акты проверок и заключения экспертов с печатями и подписями находились на месте, и, в общем, придраться как будто было не к чему. И тем не менее после осмотра водосбросов у Тараса сложилось впечатление, что на фабрике существует некая хитрая система слива отходов, не фиксируемая стандартной аппаратурой. Приборы, которые он взял с собой – газоанализатор, масс-спектрометр, химический идентификатор и полевой сканер, – молчали на всей территории фабрики и лишь на берегу Мокши показали увеличение вредных окислов и сернистых соединений, хотя и в пределах нормы. Фабрика все же периодически сбрасывала отходы в реку, в этом Тарас был абсолютно уверен.

– Все? – спросил его сопровождающий, по мере приближения инспекции к концу приобретающий все большую уверенность.

– Теперь мне нужна схема канализации, – сказал в ответ Тарас. – Пока ты будешь ее искать, я проверю склад ГСМ и бензозаправку.

Охранник Витя едва сдержался, чтобы не выругаться, достал мобильный телефон и сообщил начальству о новой инициативе инспектора. Выслушав ответ, буркнул:

– Жди здесь, я сейчас.

Тарас остался один, однако ждать сопровождающего не стал, а направился к отгороженному проволокой участку территории со вкопанными в землю резервуарами. Это была бензозаправка фабрики, оборудованная по последнему слову техники.

Пока Витя искал чертежи канализации фабрики, Тарас изучил бензозаправку, проверил цистерны и подземные хранилища топлива, затем оценил их расположение и с сожалением констатировал, что эта зона фабрики представляет собой именно то, что есть на самом деле. Использовать емкости бензозаправки в качестве резервных хранилищ отходов владельцы ЗАО не решились. Оставалась надежда на подземные коммуникации, в которых можно было спрятать все, что угодно, в том числе и канал вывода отходов за территорию предприятия.

Витя появился вместе с Губергрицем.

– Схемы канализации на фабрике нет, – сказал начальник охраны. – Зато звонил твой начальник из Москвы, он хочет сообщить что-то очень важное. – Губергриц раздвинул губы в насмешливо-издевательской усмешке. – Кажется, тебе с дамой придется срочно отбыть в столицу.

Тарас понял, что у гендиректора ЗАО «Наслаждение» нашлись высокие покровители, заинтересованные в сохранении существующего положения, и они сумели каким-то образом надавить на Самсонова, заставить его отменить инспекционный вояж.

Тарас достал мобильник, набрал номер начальника НКЭБ.

– Горшин? – раздался в трубке голос Юлиана Львовича. – Что там у тебя?

– Вы меня искали?

– В общем, тут появились обстоятельства...

– Я уже заканчиваю проверку.

– И что? Предположения наших корреспондентов подтвердились?

Тарас покосился на подошедшего ближе Витю.

– Я буду готов ответить вечером.

– Сворачивай дело и выезжай домой, здесь тебя ожидает более важная работа.

Тарас помолчал и коротко проговорил:

– Хорошо.

Выключил связь, убрал трубку.

– Ну, что он тебе сказал? – любопытствовал Губергриц. – Я был прав?

– Показывайте центральный коллектор, – сказал Тарас. – Пора заканчивать этот затянувшийся спектакль.

Начальник охраны и его подчиненный переглянулись.

– Ну, ты и ко... – не выдержал Витя.

Губергриц остановил его сверкнувшим взглядом:

– Покажи ему коллектор, пусть полюбуется и понюхает ароматы.

Я к шефу.

Он исчез в административном корпусе.

Охранник повел эксперта к небольшому кирпичному строению рядом с котельной, открыл железную дверь с грозной надписью: «Стой! Посторонним в... запрещен!»

– Можешь заходить. – Витя скривил губы. – Я здесь покараулю. Не люблю нюхать всякое дерьмо. Там лестница, на площадке выключатель. Найдешь?

Тарас снова достал мобильный телефон, вызвал Нину:

– Как дела?

– Заканчиваю, – ответила женщина. – Бумаги в порядке, хотя есть кое-какие странности с отчетами о вывозе мусора.

– Запротоколируй, добавим к акту. Когда закончишь, позвони Бородину, пусть готовится.

– Я поняла, – с заминкой ответила Нина. – Когда тебя ждать?

– Если хочешь, езжай в гостиницу одна, но лучше дождись. Я буду примерно через час.

Тарас шагнул в проем двери и оказался в небольшом помещении с голыми бетонированными стенами, с дырой люка в полу и двумя электрическими шкафами у стен. Затем дверь за ним закрылась, в замке заскрежетал ключ, стало темно. Снаружи донесся довольный голос Вити:

– Захочешь выйти – постучи, эксперт гребаный. Только выход здесь платный. – Он хихикнул: – Не провались в коллектор, он у нас бездонный.

Тарас усмехнулся. Сам того не осознавая, охранник выболтал главную тайну фабрики: неконтролируемые отходы работники предприятия сливали в канализационный коллектор, сбрасывая их по мере накопления в какой-то секретный канал. Оставалось найти этот канал и сообщить об открытии руководству. Сёма Бородин командовал особой группой Комитета, ответственной за безопасность сотрудников, и его появление на территории инспектируемого объекта обычно служило началом судебного процесса.

Тарас закрыл глаза, сосредоточился на «третьем глазе», и темнота отступила.

Глава 7

ДЕЯНИЕ

Коллектор оказался внушительным: бетонная шахта диаметром чуть ли не в полсотни метров и глубиной около тридцати, если верить ощущению глубины, подсказанному «третьим глазом». Шахта была накрыта куполом с четырьмя выходами труб полутораметрового диаметра, по которым сочилась в коллектор едкая, вонючая дрянь. Еще одна труба, воняющая больше других, выходила прямо в край шахты. Очевидно, по ней в коллектор и сливались отходы из цехов фабрики, миновавшие системы очистки.

Тарас мог бы заблокировать обоняние, чтобы не ощущать зловония, шапкой висевшего над коллектором, но не стал ограничивать сферу восприятия. Вместо этого он просто перешел на кожное дыхание, позволявшее легким работать с частотой не более одного вдоха-выдоха в минуту. То, что его заперли, не имело значения и не волновало, он в любой момент мог воспользоваться канализационными трубами и выбраться на поверхность земли через люки канализации. Едва ли Губергриц и его команда контролировали каждый люк на территории фабрики.

Обойдя коллектор, Тарас попытался определить, где начинается труба слива отходов, явно скрытая на дне коллектора, но не смог. Для этого надо было иметь гидрокостюм, чтобы опуститься на дно шахты. Однако и гидрокостюм не спасал, так как требовалось не только найти выход трубы, но и определить, куда она ведет и где выходит на поверхность. Оставался один путь – астральный поиск.

Тарас поднялся по лестнице вверх, на узенькую балюстраду, опоясывающую зал коллектора, прислушался к тишине за дверью входного бункера и уселся на пол в позе лотоса. Закрыв глаза. Сосредоточил мысленный взор на пупке и волевым усилием вышел из тела.

Появилось чувство необыкновенной легкости и свободы.

Тело исчезло, перестало ощущаться физически.

Вокруг сгустилась мерцающая фиолетово-багровая субстанция, создающая странное впечатление двойственности восприятия. С одной

стороны вокруг стоит густая тьма, с другой – видно все как днем. Да и сама фиолетовая тьма не мертвая и пустая, но живая и вздрагивающая от присутствия человека, хотя едва ли можно было описать человеческим языком столь необычное состояние. В двух словах это можно было обозначить как «тьму, пронизанную светом». Она не была абсолютной, но и не казалась прозрачной. Она не проявляла враждебности, но и не излучала дружелюбия и тепла. Она смотрела на проявившегося в ней человека и ждала.

Тела своего Тарас действительно не чувствовал, но мог каким-то образом двигаться в пространстве «светлой тьмы». Тогда он превратил себя в поток силы и устремился вниз, в бездну неведомых состояний и озарений.

Тьма внезапно расступилась. В ней образовался зыбкий коридор с пульсирующими стенами, уходящий в бесконечность. С каждым мгновением свечение стен становилось все ярче, они начали уплывать назад все быстрее и быстрее. Теперь Тарас мчался с огромной скоростью навстречу раскрывающейся бездне, не ощущая страха, так как не один раз уже переживал подобные состояния.

Коридор вывернулся наизнанку, швыряя Тараса (его сознание, разумеется) в иное пространство, отличное от привычного ему космоса со звездами, галактиками и чернотой. Вокруг него заиграли переливы, потоки, реки и моря призрачного света, размывая границы реальности и волевые опоры. Душа еще помнила себя и пыталась сконцентрировать вокруг ядро «самости», но и она поддалась необычайно мощному воздействию потоков света и начала растворяться в них, ощущая призывы колоссального океана растворенных живых душ – поля Вселенской информации.

Тарас заставил себя не слушать голоса давно ушедших в небытие душ живых существ и остатками воли замедлил падение в бездну.

Тотчас же под ним проявилась панорама светлых узоров и огней, напоминающая картину ночного города, видимую с большой высоты. Потоки света побледнели, перестали виться перед глазами, расступились, как бы приглашая человека сделать еще один шаг. Это была ловушка, и Тарас уже знал, в чем хитрость такого «предложения», поэтому «прыгать вниз» не захотел. Сосредоточившись на контроле высоты, он позвал:

«Отвечающий всем свободным, отзовись!»

Спустя мгновение в сознании возник ровный, глубокий, бархатный голос:

«Контролирующие Род слушают тебя, идущий. Зачем ты вышел за пределы Яви?»

«Нужна определенная и конкретная информация».

«Ты же знаешь, мы не даем прямых ответов, мы высвечиваем лишь с о с т о я н и е Яви или структуры взаимодействий».

«Этого достаточно. Я разберусь».

«Ты рискуешь остаться с нами, не справившись с синхронизацией своей оболочки с динамической волновой структурой узла информации. Твой силовой каркас уже деформирован».

«Я справлюсь!»

«Хорошо. Что тебе нужно?»

«Зона прямого пространственно-волнового видения. Координаты зоны: Россия, Рязанская губерния, город Кадом, сигаретная фабрика «Наслаждение». Диаметр зоны – десять километров».

Собеседник Тараса не выразил удивления.

«Смотри».

И в то же мгновение «панорама ночного города» под ним изменилась. Появился пейзаж с рекой (Мокша) и кварталами небольшого городка (Кадом), чуть сдвинулся в сторону, так, чтобы в центре панорамы оказалась территория сигаретной фабрики, а затем с глухим гулом весь этот участок превратился в кусок светящегося изнутри прозрачного желе, пронизанного «кротовыми норами» коммуникаций.

Длился сеанс энергоинформационного просвечивания всего несколько секунд. Затем Тарас почувствовал, что проваливается в трясину небытия, и последним волевым усилием выдернул себя из нижнего слоя «болота» астрала. Дальнейшее пребывание в этом «болоте» было чревато психическим расстройством и даже потерей разума.

Пришел он в себя от птичьей трели мобильного телефона. Открыл глаза, достал трубку.

– Слушаю...

В трубке зазвучал голос Нины:

– Тарас, меня не выпускают, заперли в комнате на втором этаже...
Что делать?

- Хорошо, что не отобрали мобильник. Бородину позвонила?
- Не успела. Но они не знают, что у меня есть телефон.
- Звони немедленно и ничего не предпринимай, я скоро приду.
- Что-нибудь нашел?
- Пока нет.

Тарас выключил телефон, посидел, унимая головокружение, дождался, пока перед глазами перестанут плясать цветные пятна и звезды, и встал. Теперь он з н а л, где строители спрятали трубу, выводящую отходы за пределы фабрики. Труба тянулась на семь с лишним километров и выходила к болотистой низине на левом берегу Мокши. Когда низина переполнялась, в реку попадали десятки и сотни кубометров неочищенной дряни, от которой гибла рыба и чернела трава. Именно об этом и поведал на страницах газеты журналист Николай Белозеров.

– Ну что ж, ребята, – вслух проговорил Тарас, направляясь к выходу, – вы не зря подняли панику. Хотели разборок? Их есть у меня.

Дверь из верхнего строения коллектора наружу все еще была заперта. И, судя по отсутствию биополей в окрестностях строения, ее никто не охранял. Очевидно, амбал Витя свято верил в непреодолимость препятствия, иначе ждал бы настырного московского эколога здесь.

Тарас мельком взглянул на засветившийся циферблат часов. Он находился взаперти уже около часа, пора было являться пред светлые очи гендиректора ЗАО «Наслаждение».

– Как ты там? – связался Тарас с Ниной на всякий случай.

– Сижу, – обрадованно сообщила бухгалтерша. – Только что дозвонилась до Бородина. Где ты?

– Скоро приду, жди.

Тарас остановился перед деревянной, обитой снаружи железным листом дверью, сосредоточился на замке. Конечно, можно было спуститься к шахте коллектора и выбраться на территорию фабрики через канализационную трубу, однако не хотелось пачкаться в нечистотах, да и времени этот вариант требовал больше.

Замок оказался одноязычковым, английским, не рассчитанным на экстремальные ситуации. Тарас усмехнулся в душе, прикинул импульс и ударил ногой в дверь с такой силой, что замок не выдержал и лопнул. Второго удара не потребовалось.

Снаружи, как и ожидалось, никто пленника не встретил, что указывало на отсутствие у охранников Губергрица элементарной предосторожности. Провожаемый взглядами встретившихся на пути работников фабрики, Тарас поднялся на крыльцо главного входа в административный корпус и столкнулся со спешащим куда-то сейфообразным Витей.

– Тю! – изумился охранник. – К-как тебе удалось?!

– Хаппо кэри, – сказал Тарас.

– Что?! – не понял Витя.

– Хаппо кэри, – терпеливо повторил Тарас. – Удар ногой вперед. Этому тебя не учили?

Он отодвинул разинувшего рот охранника и прошел через турникет, не обращая внимания на второго стража ворот. Однако просто так пройти не удалось.

– Ах ты, курва! – взревел Витя, бросаясь за экспертом.

Не останавливаясь, Тарас нанес точный суки кэн – удар локтем назад – в подбородок охранника, раздался сдавленный вскрик «эк!», и Витя сел на мраморный пол вестибюля с выражением тупого удивления на лице. Тарас обернулся, наставил палец на второго охранника в черном, шагнувшего было к нему, тихо, с нажимом, сказал:

– Не балуй!

При этом Тарас проделал сложное движение второй рукой, и по его телу пробежала волна сокращений мышц, мало заметная из-за одежды, но индуцирующая определенное психополе.

Охранник побелел и отшатнулся, меняясь в лице.

Тарас усмехнулся, взбежал по лестнице на второй этаж здания. Учитель мог быть доволен. Его ученик только что применил психофизический паттерн – особое малоамплитудное движение из арсенала «наваждения», которое вызывало безотчетный страх. До этого во время конфликтных ситуаций Тарас редко применял бесконтактное силовое воздействие, и успех его обрадовал и позабавил.

В приемной, кроме секретарши и телохранителя Киселева, никого не было. Заледеневшим взглядом Тарас остановил встрепенувшегося парня и, ни слова не говоря, толкнул дверь в кабинет гендиректора.

Давид Евгеньевич был не один. Кроме него, в кабинете присутствовали еще двое мужчин: начальник охраны фабрики Губергриц и знакомый Тарасу по инциденту у дома журналиста сержант милиции. Все трое оглянулись на вошедшего и некоторое время молча его разглядывали. Потом директор ЗАО посмотрел на Губергрица и проговорил сквозь зубы:

– Что это значит, Юстас?

– Не понимаю, – нахмурился начальник охраны. – Он должен...

Дверь распахнулась от сильного толчка, в кабинет влетел запыхавшийся мордоворот Витя. За ним вошел смущенный телохранитель Киселева.

– Он, гад, сам... – сипло выговорил Витя, помассировал горло. – Я не успел...

– Вижу, – поморщился Губергриц, повернулся к директору: – Разрешите, я его...

– Вы зашли слишком далеко, господин Киселев, – бесстрастно сказал Тарас, взвешивая решение; начинать бузу не хотелось, но и ждать, пока его захватят растерявшиеся «шестерки» директора, не хотелось тоже. – Советую вести себя достойно. Мы вызвали спецназ, через несколько минут он будет здесь. Если хотите ослабить наказание, укажите координаты слива отходов, если же вы этого не сделаете, я найду место сам.

В кабинете повисла тишина.

– Он блефует! – процедил сквозь зубы Губергриц.

Давид Евгеньевич опомнился, сдавленным голосом произнес:

– Уберите его!

Сержант милиции с готовностью щелкнул кнопкой кобуры, чтобы достать пистолет, и в то же мгновение Тарас очутился рядом с ним, выхватил пистолет, в доли секунды разрядил его и вернул владельцу. Похлопал его по плечу, посмотрел на приготовившегося к действию – ноги слегка согнуты в коленях, руки приподняты, пальцы сведены особым образом (а ведь мужичок кое-что понимает в рукопашке) – Губергрица.

– Не усугубляй положение, десантник, – покачал пальцем Тарас. – Я не шучу.

– Ах ты, бля! – кинулся на него, нагнув голову, глыбистый Витя.

Эксперт отступил в сторону, незаметным движением добавил Вите импульс силы, тот врезался в стол директора, едва не развалив его на части, и осел на пол, очумело ворочая чугунной башкой.

Губергриц оценивающе посмотрел на него, потом на оставшегося равнодушно-спокойным Тараса, раздвинул губы в бледной улыбке.

– Кажется, мы учились у одного и того же инструктора. Рязанка, группа «Зет»?

– Не понимаю, о чем вы, – пожал плечами Тарас.

– Ну-ну... а можно было бы помахать руками-ногами. Жаль, что ты не оставляешь нам выбора.

Губергриц, не торопясь, достал из-под мышки пистолет с насадкой бесшумного боя.

В этот момент за окнами кабинета раздался усиливающийся гул, задрожали стекла. Все замерли, повернув головы к окнам.

– Финита, – сказал с внутренним облегчением Тарас. – Просьба оставаться на местах.

– Что это? – прошептал Давид Евгеньевич, уже сообразив, в чем дело.

– Это прилетел полковник Бородин, – любезно пояснил Тарас. – На вертолете. И с ним бригада спецназа. Сопrotивляться не советую, парни могут подумать, что вы всерьез бунтуете, а это чревато. Советую объявить всем работникам фабрики о предоставлении им внеочередного отпуска. До особого распоряжения.

Тарас насмешливо поклонился и вышел из кабинета, сопровождаемый красноречивыми взглядами присутствующих.

В недрах здания зародился характерный шум, покотился волной по коридорам. Это бежали десантники Бородина. Тарас выяснил у растерянной секретарши Киселева, где находится Нина, взял у нее ключи, вывел бухгалтера из комнатки уборщицы, где ее заперли.

– Наши прилетели? – догадалась она, кивнув на окно.

– Наши, – подтвердил Тарас.

* * *

Возвращение в Москву было не то чтобы триумфальным, но все же более радужным, чем ожидалось. Нину забрал с собой в вертолет

Бородин, уже на следующий день после десантирования спецкоманды и выяснения всех обстоятельств ее вызова, а Тарас возвращался из Кадома один. Он был доволен, хотя в глубине души осознавал, что того же результата можно было добиться и более мирным путем, без демонстрации приемов русбоя и «наваждения».

Вечером седьмого апреля он встретился с учителем у него на квартире и рассказал о своем хождении по астралу, предпринятому для решения рабочей проблемы на сигаретной фабрике.

Елисей Юрьевич выслушал ученика внешне спокойно, не стал ни хвалить его, ни порицать. Лишь позволил себе не смотреть ему в глаза, что в общем-то не было чем-то необычным, хотя и не свидетельствовало о положительной оценке деятельности Тараса. Помолчав немного, Елисей Юрьевич предложил ему позаниматься рукопашкой, и слегка расстроившийся – интуиция подсказывала, что учитель не вполне им доволен, – Тарас принялся переодеваться.

Учитель появился в стареньком спортивном костюме, облегавшем его сухое, жилистое, туго перевитое мышцами, хотя и не чрезмерно развитыми, тело. Кимоно он никогда не надевал, хотя оно у него имелось. Елисей Юрьевич оглядел фигуру Тараса (они были весьма похожи, особенно осанкой), надевшего свой обычный костюм для тренинга: шорты, футболку с короткими рукавами и мягкие полукеды. Во взгляде учителя мелькнуло некое предостережение, и Тарасу показалось, что за ним наблюдает кто-то еще, хотя он точно знал, что в квартире, кроме него и хозяина, никого нет.

– Покажи, что умеешь, – сказал Елисей Юрьевич ворчливым тоном. – Уровень – «безупречность».

Спину Тараса охватил легкий озноб.

Термин «безупречность» включал в себя два символических значения.

Во-первых, это был высший уровень этапа реализации боевых возможностей человека как выразителя целостной системы движения. Этот уровень предполагал пренебрежение результатом и значением самой схватки как способа выражения инстинктивной сущности человека.

Во-вторых, это был самый важный уровень познания мира через контроль сознанием процессов подсознания. Воин, владеющий «безупречностью», действительно безупречен в своих мыслях,

эмоциях, желаниях и поступках и способен быть равным любому оппоненту. На этом уровне воин, осознавший свою с и л у, обязан либо постоянно следить за своими мыслями, контролировать пси-сферу, либо почти полностью останавливать внутренний монолог. Учитель же рекомендовал Тарасу пойти другим путем: научиться «десинхронизировать» векторы целеполагания, чтобы поддерживать у противника неуверенность в ответе, и больше использовать малоамплитудное «качание маятника» для бесконтактного воздействия.

– Готов? – прищурился Елисей Юрьевич, обманчиво расслабленный и добродушный.

Тарас кивнул и тут же мягко перепрыгнул через стул, так как учитель неожиданно оказался рядом, в зоне поражения, и любое его движение грозило пресечь схватку в самом начале.

Конечно, небольшая гостиная обычной московской двухкомнатной квартиры не являлась идеальным залом для занятий рукопашным боем, но истинный мастер должен уметь работать в любых помещениях, даже в самых тесных и неудобных, и Тарас давно привык к тренировкам в такой обстановке, непременным условием которых было не нарушить существующий порядок вещей. За все время занятий с учителем в его квартире он лишь однажды разбил люстру и долго потом тренировался «складываться втрое» во время прыжков.

Боевая система, которой Елисей Юрьевич обучал Тараса, называлась «потоп» и служила третьей ступенью «живы». Четвертая ступень по сути являлась магическим оперированием, использующим свойства воздействия на противника соответствующими телодвижениями и звуковыми волнами, и, чтобы достичь такого уровня мастерства, надо было знать базовые «заклинания» – энтропийные наговоры (насмерть), шокирующие пси-удары, внушение страха и боли. Елисей Юрьевич – знал, Тарас же еще только подходил к этому рубежу, осваивая вибрационную технику «характерников» и приемы «наваждения», древней бореической системы метабоа, включающей в себя приемы «быстрой» и «отсроченной» смерти, а также удары, наносящиеся в глубь тела человека, по энергетическому каркасу, по его полевой структуре. Пропустить один такой удар, заранее настроенный на преодоление телесного сопротивления,

означало потерпеть поражение во всех формах бытия, в том числе – на физическом уровне, так как смерть при этом наступает непременно, даже намного позже схватки. Если не знать приемов «живы», восстанавливающих силу и жизнедеятельность пораженного органа.

Елисей Юрьевич снова оказался рядом, действуя на сверхскорости. Беззвучной молнией мелькнула у лица Тараса его рука, но Тарас был готов к атаке и ушел с дистанции поражения, точно дозируя силу мышечных сокращений для создания «телесных лат». В китайских техниках самозащиты эти «латы» назывались «рубашками» – от железной до алмазной.

В течение двух последующих минут бойцы почти не двигались, демонстрируя намерения и так же «виртуально» отвечая на них. Оба прекрасно знали возможности друг друга и пределы реализации степеней свободы человеческого тела, поэтому не подпускали противника в сферу гарантированного поражения. Тарас впервые открылся своему подсознанию полностью, что позволяло ему свободно использовать психотехнику «живы» и даже «морочить голову» учителю на уровне «игр сознания».

Вообще схватка на высших уровнях боя, не говоря уже о метабое, внешне может показаться невыразительной и даже примитивной – настолько мало в ней видимых изощренных технических действий. Движения бойцов кажутся абсолютно простыми и прямыми, кроме тех, что не фиксируются глазом, а главное – похожими на крупную дрожь от холода. И только мастера могут поймать кинематику и динамику боя, выраженную вибрацией мышц и суставов, и понять всю драматургию схватки, в которой хорошо знакомые приемы самбо, дзюдо, карате, айкидо, русбоя лишь намечаются, но почти никогда не проявляются. До момента удара! Одного-единственного, точного, необходимого и достаточного для победы. Ибо вопреки мнению, сложившемуся у рядового зрителя американских киновоевиков, реальный бой никогда не является актом искусства. И только единицы из сотен тысяч бойцов достигают таких вершин мастерства, которые вправе называться воинским искусством.

В поле внимания Тараса проник некий посторонний звук. Даже не звук – его тень или чья-то мысль. Елисей Юрьевич тоже уловил диссонанс в морфологической слитности «виртуальных» приемов-ответов и на мгновение отвлекся. Этого оказалось достаточно, чтобы

Тарас вошел в его сферу поражения и нанес шокирующий укол «когтем дракона» – костяшкой согнутого указательного пальца, лишь в самое последнее мгновение ослабив удар.

Елисей Юрьевич отпрыгнул назад, сбивая стул, что считалось недопустимым во время тренинга, уронил руки, бледнея, затем зажал ладонью горло, поднимая вторую ладонь перед собой.

Тарас остановился, выдохнул:

– Прошу прощения, учитель...

Елисей Юрьевич покачал головой, помассировал горло, потом затылок. Краска вернулась на его щеки.

– Подожди, я сейчас.

Он вышел и вернулся буквально через несколько секунд.

– Держи.

Он подал Тарасу золотом просиявший значок: маленький меч с рукоятью в форме ключа.

– Что это? – тихо спросил тот.

– Это ключ доступа к информации первой ступени Круга. Ты прошел Посвящение.

Тарас удивленно посмотрел на Елисея Юрьевича.

– Когда?

– Только что. Вернее, Посвящение твое началось еще в Кадоме, а закончилось сегодня. Этот ключ передал мне Герард.

– Гептарх! Значит, это он наблюдал за нами?

– Ты это уловил?

– Еще когда мы не начали... но засомневался... а потом показалось, что кто-то хмыкнул...

Елисей Юрьевич улыбнулся.

– Сюръективное сравнение. Молодец, что почувствовал его присутствие. Мы не договаривались об экзаменах, и он извинился.

– Мог бы и сам передать этот ключ.

– Он очень торопился, хотя успел похвалить тебя и призвать к осторожности. С этих пор ты не имеешь права на крупные ошибки.

– А мелкие?

– В пределах допустимого. – Елисей Юрьевич посерьезнел. – Кто знает, когда мелкая ошибка переходит в крупную. Ошибающийся обычно этого заметить не успевает.

– Почему?

– Его настигает принцип расплаты за содеянное.
– Почему же тогда этот принцип не настигает бандитов и убийц?
– Они находятся вне Круга.
– Я учту, учитель. Но все же я не думал, что Посвящение будет таким...

– Каким?
– Простым, что ли, незаметным.
– Ты ошибаешься. Тебя просчитывали и оценивали по трем векториальным показателям: социальному, психофизиологическому и запредельному. Деяние в Кадоме только тестировало твои возможности.

Тарас снова помолчал, направляясь за Елисеем Юрьевичем на кухню, где они выпили по стакану облепихового морса.

– Что это за показатели, по которым меня оценивали?
– В социальный входит финансовое и социальное положение, независимость от государственных структур, а также образовательный ценз, выраженный в кругозоре и возможностях оперативного использования полученной информации. С этим у тебя все в порядке. Ты закончил радиоинститут и курсы лингвистики, да и работаешь в таком учреждении, которое позволяет тебе решать многие личные проблемы. С психофизиологией у тебя тоже неплохо. Во всяком случае, ты способен удерживать физиологические параметры тела в заданных пределах и восстанавливать вектор здоровья. Ну а запредельные показатели ты демонстрировал не один раз: когда выходил в астрал и спускался по родовой памяти. – Елисей Юрьевич усмехнулся и добавил: – Ну, и когда сдержал энерговыплеск при последнем ударе.

Тарас порозовел:

– Простите...
– Я сам виноват. Но запомни еще одно нравоучение. Все твои планы и действия могут как совпадать с планами высших сил, Темных или Светлых, так и не совпадать. Если они совпадают и все у тебя получается легко и свободно, задумайся – ка-ким силам это выгодно.

Тарас встретил взгляд Елисея Юрьевича, в котором отразились мудрость, печаль и понимание. Проговорил медленно:

– Я понял, учитель.
– Ну и ладушки. Давай поужинаем чем Бог послал?

Тарас с улыбкой кивнул.

Глава 8

АДЕКВАТНЫЙ ОТВЕТ

В последнее время Оксана Кличко начала полнеть, несмотря на занятия шейпингом. Естественно, это сказывалось на ее настроении и отражалось на отношении к Тарасу, относившемуся к ее занятиям скептически. До ссор дело не доходило, Тарас умел обходить острые углы конфликтных ситуаций, но и ему в конце концов начали надоедать вечные заботы подружки о своей фигуре.

Оксана была женщиной крупной, красивой, с благородной осанкой королевы, привыкла к приставаниям поклонников – она работала в баре элитного фитнес-клуба «Фит энд Фан» – и считала себя достойной восхищения мужчин. К Тарасу она относилась довольно сдержанно, что в принципе было правильно, так как именно такое отношение и поддерживало интерес Тараса к этой своенравной красавице, на фоне которой лучше бы смотрелся какой-нибудь крутой бизнесмен, а не сотрудник Комитета экологической безопасности. Однако бывали в их встречах моменты, когда ему казалось, что она его любит, и сомнения отступали, жизнь начинала казаться лучше, солнце сияло ярче, а непогода обещала скорые радостные перемены.

Познакомились они как раз в баре клуба, когда Тарас до прихода охраны легко усмирил подвыпившего клиента, пристававшего к симпатичной барменше. В клуб же Тараса заманил все тот же отечественный плебей Марат Барамидзе, знавший все знаменитые тусовочные места столицы. С тех пор, а прошло уже почти два года с момента знакомства, Тарас и Оксана были вместе, с удовольствием проводили время на морях и в лесах, встречались у него дома или в клубе и даже иногда заговаривали о свадьбе. Естественно, после развода с законным супругом. Однако до развода-свадьбы их отношения так пока и не дошли.

В очередной раз выслушав сетования Оксаны на полноту, Тарас предложил ей сходить на тайский массаж.

Они пили чай на кухне его собственного дома в Щелкове после бурно проведенной ночи; Оксана была в его рубашке, сам же Тарас довольствовался плавками. Женщина с завистью разглядывала его

развитое тело, увитое не слишком рельефными, но сильными мышцами. Однажды она застала его за разминкой и увидела «танец» мускулов и сухожилий, создающий завораживающие глаз ритмические волны ряби на теле. Этот «танец» был так необычен и красив, что она ахнула и попросила его научить ее этим движениям. Однако когда он сказал, что наука требует времени и самоотдачи и что он сам потратил на овладение телом чуть ли не двадцать лет, ее пыл угас. И тем не менее она ему завидовала.

– Тайский массаж? – презрительно оттопырила губку Оксана. – Но ведь это же что-то связанное с...

– Все так думают, – улыбнулся Тарас, выглядевший свежим и бодрым, несмотря на любовную энергопотерю. – На самом деле это система оздоровления, не имеющая ничего общего с сексуальными услугами. Я знаю такой салон, его хозяйка училась массажу в Таиланде несколько лет и вполне сможет тебе помочь.

– Ты с ней знаком? – ревниво изогнула бровь Оксана.

– Конечно, – кивнул Тарас. – Меня с ней познакомил мой племянник Марат.

– А, теннисист, уж он-то своего не упустит.

– Не знаю, что ты имеешь в виду, однако тайский массаж – вещь стоящая. Будет время, я попробую его выучить.

– Хорошо, давай сходим к этой твоей знакомой тайландке. Но смотри, если ты с ней...

– Успокойся, королева, – перебил он Оксану. – Во-первых, она не тайландка, хотя правильнее говорить – не тайка. Во-вторых, я с ней знаком шапочно. Она хозяйка салона, точнее – директор закрытой школы тайских искусств. Увидишь ее, сама все поймешь.

– Уговорил, завтра же пойдем на твой тайский массаж. – Оксана бросила взгляд на настенные часы. – Ой, я уже опаздываю! Собираюсь и убегаю.

Она чмокнула Тараса в щеку и унеслась в спальню одеваться. Через полчаса Тарас проводил ее до машины – зеленой «Ауди» годичной давности – и поехал на работу на своей «старушке».

Комитет имел свой собственный офис в шестиэтажном здании напротив Киевского вокзала, и обычно Тарас тратил на дорогу около часа, если не застревал в безнадёжных пробках на Садовом кольце и в узеньких переулках центра города. На этот раз ему удалось приехать

вовремя. Однако он тут же был вызван в приемную, и секретарша Самсонова Женя сообщила ему неприятную новость:

– Позвонили из пятидесят второй больницы, – сказала она. – Вашего племянника Марата Барамидзе избили какие-то подонки. Он в реанимации.

– Когда это случилось? – сжал зубы Тарас.

– Вчера поздно вечером, когда он загонял машину в гараж. Их было трое, по свидетельству очевидцев, соседей Марата, но он их не разглядел.

– Их нашли? Кстати, кто вам позвонил?

– Из милиции. Но, по-моему, бандитов не нашли.

Тарас несколько мгновений размышлял, бросил взгляд на дверь в кабинет Самсонова.

– Юлиан Львович у себя?

– Будет к обеду.

– Тогда я отлучусь на пару часов, проведу Марата.

– Конечно, Тарас Витальевич, я уведомлю шефа о причине.

Тарас зашел в свой кабинет, мельком просмотрел почту и не стал разбирать дела. Спустился во двор, вывел машину на набережную. Через сорок минут он был в отделении «Скорой помощи» пятидесят второй больницы, располагавшейся на Пехотной улице, недалеко от метро «Щукинская».

В палату, где лежал Марат, его пустили беспрекословно, как только он показал свое удостоверение. Теннисист лежал один, с забинтованными руками поверх одеяла и забинтованной головой. Из-под бинтов были видны только глаза, уши и вспухшие губы. Он спал, но сразу открыл глаза, услышав шаги.

– Что смотришь? – шевельнул Марат разбитыми губами. – Красивый?

– Краше в гроб кладут, – проворчал Тарас. – Надеюсь, ничего серьезного?

Губы Марата сложились в кривую усмешку.

– Закончилась моя спортивная карьера, дядя Тарас. Они мне руку поломали, локоть раздробили... дубинкой какой-то... ну, и кое-что по мелочи: нос сломали, ребро, синяков наставили... Однако жить буду.

Тарас проглотил горький ком в горле.

– Узнал кого-нибудь?

– Одного, в белом костюме и в очках... шоферюгу, который на джипе мой «мерс» изувечил.

– Точно это был он?!

– Такого мордоворота забыть трудно.

– Следовательно об этом сказал?

– Естественно. Только он странный какой-то, все принюхивался и спрашивал, что, где и с кем я пил перед дракой.

– А ты пил?

– Только пиво, мамой клянусь!

– Верю. Хотя действительно странно. Ведь не ты начал драку?

– Я вообще-то человек вспыльчивый, не одну ракетку на корте поломал, но драться не люблю.

– Зато попонтить любишь.

Марат виновато шмыгнул носом, поморщился.

– Так ведь все любят.

– Не все.

– Ну, таких мало. Я вообще только тебя такого знаю. Как ты думаешь, найдут этих сволочей?

– Поживем – увидим. Я вечером заскочу, фруктов подвезу. Мама знает, что ты здесь?

– Я просил врача ей не звонить, и ты пока не говори ничего. Синяки с лица сойдут, тогда и сообщу.

– Они ждали тебя специально или все получилось случайно?

– Конечно, специально. Я уже машину в бокс загнал, когда один подошел и закурить попросил. Волосатый такой, здоровый. Я ответил: не курю, повернулся, и тогда он врезал мне по затылку дубинкой. Потом появились еще двое, в том числе водила, стали бить ногами...

– Ты защищался, и они сломали тебе руку?

На глаза Марата навернулись слезы.

– Если бы... Они ломали по одному пальцу специально, приговаривая: это тебе урок, падла, надолго запомнишь...

Тарас потемнел, с трудом сдержал ругательство.

В комнату заглянула дежурная медсестра, бросила взгляд на медистат, по экранчику которого бежала зеленая зубчатая линия пульса, решительно указала на дверь:

– Прошу вас выйти, молодой человек, больному нельзя волноваться.

Тарас встал, пожал плечо больного, передавая ему энергоимпульс успокоения.

– Все будет нормально, поправишься и снова выйдешь на корт. Я забегу вечером, жди.

В коридоре он подождал медсестру, пошел рядом, тихо спросил:

– Вы его почините? Он сможет играть?

– Не знаю, – смутилась миловидная женщина. – Кости срастутся, а дальше все будет зависеть от пациента. Хотя полностью восстановить подвижность сухожилий и локтевого сустава, наверное, не удастся.

– Сделайте все возможное, он классный спортсмен.

– Мы знаем, – улыбнулась медсестра. – Уже звонили из Федерации тенниса. Да и мы иногда смотрим телевизор, видели его на соревнованиях.

Тарас кивнул, направляясь к выходу.

В двенадцать часов дня он снова вошел в свой кабинет, доложил секретарше о прибытии и включил компьютер. Через час он получил от коллег из МВД все данные о «бизнесмене» Шейникисе и его команде и принялся действовать.

Первым делом позвонил в УВД Центрального округа Москвы, представился и спросил, как идет расследование по делу разбойного нападения на известного теннисиста Марата Барамидзе. В ответ его вежливо отослали к следователю, который отыскался не скоро и заявил, что это дело бесперспективное и вряд ли закончится результативно.

– Но ведь пострадавший дал точный портрет одного из нападавших, – сухо сказал Тарас. – Этот парень является водителем владельца бензоколонок Шейникиса.

– Во-первых, это еще надо доказать, – неприветливо сказал следователь. – Во-вторых, откуда вы это взяли, что в нападении участвовал водитель Эдуар... э-э, господина Шейникиса? В-третьих, ваш приятель сам был пьян и начал первым.

– А вы откуда знаете, что он начал первым? – еще суше сказал Тарас. – Это вам сообщил водитель Шейникиса? Или свидетели?

– У вас все? – буркнул следователь.

– Почти. Теперь выслушайте то, что я скажу, перед тем как побежите докладывать боссу о закрытии дела. Во-первых, Марат

Барамидзе не пьет ничего, кроме пива и шампанского, и в момент нападения пьян не был. И я это докажу. Во-вторых, лучше откажитесь от расследования вообще, так как вы повязаны с Шейникисом. Если потребуется, я и это докажу. И в-третьих, если не найдете бандитов, сядете вместе с ними. Обещаю.

– Вы мне угрожаете? – фальшиво удивился следователь. Тарас почему-то представлял его толстым и потеющим, с бабьим лицом, толстощеким и небритым.

– Дурак! – сказал Тарас, кладя трубку.

Он уже понял, что дело о нападении далеко не пойдет. Следователь наверняка знал, с кем придется связываться, и рисковать карьерой и жизнью не хотел. Надо было действовать самостоятельно. Да и оставлять без внимания такой наглый вызов не хотелось.

С минуту Тарас размышлял, не посоветоваться ли с учителем, но передумал. Он и сам был в состоянии разобраться со столь пустяковой проблемой, как адекватное воздаяние бандиту, чувствующему себя абсолютно безнаказанным. Хотя, с другой стороны, стоило задуматься, почему лакеи Шейникиса ведут себя так беспардонно.

Следующий звонок был в контору самого Шейникиса.

Секретарша бензинового короля уточнила, кто звонит (Тарас назвал только организацию), и переключила канал. В трубке зазвучал жирный, сытый, брюзгливый голос Шейникиса:

– Да, на проводе. Кто говорит?

– Имеющий право, – веско произнес Тарас. – Эдуард Артурович, вы в курсе, что ваш водитель избил известного спортсмена, чемпиона мира по теннису?

Короткое молчание.

– Кто говорит?! – Голос владельца бензозаправок изменился, стал отрывистым, глухим и угрожающим.

– Это не важно. Вы знаете, а может быть, и специально подослали команду. Когда я это выясню, ответите по полной программе. Ферштеен зи?

– Послушай, ты, насекомое, – проговорил Шейникис. – Ты, наверное, плохо информирован и не знаешь, к о м у звонишь. Я из тебя душу вытрясу!

– Вот теперь я понял, кому звоню, – перебил Эдуарда Артуровича Тарас. – Обыкновенному тупому гангстеру, считающему себя пупом

земли. Так вот, если ты, торгаш, не сдашь органам своего не менее тупого бандита, пеняй на себя!

Тарас щелкнул языком особым образом, приблизив губы к мембране, и положил трубку телефона. Он знал, что в этот момент Шейникис с криком хватается за ухо, получив приличный болевой «звукопакет». Но, с другой стороны, от беседы с бензиновым королем остался неприятный осадок, будто Тарас сделал нечто предосудительное. Возможно, он чего-то действительно не учел, играя в открытую, и надо было действовать тоньше.

Вечером Тарас снова поехал в больницу, навестил Марата, пребывающего в неестественно бодром настроении, и даже подумал, что теннисист просто недооценивает свое состояние. Однако, перехватив взгляд племянника, брошенный на медсестру, он понял, что парень нашел наконец девушку, которая его обаяла. Впрочем, она и вправду была стройна и симпатична, а строгость медсестры вполне объяснялась двумя обстоятельствами: Марат нуждался в серьезном лечении, а главное, понравился.

Побеседовав с теннисистом о том о сем, подбодрив его и развеселив анекдотом о трех суперковбоях, Тарас поехал домой, полный решимости довести дело о возмездии до конца.

Оксана позвонила в восемь вечера, предупредила, что не придет, так как на неделю уезжает с мужем к родителям в Тамбов. Тарас расстроился, но ненадолго, в отсутствие Оксаны ему ничто не мешало заняться «шестерками» господина Шейникиса вплотную.

А в девять часов вечера раздался еще один звонок.

Тарас снял трубку телефона.

– Слушай сюда, пидор, – раздался в трубке глухой бас. – Хочешь жить, брось это дело! Понял?

– Какое дело? – вежливо осведомился Тарас, прослеживая линию связи психоэнергетически.

– Не придуривайся, ты знаешь, о чем я гутарю. Твой приятель получил по заслугам, понял? Будешь копать это дело, схлопочешь то же самое. Понял?

Слово «понял» собеседник произносил с ударением на последнем слоге.

– Спасибо за объяснение, – кротко ответил Тарас, находя выход линии в одном из узлов волновой энергоинформационной ряби

телефонных переговоров города. – Не подскажите, с кем я имею честь беседовать?

– Я сказал – ты слышал, Геракл засушенный. – Владелец прокуренного баса кашлянул. – Все равно ничего не докажешь. Понял? Никто не видел, как метелили твоего дружка.

– Свидетели видели.

– Они уже отказались от показаний. – Бас хрюкнул. – Жить хотят, бя. Так что думай, голова, картуз куплю.

В трубке запульсировали гудочки отбоя.

Тарас улыбнулся, оценив последнюю фразу абонента. Мужик попался с юмором, хотя уровень этого юмора был сродни растопыренным пальцам «крутых» криминальных мальчиков.

– Тебя ожидает большой сюрприз, шутник, – вслух проговорил Тарас. – Спасибо за звонок. Жди гостей.

Он переоделся в черный свободный комбинезон, не стесняющий движений, захватил с собой «чеченку» – черную вязаную шапочку на всю голову, с прорезями для глаз и рта, сложил в сумку набор диверсанта Н-1: сюрикэны, колючие «каштаны», метательные иглы, перчатки с липучками и якорек с мотком бечевки. Не хватало светозвуковых гранат, но он собирался действовать быстро и без шума, поэтому гранаты в предстоящем походе были лишними.

В начале двенадцатого Тарас вывел машину из сарая и поехал в Нагатино. Владелец баса жил там, на перекрестке Судостроительной и Затонной улиц. Точнее определить координаты позвонившего не удалось, но Тарас был уверен, что сможет найти его через Ведогона, «ангела-хранителя», духа, сопровождавшего род Горшиных.

Час пик в городе давно прошел, и доехал он довольно быстро, несмотря на две остановки у постов ГИБДД. Подавая документы, Тарас мягко нажимал на психику патрульных воркующей речью пополам с приятной улыбкой, и ему простили и высокую скорость, и езду на красный свет.

На перекрестке искомых улиц Тарас остановил машину и некоторое время рассматривал шеренги старых девятиэтажек. Точного адреса биоэнергетический «локатор» дать не мог, поэтому опираться на него не стоило. Теперь предстояло определить расположение квартиры или кафе, откуда ему мог позвонить неизвестный «доброжелатель», другим способом.

Устроившись поудобней на сиденье, Тарас закрыл глаза и сосредоточился на солнечном сплетении, вызывая ощущение тепла и тока энергии от сплетения к рукам, что, в свою очередь, вызвало приятное ощущение в з л е т а.

Внутреннее сосредоточение не заняло много времени, из медитативного упражнения оно постепенно становилось необходимой частью жизни. Пришло удивительное состояние «небытия»: тело исчезло, словно растворилось в воздухе, а сознание обрело свободу и превратилось в невесомое, расширяющееся бесплотное облако, поднявшееся над телом. Стремительно сменяя друг друга, пронеслись через голову «снизу вверх» необычные всплески ощущений-осознаний: грубой материальности тела, иллюзорности бытия как процесса информационного обмена, собственной малости в пространстве и времени, осознание важности духовного по сравнению с материальным и, наконец, осознание жуткой бездны У Цзи – Великой Пустоты, господствующей во Вселенной.

Тарас Витальевич Горшин, ученик видящего суть вещей, получивший Посвящение седьмого уровня плана Человеческого Духа и ставший ведическим воином Внутреннего Круга, наделенный силой и поэтому уже отделившийся от человеческой массы, хотя и не завершивший процесс Вхождения, вышел в информационное поле Земли, имеющее разные названия, хотя чаще всего это поле исследователи называли Хрониками Акаши и менталом.

Еще через мгновение сознание Тараса «высунуло голову» из Пустоты и проникло в тайдокай, «Чрево-Хранилище» Вселенной, в котором пульсировали бесчисленные сонмища информационных «файлов», имеющих каждый свою «геометрию», «скорость», «цвет» и «вес». Эти «файлы» иногда назывались духами Природы.

Голову Тараса (голое сознание) пронзили миллионы лучей невидимого света, и если бы не практика дзюнан-тайсо – постоянное и жестокое поддержание психической и физической формы, – он не выдержал бы взрыва пси-резонанса, ощущаемого как вопль многих тысяч бестелесных голосов. Вылетев из тела, он поднялся над кварталом города на две сотни метров и включил «автоответчик свой-чужой». Спустя мгновение его услышали.

– Мы здесь, – протек в уши свистящий шепоток.

«Мне необходимо вычислить точные координаты абонента, ментальный образ которого я запомнил».

– Рассредоточь внимание, стань пространством...

Тарас послушался, переставая осознавать себя существом из плоти и крови.

Сквозь протаявшую пелену призрачных всполохов света и пульсаций цветной световой паутины проявились темные кляксы, имеющие вид живых малоподвижных амеб. Две «амебы» казались знакомыми, и, приглядевшись к ним, Тарас ощутил их угрюмое, недоброе наполнение. Это были ореолы биополей тех людей, кого он искал: обладателя прокуренного баса и водителя Шейникиса, принимавшего участие в нападении на Марата.

«На ловца и зверь... – подумал Тарас, сдерживая желание схватить «амебы» руками и задушить. – Очень хорошо, что вы вместе. Спасибо, друзья!»

– Рады помочь... – прошелестел тоненький шепоток, исчезая.

Определить точные координаты «амеб» теперь не составило труда, и с тихим плеском сознание Тараса нырнуло в тело, возвращая его к жизни. Он посидел немного, окончательно приходя в себя, затем раскрыл сумку, рассовал по спецкармашкам костюма набор Н-1 и тенью выскользнул из машины.

Квартира, в которой находились объекты поиска, располагалась на третьем этаже старой пятиэтажки, подъезды которой не имели домофонов. Никем не замеченный, Тарас поднялся и сразу услышал громкие голоса, смех и музыку, доносившиеся из-за одной из четырех дверей, выходивших на лестничную площадку. Можно было не сомневаться, что искомые объекты поиска находятся здесь.

Тарас заклеил дверной глазок жвачкой, натянул «чеченку» и позвонил.

Шум в квартире не стихал. Однако через минуту за дверью что-то упало, раздался мат, к дверному глазку приник чей-то глаз. Затем раздалось ворчание, и дверь приоткрылась. Тарас рванул дверь на себя, внес человека, открывшего дверь, обратно в прихожую и придавил к стене, зажав рот:

– Тихо!

Мужчина в майке, небритый, потный и пьяный, испуганно пискнул. От него прыгнула волна таких запахов, что Тараса едва не

стошнило. Он аккуратно нашел пальцем шоковую точку на шее хозяина и опустил его, потерявшего сознание, на захламленный какими-то коробками, газетами и вещами пол прихожей. Закрыл входную дверь. Прислушался к нестихающему шуму в глубине квартиры.

– Кто там, Чалый? – выглянул из кухни еще один мужчина, голый по пояс, лохматый, изрисованный татуировкой, с бутылкой водки в руке. Едва ли он успел сообразить, что произошло, получив тин-кэн – удар пятью пальцами в область яремной ямки.

Подхватив бутылку, Тарас опустил его на пол, заглянул на кухню и точным щелчком-уколом в кадык усыпил грузного толстяка, сидевшего за столом и уминавшего шашлык. Затем тенью переместился к двери в гостиную и возник на пороге, разглядывая гулявшую компанию.

За столом в гостиной сидели трое парней и две девушки, завернутые в простыни, с влажными волосами; видимо, они только что вышли из ванной. Еще один мужчина, приземистый, крупногабаритный, могучий, грудь колесом, волосатый, стоя в углу у телевизора, что-то втолковывал водителю Шейникиса, и здесь не снявшему черные очки и белый пиджак.

Первыми Тараса (его черную тень) заметили девицы. Одна завизжала, вторая вскочила в испуге, показывая на него пальцем. Оглянулись и мужчины, не понимая, в чем дело. Самым трезвым и проворным среди них оказался волосатый богатырь, разговаривающий с парнем в очках. Он оттолкнул собеседника и выхватил из-под ремня за спиной пистолет. Однако выстрелить не успел. Тарас метнул в него иглу, которая попала в кисть руки, держащей пистолет, и с басовитым вскриком богатырь выронил оружие.

Водитель Шейникиса опомнился, тоже сунул руку за пазуху, и Тарасу пришлось бросать еще две метательные пластины. Одна попала в локоть парня, вторая в левое стекло очков. С криком водитель отшатнулся, схватился за лицо.

В гостиной стало тихо.

– Всем лечь на пол! – отчетливо проговорил Тарас, добавляя ментально-волевой п о с ы л. – Лицом вниз! Вам тоже! – он указал на девиц в простынях.

Парни за столом проворно легли на пол, трезвея. На ногах остались пригнувшийся богатырь с волосатой грудью и поскуливающий от боли водитель Шейникиса. Звездочка сюррикэна разбила ему очки и, очевидно, поранила глаз.

– Ты кто? – густым протодьяконовским басом осведомился волосатый.

– Ангел возмездия, – усмехнулся Тарас. – Тот самый пидор, которому ты звонил. Ваша кодла избил моего друга, а так как следствие не торопится с поиском бандитов, я решил ускорить этот процесс. Вопрос первый: вы действовали самостоятельно или по приказу босса?

Волосатый выдернул из руки иглу, бросил на пол, глянул на Тараса исподлобья.

– Как ты нас нашел?

– По запаху. Спасибо за звонок, иначе я не скоро определил бы это гульбище. Итак?

– Пацан, ты сам себе роешь могилу. Знаешь, на кого ты наехал?

– На подонков, на кого же еще. Я задал вопрос! – Последние слова Тарас выговорил резонансно, так, что звук физической волной хлестнул по лицу обладателя баса. Тот отшатнулся, в глазах мелькнули озабоченность и растерянность.

– А если мы действовали самостоятельно, то что?

– В соответствии с этим и наказание будет назначено.

– Ты или кретин, или... – Волосатый не договорил.

Тарас перешел в темп, прыгнул через всю гостиную и нанес удар ногой в челюсть богатыря. Тот с гулом ударился спиной в стену комнаты, разнес этажерку с книгами и кулем осел на пол.

Тарас повернулся к водителю Шейникиса.

– Теперь твоя очередь. Ты ломал пальцы моему другу?

– Пошел ты!

Прыжок, два удара: один – ребром ладони по кисти руки, так называемый китэнкэн, или «серп», сломавший кисть, как соломинку, и второй – торцом ладони в подбородок. Водитель Шейникиса отлетел к телевизору, сбил его головой и без звука рухнул в угол.

– Bravo, ученичок! – раздался сзади чей-то пренебрежительно-насмешливый голос. Кто-то трижды хлопнул в ладоши.

Тарас обернулся.

Из коридора в гостиную вышел невысокого роста, но широкоплечий, с шеей атлета, молодой человек в черной футболке с черепом и костями и спортивных черных штанах с бело-сине-красным кантом. От него пахнуло угрозой и волной силы, качнувшей внутренние защитные барьеры Тараса.

– Не узнаешь?

– Дмитрий, – глухо проговорил Тарас.

Парень улыбнулся, и от этой улыбки у Тараса свело скулы.

– Значит, узнал. Это радует. А где учитель?

– Его здесь нет.

– Понятно. Значит, ангелом мщения ты стал самостоятельно, не поставив его в известность. И это радует. В свое время я тоже ценил личную свободу и не терпел диктата. Может быть, пойдешь дальше? Зачем тебе нужен этот нудный старик? Ведь ты взял у него все, что он мог дать. Выходи на индивидуальный уровень, как я, и присоединяйся. В нашей системе ты будешь иметь все.

– В этой системе? – Тарас кивнул на лежащих на полу парней.

– Ну что ты, это не мой уровень, – усмехнулся бывший ученик Елисея Юрьевича, – да и не твой. Я работаю в Управлении «Т» Федеральной службы безопасности, знаешь, что это такое?

– Служба антитеррора.

– Совершенно верно. Хочешь, замолвлю за тебя словечко своему шефу?

– Мне вполне хватает того, чем я занимаюсь на работе.

– Смотри, больше предлагать не буду. Хотя лучше бы ты согласился сейчас. Надо ведь это как-то обосновать. – Дмитрий небрежно кивнул на зашевелившегося волосатого амбала.

– Это наказание.

– Они получили приказ.

– Я найду и того, кто этот приказ отдавал.

Бывший ученик Елисея Юрьевича засмеялся.

– Тебе до него не добраться, парень. Шейникис – один из отцов-основателей «Купола». Тебе это о чем-нибудь говорит?

– Мне плевать, чей он отец. Он будет наказан!

Улыбка сбежала с губ Дмитрия. Он оценивающе оглядел расслабленную с виду фигуру Тараса в черном наряде «ниндзя», покачал головой.

– Похоже, ты еще не научился оценивать противника. Может быть, хочешь размяться, *пройти* меня?

– Если потребуется, – бесстрастно сказал Тарас, переводя организм в сингл-состояние [3] и настраиваясь на вибрационный уровень ответа.

– Ну-ну. – Дмитрий подобрался, качнув пространство гостиной мощной волной пси-энергетики. – Похоже, после Посвящения у тебя голова пошла кругом и ты решил, что можешь все. Ошибаешься, приятель. Даже если ты меня догонишь, тебе до меня далеко.

И он вдруг оказался буквально в полуметре от Тараса, на расстоянии гарантированного удара, близком к сфере поражения. Единственное, что успел сделать Тарас, это мгновенно выровнять внутричерепное давление в месте удара в голову, чтобы ослабить удар. И все же удар оказался достаточно сильным. Он потряс не только физический каркас Тараса, но и энергетическую оболочку, сбросив сознание в сферу психосоматики. Спасло его только сингл-состояние, превращавшее бойца в «робота» и позволявшее телу продолжать бой даже в беспамятстве, «на автопилоте», на уровне рефлекторных триггерных переходов, да вибрационная синхронизация этих переходов, поддерживающая высокоскоростные кондиции.

В течение двух десятых долей секунды Тарас успел нанести по трем векторам атаки два десятка ответных ударов, создавая веер защиты, и заставил противника прервать атаку.

Дмитрий отступил, с некоторым замешательством разглядывая поединщика, не только оставшегося на ногах, но и ответившего темповой контратакой.

– А ты хорош, ученичок, далеко пойдешь... если не остановят. А как тебе вот такой трюк?

Он качнулся вправо-влево, как бы гипнотизируя Тараса, неуловимо быстро переместился за его спину, «размазываясь» от скорости, и нанес несколько ударов с обеих рук в затылок и в висок противника. При этом он выкрикнул короткое и страшное слово «мор!», громом отразившееся в ушах Тараса и погрузившее его в полубессознательное состояние. Тем не менее от удара в висок он уклонился, отвел молнию боли от удара в затылок, в черепные кости, и снова ответил вибрационным «веером» по трем векторам атаки,

отбивая «мечи» и «копья» рук Дмитрия и заставляя его работать в защитном варианте.

Внезапно что-то изменилось.

Ураган атак Дмитрия – в полной тишине, если не считать дыхания находившихся в гостиной людей, причем не была задета ни одна деталь интерьера, – стих.

Тарас отпрыгнул к концу комнаты, не ощущая ментальных просверков намерений, предшествующих физическим атакам, и не сразу понял, что в гостиной появилось еще одно действующее лицо.

– Здравсьте, – насмешливо поклонился Дмитрий; у него припухла верхняя губа, один из ударов Тараса достиг цели. – Каким ветром вас сюда занесло, учитель?

– Стреляли, – ответил Елисей Юрьевич с интонацией одного из героев фильма «Белое солнце пустыни».

– Мне надо было догадаться, что ученик всегда действует с разрешения учителя.

– К сожалению, не всегда. – Елисей Юрьевич повернул голову к пришедшему в себя Тарасу. – Пошли отсюда.

– Одну минуту, джентльмены, – остановил их Дмитрий небрежным жестом. – А кто сказал, что я вас отпускаю?

Елисей Юрьевич и Тарас одновременно посмотрели на него. По губам учителя скользнула грустная улыбка.

– Нам не требуется твое разрешение, Дима, – сказал он тихо. – Иди своей дорогой, мы пойдем своей.

– Ах ты, гаденыш! – взревел вдруг волосатый здоровяк, вскакивая и бросаясь на Тараса.

Затем раздался утробный выдох, богатырь сунулся носом в стол, сбивая на пол тарелки, чашки, бутылки, и затих.

Дмитрий оценивающе посмотрел на Тараса, удар которого был практически незаметен, ухмыльнулся.

– Демонстрация для слабонервных. Ваша «универсалка» еще не «наваждение», и тебе до меня далеко.

В то же мгновение Тарас перелетел через стул, оказался в метре от Дмитрия, сделал три мгновенных выпада, парированные противником блоком-уходом, но справа уже вырос Елисей Юрьевич, подставил голову, и, когда Дмитрий автоматически ударил, купившись на прием, Елисей Юрьевич ответил невероятно быстрым и точным

спиралевидным движением, уходя с острия атаки, и ударом кулака в висок противника.

Дмитрий кубарем отлетел в глубь прихожей, группируясь на лету и вставая на ноги с защитным веером рук, несколько мгновений обалдело смотрел на бывшего учителя остановившимся взглядом. Тряхнул головой и исчез. Из коридора донесся его удаляющийся голос:

– Мы еще встретимся, господа. Тренируйтесь...

Елисей Юрьевич шагнул к выходу.

– Уходим.

Тарас оглянулся на зашевелившихся хозяев, на водителя Шейникиса, скорчившегося в углу гостиной.

– Марата избивали трое...

– Уходим, я сказал! Сейчас здесь будет спецназ «Купола», а я воевать не намерен.

Тарас повиновался.

Один за другим они почти невидимыми призраками выскользнули из дома, пересекли двор, улицу и нырнули в кабину машины Горшина.

– Поехали, – сухо сказал Елисей Юрьевич.

– Извините, – виновато пробормотал Тарас. – Я не знал... о «Куполе»...

– Шейникис действительно является одним из директоров «Купола». Его кличка – Барон.

Тарас невольно усмехнулся.

– Меня прозвали Графом за то, что я играл в детстве в игры мушкетеров, а его за что прозвали Бароном?

– Не знаю.

– Дмитрий тоже работает на «Купол»?

– Он связной координатора «Купола» господина Ельшина, заместителя начальника Управления «Т» ФСБ.

– Почему вы мне об этом раньше не говорили?

– Не думал, что ты изберешь путь потерь.

– Какой путь? – не понял Тарас.

– Посвящение в Круг не дает тебе права действовать так, как действуешь ты, – прямо, грубо и без расчета последствий. Законы метабоя, а тем более законы Круга, запрещают его адептам мстить.

Тарас упрямо сжал губы, глухо проговорил:

– Это не месть, это восстановление справедливости...

Елисей Юрьевич вздохнул, глядя на ученика с сожалением, и промолчал.

Мимо с воем промчались два «фордовских» микроавтобуса, свернули во двор дома, где гуляли подручные Шейникиса. Это был опоздавший бандитский «спецназ».

Глава 9

«КУПОЛ»

Эта организация возникла на рубеже двадцатого и двадцать первого столетий путем сращения организованного криминала и коррумпированной части чиновников госаппарата. Ее власть постепенно росла, количество людей, занятых в сфере теневой экономики, увеличивалось, а влияние на государственные структуры достигло такого уровня, что «Купол» вполне мог оперировать финансовыми потоками, ресурсами, сырьем, исполнителями, судьбами коллективов и организаций в масштабах таких мощных структур, как естественные отечественные монополии – Российская энергетическая компания и Газпром, вместе взятые.

В оперативное руководство «Купола» входили люди разных политических взглядов и разных мировоззрений, в том числе офицеры высшей военной элиты, успешно торгующие оружием за спиной государства, и даже сотрудники таких ведомств, как МВД и ФСБ. Именно благодаря их деятельности «Куполу» удавалось сохранять и приумножать свои ряды и работать без особого напряжения: ни Министерство внутренних дел, ни Федеральная служба разведки не владели полной информацией о планах и структуре «Купола» и уже по этим причинам не могли работать против него с достаточной эффективностью.

Главных руководителей «Купола» было шестеро: один президент и пять директоров. Изредка директора тихо менялись, но эта ротация никак не отражалась на деятельности организации, разве что увеличивала ее доходы. Директора называли друг друга только по имени-отчеству, их же знали все только по кличкам: Летчик, Банкир, Мэр, Шериф и Барон. Президентом «Купола» был человек без клички и без лица. То есть все знали, что он существует, и даже называли его по имени-отчеству – Георгий Георгиевич, когда он выходил на связь с директорами, однако никто и никогда его не видел. На совещаниях от его имени всегда выступал молодой, красивый, ощутимо опасный Генрих Герхардович Ельшин, полковник ФСБ, заместитель начальника

Управления антитеррора, который имел право решающего голоса и играл роль начальника охраны босса «Купола».

Клички директоров обычно отражали род их официальной службы.

Летчик был заместителем Главкома военно-воздушных сил страны, работал в Генштабе Министерства обороны и курировал работу военно-промышленного комплекса.

Банкир отвечал за финансово-кредитную политику Центробанка, а главное – был «хавмачманитором Купола», объединяя и координируя работу сети его банков.

Мэр, естественно, работал в мэрии столицы и одновременно координировал работу всех криминальных сфер Москвы с родственными системами в других городах России, а также в СНГ и за рубежом. Его клан контролировал всю розничную торговлю в столице, кроме разве что торговли наркотиками, которая управлялась «юго-западной» группировкой чечено-узбекской мафии.

Шериф недавно сменил на этом «посту» бывшего директора, прокурора Центрального округа столицы, хотя и сам был из этих же кругов – одним из замов Генерального прокурора России. Смена же была вызвана скандалом, разгоревшимся после того, как широкой общественности стала доступна пленка с записью досуга прокурора в компании жриц любви.

Бароном «Купола» стал самый крупный акционер «Чукотнефти», в свое время едва не загремевший под суд за махинации со скупкой недвижимости на Чукотке в бытность свою ее губернатором. Ныне он был больше известен как владелец третьей части бензозаправочных станций Москвы и Подмосковья.

Обычно лидеры «Купола» собирались на совещания в мэрии столицы или на нейтральной территории московского катрана, совмещавшего игорный дом и сауну, где можно было встретить как любого чиновника, так и любого главаря бандитских фирм, по возможности не рискующего появляться в общественных местах. Но в катране царили негласные законы перемирия, и правоохранные органы эту территорию не трогали, ограничиваясь засылкой агентов.

Однако на сей раз отцы «Купола» собрались по просьбе президента на его даче в Кунцеве. Точнее – на одной из дач. По слухам, Георгий Георгиевич имел около двух десятков коттеджей в

Подмосковье и на Черноморском побережье. Сам он, естественно, на встрече не присутствовал. Вел совещание Генрих Ельшин, прибывший с личным телохранителем, которого звали Дмитрий. Это было все, что знали о нем боссы «Купола».

Расположились в большой столовой дачи, за общим столом, на котором, кроме минеральной воды в бутылках и стаканов, ничего не было.

– Итак, господа бизнесмены, приступим, – начал совещание Ельшин, обводя глазами лица присутствующих, разные в силу биологических отличий, но похожие печатью едва заметного пренебрежения ко всему на свете, в том числе – к своим коллегам. – Георгий Георгиевич приветствует вас и слышит, но хочу сразу предупредить: он недоволен вашим отношением к его советам. Наверное, вы забыли, что советы президента по сути – приказы.

– Мне это не нравится, – брюзгливо заметил Барон.

Ельшин посмотрел на него прицеливающимся взглядом.

– Что именно вам не нравится, Эдуард Артурович?

– Во-первых, мне не нравится, что на совещаниях не бывает Георгия Георгиевича.

Директора переглянулись.

– Я не привык подчиняться человеку, которого не знаю и даже ни разу не видел, – продолжал Шейникис. – Во-вторых, мне не нравится, что от имени президента говорите вы.

Ельшин усмехнулся.

– Хотите услышать мнение Георгия Георгиевича по этому поводу? Могу предоставить вам такую возможность.

Что-то щелкнуло, и в столовой из невидимых динамиков зазвучал хриплый астматический голос:

– Ты плохо себя ведешь, Эдик. Я не хотел начинать с анализа твоей деятельности, но уж коль ты затронул тему властных полномочий, поговорим и об этом. Я не присутствую на совещаниях по одной причине: прикован к инвалидной коляске. Хотя знаю о вас все и прекрасно слышу, о чем вы говорите. Даже дома с женами. – Послышался смешок. – Теперь о тебе. К сожалению, мы поспешили ввести тебя в состав директоров. Слишком много ты делаешь ошибок и... – голос умолк.

Шейникис-Барон взмок.

– ...и ведешь себя как чванливый болван, – закончил Георгий Георгиевич безжалостно. – Ты еще не Господь Бог и даже не его наместник, чтобы диктовать всем свои законы. «Купол» такое поведение не приветствует. Смотри, как бы не пришлось отключать... электроэнергию. – Еще один хриплый смешок.

– Я не понимаю... – пробормотал Барон, вытирая платком вспотевший лоб.

– Генрих, объясни ему.

Ельшин наклонился вперед, приятно улыбаясь.

– У вас плохо обстоят дела с кадрами, Эдуард Артурович. Вы окружили себя безмозглыми качками, не умеющими ни думать, ни защитить вас, ни даже постоять за себя. Какого дьявола вам понадобилось посылать своего дуболома Коляню для избияния теннисиста? Ведь виноват в инциденте у ресторана не теннисист, а ваш водила.

Шейникис скривил губы.

– Моим парням пришлось заплатить...

– Так ведь они сами на это напросились. И побил их – кстати, совершенно справедливо – не теннисист, а его дружок. Почему же вы послали своих «шестерок» не к нему?

– Дойдет очередь и до него.

– Скорее он первым до вас дойдет и, насколько я вник в ситуацию, укоротит.

Глаза Барона зловеще сверкнули.

– К черту ваши советы! Я никому не позволю...

В то же мгновение рядом с ним возник телохранитель Ельшина Дмитрий и сжал шею Барона особым образом. Прошипел:

– Повежливей, приятель! Ты не бессмертен! Или ты делаешь, что тебе говорят, или твоим бизнесом займется другой человек. Усек? На охрану больших надежд не питай, тебя она не защитит.

– От... хрр... пус... хрр... ти...

– Отпусти его, Дима, – качнул пальцем Ельшин. – Эдуард Артурович все понял. А если не понял, ему действительно лучше заняться другим делом. Мы-то здесь в безопасности, а вот за стенами дачи – каждый за себя. Последуйте моему совету, господин Барон, смените телохранов. Они у вас годятся разве что для рыночного рэкета.

Дмитрий отпустил побагровевшего Шейникиса, и тот, бросив на него ненавидящий взгляд, стал массировать горло.

– Я ничего не понимаю, – сказал Мэр жирным голосом. – Что, собственно, происходит?

– Парни Барона захотели показать свою крутость, и их обломали.

– Кто?

– Вы этих людей не знаете. Один из них работает в Комитете экологической безопасности, занимается единоборствами. Он нашел этих болванов и отделал по полной программе.

– В одиночку?

– Один. Правда, потом к нему присоединился его учитель, Елисей Смирнов, а это уже серьезный противник. К тому же он работает в аналитическом отделе службы.

– Службы безопасности? Значит, вы коллеги?

– В некотором роде, – усмехнулся Ельшин. – Коль уж об этом зашел разговор, давайте начнем с него. Он очень сильно мешает нам, президенту и всему нашему делу, так как дает правильные советы директору ФСБ. С ним пора кончать. А для этого понадобится ваша помощь.

– Поскольку мы не в курсе, рассказывайте все, – потребовал Летчик. – Нет такого деятеля на свете, которого нельзя купить или в крайнем случае ликвидировать.

– Во-первых, он человек Круга. Не улыбайтесь, Эдуард Артурович, Внутренний Круг и Союз Неизвестных так же реальны, как и наш «Купол», только они не вмешиваются в житейские разборки, а если вмешиваются, то незаметно. Во-вторых, нам стало известно, что Смирнову предложено возглавить некую организацию, которая будет бороться с криминалом вне госструктур.

– Тайная полиция, что ли? – скептически поднял брови Банкир.

– Нечто в этом роде. Организаторы из числа бывших работников КГБ и силовых структур собираются назвать свое детище «Стопкримом» или «Чистилищем», а воевать они собираются не с кем-нибудь, а с нами, господа. Теперь понятно, почему нам нельзя выпячиваться, демонстрировать свое презрение к закону, как это делает уважаемый Эдуард Артурович? Теневая экономика потому и называется теневой, что не нуждается в рекламе.

Все посмотрели на Барона. Тот заерзал.

– Надо предупреждать...

– Надо вести себя тихо и скромно, господин Барон, по средствам, так сказать. – Ельшин рассмеялся. – Это залог успеха и движения к цели.

– Я могу ликвидировать этого вашего Смирнова в два счета.

– Это надо сделать хитро и умно, что едва ли вам по силам. – Ельшин посмотрел на Летчика. – Михаил Владимирович, нам стало известно, что мать и жена Смирнова в данный момент находятся в Чечне. Не можете связаться с командой наших приятелей, отстреливающей русских в Грозном?

– У меня есть канал связи с арабами, через них я выйду на Гелаева.

– Отлично. Пусть ликвидирует жену Смирнова. Нам надо выманить его из Москвы, где у него много помощников и связей, в Грозный, где мы и подготовим ему встречу. О деталях плана поговорим позже. Теперь другие проблемы.

– Вы говорили, что у нас есть некий могущественный союзник, – проворчал Мэр. – Почему бы не привлечь его для ликвидации Смирнова и вообще всего Круга?

Ельшин и Дмитрий переглянулись с одинаковыми беглыми усмешками.

– Боюсь, вы не понимаете, о чем говорите, уважаемый Борис Миронович. Внутренний Круг существует столько же лет, сколько и все человечество, это как бы его второй эшелон. Даже наш союзник не в силах его уничтожить. Но, может быть, мы и привлечем его к ликвидации Смирнова, если не сможем сделать это сами. И если он согласится. Но к делу. Первая серьезная проблема – создание нового поколения пси-оружия...

– «Глушаки», – буркнул Летчик, оживляясь.

– Совершенно верно, «глушаки», или пси-генераторы «удав». Как идут дела в этом направлении, Николай Николаевич?

Шериф достал электронный блокнот и щелкнул кнопкой включения. Он курировал разработку психотронных излучателей, которую вели как спецслужбы, так и лаборатории «Купола».

По сути, только теперь и началось рабочее совещание этой организации, замахивающейся на большую власть в стране.

Глава 10

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Начальник Комитета явно был не в духе. Он смотрел в стол, долго рылся в бумагах, сопел и молчал. Затем поднял глаза на стоявшего по стойке «смирно» Горшина и кисло улыбнулся:

– Не тянись, Тарас Витальевич, выше не вырастешь.

Возможно, он действительно имел в виду рост эксперта, но Тарасу вдруг показалось, что Самсонов намекает на что-то другое. Поговаривали, что он побаивается умных подчиненных, способных занять его место.

– Что-то случилось, Юлиан Львович?

– На тебя пришла «телега» из ФСБ, намекающая на некий компромат. Ты случайно не шпион, Тарас Витальевич?

Тарас усмехнулся.

– Чистый ариец, в порочащих связях замечен не был.

– Тогда ты кому-то из этих людей наступил на мозоль.

Тарас вспомнил встречу с Дмитрием, бывшим учеником Елисея Юрьевича, который, по словам учителя, работал с неким Ельшиным, заместителем начальника Управления «Т» ФСБ.

– Это какая-то ошибка, Юлиан Львович.

– А они утверждают, что ты плохо себя ведешь. Первый сигнал поступил, когда ты ездил в Кадом. Мне посоветовали тебя отозвать, но ты все равно поступил по-своему, заварил такую кашу, что мне уже звонил... э-э... – Самсонов поднял глаза вверх. – Понял?

– Неужели президент? – с простодушным уважением сказал Тарас.

– Не президент, но человек власти. Начальник его администрации. Теперь вот второй сигнал. Не знаю, где ты засветился, Тарас Витальевич, но мне это активно не нравится. Еще раз получу сверху такую бумаженцию, – Юлиан Львович брезгливо приподнял краешек письма с золотым тисненным двуглавым орлом в уголке, – и тебе придется искать себе другую работу.

– Постараюсь не делать резких телодвижений, – ровным голосом сказал Тарас, поедая начальство глазами.

Самсонов снова криво усмехнулся, махнул рукой.

– Не ерничай. Даю тебе двухнедельный отпуск, поразмышляй на досуге. И не дерзи старшим.

Тарас хотел было возразить, отпуск в апреле ему был не нужен, однако встретил взгляд начальника и понял, что сопротивляться не стоит.

– Спасибо, Юлиан Львович. Надеюсь, я смогу взять оставшуюся часть отпуска летом?

– Посмотрим... на твое поведение.

Тарас щелкнул каблуками, повернулся и вышел из кабинета главы НКЭБ. В приемной он спросил у секретарши, понизив голос:

– Женечка, какая муха укусила нашего главного эколога? Меня вот усла в отпуск ни за что ни про что.

– Сама удивляюсь, – повела плечиком миловидная секретарша. – С утра рычит на всех, аки лев.

– Надо ему дать успокоительное, – посоветовал Тарас. – Рюмочку рому, например. Говорят, расширяет сосуды головного мозга... у кого он есть. Да, и не забудь отметить в приказе, что я с завтрашнего дня в отпуске.

– Тогда уж с понедельника, Тарас Витальевич, сегодня уже пятница.

– Ну, с понедельника. До свидания, киса.

В своем кабинете Тарас разобрал папки с бумагами, отослал по имейлу в разные адреса неотправленные письма и некоторое время размышлял, куда податься вечером. Оксана должна была уехать с мужем к маме, как она говорила, поэтому «обычный» вид отдыха отпадал. Тогда Тарас повязал галстук, накинул замшевую куртку болотного цвета и поехал в фитнес-клуб «Фит энд Фан», где работала Оксана. Там его уже знали как завсегдатая, а главное, там можно было поиграть в бильярд с авторитетными людьми.

Однако поиграть в бильярд не удалось.

Пройдя металлодетектор и поздоровавшись с вежливыми молодыми охранниками клуба, Тарас зашел в бар, чтобы заказать кофе, и сразу же увидел Оксану. Но не за стойкой бара, а сидящую за столиком в компании пожилого солидного мужчины в дорогом костюме. Но не мужа. Ее мужа – сутулого жердя с вечно хмурым лицом – Тарас однажды видел.

Она то и дело прижималась к плечу незнакомца и пыталась кормить спутника дольками ананаса.

Тарас замер, приняв эту картину за галлюцинацию, так как его подруга в данный момент здесь не должна была находиться, затем уловил сочувствующий взгляд сменщика Оксаны за стойкой бара, попятился, чтобы тихонько ретироваться, и в этот момент его заметила Оксана. По лицу девушки пробежала гамма переживаний от растерянности до гнева и даже ненависти, пока не осталась гримаса виноватой улыбки. Она что-то сказала своему кавалеру и догнала Тараса в коридоре.

– Что ты здесь делаешь?

– Привет, – спокойно сказал Тарас, ощущая бьющую от Оксаны волну эмоций. – Я же не спрашиваю, что здесь делаешь ты. Успела вернуться?

– Я все объясню... позже...

– Хорошо, пусть будет позже. Это кто, твой отец?

– Ты никогда меня не ревновал. И это не тот... случай... мы с ним знакомы много лет. Он мой... друг, работает в Министерстве торговли, и у него неприятности.

– А ты решила его утешить.

– Да, – с вызовом сказала Оксана. – Что в этом плохого?

– Ничего. Но меня ты могла бы предупредить, я человек неревнивый и понятливый. Хотя не люблю, когда говорят неправду.

Лицо Оксаны вспыхнуло, взгляд сделался надменным.

– Ты меня хочешь оскорбить?

– Боже упаси! – поднял Тарас ладони. – Давай не будем выяснять отношения здесь, я хочу этого меньше всего. Потом поговорим. Иди, тебя ждут.

Он повернулся к девушке спиной и зашагал к бильярдной комнате.

– Ты тоже не святой, – сказала она ему в спину. – Мне передали, что ты ездил в Рязань с какой-то вертихвосткой.

Тарас оглянулся.

Оксана смотрела на него, кусая губы, и владели ею сейчас два далеко не теплых чувства: раздражение и обида.

Он улыбнулся и зашагал дальше, ощущая, как рвется ниточка понимания, соединявшая их. Когда он оглянулся на пороге в

бильярдную, Оксаны уже не было у входа в бар.

Тарас вздохнул, с грустью признаваясь самому себе, что на любовном фронте ему не везет. Оксана не любила его, иначе все у них было бы по-другому. Но и он не питал к ней сильных чувств, принимая тот образ жизни, который сложился без особых усилий и переживаний. Им было хорошо вдвоем – и только, поэтому особенно нервничать из-за наметившегося разрыва не стоило. С другой стороны, приятного в этой истории было мало. У него и так не хватало друзей, и потеря одного из них больно била по самолюбию. Хотя вряд ли он смог бы признаться в этом учителю или кому-нибудь вообще.

По-видимому, нечаянная встреча с Оксаной, повлекшая за собой раздрай чувств, и не позволила ему оценить обстановку в клубе. Лишь появившись в бильярдной, он уловил дуновение холодного ветерка опасности и насторожился. Однако было уже поздно.

Дверь за ним закрылась, и он оказался окруженным тремя мощного вида парнями в светло-серых костюмах, уверенных в себе, деловито-спокойных, с обманчиво равнодушными лицами и пустыми глазами профессионалов спецназа.

Из-за бильярдного стола вышли еще двое мужчин, и в одном из них Тарас узнал бывшего ученика Елисея Юрьевича. В руке Дмитрий держал бутылку из красного стекла с этикеткой «Спирит оф Хемп». Второго он раньше никогда не видел. Мужчина был одет в отлично сшитый костюм песочного цвета, под которым тело обнимала черная рубашка. Галстук у него был лилового цвета с эксклюзивной прострочкой и монограммой ГГЕ.

– Добрый вечер, Тарас... э-э, Витальевич, – произнес красавец звучным баритоном. – Много наслышан о вас, вот и решил познакомиться. Оказалось, вас легко просчитать. Проходите, располагайтесь, будьте как дома. Не желаете сыграть партийку?

Тарас оглянулся на загораживающего выход атлета, хладнокровно приблизился к столу. Учитель советовал в таких случаях подыгрывать противнику, пока имелся шанс обойтись без боя.

– Почему бы и нет? Однако хотелось бы узнать, с кем я имею честь играть.

– Полковник Ельшин Генрих Герхардович, Управление «Т» Федеральной безопасности, – небрежно сказал красавец. – А это мой друг и защитник Дима. С ним вы уже знакомы.

Дмитрий усмехнулся, не сводя с Тараса оценивающе-пренебрежительного взгляда, и поднял бутылку.

– Хочешь глотнуть? Настоящая марихуана. Правда, концентрация слабенькая, но легкий приятный кайф обеспечивает.

– Спасибо, не балуюсь.

Тарас уже знал, что в Москве появилось австралийское пиво с экстрактом конопли [\[4\]](#), но пива он не употреблял вообще, и уж тем более не желал испытывать кайф от легкой дозы «травки».

– И правильно, – кивнул Дмитрий. – Как говорится, в здоровом теле здоровый дух. Хотя я бы посоветовал испытать все, пока есть возможность и время. Кто знает, сколько нам жить осталось.

– Итак, начнем? – Ельшин выбрал кий, взвесил в руке, посмотрел вдоль него, прищуря глаз. – «Горку», «класс» или что попроще?

– Что попроще.

– Тогда погоняем номерную «шестеркой». Не возражаете?

– Ни в коем разе.

– Прошу, ваш первый ход.

Тарас взял кий, тоже взвесил в руке, оценивая балансировку гладкой конусовидной палки, и обошел стол, прикидывая все его плюсы и минусы. Включилась интуиция, высвечивая «глухие» лузы и «ватные» борта. Заиграли разными цветами шары в треугольнике, отличаясь массой – в доли грамма – и резонансно-упругими возможностями. Тарас прицелился и аккуратно выбил из стартового треугольника крайний шар, откатив его к борту таким образом, чтобы его нельзя было забить. При этом и основной – лобовой шар, «шестерка», по спирали обошел треугольник шаров и остановился у другого борта.

– Хороший расчет, – хмыкнул Ельшин, оценивая позицию. – Даже мой учитель не щелкнул бы лучше. Что ж, будем рисковать.

Он крученым ударом послал шар в обход не тронутого каре остальных шаров, задел крайний шар, получился двойной рикошет, и куча шаров рассыпалась.

– Н-да, какая незадача, – сказал Дмитрий, скептически разглядывая новую расстановку шаров. – Риск явно себя не оправдал.

– На что играем? – Тарас поднял глаза на Ельшина.

Тот задумчиво потянул себя за ухо, покосился на своего телохранителя.

– Вопрос не лишен смысла. Могу предложить один красивый вариант. Выигрываете вы, мы вас отпускаем. Выигрываю я, вы начнете играть на моей стороне и в моей команде. Идет?

Вместо ответа Тарас кинул взгляд на стол и стремительно начал забивать шары. За полминуты он забил семь шаров, обходя «глухие» лузы, и лишь с восьмым возился дольше всего, прицеливаясь с особым расчетом, зная, что, во-первых, ему будут мешать энергетически, и, во-вторых, что, если он не забьет этот шар, Ельшин не даст ему шансов выиграть.

Удар действительно был сложен – от двух бортов в угол, но расчет Тараса оправдался.

Он ударил.

Дмитрий «выстрелил» направленным звуковым пакетом (нечто среднее между выдохом проклятия «сдохни!» и возгласом «оум!»), сбивая шар с траектории.

Тарас в ответ, одновременно с Дмитрием, щелкнул языком, посылая узкий звуковой импульс «ттак!», и шар, не попав в рассчитанную цель, крутанулся волчком, задел шар у лузы и с треском влетел в центральную «глухую» лузу, пропуская шары впритирку.

Зрители команды Ельшина зароптали, шевельнулись и застыли. В комнате стало тихо.

Тарас опустил кий, выпрямился.

Ельшин несколько мгновений смотрел на стол, раздувая ноздри, потом бросил на смущенного Дмитрия злобно вспыхнувший взгляд и повернулся к победителю.

– Поздравляю, эксперт. Хорошая работа. Я тебя недооценил. На сегодня ты свободен. Но прими добрый совет: не лезь в наши разборки! Долго не проживешь.

Он отвернулся, махнул рукой, созывая своих спецназовцев, и быстро вышел из бильярдной. В комнате остались Тарас и задержавшийся Дмитрий.

– Если бы не приказ шефа, я бы тебя с удовольствием убрал, – проговорил он с приятной улыбкой. – Без суда и следствия. И без следа. Уж больно ты прыток, ученичок. Но запомни и мой совет: не нарывайся! Тебе со мной не совладать, даже если ты получишь

гримуар «навного» боя. В древние системы, которые пытается воскресить твой учитель, я не верю. Перволюди не умели драться.

Дмитрий неуловимым движением выхватил из кармашка на куртке звездочку сякэна, метнул мимо недрогнувшего Тараса в стол. Сякэн щелкнул по шару, подкатывая его к угловой лузе, срикошетировал, и Тарас успел его перехватить. Тотчас же метнул обратно, добивая шар.

Дмитрий скривил губы.

– Любите добивать подставки, Граф. Хотя впечатляет. А вот так ты умеешь?

Он оперся ладонью о стол, выхватил метательную иглу и воткнул в руку, пробивая ее насквозь, буквально прибывая к столу... и тут же медленно поднял ладонь, оставляя иглу торчащей в столешнице. Затем поднял руку к глазам, лизнул небольшую дырочку с розовыми краями, оставшуюся от иглы, подождал, пока она затянется, полюбовался ладонью с двух сторон и свысока посмотрел на неподвижного Тараса.

– Так-то, ученичок. Эта ступень «наваждения» называется Сатариаал. Тебе до нее никогда не подняться. Живи... и думай. Пока есть чем.

Дмитрий исчез за дверью.

Тарас задумчиво приблизился к столу, разглядывая торчащую из него иглу длиной в десять сантиметров и толщиной в четыре миллиметра в самой толстой части. Проговорил хладнокровно:

– Хвастовство погубило многих, болван, погубит и тебя.

Учитель как-то признался, что напрасно начал тренировать Дмитрия по системе «наваждения», основной задачей которой было пресечение боя в любой стадии. Однако Дмитрий зря демонстрировал свое умение бескровного рассечения тканей. Это был действительно уровень Сатариаал, дающий возможность понимать жизнь собственного тела, но только лишь – второй уровень. Всего же уровней было пять, и учитель знал их все. Сам Тарас подошел к реализации третьей ступени «нави», имеющей название Гамчикот – Дьявольское Милосердие. На очереди были остальные ступени: Голаб – Дьявольская Жестокость, и Тогарини – Дьявольская Красота. Знание всех пяти уровней давало мастеру возможность овладеть первой стороной «живы», которая называлась «мертвой водой». Адепт «нави» мог заживлять любую рану и лечить любую болезнь. Не мог он только

оживлять умерших. Для этого надо было овладеть второй стороной «живы», имеющей название «живая вода».

Тарас над этими проблемами особенно не задумывался, просто шел вперед по избранному пути. Теперь же, после второй встречи с Дмитрием, дал себе зарок, что непременно дойдет до высшей ступени «живы», изучив собственное прошлое и узнав тайны метаболя, разработанного предками.

Он сосредоточился, вонзил в ладонь иглу и медленно протащил сверху вниз, раздвигая ткани и сосуды. Затем еще одним волевым усилием зарастил бледную ранку.

В дверь заглянул какой-то завсегдатай клуба в сиреневой кофте, похожий на постаревшего певца Сюткина.

– Вы не партнеров ждете?

– Я уже наигрался, – честно ответил Тарас, выходя из бильярдной.

В конце коридора мелькнуло платье Оксаны. Она торопилась утешить важного работника Министерства торговли. Тарас вздохнул, чувствуя грусть, сожаление и облегчение одновременно. Похоже было, судьба выводила его в какое-то новое состояние, требующее одиночества.

* * *

Неизвестно, что натолкнуло его на мысль позвонить учителю. Возможно, сообщение по телевизору о новых терактах в Грозном. Тарас вспомнил, что мать и жена Елисея Юрьевича находятся в данный момент в Чечне, и решил поговорить с ним о жизни.

Интуиция не подвела его и на этот раз.

Елисей Юрьевич выслушал приветствие ученика и тихим, напряженным, каким-то не своим голосом попросил его позвонить через три-четыре дня.

– Что случилось? – напрягся ответно Тарас.

Короткое молчание, потом тот же странный голос:

– В Грозном убили мою маму и Веру... Я лечу туда.

Тарас замер, не веря ушам, хотел было сказать: не может быть! – но лишь с трудом проглотил ком в горле. Сказал через несколько мгновений глухо, но твердо:

– Я лечу с вами! Ждите!

И положил трубку, чтобы Елисей Юрьевич не успел сказать «нет».

Через час он был в Митине, во дворе дома, где жил учитель.

Глава 11

ОСТОРОЖНО, ЧЕЧНЯ!

Положение Елисея Юрьевича Смирнова в иерархии служб ФСБ и звание полковника позволяло ему пользоваться всеми экстренными каналами связи и мобильного передвижения по стране. Лишь оказавшись в багажном отсеке военно-транспортного самолета, летевшего из подмосковной Кубинки в Чечню, Тарас смог оценить важность персоны учителя, получившего «зеленый коридор» на любую помощь спецслужб в пределах действия особых полномочий.

Отказываться от компании ученика Елисей Юрьевич не стал, но предупредил, что самостоятельная деятельность Тараса в Чечне исключается. В противном случае лучше остаться дома. И Тарас вынужден был согласиться, понимая чувства учителя, потерявшего сразу двух самых близких людей.

Ночь не помешала полковнику Смирнову организовать свой отлет в Чечню буквально за полтора часа. Уже в два ночи одиннадцатого апреля учитель и ученик были на военном аэродроме в Кубинке, а еще через час вылетели на «Ан-12» с бортовым номером 333 в сторону Чечни вместе со взводом подмосковного спецназа, сопровождавшим какой-то секретный груз.

Тарас не взял с собой ничего, кроме смены белья, кроссовок и некоторой суммы денег. Одет он был по-походному: темно-синие штаны полуспортивного кроя, всепогодные ботинки с особой гибкой подошвой, «обтекающей» камни, свитер и куртку. Елисей Юрьевич надел строгий черный костюм и светлый плащ, выводящие его в ранг лица, имеющего право приказывать, и Тараса не удивляла реакция вовлеченных в их орбиту людей, беспрекословно подчиняющихся учителю.

Транспортник «Ан-12» не имел особых удобств для переброски людей, поэтому двум новым пассажирам пришлось лететь вместе с бойцами спецназа, молодыми, энергичными, уверенными в себе и не обремененными житейскими заботами. Они расселись по лавочкам вдоль бортов, устроив оружие между колен, и Тарасу с Елисеем Юрьевичем не оставалось ничего другого, как пристроиться к

спецназовцам в конце салона. Командир корабля предложил было полковнику место в кабине пилотов, но тот отказался. Поэтому так и летели: слева от Тараса команда, справа учитель и еще дальше – контейнеры с грузом.

Сначала Тарас прислушивался к разговору молодых ребят, доносившемуся сквозь гул винтов: речь шла о шашлыках и о напитках, которыми их следовало запивать; к примеру, шашлык из баранины стоило запивать не вином, а более крепкими или горячими напитками, как утверждал один из участников спора. Тарас шашлыки не ел, поэтому предмет спора был ему безразличен, хотя он и знал, что парень, ратующий за горячее питье, прав. Бараний жир самый тугоплавкий из жиров, организм человека может переработать его только в жидком состоянии, а соки или минералка, которыми многие разбавляют водку, могут «заморозить» жир, что непременно ведет к диспепсии, то есть к вульгарному несварению желудка.

Перестав прислушиваться к спору справа, Тарас попробовал было осторожно расспросить учителя о подробностях теракта, в результате которого погибли его жена и мама, но успеха не добился. Елисей Юрьевич молчал, откинувшись к стенке кабины, полузакрыв глаза, уйдя мыслями в себя.

Впрочем, причин нападения на русских жителей Чечни можно было не выяснять. Все еще не пойманные полевые командиры разного калибра, но одинаково безумные, до сих пор пытались дестабилизировать обстановку в республике, терроризируя русскоязычное население, убивая русских женщин, детей и стариков. То есть тех, кто гарантированно не мог дать им отпор. И федеральная власть до сих пор не могла или не хотела найти способ борьбы с этими подонками, проклятыми Богом и людьми.

Тараса в этом деле больше всего возмущала позиция силовиков, утверждавших, что им прекрасно известно, где прячутся главные идеологи джихада, «войны до победного конца»: Басаев, Хаттаб, Гелаев и Масхадов, – но «во избежание больших потерь среди военных операция по уничтожению главарей бандформирований невозможна». По мнению Тараса, здесь играли основную роль либо очень большие деньги, либо политика. Кому-то в федеральных верхах было выгодно, чтобы война в Чечне продолжалась.

Незаметно для себя он задремал и увидел сон, который уже снился ему с разными деталями и подробностями.

Перед ним вдруг открылась дверь, светящаяся, как голубой лед, и он вошел в огромный темный храм, колонны которого – в виде гигантских каменных идолов странной «человеко-насекомообразной» формы – поддерживали готический купол потолка. Дальняя стена храма казалась зыбкой, как пелена тумана, и сквозь нее иногда проступали очертания человеческой фигуры или светящееся лицо с внимательными лучистыми глазами. Женское лицо, по оценке Тараса.

В центре зала стоял гигантский трон из переливающихся цветами радуги драгоценных камней, а напротив, на возвышении, напоминающем массивный каменный пюпитр, лежала книга в толстом переплете.

Оглядевшись, ощущая ж и в у ю тишину храма, Тарас приблизился к трону, потом, снedaемый любопытством и ожиданием чудес, взобрался на сиденье пятиметровой высоты и взглянул на книгу.

Тотчас же на ее обложке проступила светящаяся золотистая надпись: «Свод Повелеваний».

Откуда-то прилетел гроыхающий, но полный чудесного звона и силы голос:

– Это книга основ метаязыка. Ты готов к восприятию Истины?

– Э-э... готов, – после паузы подтвердил Тарас, чувствуя дрожь в коленях.

– Подойди.

Тарас приблизился к трону.

С тяжким гулом, так что содрогнулись стены и пол храма, книга раскрылась. На черном листе за обложкой высветились призрачным зеленым светом три изумительно красивые сложные руны. Холодея, Тарас прочитал вслух:

– Здраво... живо... добро...

Черная страница растаяла, но руны с нее перетекли на следующую страницу, коричневого цвета. К ним прибавились еще три такие же волшебнo живущие, прекрасно вычерченные руны. Тарас продолжал читать:

– Славо... право... веди...

Превратившись в дым, исчезла и эта страница. На следующей – бордовой – сначала появилось одно слово, потом под ним текст, буквы-

символы которого то и дело вспыхивали золотом, так что текст играл огнями, как россыпь золотых монет. Однако на этот раз Горшин не смог прочитать ни одного слова, в том числе названия главы, несмотря на знакомые буквы старославянской вязи.

– Что бы ты хотел понять-осознать? – напомнил о себе чарующий женский голос, и одновременно с ним из туманной пелены в конце зала проступил величественный женский лик, лик богини.

Тарас, открыв рот, замер. Такого красивого лица он еще не видел в жизни, и его появление было сродни удару по голове.

– Итак? Смелее.

– Э-э... я хотел бы овладеть искусством метабоа... – промямлил он.

На лик богини упала тень. Пелена тумана взволновалась, окрашиваясь в оранжевый цвет, скрыла женское лицо. Голос дрогнул, отдалился, стал сожалеюще-печальным:

– Ты придаешь слишком большое значение боевым искусствам, идущий. Боевое искусство не заменяет мировоззрения, на мир надо смотреть шире. Ты даже не смог прочитать вводящее повеление – Мудро... Оно – основа отношений ко всему живому.

– Я хотел... я понял...

– Знание некоторых Ключей смысла еще не дает тебе права повелевать словами и явлениями. Мы поговорим в другой раз, когда ты прозреешь. Прощай.

– Подождите! – испугался Тарас. – Кто вы? Я уже видел вас... во сне...

– Сон сну рознь. Я Алконост, посланник инфарха. Удачи тебе, незавершенный...

Голос истончился, пропал.

Зал храма подернулся дымкой, стал таять, распался на струи дыма от непонятной вибрации.

Тарас проснулся, судорожно схватившись руками за сиденье.

Самолет дрожал и раскачивался, попав, очевидно, в область турбулентных завихрений, потом пошел ровнее.

Спецназовцы сопровождения продолжали спорить, теперь уже по поводу каких-то приоритетов в области живописи. Изредка сквозь гул доносились фамилии художников: Малевич, Чюрлёнис, Рерих...

Тарас встретил взгляд учителя и виновато улыбнулся.

– Уснул нечаянно.

Елисей Юрьевич продолжал оценивающе смотреть на него, и Тарас вдруг помимо своей воли рассказал ему свой сон. Елисей Юрьевич кивнул.

– Это зонг, наведенная пси-линия. Я это почувствовал. Ты в фокусе интересов инфарха.

– Это плохо?

– Ни хорошо, ни плохо. Если инфарх почувствует, что ты идешь не туда...

– Он меня ликвидирует?

– Что ты, Бог с тобой, – сдвинул брови Елисей Юрьевич. – Он и дьявол – по разные стороны баррикад. Инфарх всего лишь Координатор Круга, Верховный Хранитель, а не судья и не палач. В случае твоего своеволия тебя просто отключат от Хроник.

– От астрала?

– Астрал – это еще не Хроники, это скорее искажение реальности, обход истинного знания. Не увлекайся походами в него.

Сбитый с толку Тарас недоверчиво посмотрел на учителя, но тот не шутил, пребывая в состоянии тоскливой отрешенности и ожидания. Можно было позавидовать тому, как он держится, и Тарас внутренне поежился, вдруг еще раз осознав, какая причина погнала их ночью на другой край земли. Сам он тоже терял близких: отца, двух дедов и бабушку, других родственников, дошедших до края жизни, но все они умерли от старости, естественной смертью, или от болезней (исключая отца-шахтера, погибшего во время взрыва газа под землей), и потеря их не казалась чрезвычайным событием, хотя и была нежелательной. Случай с учителем был качественно иным: самых близких ему людей убили! И он ничего не мог сделать, находясь в тот момент далеко от них.

Тарас почувствовал волну ненависти к неведомым убийцам и поклялся в душе, что сделает все, чтобы воздать им по заслугам.

– Она была такая мягкая и несамостоятельная... – заговорил вдруг Елисей Юрьевич с легкой грустной улыбкой на губах, глядя перед собой отсутствующим взором. – Мы плыли на теплоходе в Туапсе, начался пожар... Все бросились к шлюпкам, началась паника... А она стояла у борта, прижав кулачки к груди, в каком-то старомодном блестящем плащике...

Елисей Юрьевич снова улыбнулся.

Тарас замер, понимая, что учитель сейчас находится далеко отсюда, в своем прошлом.

– И в глазах ее была такая печальная покорность судьбе, что я не мог не остановиться... Прыгай! – кричу. А она вздрогнула, посмотрела удивленно и, в ответ, тихо и беспомощно: «Я плавать не умею»... Я сгреб ее в охапку и в воду... Так и познакомились. Ей было тогда девятнадцать лет. А прожили мы вместе сорок с лишним...

Тарас молчал. Собеседник учителю был не нужен, он разговаривал сам с собой.

Елисей Юрьевич закрыл глаза, привалился спиной к стенке салона и замолчал. Тарасу очень захотелось прижать его к себе, сказать что-нибудь ободряющее, однако делать этого он не стал. Учитель не нуждался в утешении.

Вскоре самолет снова затрясся, снижаясь, сделал круг над аэродромом у столицы Чечни и приземлился. Первыми из него выбрались Елисей Юрьевич и Тарас, попрощавшись с пилотами. За ними начал высаживаться притихший спецназ. Небо над аэродромом было затянуто тучами, утро занималось холодное и мглистое, дул пронизывающий ветер, и парни ежились, отворачиваясь от ветра, не умея регулировать внутренний теплообмен, как это делали Тарас и учитель.

Гостей из Москвы у черной «Волги» с грозненскими номерами ждали двое мужчин. Один из них, плотного телосложения, в черной кожаной куртке, лысоватый, пожал руки прилетевшим, кивнул на «Волгу»:

– Садитесь, поехали.

Гости уселись в теплой кабине, «Волга» тотчас же тронулась в путь, пересекла территорию аэродрома и выехала на шоссе, соединяющее аэропорт с Грозным. За машиной сразу пристроился БТР сопровождения, а вперед вырвалась «Нива» дорожного патруля, что говорило не столько о возможности нападения боевиков, сколько об уважительном отношении к гостям.

Мужчина в куртке сел рядом с Елисеем Юрьевичем, и они заговорили о чем-то, понизив голос. Видимо, встречал гостей сотрудник местного отделения ФСБ, знавший Елисея Юрьевича в лицо.

Рассвело, когда небольшая колонна миновала блокпост на въезде в Грозный, достигла окраин столицы Чечни и снизила скорость. Бронетранспортер отстал. Шедшая впереди машина ДПС посигналила и тоже отвалила в сторону. Дальше «Волга» ехала по улицам города без сопровождения, ничем не выделяясь среди редкого потока автомобилей преимущественно отечественного происхождения.

Тарас не был в Грозном ни разу, поэтому с мрачным интересом осматривал улицы, отмечая появление новых трех- и пятиэтажных домов, а также читая вывески магазинов. Судя по их количеству, жизнь в городе налаживалась, несмотря на постоянную угрозу нападения боевиков-камикадзе, готовых «во славу» Аллаха подорвать себя и кучу народа.

Свернули на улицу Ленина, подъехали к двухэтажному зданию главного корпуса больницы. Открылись решетчатые ворота, «Волга» заехала во двор больницы. Мужчина в черной куртке повел гостей к одноэтажному строению на территории больницы, на котором косо висела табличка: «Морг». Здесь их встретил худой лохматый чеченец в белом халате, открыл дверь.

Зашли внутрь. Помещение с цинковыми столами неожиданно оказалось стерильно чистым. Столов было с десятков, и на каждом лежали под простынями тела мертвецов. Работник морга откинул простыни с двух тел, отступил в сторону.

Елисей Юрьевич подошел к столу, замер, наклонившись над телом жены. Потом уткнулся лицом в ее грудь и снова застыл. Переглянувшись, Тарас и сопровождавший их особист вышли из морга.

– Как это случилось? – глухо спросил Тарас.

– Они возвращались с рынка, – таким же глухим голосом, нехотя, ответил мужчина в куртке. – Их встретили в переулке, недалеко от автобусной остановки. Подъехала старая «четверка» без номеров, из нее выскочили двое и открыли стрельбу из автоматов. Две очереди...

– Бандитов задержали?

Мужчина скривил губы.

– Как же, удержишь таких. Свидетелей было трое, но они запомнили только машину и то, что нападавшие якобы были в камуфляже и в масках. По таким приметам в городе можно задерживать каждую вторую машину и любого собровца в комбесе.

– Но ведь должны же быть какие-то следы, зацепки... Неужели свидетели ничего больше не разглядели?

Лысоватый особист смерил Тараса взглядом.

– Вы из конторы?

Тарас понял, что речь идет о ФСБ.

– Нет.

– Тогда не задавайте лишних вопросов, молодой человек. Может пострадать язык. В прямом смысле. Тут все живут по волчьим законам, по волчьим же и умирают.

Коллега Елисея Юрьевича отошел.

Тарас вздохнул, понимая его чувства. Он и сам с настороженностью отнесся бы к человеку, задающему вопросы о свидетелях на территории Чечни.

Елисей Юрьевич вышел через несколько минут с каменным, ничего не выражающим лицом.

– Поехали.

– Куда?

– Сначала в комендатуру. Договоримся о перевозке моих... – Елисей Юрьевич запнулся. – О перевозке тел на аэродром. – Он вдруг с тихой тоской ударил кулаком о ладонь. – Я же говорил им: не выходите лишний раз из дома! Собирайте вещи и уезжайте! А мама уперлась: я здесь родилась, здесь и... – он умолк, тяжело дыша, с видимым усилием справился с собой. Лицо Елисея Юрьевича снова приобрело каменно-бесстрастное выражение.

– Извини, что не сдержался... как видишь, люди Круга – не более, чем люди.

– Я понимаю, – тихо обронил Тарас.

Елисей Юрьевич болезненно усмехнулся, разглядывая его запавшими глазами, и Тарас убежденно добавил:

– Мы их найдем!

– А вот это лишнее! – твердо проговорил Елисей Юрьевич. – Выбрось это из головы! Расследованием занимаются компетентные органы, это их прерогатива. Мы приехали сюда не ради мести. Понял?

Тарас вздрогнул. Учитель прочитал его мысли.

– Ты понял или нет, спрашиваю?

– Понял, – кивнул Горшин, стискивая зубы.

Елисей Юрьевич еще раз смерил его оценивающим взглядом, отвернулся и зашагал к машине.

Из-за туч выглянуло солнце, заявляя об улучшении погоды, но Тараса это не обрадовало. Он знал, чем будет заниматься в Грозном после соблюдения всех формальностей по отправке «груза 200» в Москву.

Весь день они провели в переговорах с разными ответственными лицами Грозного и встречах с людьми разных возрастов, званий и полномочий в разных концах города. Не без напряжения им удалось договориться с военными летчиками о доставке тел жены и матери Смирнова в Москву, и лишь в больнице случилась заминка, едва не переросшая в инцидент.

Главврач больницы Хусаин Борзоев наотрез отказался выдать тела из морга, «до выяснения обстоятельств убийства», как он туманно выразился, хотя на руках у Елисея Юрьевича находилось предписание мэра Грозного о содействии «особому представителю» из Москвы всем, к кому он обратится за помощью.

Получив отповедь санитара, не пустившего их в морг, Елисей Юрьевич и Тарас направились к главврачу на прием.

Хусаин Борзоев оказался немолодым человеком с темным костистым лицом горца, на котором выделялись усы и кривой нос. Глаза у главврача прятались в глубоких глазницах, и определить их цвет оказалось делом нелегким, хотя изредка они вдруг светлели и становились по-ястребиному зоркими. Выслушав посетителей, он коротко, с акцентом сказал:

– Забрать погибших нельзя. До выяснения обстоятельств гибели. Вопросы еще есть?

– У меня разрешение мэра, – хладнокровно сказал Елисей Юрьевич, доставая сложенный вчетверо лист бумаги с подписью и печатью.

– Здесь я хозяин! – тем же непреклонным тоном бросил Борзоев. – И будет так, как я сказал!

– Не надувай щеки, лопнут! – не выдержал Тарас. – Читать умеешь?

– Спокойно, Граф, – посмотрел на него Елисей Юрьевич недовольно. – Человек просто не понял, что ему требуется всего лишь

выдать убитых.

– Ахмет! – повысил голос Борзоев, сверкнув недобрыми глазами. По всему было видно, что русских он не любит и готов идти до конца. Хотя причин для такого поведения, в общем-то, не существовало.

В кабинет ввалился могучего телосложения чеченец, похожий на известного всем террориста Басаева: бритая голова, усы, борода по грудь, волчьи глаза. Одет он был во все черное, кроме коричневых ботинок с высокой шнуровкой.

– Проводи гостей до выхода, – приказал главврач.

Тарас шагнул к вошедшему, сделал «медвежью стойку» и «качнул маятник», вызывая волну страха и бессилия.

Ахмет-«Басаев» отшатнулся, бледнея.

Тарас подтолкнул его к двери.

– Вас здесь не стояло... ждите в приемной!

Дверь за помощником главного врача закрылась.

Елисей Юрьевич шевельнул бровью, выражая тем самым неодобрение действиями ученика, повернулся к опешившему Борзоеву.

– Я думаю, нет смысла вызывать сюда спецназ. Или вы будете настаивать?

– Я тоже... могу... вызвать...

– Велик приказ, да мал начальник, – усмехнулся Тарас.

Главврач опомнился, пригладил волосы, глянул на дверь, на Тараса, наткнулся на его ледяной взгляд и вздрогнул.

– Что ж, может... э-э, мы договоримся. Кто эти люди, вы говорите?

– Моя мать и жена, – тяжело сказал Елисей Юрьевич.

– Понимаю ваши чувства... – Главврач сделался вежливым. – Давайте бумагу.

Он взял из руки Елисея Юрьевича письмо мэра, прочитал, покосился на Тараса и снял трубку телефона.

– Шамиль, оформи документы на выдачу тру... убитых... да, на женщин, что вчера привезли. – Он повернулся к москвичам: – Можете забирать.

– Их заберут завтра утром, – сказал Елисей Юрьевич. – С вашего позволения я зайду в морг.

– Это против наших правил, но вам я разрешаю. Ахмет!

На пороге возник тот же бородатый чеченец.

– Проводи гостей... э-э, на территорию. У них распоряжение большого начальства.

Ахмет молча посторонился, косясь на Тараса. Было видно, что он его боится по-настоящему. Пси-атака Горшина оставила в душе чеченца неизгладимый след.

В морг Елисей Юрьевич зашел один, не пустив ни Тараса, ни сопровождающего. Пробыл там десять минут и вышел с каменно-неподвижным лицом. Лишь взгляд его, слепой и сосредоточенный на внутреннем переживании, выдавал душевную боль этого сильного человека.

За воротами их ждала знакомая «Волга» с тем самым чекистом в кожаной куртке, который встретил их на аэродроме. Садясь в машину, Тарас обратил внимание на остановившуюся в отдалении «десятку» серого цвета с затемненными стеклами, но тут же забыл о ней. Голова была забита размышлениями о том, как найти и покарать убийц семьи учителя.

– Куда тебя? – спросил человек в куртке, обращаясь к Елисею Юрьевичу. – Может, поедem ко мне?

– Не хотелось бы стеснять, – проговорил Елисей Юрьевич отсутствующим голосом. – Мы лучше переночуем в гостинице или в комендатуре.

– Никого вы не стесните. Сын уехал, у дочки своя комната, а мама и Дина будут только рады гостям. – Чекист тронул водителя за плечо. – Поехали ко мне, Саша.

«Волга» развернулась и устремилась прочь от центра города.

Спустя минуту за ней двинулась и серая «десятка» с затемненными стеклами.

Глава 12

АТАКА

Приятель Елисея Юрьевича, которого Тарас принял за сотрудника ФСБ, оказался старшим советником юстиции, прокурором чеченской столицы. Звали его Антоном Кирилловичем Хованским.

Жил он в собственном доме на окраине Грозного, в полукилометре от реки Сунжи. Дом был окружен глухим деревянным забором и охранялся овчаркой по имени Гриц. Вокруг дома росли яблони и сливы, участок был ухожен, чувствовалось, что ему хозяева уделяли много внимания. Тарас и сам любил возиться в саду, поэтому порядок усадьбы одобрил.

Хозяйство усадьбы состояло из двух строений – сарая и хлева, где содержались две козы и корова. Ни свиней, ни кур семья Хованских не имела.

В доме, накрытом разнокалиберными металлическими листами, было четыре комнаты и небольшая кухонька с русской печью. Мебель везде стояла старенькая, на полу лежали домотканые половики, создавая особый домашний уют. Тарас поразился совпадению: полы у него дома тоже были накрыты половиками, сотканными еще бабушкой Надей.

Встретили гостей домочадцы: дородная женщина с рыхлым, болезненным лицом – мать Антона Кирилловича, Валентина Матвеевна, его жена Дина, тихая и улыбчивая, и дочь Антонина, Тоня, очень похожая на мать, такая же тихая и милая, но почти не улыбающаяся. За весь вечер Тарас увидел ее улыбку лишь однажды, когда отец хвастался, что Тоня рисует «как заправский художник».

В самом деле, как оказалось, она прекрасно рисовала. Стены ее комнатухи были увешаны акварелями и рисунками цветным карандашом, хотя определить сразу, чем они нарисованы, не удавалось.

Рисовала Тоня в манере малевичевского супрематизма ^[5], передающей как ритмику и пластику движения, так и многозначительность положений. Такие положения сама Тоня называла «застывшей явью». О Казимире Малевиче и его методе

самовыражения она почти ничего не знала, но вполне могла претендовать на место в Витебском объединении художника «Утвердители нового искусства», хотя дар ее был, наверное, масштабнее, чем у последователей Малевича, создателей русского авангарда. Во всяком случае, Тарас, регулярно посещавший художественные музеи и выставки и не раз бывавший на вернисажах Малевича, отметил не только точнейшую и тончайшую технику юной художницы, невероятную палитру и удивительное сочетание форм, но и глубину мысли, заложенную во всех полотнах.

Особенно долго он разглядывал рисунок под названием «Предок».

На нем в манере авангардистов пересечением спиральных и параллельных линий был изображен странный зверь, более всего похожий на... Инсекта! Точнее, на разумного таракана, блаттоптера сапиенс! Тарас готов был отдать голову на отсечение, что изображен именно Инсект, предок Перволюдей, а не просто фантасмагорическое существо Апокалипсиса.

— Что это? — поинтересовался он у девушки, когда взрослые вышли из комнаты.

Тоня покраснела, но ответила простодушно и твердо:

— Это наш предок. Такие звери жили на Земле. Очень давно. Я их часто вижу во сне.

Тарас пристально посмотрел на девушку, перевел взгляд на картину, покачал головой.

— Вам не нравится? — робко спросила хозяйка.

— Вы не представляете, как вы близки к истине! Дело в том, что я тоже иногда вижу таких... гм, зверей. Во сне. — Уточнять, где он видит Инсектов на самом деле, Тарас не стал. — Но главное не в этом.

— А в чем?

— Эти звери существовали реально и назывались Инсектами. Точнее, знающие люди их так называли.

— Правда? — Глаза Тони стали большими, в них проступило недоверие. — Вы шутите?

Тарас невольно залюбовался девушкой. Ее нельзя было назвать красавицей, по сути она была еще подростком с угловатой фигуркой, тоненькая, длинноногая, с едва наметившейся грудью. Но женщина в ней уже начинала брать свое, и этот зов чувствовался на расстоянии. А лицо Тони, милое, простое, с большими губами, чуть вздернутым

носиком и с печального разреза глазами отчего-то притягивало взор и заставляло искать ее улыбку, преображавшую девушку настолько, насколько преображает природу солнце, выглянувшее из-за туч.

Тоня поняла значение его взгляда, вспыхнула, с преувеличенным вниманием поправила висящую на стене картину, покосилась на него. Тарас засмеялся. Девушка смутилась еще больше, но засмеялась в ответ, и им сразу стало легко и свободно, будто упала некая стена, разделявшая их до этого.

Заговорили о художниках. Тоня показала свои пейзажи, выполненные в манере русского реализма, затем удивительные «космические» работы – пейзажи других планет, звездные скопления необычных форм и летящих ангелов, греющих руки у звезд. У девушки несомненно был дар (кроме канала, связывающего ее с Хрониками Мироздания, судя по рисунку Инсекта), и Тарас заговорил об учебе.

– Да, я хочу поступать в художественное училище, – сказала Тоня, складывая рисунки в папку, – во Владикавказе есть, в Ставрополе, но одну меня не отпускают, а родственников там у нас нет.

– Тебе лучше в Москву, в институт Сурикова, – посоветовал Тарас. – Могу посодействовать.

– Правда? – Глаза Тони засияли и тут же погасли. – В Москву меня тем более не отпустят. Да и денег нет на учебу.

– Я поговорю с твоим отцом, что-нибудь придумаем. Будет несправедливо, если твой дар окажется невостребованным.

– Папа говорит, что справедливость в нашей стране спит. А бабушка вообще не хочет выходить из дома, всего боится.

– Один умный человек сказал, что справедливость – это равновесие добра и зла. К сожалению, в нынешние времена это равновесие нарушено, и надо приложить немало усилий, чтобы его восстановить.

– Вы тоже прокурор, как папа?

– Нет, я всего лишь эксперт по экологии. Наш начальник называет нас экологами.

– Как? – удивилась девушка.

– Это он соединил два слова – экология и трудоголик. Можешь называть меня на «ты», если хочешь.

– Я думала, вы тоже... что ты тоже в системе правоохранительных органов работаешь. У тебя вид такой... суровый. Неужели где-то есть служба экологии?

– В Москве существует Комитет экологической безопасности, я работаю там уже два года.

– Трудно работать? Наверное, не всем нравится, когда вы к ним приезжаете?

– Не всем, – признался Тарас. – Бывает, что встречают нас как врагов, хотя сами действуют как враги, враги природы.

– Расскажите, – загорелась Тоня. – Вы, наверное, часто ездите по командировкам?

– Довольно часто, раз в месяц. Недавно был в Рязанской губернии. – Тарас принялся рассказывать о своем посещении сигаретной фабрики в Кадоме и вдруг почувствовал дуновение холодного ветра. Спину охватил ледяной озноб.

Тарас замолчал, прислушиваясь к пространству дома, потом к пространству вокруг дома. Тоня посмотрела на него с какой-то странной озабоченностью, и он понял, что ей передалось его беспокойство. Хотя не исключено, что она тоже могла слышать ментальные токи угрозы.

– Тихо! Ваш дом не охраняется милицией?

– Нет, – шепотом отозвалась девушка, вздрагивая в нервном ознобе. – Тут недалеко блокпост...

– Ночью он бесполезен, как пистолет без патронов, никто из бойцов не полезет на рожон, если возникнет перестрелка. Пойдем-ка к твоим.

Они вышли из спальни Тони и наткнулись на спешащего навстречу Елисея Юрьевича.

– К нам гости!

– Я почувал.

– Надо уходить. Антон знает тропку со двора вдоль Сунжи к блокпосту... – Елисей Юрьевич не договорил.

Взвыла собака. И тотчас же по окнам дома сыпанул свинцовый град, круша стекла, насквозь прошивая ставни и мебель. Стреляли, судя по всему, из автоматов калибра семь шестьдесят пять и из девятимиллиметровых пистолетов-пулеметов, а потом к ним присоединился и ручной пулемет.

– Все на пол! – крикнул Елисей Юрьевич, бросаясь в зал, где сидели прокурор, его жена и мать.

Тарас дернул Тоню за руку, заставляя ее лечь на пол. Упал рядом, обнял, вжимая в половики.

Трансовое боевое состояние пришло с первых же выстрелов, заработала сторожевая и анализирующая системы интуиции, раскрывая гипервозможности организма. Поле сознания Тараса охватило объем комнаты, скачком расширилось, обнимая дом прокурора и его окрестности. В прозрачной тьме, обступившей Горшина, обозначились бордовые пятна со злыми пульсирующими огоньками внутри. Это высветились ауры тех, кто открыл стрельбу. Один из пульсирующих огоньков вытянулся факелом, и Тарас, холодея, понял, что это означает.

– Все вон! – рявкнул он изо всех сил. – У них гранатометы!

Сам он успел бы унести ноги из горницы, владея темпом, но рядом была Тоня, и он сделал единственное, что зависело от него в сложившейся ситуации: отбросил девушку к печке и прикрыл ее своим телом.

Граната взорвалась в центре гостиной спустя секунду.

Тарас автоматически перевел себя в состояние пустоты, позволяющее проделывать трюки вроде протыкания руки иглой или ножом без каких-либо последствий, но вовремя вспомнил, что он не один, и успел сменить пустоту на состояние скалы.

Вихрь осколков ударил во все стороны, находя не успевших укрыться людей. Раздались крики и стоны.

Два осколка впились в спину Тараса, но пробить «телесные латы» не смогли, застряли в мышечных тканях, превратившихся в «каменные пласты». Боль в местах ударов вспыхнула довольно сильная, однако осколки не повредили позвоночник и обошли артерии, и Тарас не стал обращать на раны внимания. Двигаться они не мешали.

Подхватив оглушенную Тоню на руки, он выскочил из горницы на кухню, а оттуда в сени и во двор. Вторая граната лопнула в гостиной, когда он со своей ношей был уже под защитой сарая.

– Посиди здесь! – выдохнул он на ухо девушке. – Никуда не уходи! Я сейчас...

Он метнулся вдоль сарая к забору, перемахнул его в один прием и на лету сориентировался в пространстве ментала, чтобы определить

местонахождение стрелков. По нему выстрелили – видимо, территория дома отслеживалась через инфракрасную оптику, – но очередь прошла чуть в стороне, и Тарас мгновенно вычислил автоматчика, что позволило ему не потерять ни одного мгновения на контратаку.

Максимально ускорившись, так что туго свистнул ветер в ушах, он преодолел расстояние от забора до какой-то полуразрушенной будки, с крыши которой велся огонь, вспрыгнул наверх и одним ударом «рука – копье» пробил насквозь человека в камуфляже и маске с автоматом «АК-74» в руках.

Стрелок охнул, роняя автомат, упал с крыши будки вниз.

Одновременно стихла стрельба и с других сторон. Доносился только рев раненой коровы и лай потревоженных собак в округе.

Тарас поискал ауры остальных стрелков, обнаружил тускнеющие, удаляющиеся пятна и понял, что боевики отступили.

Где-то в километре от дома прокурора взвыла сирена, слышался рокот моторов бронетранспортера. Это зашевелился потревоженный стрельбой блокпост.

Тарас метнулся назад, к сараю, Тоню там не нашел и ворвался в дом, не чувствуя боли в спине, где застряли осколки гранаты.

Все стекла в доме были выбиты, стены иссечены осколками, мебель изрешечена пулями и разбита вдребезги, уцелели только диван и два кресла. По комнатам витали кисло-горькие запахи взрывчатки и тлеющих тряпок.

На полу посреди горницы лежали прокурор и его жена. Оба получили множественные осколочные ранения и умерли еще во время боя. К тому же Антон Кириллович принял на себя несколько пуль, прикрывая жену, однако это ее не спасло.

Тоня уже находилась здесь, словно окаменев, стояла на коленях над телами родителей.

Елисей Юрьевич сидел рядом с другом, держась одной рукой за грудь, а второй за шею. Поднял голову, когда в горницу ворвался Горшин.

– Что?! – глухо выдохнул Тарас.

– Я не смог закрыть обоих...

– Что с вами?

– Пара осколков в груди, пара в спине... ничего, справлюсь. Посмотри, что там с матерью Антона.

Тарас поискал пожилую женщину и обнаружил ее лежащей на полу у печки. Однако печь защитила ее от пуль и осколков, и сознание Валентина Матвеевна потеряла скорее от шока после взрывов. Передав ей восстанавливающий сознание энергоимпульс – ладонь на лоб, ладонь на грудь, в с п ы ш к а, – Тарас вернулся в горницу, остановился за спиной Тони, не решаясь отвлечь ее.

– Зажги свет, – попросил Елисей Юрьевич.

Тарас щелкнул выключателем, но все лампочки в доме были разбиты и свет не загорелся. Тогда он поискал на кухне свечи, нашел два огарка и зажег. Снова подошел к Тоне.

Она сидела все в той же позе, прижав кулачки к груди, и смотрела на родителей черными ушедшими глазами. Тарас присел рядом на корточки, хотел было передать ей пси-волну успокоения, однако вовремя остановился, заметив мерцающий искрами серебристый столб над головой девушки. Она имела канал связи с силой и не нуждалась в прямой энергоподпитке.

Послышались стоны и охи, затем тихий плач. Это очнулась мать Антона Кирилловича. Женщина с трудом добралась до тел сына и невестки и упала на них с рыданиями, раскинув руки. Только теперь Тоня очнулась и заплакала, припав лицом к груди отца.

С улицы послышался грохот бэтээра, стих, затем долетели команды, звуки шагов бегущих людей. В дом ворвались бойцы спецназа в камуфляже, с фонарями в руках, остановились на пороге, увидев душераздирающую сцену. Вперед вышел офицер в берете, бросил два пальца ко лбу. Хмуρο осведомился:

– Ранены, убиты?

– Убиты, – ответил Тарас.

– Нападавших видели? Сколько их было?

– Не знаю. Человек пять, наверное.

– Как вы здесь оказались? Документы есть?

– Возьмите, – проговорил Елисей Юрьевич, протягивая окровавленной рукой удостоверение.

Старлей глянул на красную книжечку, вернул, снова козырнул.

– Прошу прощения. Вы ранены?

– Позаботьтесь о них.

– Слушаюсь. – Старший группы повернул голову к двери. – Савельев, носилки сюда. Обыскали окрестности?

– Так точно. Никого, только труп неподалеку, возле старой трансформаторной будки.

Тарас встретил косой взгляд учителя и криво улыбнулся.

* * *

Ночь прошла в суете следственных мероприятий, допросах свидетелей нападения на дом прокурора, в хлопотах по транспортировке убитых в морг той же больницы, где находились и убитые террористами мать и жена Смирнова.

Тарас вылечил себя быстро: самолично выковырнул пальцами осколки из спины и провел сеанс аутентичного «сшивания» тканей. В оздоровительной практике «живы» этот прием работы с тонкими энергиями назывался «мертвой водой». Сам прием выглядел так.

Тарас вытянул руки вверх, раздвинул пальцы, вызвал в памяти образ солнца (днем этого делать не пришлось бы) и всосал пальцами поток энергии, направляя его в солнечное сплетение. Когда энергии набралось достаточно – ощущалась она, как мерцающая огнями раскаленная лава, – он направил ее по соответствующим меридианам к ранам на спине. Через несколько минут раны затянулись.

Как лечился Елисей Юрьевич, пытавшийся прикрыть собой прокурора и получивший в результате несколько пуль и осколков, Тарас не видел, но был уверен, что учитель использовал тот же прием «живы», либо какие-то другие, не менее действенные практики самовосстановления.

Мать Антона Кирилловича пришлось отвезти в больницу – гипертонический криз. Смерть сына и невестки привела ее в шок, и жизнь женщины висела на волоске. Тоня с момента смерти родителей не произнесла ни слова, и вывести ее из состояния фрустрации Тарасу не удалось. Он только снял с нее шоковый морок, а потом просто сопровождал девушку везде, принимая ее переживания по каналу духовной связи. Это должно было помочь ей справиться с горем. В конце концов Тоня осталась в больнице с бабушкой, и Тарас с учителем вернулись в разгромленный дом прокурора, чтобы хоть как-то привести его в порядок.

В начале восьмого они отправили на грузовике трупы животных – двух коз, собаки и коровы, – затем кое-как забили досками дыры в полу гостиной, очистили комнаты от обломков мебели, осколков посуды и стекла, расставили уцелевшие стулья и кресла по местам и сварили себе кофе. Дом еще был оцеплен омонотцами, на улице дежурил БТР, и можно было не опасаться повторного нападения. Елисей Юрьевич разговаривал мало, междометиями, было видно, что он давно решает какую-то внутреннюю проблему, не делаясь информацией с учеником.

Следователь и работники прокуратуры, которую возглавлял Антон Кириллович, уехали еще в пять часов утра, пообещав разобраться с нападением и выявить заказчика. Но Тарас почему-то был уверен, что если это и произойдет, то не скоро. Уж слишком наглой была атака прокурорского дома, хорошо рассчитанной и точной. Нападавшие знали, кто у прокурора в гостях, и не пожалели ни женщин, ни дочь Антона Кирилловича, ни гостей.

Впрочем, могло быть и так, что охотились боевики вовсе не за Хованским, несмотря на его жесткое отношение к бандитам, а за его важными гостями, хотя при этом сразу вставал вопрос: откуда к террористам просочилась информация о прибытии москвичей. Знали об этом буквально два-три человека из местного отделения ФСБ.

Выпив чашку кофе, Тарас не удержался и задал этот вопрос учителю. Елисей Юрьевич, сменивший пробитую и окровавленную одежду, долго не отвечал. Пил кофе мелкими глотками. Думал. Потом вспомнил об ученике.

– Цель атаки была – мы. Точнее – я.

Тарас подождал продолжения.

– Почему вы? За что? Ведь они и так убили... ваших... или это месть за что-то? Может быть, кто-то из полевых командиров имеет зуб на вас?

Елисей Юрьевич качнул головой.

– Я не воевал. Дело в другом.

– В чем?

Долгое молчание. Елисей Юрьевич допил кофе, поставил чашку и поднял на Тараса измученные глаза, в которых всплыли долго сдерживаемые тоска и боль.

– Тебе этого лучше не знать.

– Почему?

– Твои реакции на такие вещи не всегда адекватны.

Тарас набычился.

– Зло должно быть наказано... а справедливость восстановлена! Человек, а вернее, нелюдь, убившая невинную женщину, жить не должна!

Елисей Юрьевич снова покачал головой.

– Этому я тебя не учил.

– Меня учила жизнь. Я два года служил в спецназе, воевал в Таджикистане с наркокурьерами. Эта мразь ничем не отличается от здешней мрази. Она должна быть ликвидирована!

– Если таковы твои убеждения, то Герард прав – ты не готов к восприятию ценностей Круга. Хорошенько запомни: месть не дает избавления!

– В данном случае это не месть, – упрямо сжал губы Тарас. – Это возмездие!

– Не будем спорить. Жизнь убедит тебя в конце концов... или не убедит. Выполни только одну мою просьбу. Я уже не смогу тебя чему-либо научить, ты уходишь, и я это вижу. Но все же попробуй тщательнее рассчитывать каждый свой шаг. Иначе путь потерь для тебя будет слишком жестоким.

Тарас отвернулся, сдерживая возражения и желание поспорить, сказал через силу:

– Хорошо, учитель.

Посидев так немного, он спросил:

– Что будем делать?

– Ничего, – ровным тоном проговорил Елисей Юрьевич, поднимаясь. – Поможем похоронить Антона с Диной, отправим домой... м-м, «груз 200» и улетим сами. Здесь нам больше делать нечего.

– Но ведь нас хотели убить!

Глаза Смирнова вспыхнули.

– Они знали, что нас убить нелегко, это была разведка боем. Меня хотели разгневать, заставить потерять голову, броситься в погоню, чтобы нанести внезапный удар. Пойти у них на поводу, значит – проиграть.

– У кого «у них»?

Елисей Юрьевич расслабился, прошелся ладонью по лицу, успокаиваясь, направился к двери. На пороге оглянулся.

– Я мешаю одному нашему приятелю. Кстати, ты тоже. Но если они еще надеются, что ты примкнешь к ним, то насчет меня у них сомнений нет.

– Никогда! Но... кого вы все-таки имеете в виду? Дмитрия?

– Дима Щербань – только пешка в их руках. Мощная, уверенная в себе, с большим потенциалом, с задатками оператора, но пешка. Я имел в виду директоров «Купола». И того, кто над ними.

Тарас помолчал, переваривая услышанное.

– Вы имеете в виду...

– Конкере, – ответил Елисей Юрьевич, выходя за порог. – Наместника Монарха Тьмы на Земле.

Тарас остался сидеть в гостиной, пытаясь собрать разбежавшиеся мысли в кучу. Буря в его душе улеглась не скоро. Было ясно, что учитель знал, кто пытался его нейтрализовать, организовав убийство близких, а потом и семьи друзей, но не хотел заниматься расследованием и выявлять исполнителей. Ему надо было помочь.

«Нелюди жить не должны!» – повторил Тарас про себя, заканчивая свой внутренний диалог с самим собой. Путь потерь, о котором предупреждал учитель, для него еще ничего не значил.

Глава 13

В ОСАДЕ ЧУВСТВ

Отправка «груза 200» – цинковых гробов с телами жены и матери Елисея Юрьевича – не заняла много времени.

В десять часов утра больничный катафалк под охраной БТР отвез убитых на военный аэродром в Ханкале, там гробы перегрузили в чрево «Ан-12», который должен был вылететь в Москву утром следующего дня, и москвичи оказались предоставленными сами себе.

Впрочем, не совсем так. Гибель прокурора и его жены от пуль террористов наложила на них если и не физические, то психологические обязанности, которые надо было выполнять. Поэтому учитель и ученик разделились. Елисей Юрьевич поехал в комендатуру, на встречу с коллегами и представителями правоохранительных органов, занявшихся расследованием инцидента, Тарас же направился в больницу, где все еще находились мать прокурора и ее внучка. Ему предоставили старенький джип «Чероки», корпус которого был усеян заплатами, а стекла кое-где заменены фанерой, и водитель-чеченец, молодой парень с едва пробившимися усиками, с ветерком домчал московского гостя до больницы.

Валентина Матвеевна чувствовала себя лучше. Она еще не передвигалась самостоятельно, однако уже сидела в постели и могла разговаривать, хотя было видно, что смерть сына лишила ее всего, в том числе главного – смысла жизни. Взгляд у женщины был потухший, есть она отказывалась и держалась только из-за внучки, лишь из ее рук принимая лекарства и воду. Ни на один вопрос она не ответила.

Примерно так же вела себя и Тоня, на вопросы Тараса о самочувствии ответив одним словом:

– Ничего...

Понимая, что ничем в настоящий момент он не сможет помочь осиротевшим женщинам, Тарас посидел немного в палате, где находились еще две больные женщины, пообещал Валентине Матвеевне и Тоне посетить их еще раз и с тяжелым сердцем покинул территорию больницы.

В коридоре он едва не столкнулся с невысоким худым подростком, и ему сразу не понравился косой вороватый взгляд парня. Заработала интуитивно-рефлексная сторожевая система. Тарас перешел на психическое и стал различать ореолы биополей встречающихся на пути людей. У подростка, шмыгнувшего мимо с видом вора, аура была грязно-желтого, с примесью бурых струй, цвета, что говорило о его злобном и трусливом характере. Тарас пожалел, что не остановил парнишку и не спросил, что он здесь делает.

Он вышел из больницы и увидел за джипом серую «десятку» с синим милицейским номером. В ней находилось трое, и ауры пассажиров чем-то напоминали ауру встретившегося в больнице подростка. Тарас подошел к джипу и сказал водителю:

– Подожди меня здесь, я сейчас вернусь.

Он медленно двинулся вдоль улицы, останавливаясь у попадавшихся киосков, зашел в продуктовый магазинчик и выглянул в окно, не высываясь.

Интуиция не ошиблась. Люди в «десятке» следили за ним. Машина медленно катилась по улице и остановилась недалеко от магазина. Из нее вышел мужчина средних лет, плечистый, с ежиком коротко стриженных светлых волос на круглой голове, не чеченец, но и не русский, судя по разрезу глаз. Он был точно в такой же кожаной куртке, что и убитый прокурор Хованский, в мятых серых брюках и кроссовках, и лежала на нем хорошо видимая печать спецподразделения.

Тарас нагнулся к продавщице, сделал нужное – виноватое, просящее, извиняющееся – лицо.

– Простите, мне нужно в туалет. Подскажите, где он у вас?

Внушение подействовало. Продавщица улыбнулась и кивнула на дверь в подсобку:

– По коридору направо.

Тарас выбрался в коридор, не замеченный мужчиной в куртке и кроссовках, а оттуда во двор магазина. Подождал, пока грузчики, возившиеся с разгрузкой «Соболя», скроются в подсобке, и перемахнул забор, отделяющий территорию магазина от соседних строений. Обошел магазин дворами и вышел к больнице.

– Поехали на Вавилова, – сказал он, залезая в машину.

Водитель с готовностью включил двигатель и помчался по указанному адресу, на окраину Грозного, к дому прокурора, практически не соблюдая правил уличного движения.

Доехали, однако, без приключений. На блокпостах и пунктах ДПС джип знали и пропускали беспрепятственно. Похвалив водителя за классное вождение и доставив ему тем самым удовольствие, Тарас отпустил парня и направился к дому Антона Кирилловича. Он собирался «погулять» по астралу в поисках убийц прокурора и жены учителя, после чего подождать Елисея Юрьевича здесь, не рискуя «светиться» перед наводчиками террористов. Попытка слежки, которую он пресек в самом начале, говорила об интересе к персоне эксперта не только бандитов, но и правоохранительных органов. Хотя вполне могло быть, что они сотрудничали.

Охрану вокруг дома сняли, соседи прокурора разошлись, двоюродный брат Антона Кирилловича и родственники жены побоялись ночевать в доме, и он стоял темный, осиротевший, с выбитыми глазницами окон, похожий на скелет живого существа. Однако стоило только Тарасу расположиться в кресле в углу горницы с чашкой горячего чая в руке, как заявились гости.

Их было двое. Один – тот самый плечистый мужичок в кожане и кроссовках, с коротким ежиком волос, и второй – повыше, в плаще и кепке, с бледным одутловатым лицом, на котором выделялись умные цепкие глаза и острый нос. От гостей исходила волна бесцеремонной уверенности и официальности, что указывало на их принадлежность к властным структурам. Тарас мог бы незаметно покинуть дом еще до появления гостей, почувствовав сначала приближение направленных биополей, а потом услышав тарахтение двигателя «десятки», но не стал этого делать. Среди бела дня террористы не рискнули бы нападать на людей, способных дать им отпор, да и пахли они иначе.

– Проходите, – сделал радушный жест Тарас, не вставая с кресла. – Будьте как дома. Извините за раскардаш, у нас тут ЧП.

Остановившиеся на пороге мужчины переглянулись, потом гость в плаще прошел на середину горницы. Уголки его губ дернулись. То ли он хотел улыбнуться, то ли сплюнуть.

– Кто же вы на самом деле, господин Горшин? Так уходят от наблюдения, как это продемонстрировали вы, только профессионалы.

– Показать удостоверение? – вежливо предложил Тарас.

– Документы нетрудно подделать.
– Поэтому я не спрашиваю ваши. Наверное, вы из органов. Но не МВД, не так ли?
– Отдел внутренних расследований УФСБ, майор Самофалов.
– Очень приятно. А это, очевидно, сотрудник наружки? – Тарас перевел взгляд на мужчину в куртке.

Тот ответил спокойным взглядом сильного и уверенного в себе человека, подготовленного к экстремальным ситуациям. Противником этот чекист мог стать серьезным.

– У нас к вам два вопроса, господин Горшин, – продолжал гость в плаще, снимая кепку и приглаживая редкие волосики на макушке. – Не будете возражать, если я их задам?

– В принципе нет, хотя я уже все сказал следователю.

– А вот нам кажется, что не все.

Майор Самофалов поискал глазами стул, подтащил его к столу, изрешеченному осколками гранат, сел и развернул папку. Достал шариковую ручку.

– Вопрос первый: кто убил одного из нападавших?

Тарас встретил внимательный острый взгляд карих глаз майора и понял, что тот догадывается об его участии в бою. Пожал плечами.

– Впервые слышу, что один из боевиков был убит. Может быть, его свои зацепили? Почему вы спрашиваете об этом меня?

– Я спрашиваю всех. – Майор снова дернул уголок губ, не то намечая улыбку, не то сдерживаясь, чтобы не плюнуть. – Имею на это право. Дело в том, что террориста убили не пулей или ножом, а особым приемом рукопашного боя.

– Да что вы говорите?

– В общем-то говорю то, что есть. Однако мы знаем, что вы, господин Горшин, владеете таким специфическим видом рукопашного боя, как «наваждение». Вот и подумалось: не вы ли вмешались?

Тарас почувствовал, как напряглись мышцы живота. О том, что он владеет «наваждением», знали всего три человека в мире: учитель, пентарх Герард и Дмитрий Щербань. Служака-майора, даже возглавляющий отдел внутренних расследований УФСБ Чечни, не мог узнать об этом ни при каких обстоятельствах. Если только ему не сообщили об этом специально!

Мысли побежали торопливо и вихристо, складываясь в цепочки причинно-следственных объяснений. Стало ясно, что к нападению причастны местные силовики, предупрежденные кем-то из Москвы о прибытии Елисея Юрьевича и нанявшие боевиков для его ликвидации. Но это еще надо было доказать, а положение Тараса складывалось не в его пользу. Он не знал, где сейчас находится учитель и стоит ли сопротивляться, если гости вознамерятся его арестовать.

— Что вы такое говорите? — улыбнулся Тарас, начиная «качать маятник» эмоций собеседника, ведущий к торможению реакций. — Я никогда не слышал о... как вы сказали? Наваждение?

Гости переглянулись.

— Хорошо, пойдем дальше, — не стал акцентировать внимание на этом вопросе Самофалов. — Действительно, свидетели показали, что вы все время находились в доме и никуда не отлучались.

— Точно так, товарищ майор.

— Тогда в связи с этим вопрос второй: почему убили только прокурора и его жену, а вас даже не зацепило? Ведь вы тоже находились в доме вместе с убитыми?

Майор впился глазами в лицо Горшина, оставшееся невозмутимым.

— Нам просто повезло, — проговорил Тарас, продолжая давить на психику собеседника интонацией голоса и едва заметными покачиваниями рук.

Майор хмыкнул, расслабился, поскреб за ухом, достал сигареты.

— Курите?

— Спасибо, не курю.

— Правильно делаете. — Гость выпустил клуб дыма. — Как говорится: курить — здоровью вредить. Хотя иногда этот процесс полезен, особенно когда играешь в карты. Есть даже неписаное правило: кури больше — партнер дуреет. Я был недавно в Эстонии, так там приняли очень суровый закон в отношении курильщиков. Там штрафуют за курение даже в подъездах и на лестничных площадках.

— Очень интересно, — вежливо сказал Тарас, добавляя в тон голоса вкрадчивое сочувствие.

Майор поперхнулся, удивленно вскинул на него глаза, затушил сигарету и встал.

– К сожалению, гражданин Горшин, вам таки придется проехать со мной в управление.

– По поводу чего? – Тарас надавил на психику Самофалова сильнее, добавляя убедительности колебаниям рук.

Майор в нерешительности посмотрел на своего помощника, закрыл глаза, мечтательно расслабляясь, потом опомнился и сделал озабоченное лицо.

– Вы так и не ответили на мои вопросы. А жаль. Не пришлось бы ехать с нами, устраивать допрос по всей форме, с применением спецсредств.

– Но ведь я и так не поеду с вами, – кротко и доверительно сказал Тарас. – У вас нет никаких оснований, а главное – письменных распоряжений начальства для моего задержания. Не так ли?

Майор с сомнением почесал за ухом и, наверное, вообще уплыл бы в беспамятство, если бы не его молчаливый помощник в куртке. Он достал пистолет, навел на Тараса и негромко произнес:

– Пошли. Аппарат покажет, что ты знаешь.

Он, вероятно, имел в виду детектор лжи. Такие устройства, компактные и эффективные, основанные на фиксировании физиологических реакций человека во время допроса, появились и на вооружении работников отечественных спецслужб.

Тарас заглянул в его прозрачные глаза и понял, что этого коротко стриженного аборигена качанием биополей не проймешь. Его психосфера была хорошо защищена высоким порогом отсутствия сомнений и мыслей вообще. По сути, он был хорошо тренированным биороботом, готовым выполнить любой вербальный приказ начальства или целенаправленную пси-команду.

Однако от эксперимента по переподчинению чекиста Тараса спасло появление учителя.

Он возник в проеме двери совершенно бесшумно, как призрак, и несколько мгновений исподлобья смотрел на сцену в гостиной. Затем прошел вперед и проговорил сухим, наждачным голосом:

– Что здесь происходит?

Майор Самофалов и его напарник оглянулись.

В тот же миг Тарас выпрыгнул из кресла, жестом фокусника выкрутил пистолет из руки мужчины в куртке и приставил ствол к его виску. Тот дернулся и замер, меняясь в лице.

– Это лишнее, – сказал Елисей Юрьевич, бросив взгляд на Горшина.

Тарас привычно разрядил пистолет, сунул обойму в карман чекиста, а пистолет ему в руку и сел на место с безмятежным взором. Ошеломленный такой демонстрацией превосходства, стриженный чекист в нерешительности посмотрел на своего командира, достал обойму, но заряжать пистолет не стал.

– Ну-с, что происходит, джентльмены? – повторил вопрос Елисей Юрьевич.

– Меня хотели забрать в управление для допроса, – ответил Тарас. – Товарищу майору очень хочется знать, почему мы остались живы.

Самофалов спохватился:

– Э-э, собственно говоря... мы уже кое-что выяснили... но было бы недурно, товарищ полковник, если бы вы... э-э, были с нами более откровенны.

Елисей Юрьевич достал из кармана сложенный вчетверо плотный лист бумаги с золотым двуглавым орлом и эмблемой ФСБ, сунул под нос майору.

– Читайте.

Самофалов прищурился, разглядывая текст документа.

– Подателю сего, полковнику Федеральной службы безопасности Смирнову... э-э... разрешено...

Майор поднял глаза. Лицо его слегка порозовело.

– Ваш карт-бланш не имеет...

– Имеет! – коротко бросил Елисей Юрьевич, пряча бумагу. – А теперь извольте выйти вон!

Это было сказано таким тоном, что оба представителя власти вздрогнули, вытянулись и молча направились к выходу. Хлопнула входная дверь, смолкли шаги идущих, заработал двигатель машины. Гул удалился, стало тихо.

Тарас хотел спросить, почему учителя не задержали те, кто сидел в машине, но вовремя прикусил язык. Чекисты его, наверное, просто не увидели.

– Даже если бы я сказал им правду, – проговорил Тарас, – они бы не поверили. Но все их вопросы привели меня к мнению, что утечка

информации произошла именно в местном отделении вашей конторы. Этот майор пришел по наводке.

– Знаю, – отрывисто бросил Елисей Юрьевич, направляясь к выходу. – Утечка информации произошла в Москве. Нас просто «заказали». Посиди, я схожу к соседям, будем готовиться к похоронам.

Он вышел.

Тарас откинулся на спинку кресла, расслабляясь, и подумал, что учитель знает, кто убил его близких и семью прокурора, но не хочет заниматься поисками убийц. Не из трусости. Из каких-то этических соображений, которых сам Тарас не принимал. Жизнь постоянно доказывала, что ненаказанное зло рождает еще большее зло, и этот закон действовал неукоснительно везде и всегда.

* * *

Похороны прокурора и его жены состоялись на новом кладбище столицы Чечни, расположенном на левом берегу Сунжи, за городом. Присутствовали коллеги Антона Кирилловича по работе, официальные лица из силовых ведомств – УВД, ФСБ, прокуратуры, армии, немногочисленные соседи Хованского и омовцы, охранявшие подступы к кладбищу во время короткой церемонии прощания с погибшими.

Из родственников прокурора на похороны прилетел из Владикавказа брат Антона Кирилловича Петр. Мать прокурора не смогла подняться и осталась в больнице. Ей снова стало хуже.

Короткую речь сказал мэр Грозного, выступили начальник УФСБ и зампрокурора.

Сухо треснул залп салюта.

Хмурые люди стали расходиться по машинам. Через минуту кладбище опустело.

Елисей Юрьевич проводил почерневшую от горя Тоню до милицейского «уазика», сел сам, подвигаясь, освобождая место для Тараса. Но тот покачал головой, отступая, закрыл дверцу.

– Я останусь на несколько минут.

Елисей Юрьевич непонимающе посмотрел на него, сдвинул брови.

– Не дури. Это не место для прогулок.

– Не беспокойтесь, учитель, обещаю вести себя достойно. Я скоро вернусь.

Полковник еще раз внимательно заглянул в глаза Тараса, пытаясь прочесть его мысли, наткнулся на блок, усмехнулся и кивнул водителю:

– Тронулись, лейтенант.

Машина милиции, сопровождаемая микроавтобусом с омоновцами, уехала. Тарас остался один в глухой тишине кладбища, окруженный свежими крестами и обелисками. Вспомнились похороны отца, погибшего в шахте от взрыва газа. Отец никогда не жалел времени для занятий с сыном и многое ему дал, хотя Тарас редко соглашался с его мнением по тому или иному вопросу. Тарасу он казался слишком мягким и добрым, не любил конфликтов и советовал сыну никогда не отвечать злом на зло. Тарас горячился, доказывая, что нельзя подставлять другую щеку, если тебя ударили по одной, что надо отвечать адекватно, так, чтобы никому не повадно было бить людей по щекам, а тем более калечить их или убивать. Но переубедить отца так и не смог. Хотя враги у него были. Точнее, завистники. Отец был силен, добр, хорошо зарабатывал, не обижался на не раз обманывавших его людей и этим разжигал их зависть и злобу. А когда его особенно доставали, отшучивался словами Оскара Уайльда:

– В друзья я выбираю себе людей красивых, в приятели – людей с хорошей репутацией, врагов завожу только умных.

Правда, вопреки этому заявлению врагов он не заводил никаких. Они появлялись сами, хотя в глаза отцу предпочитали говорить приятные слова, мечтая всадить ему нож в спину...

Тарас очнулся, поймав спиной тонкий лучик чужого взгляда. Дремлющая до поры до времени интуитивно-рефлексная сторожевая «собака» организма наострила уши и заворчала.

В принципе, именно этого Тарас и добивался, точно зная, что за похоронами наблюдали и осведомители террористов. Надо было заставить их высунуться, потерять бдительность, раскрыться, чтобы потом внезапно из мышки превратиться в кошку и ударить в нужный момент. Только так и можно было выяснить, кто убил жену учителя и его друга, с которым он был знаком уже не один десяток лет.

Однако расчет Тараса оправдался в более жестком варианте, чем он прикидывал. Не успел он оглядеться, ожидая увидеть гостей, как укол острой угрозы буквально прошел голову. На него не просто смотрели издали, на него смотрели через окуляр прицела, и палец снайпера уже начал движение.

Никогда ранее Тарас не приводил себя в сингл-состояние такими ударными темпами. Ему удалось это сделать всего за две секунды, и, уже убирая голову с линии прицела, он почувал — не услышал — тугой ментальный щелчок: пуля, вылетевшая из дула снайперской винтовки, погнала впереди себя энергетическую волну.

Она все-таки задела его — попала в плечо — и прошла насквозь, как через слой тумана. Несмотря на ее скорость, тело успело приобрести свойства анима — одной из сиддх, которая выражалась в способности мастера уменьшать массу и плотность тела.

Тарас упал между могил, ожидая второго выстрела. Но его не было. Затем, спустя несколько минут, послышались осторожные шаги, и на кладбище появились люди. Трое, все с заросшими лицами, бородатые, в куртках «инглиз» и моджахедских шароварах, на головах — спортивные вязаные шапочки, у одного — зеленая лента поверх шапочки. Он держал в руках винтовку с оптическим прицелом иностранного производства. Двое других были вооружены автоматами.

Тарас видел их не напрямую, «третьим глазом», но почти так же хорошо, как если бы смотрел обычным способом.

Его поза и кровавое пятно на виске — он создал «рану» усилием воли — должны были убедить убийц, что жертва мертва. Однако на всякий случай он послал всем троем пси-волну «трупного окоченения», и делать контрольный выстрел они не стали. Разговаривая на дикой смеси русского и чеченского языков, все трое подошли к «мертвецу», один из них, с винтовкой, наклонился над телом, и Тарас взмыл в воздух, начиная скоротечный и жестокий бой.

Вся схватка с не ожидавшими сопротивления «духами» длилась несколько мгновений.

Тарас повернул дуло винтовки в сторону замерших от неожиданности бородачей с автоматами, не выкручивая ее из рук снайпера, и дважды нажал на спусковую скобу. Затем локтем врезал снайперу в горло, ребром ладони отбил нож и всадил его же в бедро противника. С воплем бородатый снайпер отшатнулся, хватаясь за

бедро. Глаза его побелели от боли. Тарас направил на него ствол винтовки и четко выговорил, внушая моджахеду дикий страх:

– Не ответишь на вопросы – убью! Ну?!

Бородач, еще молодой, лет двадцати пяти, не больше, упал на колено, побледнел, не сводя расширенных глаз с «ожившего мертвеца».

– Кто тебя послал?!

Снайпер закусил губу, так что на бороду стекла струйка крови, сказал глухо, с акцентом:

– Командира послал...

– Кто?!

– Хамзат... Гелаев...

– Откуда он узнал, что мы приедем в Грозный?!

– Вас... заказали...

– Кто?!

Бородач побледнел еще больше, буквально помертвел, только глаза светились волчьей ненавистью.

– Говори!

– Не знаю... командира знает... приезжала федеральный начальник, говорил командира...

– И после этого вы убили женщин на рынке?!

Снайпер попытался отодвинуться, спасаясь от пылающего взгляда Горшина, затрясся.

– Я не убивал... это Мартан... нам приказали... не убивай!

– Женщин вы, однако, не пожалели! Где находится база Гелаева?!

Бородач облизнул губы, глядя на Тараса, как кролик на удава.

– В ущелье... близко горный хребет...

– Какой хребет? Тарский? Грозненский? Точнее!

– Грозный... близко... пять-четыре километр...

– Как туда пройти?!

– Есть подземный ходы... за Сунжа... но ты не пройдешь... –

Глаза чеченского снайпера обрели осмысленное выражение, в них сквозь муть подавленной воли и пелену страха проступила некая решимость, будто он получил энергетическую подпитку. – Мы вас всех порежем! – продолжал боевик окрепшим голосом. – Горла перегрызем! Кишки выпустим и на шею намотаем!

– Верю, – усмехнулся Тарас. – Это единственное, что вы умеете делать хорошо. Вот только не богоугодное это дело – кишки выпускать и женщин убивать. Спасибо за информацию. Иди к своему командиру и передай ему, что я скоро к нему приду. Надеюсь, трупы этих шакалов с автоматами вы уберете сами.

Тарас закинул винтовку за плечо дулом вниз, не ставя ее на предохранитель, и зашагал прочь.

– Ты мертвец! – прошипел оставшийся боевик, выдергивая нож из бедра, и бросился на Тараса.

Между ними было около шести метров, и это расстояние моджахед пролетел в долю секунды, будто его послала какая-то сверхъестественная сила. Однако Тарас все еще находился в потоке времени темпа, не оглядываясь, он повернул дуло винтовки навстречу бородачу и нажал на курок.

Выстрел, сдавленный вопль, стук упавшего тела. Нож выпал из скрюченных пальцев снайпера, пальцы еще некоторое время поскребли землю и расслабились.

– Умри с миром, – пробормотал Тарас, чувствуя необычную усталость. Прислушался к себе.

Кладбище было расположено в геопатогенной зоне, отнимавшей силы избирательно, только у тех, кто здесь был чужим, и эта же зона давала силы тем, кто родился и вырос на этой земле.

С этим чувством чужеродности, утопив винтовку в Сунже, Тарас и добирался до дома прокурора, благополучно избежав стычек с местными жителями, бандитами и представителями правоохранительных органов. Однако решимость его довести расследование до конца не исчезла. В деле с нападением на московских гостей, начавшемся расстрелом женщин, появилось странное обстоятельство, выраженное снайпером из отряда полевого командира Хамзата Гелаева двумя словами: «Вас заказали». Очень хотелось выявить заказчика, явно принадлежавшего к какой-то из федеральных спецслужб. А корни заказа тянулись в Москву, к руководству «Купола», в этом Тарас был уверен почти на сто процентов. Учитель – как исключительно толковый советник директора ФСБ – действительно настолько мешал этой мощной криминальной организации, что она пошла на самый жестокий

вариант вызова Елисея Юрьевича в Чечню, чтобы здесь его ликвидировать руками чеченских террористов.

Что ж, если вы за ценой не стоите, – подвел итоги своим размышлениям Тарас, подходя к дому прокурора, то и мы вправе ответить тем же манером. Прости, учитель, но я пойду дальше.

Глава 14

ХРАНИТЕЛЬ

Он появился в доме так тихо и бестелесно, не потревожив его биополей, что Елисей Юрьевич заметил гостя, только войдя в горницу. Хранитель Матфей стоял в углу и рассматривал простенькую иконку, которую пощадили осколки гранат и пули боевиков. Оглянувшись на остановившегося в молчании коллегу.

Хранители в иерархии Внутреннего Круга занимали промежуточное положение между адептами и ангелами. Их было мало, а ответственность, лежащая на них, высока, и Хранители редко вмешивались в ситуации на физическом плане. Образно говоря, они видели невидимое, слышали скрытое, преодолевали барьеры недостижимого, понимали подоплеку реальных жизненных процессов и создавали континуальные линии управления ситуациями задолго до их реализации.

Обычно Хранители не обсуждали события с представителями других иерархических слоев Круга, поэтому появление Матфея означало некое осложнение ситуации или же говорило о важности прогнозируемых событий.

— Здорово, — произнес Матфей нараспев, раскатисто, с бархатистыми интонациями, чуть поклонившись.

— Буде, — ответил Елисей Юрьевич, делая ответный поклон. — Что-нибудь случилось?

— Вопрос некорректен, — с мягкой улыбкой, осветившей его строгое лицо, сказал Хранитель. — В каждое мгновение что-то случается в мире. Что касается нашей системы, то прогноз неблагоприятен.

— Вы имеете в виду Равновесие?

— Равновесие нарушено давно, что выражено еще словами классика: нет в мире совершенства. Я имел в виду другое. Процесс девальвации совести убыстряется, идет блокирование связи с Богом на уровне энергетики, а это уже почти катастрофа. Монарх опережает ангелов Круга.

— Я это вижу.

– К сожалению, вы видите не все, иначе проследили бы причинные связи, заставившие вас приехать сюда.

Елисей Юрьевич покачал головой, указал на кресло.

– Прошу вас, присядьте. Чай, кофе?

– Спасибо, я ненадолго.

Они сели: Матфей в предложенное кресло, Елисей Юрьевич на диван.

– Я проследил причинные связи, – сказал он бесстрастно. – Просто не хватило глубины предвидения. Я не ожидал, что Конкере пойдет на уничтожение совершенно невинных людей ради моей нейтрализации. Кстати, вы знаете, кто он на данный момент?

– Естественно. Президент «Купола». До тех пор, пока жив носитель.

Елисей Юрьевич кивнул.

Хранитель имел в виду то, что Конкере – эмиссар, или, точнее, «проекция» Монарха Тьмы, его воплощение в земной реальности, мог внедряться в любого человека, не имеющего совести, и в настоящее время он «жил» внутри главного босса «Купола».

– Его надо... нейтрализовать.

– Конкере сменит носителя, ничего не изменится.

– Тогда он... непобедим?

– Он силен, но не всемогущ, – покачал головой Матфей. – Конкере – лишь дух Монарха, квазиживая сущность, которую действительно можно нейтрализовать. Но и сам Монарх, в свою очередь, не всемогущ и не бессмертен, так как никогда не сможет выйти за пределы Божьей Воли. Поэтому он и вынужден опираться на смертных людей, потерявших Божью искру. Вот смотрите.

Перед Елисеем Юрьевичем в воздухе образовался светящийся объемный чертеж.

– Монарх жаждет вырваться из плена Закона, но это не в его власти, – продолжал Хранитель. – Ибо как Природа всегда имеет противоядие против любого своего яда, так и Творец имеет средство против деятельности любого своего сына, в том числе такого уродя, как Монарх.

Елисей Юрьевич смотрел на гостя, пытаясь понять его, и Матфей добавил:

– Это средство – человек.

Некоторое время длилась пауза. Хранитель молчал, убрал свой «чертеж», Елисей Юрьевич думал. Потом сказал:

– Но человек по природе своей – разрушитель.

Матфей кивнул, соглашаясь и не соглашаясь одновременно.

– Разрушение не всегда можно назвать злом. Хотя в нарушении Равновесия виновен именно человек. Причем вполне конкретный. Потому что цивилизацию создавали не человеческие массы, а самоотверженный поиск и деятельность людей высшего типа. Индивидуалов. Одиночек. И это – истина.

– Истина доступна немногим.

– Те, кому она доступна, должны помнить, что существует система искажения реальности, пестуемая Монархом. Микроскоп, телескоп, роман, картина, спектакль – это все примеры искажения реальности. Важно сохранить главное – знание и целостность мировоззрения, исходящие от Творца и приводящие к Нему. Но я обеспокоен другим. Ваш ученик...

– Дмитрий?

– Нет, Горшин. Незавершенный.

– Дмитрий тоже не завершил цикл необходимой настройки на совесть.

– Поэтому мы и закрыли ему канал прямого доступа к Хроникам. Не пришлось бы то же самое делать с Горшиным.

– Почему он вас так беспокоит?

Хранитель выдержал паузу.

– Он слишком увлекается физическим воздействием на мир, забывая о бесконтактном пресечении потоков нег-информации, в том числе – боевых нападений.

– Бесконтактное пресечение боя – то же нападение...

– Но раньше нападающего, в результате такого дистанционного оперирования отпадает надобность в прямом физическом контакте.

– У него все впереди.

– Надеюсь. Постарайтесь вложить в него основное: воин должен быть отстранен от зла и ненависти прежде всего внутри себя. Если он этого не примет, мы получим еще одного носителя т ь м ы или, по крайней мере, равнодушного.

Елисей Юрьевич покачал головой.

– Уверен, равнодушным он никогда не станет. Тарас действительно индивидуалист, одиночка, однако его тяга к восстановлению справедливости основывается не на агрессивном восприятии мира и стремлении показать свою силу, а на защите чести и достоинства.

– И все же он слишком самостоятелен, это пугает координаторов.

– Герарда?

– Не только. Герард вообще считает, что Горшину рано знать Ключи метаязыка. Он не обладает надлежащей степенью самодисциплины.

– Герард ошибается.

– Возможно, – легко согласился Матфей. – Все мы не безгрешны. Как говорится – легко быть святым, не имея соблазнов. Но и ошибаться в подборе кадров мы не должны.

– Я понимаю. – Во взгляде Елисея Юрьевича на миг всплыла тоска, но он тут же загнал ее в глубину души. – Коль уж речь зашла о Горшине, у меня к вам просьба, патриарх.

– Слушаю, мастер.

– Попросите Герарда дать Горшину линию ДН. Хотя бы на определенный срок.

Хранитель задумался, сцепив пальцы обеих рук на колене.

Речь шла об особой программе магической защиты, имеющей название «демпфирование неприятностей». Еще ее называли «программой пологого спуска». Чтобы не случилось более страшного в жизни защищаемого человека, программа реализовала веер «мелких бед» – от кражи денег, вещей до поломки машины, занозы в палец, падения с крыльца и ушибов.

– Хорошо, я пообщаюсь с Герардом, – сказал наконец Матфей. – Хотя это и против моих правил. К тому же я не уверен, что Герард согласится.

– Тогда пусть отдаст Тарасу мою личную линию ДН.

– Вы так им дорожите?

– Он мне как сын.

– Что ж, Горшин мне тоже симпатичен, и ему хочется помочь. Тем более что в одном из вариантов будущего он может привести в Круг меченого.

– Кого? – не понял Елисей Юрьевич.

– Так я называю будущего воина и мастера, чья сущность еще спит, но душа уже нащупывает Путь и встречается с водителем.

– Неужели с инфархом? – удивился Елисей Юрьевич. – И кто же этот... меченый?

– Мой тезка Матвей Соболев. Однако сегодня речь не о нем. Горшин не должен стать рабом своих чувств, поэтому на вас лежит огромная ответственность за его нравственный выбор.

Елисей Юрьевич выдержал бесконечно мудрый и потому имеющий оттенок сожаления и грусти взгляд Хранителя, почувствовал неприятный холодок в сердце и понял, что собеседник знает все, что произойдет с ним и с Тарасом Горшиным.

Взгляд Матфея изменился.

– Да, знаю, – сказал он тихо, прочитав мысль Смирнова. – Но это знание вам не поможет. Я не имею права контролировать каждый вариант будущего, а тем более – каждый ваш шаг. Вы допустили две ошибки, ведущие к очень негативным последствиям: первая – приехали сюда без согласия иерархов, вторая – взяли с собой ученика.

Елисей Юрьевич потемнел.

– Я не мог не приехать! Убили моих...

Хранитель поднял ладони, успокаивая собеседника, сказал с глубоким сочувствием и скорбью:

– Я вас не осуждаю, мастер. Возможно, и я поступил бы так же на вашем месте. И все же объективно – это ошибка.

Елисей Юрьевич сжал зубы, сдержал резкое слово, унял обиду, глухо проговорил, пряча лицо в ладонях:

– Согласен... Что вы посоветуете?

– Отвлеките Горшина, дайте ему знание девятого Ключа, но ни в коем случае не давайте знание «октавы смерти».

Елисей Юрьевич кивнул. Речь шла о боевых звукопакетах, применение которых вело к смерти любого человека. Октава звучала так: морок – мора – мера – сумера – сумери – умерь – умри!

– Пусть обратит внимание на внутреннее созерцание, а не на внешнее давление, – продолжал Хранитель. – Время брани еще не пришло. И будьте осторожны. Конкере запустил программу ликвидации.

Елисей Юрьевич пристально посмотрел на гостя.

– Вы знаете... ее конечный результат? Я... обречен?

– Пятьдесят на пятьдесят, – ответил Хранитель честно. – Существует всего два варианта вашего личного будущего. В одном вы...

– Я понял.

– Ваша линия ДН на пределе. Усилить ее можно, только переложив часть кармы на кого-то из близких вам людей.

– На Горшина? – догадался Елисей Юрьевич. – Вы предлагаете мне подставить его вместо себя?

– Я обсуждаю вариант, – мягко сказал Матфей. – Зная, что вы на это не пойдете.

– Никогда! – твердо пообещал Елисей Юрьевич. – Пусть забирает остатки моей ДН, мне она уже не нужна.

– Тогда у меня последнее. Вы должны знать, что за вашим учеником также началась охота. Враг догадывается о походах Горшина по родовой памяти в прошлое и, естественно, желает воспользоваться этим каналом получения информации для овладения метабоем и метаязыком. Второе гораздо опасней. Если Конкере доберется до этого знания, наша система получит ощутимый удар.

– Я этого не допущу.

– В таком случае у меня больше нет вопросов. Удачи вам, мастер.

И Хранитель исчез. Пространство не было для него помехой для достижения любого места на Земле. Да, наверное, и во Вселенной. Хотя это было всего лишь предположение, вселяющее надежду на реализацию собственных планов. Впервые в жизни Елисей Юрьевич пожалел, что не достиг таких высот самореализации, которые позволяли бы ему так же легко уходить от проблем жестокого земного бытия.

Глава 15

ПРОШЛОЕ ЗОВЕТ

Мобильный телефон после схватки с киллерами на кладбище не желал включаться, и Тарас вынужден был искать Елисея Юрьевича в известных ему местах: в больнице, где шла подготовка тел матери и жены учителя к транспортировке, и в местном управлении ФСБ. Однако ни там ни там Елисея Юрьевича не оказалось, и, поймав частного, Тарас опять поехал к дому прокурора, надеясь в спокойной обстановке обдумать дальнейший план действий. До вечера он намеревался выяснить точное местонахождение базы Гелаева и ночью завершить задуманную акцию по уничтожению боевиков и выяснению местных и московских заказчиков убийства близких учителя. О том, что он только что уничтожил трех боевиков Гелаева, душа не сожалела.

Елисей Юрьевич отсутствовал и здесь, но на столе в гостиной лежала записка: «Тарас, Тоня в больнице с бабушкой, жди меня к четверем, никуда не отлучайся». Тараса это вполне устраивало, до четырех еще оставалось достаточно времени на реализацию собственных задумок, и он, вскипятив воду и заварив чай, устроился в гостиной, в окна которой уже были кое-где вставлены стекла и фанера – очевидно, позаботились соседи, среди которых еще оставались русские либо работники прокуратуры. Зачесался нос, и Тарас мимолетно вспомнил примету, что если чешется нос – непременно услышишь известие о покойнике или же о новорожденном. Примета, в общем-то, оправдывалась, покойников вокруг хватало. По их числу эту командировку Тараса можно было считать рекордной.

Горячий чай перевел организм в другой тепловой режим. Захотелось окунуться в бездны прошлого, найти Гипертексты с расшифровкой Ключей метаязыка и узнать правила древнейшей системы боя. Тарас настроился на объемное видение-чувствование пространства, огляделся в поле внимания в поисках холодных «сквозняков опасности». Все было спокойно. За домом никто не наблюдал, злобные намерения в радиусе километра отсутствовали, и единственным очагом напряженного бдения был блокпост неподалеку.

Тогда Тарас устроился поудобней и начал настройку сознания для похода в глубь самого себя, в генную память рода. Надо было «услышать землю» корнями волос – через все тело, и «ощутить небо» ступнями – сквозь голову, тело и ноги. Растворение сознания в потоке времени пришло с тихим звоном струны, и Тарас почувствовал, как спираль энергии закручивается со лба на затылок, нагревая его до золотистого свечения, переходит на позвоночник, образует вихрь вокруг тела и начинает стекать в углубляющуюся воронку под ногами. В какой-то момент он ощутил, что находится одновременно в трех разных временах и пространствах, причем в мире, где осталось его тело, живет далеко не главная часть «общего» многомерного организма.

Спуск «на дно» памяти длился мгновение – и вечность! С гулом и плеском Тарас выпал в сознание предка и начал осматриваться, пытаясь определить, в каком времени и в чьем теле он оказался на этот раз.

Это был не Инсект и не Первочеловек, как надеялся «путешественник по внутренним временам». Предшественники людей жили совсем в другом мире [\[6\]](#), и принципы их отношений между собой и с природой были для Тараса темны и загадочны. Созданная ими культура едва ли базировалась на тех же законах и морали, что и человеческая.

К тому же они имели силу, способную творить события вселенского масштаба, в то время как люди в массе своей не имели и миллионной доли этой прекрасной и страшной силы. Поэтому оценить смысл совершенствования и цели существования Инсектов Тарас едва ли смог бы. С другой стороны, люди переняли у своих предков-нелюдей уникальный дар творческого созидания, и это уравнивало их со всеми предками и разумными существами космоса и позволяло наслаждаться не результатом, а самим процессом творчества и ощущением причастности к Роду.

Процесс вживания в личность предка длился недолго, хотя Тарас оценивал его длительность больше эмоционально, нежели реально. Свет, окутывающий его со всех сторон, расступился. Теперь он мог не только чувствовать мир предка своей сферой восприятия, но и видеть его глазами.

Он (то есть предок) стоял на корме какого-то большого корабля и, задумчиво сложив на груди две пары рук, смотрел на след, оставляемый кораблем за кормой. Судя по отсутствию берегов и вообще какой-либо суши на горизонте, корабль пересекал море или океан, направляясь к неведомой цели точно на север.

Корабль был велик – от кормы до носа его длина составляла, по оценке Тараса, не менее двух сотен метров – и необычен. Вместо мачт он имел три конусовидных башни с ромбической насечкой, на вершинах которых вращались огромные пятилопастные винты. Они-то и создавали тягу, позволяя кораблю вспарывать океан со скоростью не менее пятидесяти узлов.

Кроме башен, на палубе виднелись две обтекаемые пристройки неизвестного назначения, похожие на поплавки с рядами люков, а также грибообразные выросты, напоминающие кнехты для закрепления канатов, только в пять-шесть раз больше.

Корма корабля выступала над палубой примерно на шесть метров, полого опускаясь к первой башне, и, вероятнее всего, в ней располагались кубрик экипажа и каюты для пассажиров. Хотя ни матросов, ни вообще каких-либо живых существ видно не было. Предок Тараса, в неподвижности созерцавший поверхность океана, находился в одиночестве.

Одет он был в блестящий, стеганный ромбами плащ, в мохнатые сапоги до колен и в доху из шкуры медведя или родственного ему зверя, накинутую сверху на плащ. Вооружение предка составляли торчащие за поясом меч в ножнах и штук пять кинжалов, а также арбалет за плечами. Судя по излучаемым предком полям, он терпеливо ждал конца пути и занимался в основном медитацией, нейтрализующей сильные эмоции вроде гнева, ненависти или радости. Вывести его из этого состояния могла бы, наверное, только внезапная встреча с врагом или катастрофа корабля.

Тарас, нуждавшийся в информации другого рода, с разочарованием подумал, что неправильно выбрал момент остановки спуска в прошлое, собрался было возвращаться «наверх», в свое время, и в этот момент на горизонте показался колеблющийся силуэт какого-то объекта. Больше всего этот объект напоминал шар одуванчика на тонкой серой ножке, покачивающийся под порывами ветра.

Предок вострепнулся, снял с пояса аппарат, напоминающий трехтубусный бинокль, приладил окуляры к глазам верхней парой рук. Нижняя пара в это время сняла с плеча арбалет и вставила короткую черную стрелу без оперения, но с насечкой.

Поле зрения Тараса покрылось светящейся сеточкой, что резко ухудшило видимость. С другой стороны, это было в порядке вещей. Тарас уже не один раз становился свидетелем того, как применение предками биноклей (или приборов, их заменяющих) сказывалось на его зрении. Очевидно, сознание не успевало подстроиться к видеокартинке, образующейся в мозгу предка при взаимодействии с техническими устройствами того времени.

Корабль продолжал ходко резать форштевнем гладь океана, которую уже начали морщить барашки волн. Вскоре волны стали перехлестывать через борта, хотя ветра по-прежнему не было и небо оставалось чистым, безоблачным, густо-синим, напоминающим глубокий омут. Лишь солнце, клонившееся к горизонту, подернулось оранжевой дымкой.

Однако шторм — в мертвом молчании океана — вскоре начал стихать, толчея волн улеглась, наступил странный штиль, океан успокоился и превратился в гладкое синее стекло с прожилками водорослей и прозрачных потоков в его толще.

«Одуванчик» приблизился, продолжая раскачиваться, как это делают земные растения в ветреную погоду. Стали заметнее детали на его стволе — странные наросты, похожие на ажурные грибы или каповые вздутия на стволах земных деревьев. Пушинки, образующие белесый шар «одуванчика», тоже увеличились, но так и остались пушинками, белыми парашютиками с более темными зернышками.

На корме появились еще двое соотечественников предка Тараса, одетые точно так же. Они рассматривали некоторое время «одуванчик» в бинокли, затем обошли с десятков «кнехтов» на палубе корабля и скрылись внутри одной из сигаровидных гондол. Спустя минуту гондола вырастила два полупрозрачных побега, которые развернулись веерами и превратились в своеобразные паруса или скорее стрекозиные крылья. Затем с металлическим лязгом гондола отделилась от палубы и косо устремилась вверх, набирая высоту. Вскоре она превратилась в летящее семечко клена и скрылась на фоне «кроны одуванчика».

Холодея, Тарас наконец оценил размеры этого искусственного сооружения. Высота его достигала не менее десяти километров, а диаметр «пушистого шарика» – около километра.

Кто же строил этот «одуванчик»? – подумал Тарас с невольным уважением.

И услышал неожиданный ответ подсознания:

«Бинан-ания-вомбата».

Тарас даже оглянулся – в пределах чувственной сферы, чтобы определить, кто с ним заговорил, никого не увидел и сообразил, что получил не вербальный ответ, а психофизический, энергоинформационный, прямо на слуховой нерв, так как тело продолжало оставаться не только носителем его сознания, но и памяти рода. По сути, он разговаривал сам с собой, не всегда понимая «перевод».

«Повтори еще раз, но на русском языке», – попросил Тарас предка.

«Одуванчик» – это Говоритель Слова Власти, – прилетел шелестящий ответ сознания предка, адаптированный под мысленное восприятие Тараса-потомка. – Его строили из собственных тел лепидоптеры, разумные бабочки».

Только теперь Тарас понял, что наросты на «стебле одуванчика», издали похожие на чешуи или колонии грибов, на самом деле представляют собой «скелеты», точнее, хитиновые остовы бабочек.

Корабль замедлил ход.

На палубе откуда-то появились еще несколько «людей», принялись откидывать колпаки с «кнехтов». Предок Тараса в этой процедуре не участвовал, изредка поглядывая на вырастающий над водой гигантский Говоритель Слова Власти.

Внезапно раздался длинный скрип – как ножом по стеклу, и спутники Тараса попрятались на корме. Предок Тараса тоже спустился в люк по пояс, положил нижнюю пару рук на поднявшийся перед ним выпуклый щит с десятком членистых рычагов.

Появился летящий зигзагами аппарат в форме гондолы с веерообразными парусами-крыльями. За ним мчалась какая-то необычной формы машина – четыре блестящих прозрачных крыла, два гофрированных бочонка, лапы, длинное рыло с полушариями, отблескивающими, как драгоценные камни, змеевидный хвост. Тарас с

содроганием сообразил, что это и есть представитель класса разумных бабочек – лепидоптер.

С черного рыла преследователя сорвалась молния, настигла аппарат «людей». Вспышка ослепительного сине-фиолетового света разнесла гондолу на куски, посыпавшиеся на палубу корабля. Отделившиеся от гондолы крылья, плавно кружась, упали в закипевшую воду.

Предок Тараса дернул за рычаги на выпуклом «пульте», и Тарас понял назначение «кнехтов», с которых сняли колпаки. Два из них выплюнули струи дыма, в течение секунды сформировавшие подобие ракет, эти «ракеты» понеслись к лепидоптеру и, несмотря на его скоростные маневры, настигли и превратили в дымные клочья, быстро растаявшие в воздухе.

Однако на этом инцидент не закончился.

От стебля «одуванчика» отделились еще две бабочки, устремились к кораблю, обстреливая его фиолетовыми и ярко-голубыми молниями. Пришлось и против них применять «зенитно-ракетный комплекс», метаящий дымные псевдоракеты. Лишь после уничтожения защитников «одуванчика» предок Тараса снова поднялся на палубу корабля и сложил руки на груди, глядя на приближающийся Говоритель Слова Власти, словно давая знать, что он сделал свое дело.

Что имелось в виду под этим названием, Тарас в точности не знал, но догадывался, что это некий реализатор метаязыка, созданный Инсектами еще до Изменения. В настоящий момент он, очевидно, бездействовал, однако охранялся уцелевшими Инсектами и мог представлять некую ценность для тех, кто послал к нему экспедицию.

Вскоре стебель «одуванчика» превратился в гигантскую ажурную колонну толщиной в двести метров. Трудно было представить, что она смонтирована из «скелетов» лепидоптеров, скрепленных меж собой неведомым способом, но результат был налицо, и прочность сооружения поражала воображение, так как простоял «одуванчик» в океане по меньшей мере сотни тысяч, если не миллионы лет.

На палубу корабля высыпали четырехрукие члены экипажа и пассажиры – члены экспедиции. Корабль замедлил ход, обошел ствол «одуванчика» кругом и подплыл к одному боку, где виднелось большое рваное отверстие. Послышались металлически-свистящие голоса, спутники Тараса начали спускать на воду треугольные баркасы из

кожистого материала, в котором Тарас признал хитиновые надкрылья и панцири колеоптеров – разумных жуков. Перволюди давно пользовались этим прочным и легким материалом, обнаружив колоссальные кладбища Инсектов, погибших во времена Изменения.

К стволу ушли четыре баркаса с четырьмя гребцами в каждом. Тарас ожидал, что и его предок пойдет на разведку, но ошибся. Пращур рода Горшиных остался на судне, выдвинув из люка на корме знакомый «пульт» с десятком рычагов разной конфигурации и цвета. Из «кнехта» под кормой вытянулась вверх гибкая мачта с зеркалом на конце, напоминающая удилице. Предок развернул его в сторону «одуванчика», подергал за рукоятки, и зеркало испустило пучок света, который уперся в основание колонны «одуванчика». Удилище оказалось прожектором, точнее, источником когерентного света наподобие лазера.

Пучок света переместился с одного сочленения панцирей лепидоптеров на другое, но тела древних бабочек продолжали светиться, превращаясь в прозрачно-изумрудные друзья драгоценных камней, и Тарас вдруг поймал чужую мысль, развернувшуюся в смысловое поле, понятное его сознанию.

Скелеты лепидоптеров складывались не просто в прочное сооружение, но соединялись в Гипертексты, тексты метаязыка, представляющие собой «заклинания», особые руны, способные изменять реальность! При правильном их использовании, разумеется. Сооружение Инсектов реализовывало сферу воздействия на мир, составляя одно целое, объединяя мысль, слово и писание, в то время как в человеке метаязык оказался разделенным на три сферы. Человеческий язык по сути был кодом передачи информации, а не самой информацией. Только соединение языка, мысли и текста давало возможность потомкам Инсектов получить инструмент воздействия на реальность посредством слова. Хотя человек едва ли мог произносить Слова Власти, представляющие собой многомерные энергоинформационные пакеты, закрепляющие из возможных вероятностных состояний материи только те, которые были нужны обладателю Слова.

И еще Тарас окончательно понял, почему Аморфы, первые разумные коллективные системы Земли, провели Изменение, в результате которого размеры Инсектов уменьшились: разумные

насекомые замахнулись на глобальный контроль над земной реальностью, грозя уничтожением всему Мирозданию. Их надо было остановить.

Светящаяся вязь тел-знаков текста продолжала разворачиваться спиралью вслед за движением «прожектора». Предок Тараса, очевидно, свободно читал этот «текст», и Тарасу даже показалось, что он тоже понимает смысл отдельных его фрагментов. Однако сознание вдруг начало плыть, мерцать и меркнуть, организм требовал отдыха, и путешественник по пространствам внутренней памяти с сожалением понял, что пора возвращаться в «свое время».

Подъем из бездн памяти напоминал процесс выныривания из-под воды.

Он с плеском выскочил на поверхность сознания, в свет и тепло, хватая ртом воздух, как оглушенная рыба. Ощутил млеющую затекшую руку, увидел кружащиеся и падающие стены горницы и закрыл глаза, начиная процедуру настройки организма на оптимальный режим функционирования. Поднял к глазам руку с часами. С момента спуска «на дно памяти» прошло всего три четверти часа, хотя по ощущениям он отсутствовал не менее трех-четырех часов. Время трансового состояния воспринималось сознанием иначе, нежели время обычного событийного потока.

Тарас посидел немного, привыкая к тесноте собственного тела, затем начал набор энергии в соответствии с практикой ритмического дыхания.

В течение пяти минут он сосредоточивал мысли на развитии энергетических способностей и расслаблял мышцы тела одну за другой, пока они не перестали ощущаться. За восемь секунд сделал полный глубокий вдох, задержал воздух в легких на восемь секунд и выдохнул так же медленно. Повторил цикл десять раз, меняя ноздри на вдох и выдох. Подождал две минуты и еще раз прошел всю процедуру, пока не дошел до двадцати секунд на каждое упражнение. Через двадцать минут он почувствовал «движение духа» в теле и стряхнул избыток энергии с пальцев рук струйками розоватого свечения. Теперь он был готов повторить поход в прошлое, чтобы еще раз взглянуть на Гипертексты предков. Однако это можно было сделать и позже, а пока ситуация требовала конкретного решения и для выяснения координат

базы Гелаева необходим был выход в астрал для встречи с Ведогоном, духом-хранителем рода Горшинных.

Оглядевшись вокруг с помощью «третьего глаза» и не обнаружив злых потоков внимания к дому прокурора, Тарас снова устроился в кресле поудобней и усилием воли, с короткой раскачкой сознания, ввел себя в трансовое состояние ментального поиска.

Темнота перед глазами вскипела, превратилась в крыло света, и перед ним открылось видение: ровное пушистое море белого тумана, изредка выстреливающее туманные фонтаны, и пустое фиолетовое небо над ним, в такт фонтанам испускающее бледные лучики света.

Ради любопытства Тарас подставил свою бесплотную руку под один лучик и едва не вскрикнул от неожиданности, испытав боль и наслаждение одновременно. Не удержался, чтобы не подставить руку еще раз, и услышал тихий осуждающий голос:

«Безрассудно тревожить необъятное ради пустого любопытства».

Тарас «отдернул руку», виновато пояснил:

«Я впервые переживаю такие ощущения. Что это за лучи?»

«Суперпозиции полей смысла, кодоны, обладающие эффектом захвата человеческих душ. Лучше держаться от них подальше».

«Что значит – захват душ?»

«Человека тоже можно представить как сложную суперпозицию материальных микрообъектов, полей, сил и энергоинформационных потоков, обладающую «зерном жизни» – душой, которая, в свою очередь, тоже является суперпозицией тонких полей. Кодоны работают как ловушки, настроенные на соблазн получения удовольствий. Души, устремленные по этому пути, скатываются в инферно, откуда нет возврата, а человек становится проводником тьмы».

«Понял, спасибо, учту. Мне нужна информация».

«Ты слишком часто стал прибегать к нашей помощи для решения конкретных земных задач. Насколько это важно?»

«Прошу прощения, но это действительно важно. Мне нужны координаты схрона полевого командира Гелаева или хотя бы точки выхода к ней. Географическая зона определения – окраина города Грозного...»

«Мы уже знаем, о чем идет речь, – перебил Тараса наставник рода, почему-то всегда говорящий о себе во множественном числе. – Еще одно замечание: ты слишком открыт во время выхода в

информационное поле, научись экранировать мысли или маскироваться под природные образования, иначе тебя перехватят темные иерархии и перепрограммируют».

«Что значит – маскироваться под природные объекты?»

«Вопрос уже подразумевает ответ, думай».

«Благодарю за советы. – Тарас вдруг почувствовал дуновение чьей-то холодной злой силы, заторопился. – Дайте мне карту полей...»

«Тебя засекли, уходи! Вход в систему подземелий, ведущую к схрону ненавидящих и недумаяющих, находится в трех километрах от дома, в котором ты находишься в данный момент, на правом берегу реки Сунжи, в развалинах тракторного завода. Прощай».

Голос духа-наставника втянулся в океан тумана струйкой света. Океан вдруг заволновался, покрылся рябью, из его глубины вынырнула голова змеи с пылающими алым светом глазами и вперила взгляд в замершего человека.

Тарас содрогнулся, начиная отступление.

Конечно, ни туманного океана с фонтанами, ни змеи на самом деле не существовало, такими эти энергоинформационные образования астрала отражало в зрительных образах сознание Тараса, но от этого змея не становилась менее опасной, а падение в океан грозило потерей личности, и надо было убираться из этого проявленного его волей мира как можно быстрее.

Змея вытянулась над туманом на сотни километров, сверкая гладким и одновременно кисейно-неплотным туловищем, ринулась за уносящимся в небо Тарасом, превращаясь в смерч ужаса, но он уже нашел в тумане надежное убежище – свое тело – и нырнул в него на огромной скорости, спасаясь от чужого волевого «выстрела».

Удар возвращения был так силен, что он какое-то время ничего не видел, не слышал и не чувствовал. Очнулся от чьего-то прикосновения, вздрогнул, открывая слезящиеся глаза.

Напротив стоял учитель и смотрел на него, склонив голову к плечу.

Тарас резко приподнялся, сел в кресле поудобней.

– Вы?..

– Риск – благородное дело, – осуждающе покачал головой Елисей Юрьевич, – но сюда мог прийти и кто-нибудь другой. Ты был там? – Он показал глазами на потолок.

– В астрале, – смущенно признался Тарас.

– Зачем?

Тарас отвел взгляд, помял лицо ладонями, чувствуя себя разбитым и усталым. Кинул взгляд на часы и не поверил глазам: он «отсутствовал» около полутора часов.

Елисей Юрьевич понял его мимику, нахмурился.

– Долго?

– Полтора часа... никогда бы не подумал... я был там всего пару минут...

– Я не спрашиваю, что ты там искал, но уверен, искал напрасно. И так рисковать Посвященному непозволительно. Для походов по астралу необходим проводник и защитник.

– У меня есть проводник.

Тарас направился на кухню, плеснул в лицо холодной водой, вытерся и вернулся. Елисей Юрьевич в задумчивости смотрел на иконку в углу комнаты. Оглянулся, пытливо глянув на ученика.

– Ты мне ничего не говорил о проводнике.

– Боялся показаться смешным.

– Что это за сущность?

– Дух рода... наставник... я называю его Ведогоном.

– Понятно, – с облегчением кивнул Елисей Юрьевич. – Это действительно проводник. Духи этого вида редко выходят на прямые контакты. Ты чем-то их заинтересовал.

– Почему – их? Он назвался Ведогоном, хотя всегда о себе говорит «мы».

– Это коллективная сущность, вбирающая память каждого предка. Если будешь прислушиваться к их советам, далеко пойдешь.

Тарас отвел взгляд.

– Постараюсь. Мы уходим?

– К сожалению, придется задержаться. По не зависящим от нас обстоятельствам самолет улетает завтра утром. Соответственно, и мы летим завтра утром. Надеюсь, у тебя нет планов на вечер?

Тарас хотел было сказать правду, но не успел. В кармане Елисея Юрьевича засигналил мобильник.

– Да, – сказал он, вытащив трубку, помолчал, выслушивая абонента. – Хорошо, встретимся в девять у Юрка-два.

Посмотрел на Тараса.

– Мне придется отлучиться по делам на пару часов. Можешь присоединиться.

– Лучше я подожду вас здесь, – сдержанно сказал Тарас, пряча радость в душе, что не придется объяснять учителю причину своего ночного отсутствия.

– Хорошо, – кивнул Елисей Юрьевич. – По ресторанам и кафе нам лучше не ходить, поэтому поужинаем здесь, я чего-нибудь принесу вкусенького.

Он вышел.

Заурчал мотор машины.

Тарас подождал, пока она отъедет, и вздохнул полной грудью. Можно было начинать операцию, намеченную еще утром.

Глава 16

НЕЛЮДИ ЖИТЬ НЕ ДОЛЖНЫ

Из дома он вышел в начале девятого, когда городом и его окрестностями завладели сумерки. Вечер двенадцатого апреля, в День космонавтики, выдался в Чечне хмурым, но теплым и без дождя. На Грозный медленно напознала с юга череда серо-синих облаков, обещавшая или дождь, или град. Тарас мог бы и поколдовать, попросить у природы хорошей погоды, однако, во-первых, дождливая погода была ему удобней, во-вторых, любое вмешательство в окружающую среду приводит к ее ответной реакции, зачастую не только нейтрализующей действия оператора, но и ухудшающей состояние физических систем в месте применения с и л ы. Поэтому ничего «улучшать» Тарас не стал, хотя действительно умел это делать, учитель давно практиковал с ним приемы воздействия на природу и съема энергии с больших растительных структур.

Экипировка на этот раз не вполне удовлетворяла Тараса, взявшего с собой в Чечню лишь спортивный костюм и кроссовки. Набор «ниндзя» остался дома, вместе со старым костюмом для ночных десантных операций, а из оружия у него были только несколько метательных пластин и нож. Впрочем, огнестрельным оружием он решил не пользоваться вовсе, убийцы женщин и стариков не имели права на легкую смерть.

Просканировав окрестности прокурорского дома с помощью «личного биолокатора» – «третьего глаза», Тарас выбрался на огород, а оттуда спустился никем не замеченный к реке. Если за домом и наблюдали, вряд ли они видели этот маневр, называемый адептами ниндзя-подготовки *онгюо*, или «растворением в воздухе». Костюм на Тарасе был фиолетовым, без белых полос и деталей, и помогал ему сливаться с местностью, тем более вечером.

Три километра вдоль реки он преодолел за полчаса, затем переправился на другой берег Сунжи по ржавой газовой трубе и замер, настраиваясь на боевое состояние. Начал он с расширения поля зрения, добиваясь сосредоточения на периферии взгляда и постепенно увеличивая сектор обзора во все стороны. Затем добился усиления

четкости рассматриваемых предметов в полной темноте и стал видеть почти как днем.

Развалины тракторного завода предстали прямо перед ним как на ладони темной зубчатой громадой, напоминающей древний замок. Продолжая наблюдать за развалинами, Тарас распределил объемы внимания на триста шестьдесят градусов и тенью скользнул через пустырь, приблизившись к северной оконечности завода.

Замер, прислушиваясь к тишине вокруг. С минуту все было тихо, потом дуновение ветерка принесло тихие человеческие голоса и позвякивание: мимо одного из разрушенных корпусов завода по асфальтовой дорожке шагали двое, цепляясь ботинками за камни, и беседовали. Тарас снял кроссовки, обошел наполовину рухнувшую стену, приблизившись к разговаривающим.

Это были боевики-чеченцы, одетые в одинаковые кожаные куртки, бесформенные штаны и вязаные шапочки. У обоих на плечах дулом вниз висели автоматы, и оба вели себя совершенно спокойно, не ожидая никаких неприятных сюрпризов, будто федеральная власть для них не существовала. Впрочем, они федеральную власть никогда и не признавали, подчиняясь своей бандитской власти, будучи ее нравственными рабами. На людей боевики были похожи только внешне.

Они прошли мимо притаившегося Тараса, обдав его смесью запахов перегара, лука, пота и мочи. Остановились у сгоревшего бронетранспортера, закурили. Потом снова двинулись в обход территории, представляя собой охрану входа в подземелье. А так как они могли проходить подобным образом всю ночь, надо было как-то заставить их открыть замаскированный лаз.

Тарас бросил камешек в стену здания.

Боевики схватились за автоматы, взглядываясь в силуэты развалин. Один из них достал какой-то предмет, похожий на котелок, приставил к глазам. Тарас понял, что это прибор ночного видения, чертыхнулся про себя, спрятался за груды камней. О том, что у охранников могут быть инфракрасные устройства, он не подумал.

Однако ему повезло.

В полусотне шагов от замерших боевиков слышались металлический лязг и стук осыпающихся камней. В треугольнике между углом здания, сгоревшей цистерной и остовом трактора

отъехала в сторону бетонная плита, открывая зев люка, и оттуда на землю вылезли один за другим три человека. Двое были чеченцами, третий – в пятнистом комбинезоне, с погонами полковника, короткостриженный, круглолицый, явно принадлежал к иному типу людей. Говорил он по-русски чисто, без акцента, вставляя в свою речь прибаутки и матерные выражения, и вел себя как хозяин.

– Придется два километра топать пёхом, – сказал один из чеченцев, с папашой на голове, демонстрируя неплохое знание русских идиом. – Машина ждет вас у моста.

– Ничего, для бешеной собаки семь верст не крюк, – хохотнул в ответ незнакомец в камуфляже. – Надеюсь, я не зря бил ноги по вашим буеракам. Не забудьте, самолет вылетает в девять утра.

– Сделаем, не сомневайся, – буркнул с акцентом чеченец в папаше.

– Только не так, как на кладбище. Мне сказали, ваших людей положил один человек, а их было трое. Снайпера херовы!

– Мы его достанем, – пообещал чеченец в папаше. – Не здесь, так в Москве.

Тарас понял, что речь идет о нем.

– До Москвы самолет долететь не должен, – категорическим тоном бросил полковник. – Вам хорошо заплатили.

Чеченец в папаше отвернулся, позвал:

– Хайрам.

– Здесь я, – подбежал к разговаривающим один из сторожей.

– Проводи гостя.

– Слушаюсь, командир.

– Прощай, Муса, прощай, Хамзат, – сказал полковник, не подавая, однако, руки. – С оружием у вас все в порядке, а вот вино плохое. Скажу своим, пусть подкинут пару ящичков молдавского. Да и водочки тоже.

– Нас грузины вином снабжают, – заговорил второй чеченец. – Вы нам лучше непеленгуемые рации добудьте.

– Будут.

Полковник вскинул вверх сжатый кулак и двинулся вслед за проводником, спотыкаясь и чертыхаясь. Чеченец в папаше огладил бороду, что-то сказал по-чеченски спутнику и полез в люк. За ним спустился второй чеченец. Люк закрылся, бетонная плита встала на место, все стихло. Оставшийся в одиночестве охранник потоптался

немного у трактора, закурил и направился в обход охраняемого двора. Судя по всему, это занятие ему обрыдло, тайна схрона федералам была неизвестна (если не считать тех, кто все знал), и можно было не ждать нападения.

Тарас прикинул, сколько времени потребуется проводнику, чтобы доставить полковника к машине и вернуться обратно, – выходило не менее сорока минут, и начал действовать.

Закуривший охранник не сразу понял, что за препятствие сформировалось на его пути. Затем какая-то сила вырвала у него автомат, саданула по голове и уложила лицом в щебень, так что он не успел ни выхватить нож, ни крикнуть.

– Тихо! – прошипел в ухо чей-то суровый голос. – Ответишь на вопросы – будешь жить! Понял?!

Ужас душевной волной ударил в голову. Захотелось жить. Клятвы мстить гяурам – неверным – и не бояться смерти во имя Аллаха вдруг стали несущественными. Главным сейчас было выжить во что бы то ни стало, даже ценой предательства.

– Я скажу... все скажу... – забормотал охранник глухо, елозя губами по гравию.

Тарас чуть ослабил хватку.

– Я знаю, где вход в систему подземелий, как его открыть?

– Там охрана...

– Отвечай на конкретный вопрос!

– Надо стукнуть три раза...

– Сколько? – Тарас сильнее сдвинул мышцы шеи, так что охранник засипел от боли.

– Три... раза... и один...

– По плите?

– Там бетонный столб...

– Сколько человек охраняет вход?

– Два... у них пулемет... гранаты...

– Куда ведет подземный ход?

Пленник дернулся, борясь с самим собой: он боялся командира, боялся наказания, но ужас, внушенный Тарасом, оказался сильнее.

– Там база... в пещера... в горах... заложники...

– Сколько заложников?

– Шесть штука... два солдат... русские... судья и еще...

Тарас кивнул сам себе. По официальным данным, в руках террористов до сих пор находилось около девятисот заложников. Всего же с начала первой чеченской кампании на территории Чечни пропали без вести две с лишним тысячи человек.

– Сколько боевиков в банде?

– Много... не считал... тридцать-сорок...

– Они все в одной пещере или в разных?

– Там три пещера... командир и его женщины отдельно... потом на складе... и остальные...

– Чем вооружена охрана?

– Автомат... гранатомет... снайперский винтовка... огнемёт такой маленький есть...

– Ранцевый. Да, снабжает вас заграница отменно. Да и наши предатели не отстают. Все сказал? Ничего не забыл? Я ведь вернусь!

– Все... не убивай... – заторопился охранник. – По тоннелю висят такой железный прутья... заденешь...

– Понятно, взрывные устройства. Вот за это спасибо. Живи... пока.

Тарас нажал парализующую точку на шее чеченца, и тот обмяк.

Вокруг стояла тишина, лишь издали доносилось грохочущее ворчание – приближалась гроза. Птицы на территории разрушенного завода не водились, и каждый шорох был слышен далеко. Тарас надел кроссовки, чтобы не посбивать ноги о камни, сейчас уже можно было не заботиться о бесшумности передвижения, и подобрался к бетонной плите, под которой начинался лаз в подземный ход, соединявший завод с базой Гелаева в предгорьях Брагунского хребта.

Бетонный столбик располагался рядом с плитой и, очевидно, служил своеобразной линией связи с охраной входа. Тарас стукнул камнем три раза по столбику, потом еще раз.

Загудело. Плита начала отодвигаться. Скорее всего, ее убирали вручную с помощью лебедки. Обнажилось круглое отверстие люка, из которого прянула волна гнусных запахов. В глубине открывшегося лаза блеснул фонарь. Тарас молча прыгнул в отверстие, группируясь в полете и высчитывая положение охранников. В данный момент он действовал по принципу саккаду [\[7\]](#), и охранники были для него только препятствием на пути к цели, а не людьми.

Сбитый с ног охранник с фонарем охнул, фонарь выпал из его руки и погас. Удар ножом, вскрик. Второй охранник сдернул с плеча автомат, но выстрелить не успел. Нож вспорол куртку на груди и вошел точно в сердце. Чеченец умер мгновенно.

Тарас замер, принюхиваясь к вони, прислушиваясь к глухой тишине подземелья и оглядываясь. Отсутствие света не мешало ему видеть так же хорошо, как и днем, разве что в ином цветовом диапазоне.

По-видимому, подземный ход начинался с канализационного коллектора завода. Охрана располагалась в небольшом помещении с бетонными стенами, в котором стоял столик, деревянный топчан с брошенным на него тьюфом и механизм сдвигания плиты – четыре зубчатых колеса на ржавой металлической станине, цепь и рукоять. Наверх вела лестница с металлическими ступенями, а в стенах чернели круглые отверстия, представлявшие собой выходы канализационных труб метрового диаметра. Воняло здесь, как в свинарнике, и Тарас мимолетно подумал, что боевиков не только сопровождает дрянь и вонь, но и вся их жизнь – дерьмо!

Он присмотрелся и безошибочно определил начало подземного хода, хранившего ментальные и энергетические следы часто проходивших здесь людей, хотя труба на первый взгляд и не отличалась от других. На всякий случай подхватив фонарь, он устремился вперед, согнувшись в три погибели, чтобы не цеплять макушкой бетонный верх трубы. Подумалось, что в его работе передвижение по канализационным трубам становится обычной практикой.

Канализационная система тракторного завода в отличие от него самого сохранилась отлично. Передвигался Тарас, не включая фонаря, но «третий глаз» позволял ему ориентироваться в полной темноте и оценить систему подземелий, в которой свободно мог разместиться целый армейский полк. Почему федералы не взорвали ходы, было загадкой. Возможно, не знали о существовании канализации, а возможно, закрывали на это глаза, встречаясь здесь с лидерами бандформирований, как только что ушедший отсюда полковник.

Труба вела сначала на север, потом повернула к востоку и закончилась через полкилометра, упершись в круглый бетонный коллектор диаметром в два десятка метров. Здесь тоже находился пост

охраны хода, оборудованный, как и первый. Только топчанов было два, на них в данный момент спали боевики-охранники, а на столе стоял полевой военный телефон образца пятидесятых годов. Тут же, среди вскрытых банок с тушенкой и рыбными консервами, лежала многодиапазонная английская рация новейшего образца с цифровой системой настройки. Да и оружие у боевиков оказалось не отечественным – новейшие винтовки калибра четыре и семь десятых миллиметра «Хеклер и Кох» германского производства. Винтовки имели полностью закрытую ствольную коробку и оптический прицел, встроенный в ручку для переноски, и были покрыты специальным составом, поглощающим тепловое излучение. С виду они напоминали бластеры из голливудских фантастических фильмов.

Тарас, за десятые доли секунды оценивший обстановку, прыгнул к топчанам и нанес два удара ребром ладони – по затылку первого охранника и по кадыку второго. Огляделся более тщательно, подержал в руках винтовку, покачал головой. У него и раньше не было сомнений по поводу того, что террористов в Чечне снабжает вся Европа, да и Америка тоже, теперь же он убедился в этом наглядно.

Пролом в стене коллектора вел в прямоугольный тоннель, проложенный достаточно давно, судя по состоянию креплений и запахам, возможно, еще в первую чеченскую войну. Он был довольно широким, до полутора метров, и примерно такой же высоты, так что и по нему можно было передвигаться только согнувшись. Стены его были обиты досками, а потолок укреплен бетонными плитами и балками, в щели между которыми изредка высывались металлические штыри. Стоило задеть один такой штырь, как срабатывало взрывное устройство, заживо замуровывая смельчака, превращая тоннель в глубокую могилу.

Чутье могло подвести, пришлось включить фонарь, и скорость передвижения упала.

В какой-то момент доски под ногами и на стенах, а также потолок стали мокрыми. Тарас понял, что тоннель проходит под дном Сунжи. Затем впереди показался слабый свет, и он выключил фонарь. Со времени спуска в канализационный люк прошло уже двадцать две минуты, и по расчетам выходило, что он преодолел под землей около трех километров. Если верить охраннику, выход на поверхность был уже близок.

Откуда-то слышались тихие голоса и музыка.

Тарас перешел на скользящий мягкий шаг, называемый мастерами русбоя «кошачьей лапой». Мастера ниндзюцу называли этот способ ходьбы – *хиккими*.

Светлый проем тоннеля приблизился. Голоса стали слышны отчетливее: говорили по-чеченски, изредка перебивая разговор взрывами визгливого хохота. Иногда доносились и другие звуки: гудение, позвякивание, отголоски музыки, глухой шум и стоны, а также едва слышные крики, от которых по коже бежали мурашки. Без сомнений, это кричал кто-то из заложников.

Тарас дошел до прямоугольной двери, выглянул из-за косяка.

Подземный ход заканчивался в пещере на высоте метра от ее бугристого каменного пола. Пещера была низкой, не очень большой и освещалась лампой дневного света, висящей на противоположной стене. Источником гудения оказался компактный электрогенератор, каких Тарас еще не видел. Работал он на любом топливе, вплоть до мусора, а изготовлен был, судя по дизайну, где-то на Востоке, в Корее или в Японии.

У дальней стены пещеры лежали длинные зеленые ящики с гранатометами и переносными зенитно-ракетными комплексами. Рядом высились горы ящиков с продовольствием и желтые контейнеры международной гуманитарной помощи с одеждой, медикаментами и консервами.

В пещере, провонявшей запахами солянки, табачного дыма, мочи, экскрементов и пота, располагалось два десятка деревянных нар и стенка с оружием, увешанная невиданным количеством винтовок, автоматов, гранатометов и пулеметов иностранного производства. Хотя среди них присутствовало и отечественное стрелковое оружие – от автоматов Калашникова и Никонова десантных образцов до снайперских винтовок «СВД» и «БСК».

Однако боевиков здесь находилось гораздо меньше, чем можно было судить по количеству оружия, всего с десятков. Очевидно, основная масса отряда Гелаева ушла на задание либо была уничтожена в результате умело проведенных федералами спецопераций. Большинство спало на нарах, трое сидели у включенного – и великолепно работающего! – цветного телевизора и смотрели какой-то порнофильм, смысл которого сводился к хорошо известному

движению. Такими фильмами потчевали обычно после двенадцати часов ночи российских владельцев канала ТВ-плюс.

В пещере было душно, и бородачи сидели полуголыми, блестящие от пота, с бутылками и жестянками пива в руках. Тарас знал, что Коран запрещает зрелища эротического плана и распитие спиртных напитков, но эти «адепты» «истинного» исламского учения, похоже, давно перешли грань послушания законам шариата и представляли собой даже не отчаявшихся фанатиков исламского фундаментализма (среди них были и арабы, и русские, и украинцы), но живых мертвецов с прогнившими душами.

Один из бородачей, с бритым черепом и перебитым носом, захохотал, отбросил жестянку с пивом и побрел к нарам. Рухнул на ложе, накрытое смятым ватным одеялом, затих. Двое продолжали смотреть телевизор, перебрасываясь репликами. Они так и не успели среагировать на подувший сквознячок и мелькнувшую у стены пещеры тень.

Тарас не стал рисковать, метая сюрикэны, хотя промахнуться не боялся, но боевики могли закричать, а воевать со всем отрядом в планы Горшина не входило. Поэтому он перебежал открытое пространство на цыпочках, нанес первому два мгновенных удара – в шею с двух сторон ребрами ладоней, а ко второму применил экстремальный вариант ваки-гатамэ [\[8\]](#), от которого бородач задохнулся и потерял сознание, не издав ни звука.

Телевизор (новейший «Шиваки» с метровой диагональю) продолжал выдавать охи, ахи и стоны «актеров», боевики мирно спали, ни один из них не проснулся. Можно было двигаться дальше.

Вход в соседнюю пещеру был занавешен кошмой. Тарас отодвинул краешек и выглянул, сосредоточиваясь на смене диапазонов видения.

В этой пещере, узкой и длинной, со сводчатым потолком, с которого свисали острые каменные шпильки, держали заложников. Всего их было шесть человек, молодых и постарше, но одинаково худых и обросших, скорчившихся на камнях со связанными ногами и руками. Одеты все были в невообразимые лохмотья, потерявшие цвет, и половина из них не имела обуви.

Освещалась пещера слабым автомобильным фонарем, бросавшим отсветы на потолок. Охранников здесь было двое. Один

спал на топчане, укрывшись с головой одеялом, второй сидел на кошке с поджатыми ногами и грезил с открытыми глазами, раскачиваясь из стороны в сторону и глядя на фонарь. В пальцах у него дымилась длинная серая сигарета с наркотиком. Судя по черной гриве волос и короткой черной щетине, он был арабом. Его напарник пошевелился, сбросил одеяло, и стало видно, что он скорее всего славянин.

Араб умер первым, со свернутой шеей, перейдя из мира грез в мир Нави без особых усилий со своей стороны. Второй охранник охнул от удара, и Тарасу пришлось некоторое время удерживать его голову, прижатую к матрасу, пока он не затих.

Ни один из пленников, измученных в неволе голодом и пытками, не проснулся.

Тарас беззвучно скользнул к дальнему концу пещеры, где виднелась треугольная деревянная дверь без ручки, ведущая в последнюю пещеру, где должен был находиться командир отряда со своими телохранителями и женщинами, о которых говорил охранник на территории завода. Открыть дверь с этой стороны было невозможно, разве что пальнув в нее из гранатомета, и Тарас приник к ней ухом, напрягая слух.

Он услышал тихие голоса, скрип, стоны, затем смех. Снова голоса, шаги. Чей-то повелительный голос. Шаги приблизились к двери, лязгнув засов.

Тарас вжался в каменную нишу слева от двери, дверь открылась. В пещеру, согнувшись, протиснулись два бородача и бросили на пол полуголового подростка. Повернувшись к двери, они увидели свою смерть в образе сгустившейся темноты, упавшей обоим на головы.

Мужики оказались здоровыми, крепкими, поэтому бить их пришлось в полную силу, «навылет», в горло и в висок, чтобы они не успели крикнуть.

Шум от падения тел получился изрядный, однако это уже не волновало Тараса. Он взял темп и ворвался в пещеру, примерно зная, сколько в ней находится боевиков.

Пещера оказалась самой большой, просторной, почти квадратной, с высоким потолком, под которым висела самая настоящая хрустальная люстра. Стены ее были увешаны коврами, ковры также лежали на полу, а в естественной нише, образовавшей нечто вроде

алькова, стояла кровать с роскошным бельем и трюмо, возле которого стоял, почесываясь, голый бородач, разглядывая себя в зеркале. Это был тот самый чеченец в папахе, который провожал полковника в армейской полевой форме на территории тракторного завода.

Кроме него, в пещере находилось еще двое мужчин в пятнистых комбинезонах: бородатый горбоносый чеченец, молодой и здоровый, и жгучий брюнет с усиками, высокий, накачанный, сильный. Они сидели за столом возле двери и играли в нарды.

Еще один стол и четыре стула стояли в дальнем углу пещеры, уставленные бутылками, тарелками, банками и котелками. Здесь хозяева жилища трапезничали.

В другом углу пещеры стояли приборная стойка ВЧ-аппаратуры и спутниковой связи, а также телевизор и пирамида с оружием.

Игравшие в нарды телохранители командира отряда оглянулись на дверь. Чеченец, имевший острое звериное чутье опасности, выхватил пистолет, и Тарас с десяти шагов метнул в него нож, попав точно в переносицу. Прыгнул к брюнету, метнув две оставшиеся звездочки сюрикэнов, не дав ему времени на размышления и попытку воспользоваться оружием. Брюнет, получивший одну звезду в плечо, а вторую в ухо, успел-таки выстрелить (хорошая подготовочка у парня, профессиональная, надо думать, его учили стрелять, не обращая внимания на боль), попал Тарасу в бедро – касательно – и улетел во тьму беспмятства от страшного удара в подбородок, сломавшего ему челюсть.

Только теперь хозяин «спальни» обратил внимание на шум и оглянулся. Его можно было понять: даже в самом дурном сне ему не могло присниться появление ч у ж о г о спецназовца в самом сердце бандитского схрона!

– Ты кто? – тупо спросил он по-русски.

– Граф в пальто, – глухо ответил Тарас, прислушиваясь к тишине подземелья.

Командир боевиков опомнился, метнулся было к пирамиде с оружием и охнул, наткнувшись на выпад оказавшегося перед ним Тараса. Затем он увидел светящиеся тигриные глаза гостя, в которых стыла холодная брезгливая ненависть, и почувствовал ознобливый, парализующий душу и тело ужас. Упал на колени, вытягивая вперед руки.

– Пощади! Не убивай!..

– Ты женщин не пощадил, – ровным и оттого более страшным голосом ответил Тарас, впиваясь взглядом в расширяющиеся зрачки главаря банды, добавил морока в потоке силы. – Все зависит от твоих ответов. Скажешь все, будешь жить.

– Да-да-да, я скажу, скажу, спрашивай, – залепетал бородач, закатывая глаза. От него пахло мочой. Полевой командир Гелаев, наводящий ужас на мирных жителей Чечни, обмочился от страха.

Тарас поморщился.

– Кто заказал убийство женщин на рынке, жены и матери полковника Смирнова?

Бородач вздрогнул, начал трезветь, исподлобья глянул на Горшина, но встретил его приказывающий взгляд и снова расслабился.

– Полковник Жмутенко...

– Место службы?

– Штаб в Моздоке... он помощник начштаба по снабжению... хорошо заплатил...

– Давно вы с ним сотрудничаете?

– Семь месяц скоро...

– Кто приказал ему? Кто главный заказчик?

– Не знаю... какой-то шишка из Москвы... нам платят, мы выполняем.

– На кладбище были твои люди?

Гелаев снова содрогнулся.

– Моя...

– Значит, ориентировку на уничтожение Смирнова вам дали уже после нашего приезда?

– Мы работаем только после получения...

– Оплаты.

– Да...

– Почему не выдали заложников?

– Они нам еще нужны... для работы...

– И для развлечений.

Бородач отшатнулся, так как Тарас добавил в голос убийственные интонации и гортанный окрас метаязыка.

– У вас должен быть запасной выход! Где? Говори!

– Здес, за кровать...

Тарас ткнул пальцем в шею Гелаева, шагнул было к его огромной кровати, не глядя на упавшего, и вдруг понял, что не сможет уйти один. На раздумья затратил несколько драгоценных секунд. Потом вернулся в пещеру с заложниками, по пути добив зашевелившегося охранника, и по очереди разбудил пленников, освободил их от пут.

По-видимому, они не совсем поняли, что от них требуется, так как безропотно направились в пещеру повелителя, не глядя на своего освободителя. И лишь увидев неподвижные тела охранников и самого Гелаева, поверили, что это не сон. Двое из них упали на колени, так велико было потрясение, остальные сгрудились у двери, испуганно разглядывая убранство жилища их главного мучителя, и Тарасу пришлось подтолкнуть их к кровати, прижав палец к губам. Они молча повиновались. Лишь самый молодой из них, тот, которого выбросили из спальни командира телохранители, вдруг метнулся к оружию и выхватил автомат. С трудом Тарасу удалось убедить его не поднимать шум. Тогда парень выпустил из рук автомат, бросился к столу, вытащил торчащий из банки с консервами нож и вонзил Гелаеву в грудь. Остановить его Тарас не успел, да и не захотел.

Выход из пещеры был замаскирован ковром. За ним начинался короткий тоннель, пробитый в толще горных пород кирками и ломami. Он вел к небольшой естественной пещерке, которая имела узкий выход на склон горы. Здесь тоже дежурили охранники в количестве двух человек, вооруженные пулеметом и автоматами. Однако нападения с тыла они не ожидали и сопротивления почти не оказали.

Шел второй час ночи, когда Тарас вывел пленников из подземных казематов базы боевиков.

Еще через два часа он оставил вконец ослабевших людей недалеко от блокпоста и растворился в ночи, пожелав им удачи, понимая, что эта акция скоро превратится в легенду.

Елисей Юрьевич встретил его у дома прокурора и, не спрашивая, где он пропадал полночи, провел в дом. Некоторое время они смотрели друг на друга, хорошо видя в темноте. Потом Тарас проговорил угрюмо, внезапно ощутив физическую и душевную усталость:

– Нелюди жить не должны!

Учитель не ответил.

– Его фамилия Жмутенко, – добавил Тарас. – Полковник из штаба армии в Моздоке.

– Я знаю, – тихо ответил Елисей Юрьевич. – Для того чтобы это узнать, не надо было рисковать жизнью.

– Вы... знали?!

– Мойся и отдыхай. – Елисей Юрьевич направился к спальне за печкой.

– Вы знали... и ничего не...

Учитель остановился, искоса глянул на ученика.

– Есть другие методы воздействия на ситуацию. Все, что надо, делается. Не вздумай искать того мерзавца, им займутся компетентные органы.

Тарас не нашелся, что ответить. На душе сделалось муторно и тоскливо, захотелось смыть с себя пот, грязь и кровь. Он вышел в сени и долго мылил, скреб и скоблил тело, обливался водой, снова намыливался, но так и не смог очиститься полностью. Душа продолжала ныть и корчиться, не желая успокаиваться и принимать убедительные доводы, которые находил Тарас. На вопрос, заданный самому себе: до каких пределов жестокости может доходить восстановление справедливости? – он ответа не нашел.

Глава 17

РАЗМИНИРОВАНИЕ

В начале девятого они заехали в больницу, где лежала Валентина Матвеевна. Тоня, кутавшаяся в черный платок, тоже находилась здесь, дежурила у ее постели. Выглядела она вялой и заторможенной, хотя пыталась бодриться, под глазами легли тени, нос заострился, искусанные губы потемнели, и Тарас, ощутив острый приступ сочувствия, попытался передать девушке положительный энергоимпульс.

Валентина Матвеевна встретила гостей с каким-то необычным оживлением. Глаза ее, полные боли и тоски, лихорадочно блестели, запавшие щеки покрылись красными пятнами, казалось, она сейчас встанет и начнет хлопотать по хозяйству.

Елисей Юрьевич поставил на тумбочку возле кровати женщины пакет с фруктами, посидел немного, обыденным тоном рассказав ей какие-то семейные новости. Тарас попытался разговорить Тоню, но ему это не удалось. Девушка его не слышала, обитая где-то в других измерениях. Горе ее было сильнее, и выйти самостоятельно из этого состояния она не могла.

– Вас будут навещать друзья, – сказал Елисей Юрьевич, вставая. – Да и родичи не оставят, Петя скоро приедет, баба Катя, Руслан, Маня.

– Возьмите ее с собой! – вдруг попросила Валентина Матвеевна, привстав с подушек и указав глазами на Тоню. – Здесь она пропадет. Умоляю!

Елисей Юрьевич и Тарас переглянулись в некотором замешательстве, одновременно посмотрели на девушку, удивленную таким оборотом дела.

– Что ты такое говоришь, бабушка? Как я могу тебя бросить?!

– Ничего со мной не сделается, милая, – отмахнулась Валентина Матвеевна, откинувшись на подушки, не сводя глаз с Елисея Юрьевича. – Полежу тут денек-другой и встану. Петя переедет, жить будем вместе, да и Катя навещать собирается раз в неделю. А ты езжай с ними в Москву, тебе учиться надо. Так возьмете, Елисей? Девочка-то хорошая, неизбалованная, чистая, ей тут плохо будет.

Елисей Юрьевич встретил взгляд Горшина, прищурился.

– Твое мнение?

– Я – за, – быстро ответил Тарас, спохватился и добавил уже более рассудительно: – Здесь у нее действительно мало перспектив. А наши житейские проблемы разрешимы.

Смирнов повернулся к Тоне.

– Поедешь с нами?

Глаза девушки стали большими, растерянными, в них наряду с недоверием и грустью сверкнула радость. Но она тут же повернулась к Валентине Матвеевне, схватила ее за руку.

– Бабуля, но как же ты одна? Я же не могу тебя бросить!

Женщина улыбнулась, так, что по ее лицу побежали добрые лучики морщин.

– Не беспокойся, милая. Не останусь я одна. Езжай со спокойным сердцем, мне тут легче будет, если я буду знать, что ты в добрых руках. Соскучишься – приедешь. Да и я, может, выберусь в столицу, почитай, двадцать лет там не была.

Тоня растеряннo оглянулась на ждущих мужчин.

– Но мне надо переодеться, забрать вещи...

Елисей Юрьевич глянул на Тараса.

– Одна нога здесь, одна там. Бери «Волгу», помоги собраться. Оттуда сразу на аэродром. И не задерживайтесь.

– Постараемся, – кивнул Тарас. – Может быть, сначала отвезти вас на аэродром?

– Я справлюсь, сейчас подъедет спецгруппа.

Тарас взял Тоню под локоть.

– Пойдем, Тоня. Все будет хорошо.

Девушка отступила от кровати, потом с плачем кинулась на грудь Валентине Матвеевне, по лицу которой тоже покатались слезы. Она стала гладить внучку по волосам, по плечам, приговаривая:

– Успокойся, милая, все будет хорошо, жизнь продолжается, надо думать о будущем. Судьба у тебя такая. Да и не расстаемся мы навеки, встретимся скоро, иди с ними, иди...

Тоня подняла голову, несколько раз поцеловала бабушку в щеки, сжала кулачки:

– Я обязательно приеду, жди! Устроюсь там и приеду за тобой.

– Конечно, Тошенька, я так и рассчитываю. Ну иди.

Валентина Матвеевна обняла внуку, поцеловала, стараясь выглядеть если и не здоровой, то уверенной, но Тарас поймал ее слепой взгляд, полный муки, любви и тоски, и понял, что это прощание навсегда. Женщина точно знала, что они больше никогда не увидятся.

– Идем, – мягко сказал он, сглатывая горький ком в горле.

Тоня безропотно подала ему узкую прохладную ладонь, и они вышли из палаты, сопровождаемые взглядами Валентины Матвеевны и Елисея Юрьевича.

– Он ей нравится, – кивнула женщина на закрывшуюся дверь, перекрестив ее.

– Она ему тоже, – улыбнулся Смирнов.

– Дай Бог им счастья!

– Присоединяюсь к пожеланию.

– Вы уж там присмотрите за девочкой, добрая она и светлая, таких сейчас мало.

– Не волнуйтесь, Матвеевна, сделаю все, что в моих силах.

Елисей Юрьевич поцеловал женщину в щеку, погладил ее по руке, передавая позитивный канал энергии, который должен был поддерживать ее некоторое время, и вышел. Он тоже знал, что мать погибшего друга долго не проживет.

В доме Антона Кирилловича их ждал сюрприз.

Едва Тоня вошла в горницу, как ее сразу схватили за руки и зажали рот. Однако она укусила того, кто ее держал, и закричала. Ей снова зажали рот, но Тарас уже понял, что их ждала засада, и начал действовать в соответствии с ситуацией, не теряя времени на колебания и обдумывание плана действий.

Толкнув дверь, он нырнул на пол, перекатился колесом через порог и нанес два удара сразу по двум направлениям – тому, кто держал Тоню, и тому, кто зажимал ей рот. Затем вскочил разгибом вперед, выхватил у третьего парня пистолет и... едва успел отвернуть ствол в потолок.

Раздался выстрел.

Зазвенело стекло.

В гостиной прокурора стало тихо.

Всего в ней находилось четверо мужчин: трое – молодые парни в штатском, четвертый – капитан милиции в форме. Он был вооружен пистолетом-пулеметом и отреагировал на атаку Тараса с запозданием, иначе все закончилось бы печально. Капитан, судя по его мрачному и решительному виду, мог спокойно расстрелять хозяйку дома и ее сопровождающего.

– Не надо! – металлическим голосом сказал Тарас, направляя на него дуло отобранного у сотрудника милиции пистолета. При этом он сделал определенное движение свободной рукой и добавил в голос интонацию властной требовательности: – Кто вы?

Глаза капитана подернулись пеленой меланхолии. На один миг. Затем он опомнился и достал малиновую книжечку с тисненной золотом надписью: МВД.

– Капитан Минтемиев, отделение угрозыска. Верните сотруднику оружие.

Тарас протянул пистолет владельцу.

– В следующий раз советую быть повежливее с дамой. Это ее дом, а не тренировочный полигон.

– В следующий раз я из тебя решето сделаю!

Тарас перешел в темп, снова отобрал пистолет у парня, разрядил и уже медленно протянул ему оружие рукоятью вперед.

– Надеюсь, у тебя есть право на ношение этого зверя?

Ошеломленный молодой человек судорожно цапнул пистолет, и вид у него был такой уморительный, что это несколько разрядило обстановку. Его напарники переглянулись, а капитан Минтемиев качнул головой с невольным уважением.

– С чем пожаловали, джентльмены? – спросил Тарас, загоразивая спиной испуганную Тоню. – У нас мало времени.

– Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов, господин эксперт. – Минтемиев сделал знак пальцами, и трое его помощников окружили Тараса и Тоню. С Горшиным капитана никто не знакомил, и тем не менее он точно знал, с кем имеет дело.

– Вопрос первый, – продолжал Минтемиев, доставая блокнот. – Где вы были вчера утром, после похорон?

– Здесь, – спокойно ответил Тарас, понимая, что капитан если и не знает, где он был и что делал, то догадывается. – А что?

– Вопросы здесь задаем мы. После похорон прокурора... э-э... Хованского на кладбище нашли три трупа. Вы не знаете, кто их там оставил?

– Ни малейшего понятия. А что, погибли уважаемые люди? – встревожился Тарас.

– Разве это имеет значение? – неприятным голосом осведомился капитан. – Люди есть люди.

– Вы ошибаетесь, люди бывают разные, – возразил Тарас. – Есть люди, а есть нелюди, боевики, террористы, убийцы. Может быть, вы считаете людьми и тех, кто убил ее отца и мать? – Он кивнул на Тоню.

Минтемиев тоже посмотрел на Тоню, нахмурился.

– Со всеми надо поступать по закону.

– То-то у вас здесь соблюдаются законы, – усмехнулся Тарас. – Днем – общечеловеческие, ночью – бандитские, волчьи. Хотя, впрочем, и днем без вины гибнут женщины и старики. Не скажете, по какому закону?

– Мы работаем.

– Отлично работаете! Вместо того чтобы ловить преступников, нападаете на мирных граждан, устраиваете в их домах засады, затыкаете рты.

– Ты говори, да не заговаривайся, умник! – не выдержал парень, у которого Тарас отобрал пистолет.

Тоня за спиной Горшина зябко вздрогнула. Время уходило, пора было принимать решение, какой способ действий избрать: попытаться договориться с местной властью или прорваться с боем.

– Если у вас больше нет вопросов, – проговорил Тарас более мягко, но убедительно и со скрытой угрозой, – то давайте разойдемся по-хорошему. Задерживать нас вы не имеете права, а если попытаетесь, это будет иметь далеко идущие последствия. Я всего лишь работник Комитета экологической безопасности, как говорится, невелика птица, а вот мой спутник – полковник конторы. Через пару минут он будет здесь, и тогда вам придется объяснять свое поведение в другом месте. Вам это надо? Кстати, вопросы, подобные вашим, мне уже задавали сотрудники более серьезного ведомства.

Минтемиев задумчиво почесал бровь, прошелся по горнице, касаясь пальцами дыр в стене, где застряли осколки гранат, и повернул к выходу.

– Пошли, ребята.

Тарас посторонился, наткнулся на плечистого спутника капитана и кинул на него такой темный взгляд, что тот вздрогнул и отшатнулся.

На пороге Минтемиев оглянулся.

– Конечно же, вы не знаете, кто ночью вывел группу заложников к блокпосту.

– Естественно, – пожал плечами Тарас. – Когда это случилось?

– Сегодня ночью. Какой-то супермен уничтожил охрану базы известного полевого командира Хамзата Гелаева и освободил шесть человек.

– Действительно, это мог сделать только супермен, – остался иронично-спокойным Тарас.

– Заложники говорят, что это был высокий молодой человек в спортивном костюме. У вас случайно нет с собой спортивного костюма?

Тарас встретил острый взгляд капитана, ответил плотным пси-экраном, отбрасывая его «психофизический щуп». Так быстро весть о разгроме банды Гелаева не могла дойти до правоохранительных органов! Капитан Минтемиев либо работал на боевиков, либо обладал особыми возможностями, то есть имел канал связи с астралом. Или с чеченским «тарантулом тьмы».

– У меня был спортивный костюм, – ровным голосом сообщил Тарас. – Но у меня его украли.

– Стало быть, тот костюм, который мы тут нашли, в этом доме, со следами глины и грязи, не ваш?

– Не мой, – подтвердил Тарас, испытывая чувство досады; ему следовало догадаться уничтожить костюм.

– Ну да, прокурор Хованский, говорят, был когда-то спортсменом. Естественно, это его костюм.

– Да, у папы был костюм, – заговорила вдруг Тоня. – Он в нем на огороде работал.

Минтемиев задержал на ней взгляд, шагнул за порог, уводя своих сотрудников. Из сеней донесся его насмешливо-угрюмый голос:

– Будьте осторожны, гражданин Горшин, не потеряйте еще что-нибудь. Брюки, к примеру.

Тарас усмехнулся, проводил гостей «третьим глазом», ощущая ослабевающее давление на мозг. Он так и не понял, кем был капитан

милиции Минтемиев, другом или врагом, и чем был вызван его визит. Одно казалось несомненным: капитан обладал серьезным психопотенциалом и был очень информированным человеком.

– Это правда? – спросила притихшая Тоня.

– Что? – очнулся Тарас.

– Что кто-то убил на кладбище трех бандитов?

– Это плохо?

– Не знаю. Наверное, нет. Хотя папа предпочитал действовать по закону. А это правда, что кто-то освободил заложников?

– Правда, – кивнул Тарас.

Тоня несколько мгновений смотрела на него вопросительно и недоверчиво, потом вдруг быстро поцеловала и, смутившись, скрылась в спальне. Тарас озабоченно потрогал пальцем место под глазом, куда пришелся поцелуй, и подумал, что неплохо было бы ответить тем же. Как бы невзначай, чтобы не обидеть. Но в другом месте и в другое время.

Он вспомнил о словах капитана и вышел во двор, чтобы найти свой спортивный костюм, выброшенный в мусорную кучу за сараем.

Костюм лежал там, где он его оставил, никто его не трогал. Да и отыскать его любому постороннему человеку было бы сложно. Капитан соврал. Он не находил костюма, он знал, что «суперменом», освободившим заложников, был Тарас Горшин.

Кто же ты, капитан? Продавший душу дьяволу человек или воин Круга, волей судьбы заброшенный на многострадальную землю Чечни?

Тарас поднял глаза к небу, но ответа на свой вопрос не услышал.

Тоня выскочила через пять минут, переодетая в джинсовый костюмчик, превративший ее в мальчишку, с холщовой сумкой в руке.

– Я готова.

Он заметил следы слез на ее щеках, молча вытер их ладонью.

Она всхлипнула, смущенно отвернулась.

– Поплакала немножко...

– Я понимаю, все правильно. Прощайся с домом, и поехали. Я подожду в машине.

– Я уже попрощалась. – Девушка с грустью обвела глазами двор, сад, пристройки, на глаза ее снова навернулись слезы, голос задрожал: – Так больно!..

Он молча прижал ее к себе, поглаживая по спине, подождал, пока стихнут рыдания, и повел к машине. Через минуту «Волга» уносила их прочь от дома, где погибли родители Тони, прочь от прошлого, в неизведанное будущее.

Елисей Юрьевич всерьез отнесся к сообщению Тараса о том, что боевики знают время вылета самолета. Он сразу уединился с командиром «Ан-12», потом ушел куда-то, и вылет задержали на два часа. Как потом выяснилось, по воздушному коридору над Чечней прошли «вертушки», обстреливая каждое подозрительное шевеление внизу, и им удалось накрыть в горах небольшой отряд боевиков, имевший на вооружении «стингеры». Вероятно, это были люди Гелаева, получившие задание сбить военный транспортный самолет.

Тем не менее полет «Аннушки» прошел не без инцидентов.

Взлетала она в начале двенадцатого, но не успела пересечь воздушное пространство Чечни, как ее догнала пара «Су-30», и рация принесла сухой голос ведущего пары:

– Борт «333», немедленно развернитесь на двадцать градусов и садитесь на аэродром в Южно-Сухокумске.

– Где это? – повернул голову к штурману первый пилот.

– Ставрополье, сто километров к востоку.

– Я «триста тридцать третий», – включил рацию командир «Ан-12». – Следую своим курсом. На борту «груз двести». В чем дело?

– Мне приказано посадить вас в Южно-Сухокумске. Причин не знаю. Выполняю приказ. Если не подчинитесь, буду вынужден открыть огонь.

– Я пилот первого класса майор Дерипаска, с кем говорю?

– Лейтенант Серегин, шестой авиаотряд.

– Свяжись с базой во Владикавказе, сынок, с генералом Хаевым, твое командование не имеет права задерживать мою «птичку».

– У меня приказ.

– Ну, если приказ, тогда давай стреляй. Только как ты потом оправдаешь гибель двадцати человек? Или тебе наплевать?

Короткое молчание.

Командир посмотрел на появившегося в кабине Елисея Юрьевича, кивнул на прозрачный колпак кабины, за которым виднелись хищные

силуэты пристроившихся «сушек». Елисей Юрьевич кивнул, закрывая глаза ладонью, сосредоточился на «ощупывании» биополей.

– Подтвердите, что на борту «груз двести», – прилетел голос пилота головного «Су-30».

– Подтверждаю, хотя это не главное, – хмыкнул командир корабля. – На борту живые люди, молодые парни, старики и дети, подумай о них, лейтенант. Свяжись с базой.

Еще минута молчания.

Самолеты поднялись над облаками, в иллюминаторы ударило солнце.

– Следуйте своим курсом, – раздался наконец голос пилота истребителя. – Удачи вам, майор.

Оба «Су-30» отвалили в стороны и исчезли в облаках.

– Спасибо, сынок, – сказал командир «Аннушки» с облегчением, сбрасывая наушники, повернулся к Елисею Юрьевичу. – Это ингушский авиаотряд, я знаю его командира. Чего им было надо?

– Трудно сказать, – ответил Елисей Юрьевич. – Может, хотели проверить документы.

Пилоты в кабине заулыбались, оценивая шутку.

– Сволочной край! – вздохнул седой командир. – Дикие люди, дикие нравы! Если бы не погоны, хрен бы я согласился сюда летать.

– Это точно, – кивнул второй пилот.

– Доживу до пенсии, с дрожью вспоминать буду многие полеты.

– Позовите, если снова что-то случится, – сказал Елисей Юрьевич, возвращаясь к своим спутникам. На вопросительный взгляд Горшина он ответил коротким: – Все в порядке.

Дальнейший полет проходил без приключений. Зато подлетая к аэродрому в Кубинке, командир вдруг получил сообщение о том, что его груз заминирован, а экипажу рекомендовано направить самолет в водохранилище и покинуть борт на парашютах.

– Какие, к черту, парашюты! – рассвирепел Дерипаска. – На борту, кроме экипажа, двенадцать пассажиров! Их что – оставить в грузовом отсеке?!

– Мы вас предупредили, – после паузы проговорил диспетчер базы. – Делайте что хотите, но посадка на аэродром запрещена. Свяжитесь с третьим ЗВА [\[9\]](#) под Тверью, пусть предоставят полосу.

– У меня горючки на полчаса лета! Почему не предупредили раньше?!

– Источники в Чечне передали предупреждение минуту назад.

– Суки! – выругался командир, изменяясь в лице. Посидев так несколько секунд, он повернул голову к штурману. – Зови полковника.

Елисей Юрьевич появился в кабине тотчас же. Выслушал сообщение Дерипаски, кивнул.

– Продолжайте полет. Мне надо пять минут, я попробую найти взрывное устройство. Если только это не ложная тревога.

– Каким образом вы обнаружите мину без собаки?

– Мы с моим напарником заменим любую собаку. Ждите.

Пилоты переглянулись.

– Ждем пять минут и идем на посадку в Кубинке! – решил командир. – Не верю я, что у нас бомба на борту.

– Нас же собьют на хрен! – покачал головой штурман.

– Не собьют. Я свяжусь напрямую со штабом, пусть узнают, что происходит. Пока они будут искать выход, мы сядем.

– Или взлетим на воздух, – флегматично заметил бортрадист.

Пилоты засмеялись. Они и так находились в воздухе.

Елисей Юрьевич вернулся в отсек, где Тарас стерег сон Тони, привалившейся к его плечу, и по лицу учителя тот понял, что случилось что-то необычное.

– Их хозяйство заминировано, – понизил голос Елисей Юрьевич, кивнув на безмятежно спавших спецназовцев, сопровождавших груз. – У нас всего несколько минут на обнаружение и обезвреживание. Придется идти в астрал на ускорении, парой – для подстраховки.

Тарас осторожно отодвинул Тоню, прислонил к стенке отсека. Девушка вздохнула, но не проснулась. По-видимому, за последние три дня она спала так спокойно впервые. Даже вибрация, гул двигателей самолета и воздушные ухабы ее не отвлекали.

– Входим ударно, – повторил Елисей Юрьевич, положив руку на колено Тараса. – Целеустремление значимое – спасение жизни. После входа «заякори» процесс подсознанием, доверься и следуй за мной.

– Я готов.

– Поехали!

Усилием воли Тарас вошел в средоточие своего «я» и оказался в центре солнечного сплетения, ощущаемого светящимся теплым

шариком. Затем заставил этот шарик прыгнуть «во все стороны» и прорвался в измененное состояние сознания, которое можно было приблизительно описать словами «жизнь вне тела».

В глазах потемнело. Он вышел в «космос» подсознания. В таком состоянии уже не существовало препятствий для путешествий по временам и пространственным линиям Вселенной, и Тарасу на мгновение захотелось нырнуть в прошлое, в глубины генетической памяти рода, как он делал всегда, но тут же сработал «ограничитель» ответственности, и сознание устремилось сквозь шевелящуюся живую тьму вслед за стреловидным облачком ярких звездочек: таким оно видело энергосферу учителя, пронизывающую граничные слои энергоинформационного поля Земли.

Вспыхнул ровный неяркий свет, снизивший возможности ориентации до нуля. Тарас продолжал «лететь» в прежнем направлении, зафиксировав вектор движения. В какой-то момент он заволновался, не видя проводника, но поймал дружеский импульс учителя и не позволил себе растеряться.

Свет сменился серой пеленой дождя – таким было впечатление. Стрела звезд – сознание Елисея Юрьевича – пробилась в этой пелене дыру, в которую ворвалось сознание Тараса. И оба вылетели на край бездны с мириадами звезд, пульсирующих сфер света, светящихся облаков и лучей, образующих дивную переливчатую вуаль.

Обычно после прорыва в астрал Тарас начинал искать связь со своим духом, хранителем рода, которого все предки называли Ведогоном, но в этот раз командовала парадом воля учителя и процесс поиска необходимой информации выглядел иначе.

Картина движения в бездне внезапно застыла. Черное поле перечеркнули светлые линии, образуя нечто вроде плоского экрана. Стрела сознания Елисея Юрьевича превратилась в голубоватую стрелочку курсора. Эта стрелочка коснулась жемчужного облака в форме медузы, и тотчас же «медуза» развернулась в картину знакомого космоса с галактиками и звездами.

Курсор коснулся спиральки одной из галактик, и она скачком заняла все поле зрения. Курсор уперся в желтенькую звездочку на краю одной из ветвей галактики, и перед глазами зрителей высветилась Солнечная система. Тарас понял, что Елисей Юрьевич

ведет масштабный поиск, опираясь на какую-то систему «компьютерной» связи с астралом.

Курсор ткнулся в зеленую искорку третьей планеты. Возникла панорама тяжеловесно вращавшейся Земли с отчетливо видимыми материками, океанами, морями и летящими в атмосфере аппаратами, светящимися по-разному в зависимости от размеров и массы. Курсор коснулся оранжевой искры самолета, подлетающего к Москве с юга (всего над столицей России кружило одновременно около двух десятков самолетов разных классов), и под ногами Тараса (так он это воспринимал) появился корпус «Ан-12», колеблющийся, полупрозрачный, словно сотканный из паутины.

«Ищи энергетические узлы», – прошепел в голове-облаке Горшина мысленный голос Елисея Юрьевича.

Тарас расширил поле восприятия, «обнял» им весь самолет и сосредоточился на ощущении огня. И тут же обжегся, наткнувшись на горячий двигатель в крыле самолета. Зашипел от боли, «потряс обожженными руками-глазами», сбрасывая боль во внешнюю среду. Обнаружил слабую пульсацию огня внутри грузового салона и вышел над застывшими в разных позах людьми.

Он увидел тела десантников, Елисея Юрьевича, светящегося, как осколок солнца, себя самого – с более бледной аурой, тянувшей к нему лучик света, а также Тоню. Замер, любясь нежным сиянием ауры девушки.

«Не отвлекайся!» – прилетел строгий окрик учителя.

Тарас опомнился, бесплотным облаком проник в скопление контейнеров, ящиков, тюков и свертков, закрепленных на полу отсека. И оказался среди множества тусклых разноцветных пятен, не способный сориентироваться и понять, какое из них принадлежит готовой взорваться мине.

«Я... не вижу... их много...» – растерялся он.

«Самолет загружен ракетами и гранатами иностранного производства, найденными на территории Чечни. Для изучения в военных лабораториях. Ищи включенный таймер, он пульсирует в инфракрасном свете».

Тарас начал «ощупывать» каждое светящееся пятно, натываясь на «тлеющие угли» смертоносной энергетики, и, наверное, мучился бы долго, если бы не ворвавшаяся в сознание струя свежего ветра,

прибавившая сил. Это подключился к его каналу Елисей Юрьевич, вливший озеро своей энергии в иссякающий источник ученика.

Через несколько мгновений они обнаружили вибрацию «инфраниолетового» контура внутри угрюмого багрового пятна. Это и было взрывное устройство, готовое взорваться в любой момент.

«Что дальше?» – спросил Тарас.

«Высасываем энергию до полного затухания вибраций, пока не сдохнет взрыватель».

«Как?»

«Через связь с астралом. Тут полно ям. А чтобы не обжечься и не сгореть – пробей трубку в обход уха».

«Я не совсем вас...»

«Цепляйся за меня. Начали!»

И на голову Тараса обрушился горящий метеоритный дождь...

Сколько он длился – Тарас потом вспомнить не смог. Когда он очнулся, самолет шел на посадку.

– Что? – выговорил он онемевшими холодными губами, встретив взгляд Елисея Юрьевича.

– Порядок, – проворчал учитель, переставая держать ладонь на его лбу. – Молодец, хорошо держался.

Зашевелилась Тоня, открыла глаза, потянулась, смущенно улыбнулась посмотревшим на нее мужчинам.

– Проспала, как суслик, весь полет. Долго еще лететь?

– Садимся, – сказал Тарас сипло, окончательно приходя в себя.

– Тебе плохо? – встревожилась девушка.

Он постарался улыбнуться как можно естественней и подумал, что дочка прокурора неспроста хорошо чувствует его состояние. И это открытие было удивительно приятным.

Самолет коснулся колесами бетонной полосы...

Глава 18

НЕ БЫЛО БЫ СЧАСТЬЯ

Похороны жены и матери Елисей Юрьевич назначил на следующий день после своего возвращения из Грозного. Собрались все близкие родственники – из Калининграда, из Брянска, Ростова, Новгорода, Томска и даже из Тюмени, всего в количестве двадцати с лишним человек, и квартира Смирнова на сутки превратилась в вокзал.

Тарас в подготовке похорон не участвовал, хотя помощь предлагал. Однако Елисей Юрьевич посчитал, что не следует травмировать Тоню еще и этими хлопотами, и посоветовал ученику взять на себя обустройство девушки.

Друзей у Горшина в Москве было немного, кому бы он мог довериться, однако выход из положения нашелся. Вспомнив о Нине, Тарас отвез Тоню к ней, и бухгалтер Комитета с радостью согласилась на время оставить сироту у себя. Таким образом, определив Тоню и пообещав забрать ее после похорон, Тарас с легким сердцем поехал к себе домой, вымылся под душем, переоделся и почувствовал наконец себя человеком. Лишь мысли об учителе не давали ему покоя. В конце концов, помаявшись полчаса в одиночестве, Тарас собрался и поехал к Елисею Юрьевичу.

Гробы с телами женщин уже вскрыли, тетки и бабушки учителя обмыли покойниц, переодели и оплакали, и в квартире Смирнова поселилась горестная тишина, прерываемая редкими всхлипами, вздохами, тихими голосами и шелестом одежды. Тарас положил к гробам купленные букеты цветов, постоял немного рядом, глядя на восковые лица погибших, и вышел. Учителя он нашел в спальне, беседующего с мужчинами. Тот поднял взгляд, посмотрел на Тараса издали, потом встал и поманил за собой. Они вышли на лоджию.

День четырнадцатого апреля в Москве выдался ясный, но холодный, поэтому Тарас надел куртку. Елисей Юрьевич был в одной рубашке, но холода не замечал, думал о чем-то и душой находился, похоже, далеко отсюда.

– Как устроилась Антонина? – спросил он рассеянно.

– Я оставил ее у сотрудницы, – ответил Тарас. – Завтра займусь ее устройством вплотную. Может, отвезти ее к маме?

– Разве ты не можешь оставить ее у себя?

Тарас озадаченно заглянул в глаза Елисея Юрьевича, но не увидел даже тени усмешки.

– Вы думаете, это... удобно?

Полковник выплыл из дальних далей своей памяти, нахмурил брови.

– При чем тут удобно или неудобно? Ты хочешь, чтобы она осталась у тебя?

– Хочу, – честно признался Тарас.

– Вот и предложи. Она девочка умная, хотя и ранимая, если согласится, значит, ты ей небезразличен. А что скажут соседи или сослуживцы, не важно. Главное – как ты сам оцениваешь ситуацию, что собираешься из нее извлечь: сиюминутное удовольствие или благодать любви.

– О сиюминутном удовольствии я не думал, – пробормотал Тарас.

– Тогда что тебя смущает? Ты влюблен в другую женщину?

– Нет, – покачал головой Тарас, повторил: – Нет. Встречался, но это совсем другое. И я еще не вполне понимаю, что нужно Тоне.

– Женщины созданы для того, чтобы их любить, а не понимать. Не помню, кто это сказал. Тоне сейчас нужна поддержка, и твое плечо как раз то, что нужно. Если появится необходимость в деньгах, я дам.

– Спасибо, обойдусь.

На лоджию выглянул какой-то седой старик, похожий на Елисея Юрьевича, бросил на Тараса острый взгляд из-под кустистых бровей и скрылся.

– Кто это? – кивнул Горшин на закрывшуюся дверь.

– Мой брат Федор, – ответил Елисей Юрьевич. – Позже я вас познакомлю. Он волхв, живет в тайге, много чего знает.

– Волхв? – невольно улыбнулся Тарас. – Не знал, что они существуют реально.

– Он ведический жрец храма Перуна.

– Разве есть такие храмы?

– Ведическая вера на Руси жива. Она не ушла и не погибла, несмотря на давление христианства, и будет жить всегда. Это наша исконная вера, наша плоть и кровь. Православие – лишь слабая,

искаженная ее тень. Чтобы ее уничтожить, надо истребить всех русичей под корень, а это не под силу никому на свете! Даже «тарантулам» иной веры! Даже Монарху Тьмы! Эту веру и знания древних сохранила каста ведических жрецов, таких, как мой брат, в условиях жесточайших гонений со стороны христианских миссионеров и великокняжеской власти. Когда-нибудь она воссияет на Руси вновь.

Помолчали.

Потом Тарас стесненно спросил:

– Волхвы... э-э, жрецы входят в Круг?

– Белый волхв, или владыко, является одним из Хранителей. Его имя – Матфей. Возможно, ты с ним встретишься, он интересовался тобой.

– Когда? – оторопел Тарас. – И зачем?

Елисей Юрьевич очнулся, стал деловито-сосредоточенным.

– Не важно. Меня ждут, поэтому давай в темпе. Запомни адрес Федора. – Смирнов продиктовал адрес. – Теперь о тебе. Что произошло на кладбище в Грозном после того, как ты остался?

Тарас отвел взгляд, помолчал.

– Меня пытались убить снайперы.

– Понятно, я примерно так и подумал. Вот почему майор Самофалов допытывался у меня, где ты был в то время. Теперь рассказывай о деянии в горах.

Тарас снова помедлил, но сочинять версию «об отдыхе» не стал, кратко выложил историю своего похода на базу Гелаева. Добавил после паузы:

– Вас «заказали» не армейские командиры, а коллеги из конторы. Полковник Жмутенко только передаточное звено, «шестерка» на связи между боевиками и чинами из верхов армии и ФСБ. Я даже подозреваю, кто это мог сделать.

– Кто?

– Полковник Ельшин, замначальника Управления «Т». Кстати, телохранитель у него...

– Я знаю, Дима Щербань. Очень может быть, что ты прав. Но – никому ни слова! И ни в коем случае не начинай самостоятельную операцию по восстановлению справедливости! Хватит! Ты и так засветился в Чечне по полной программе, жди теперь «наката».

– Какого «наката»?

– На тебя начнется серьезная охота. Помни об этом, когда будешь осуществлять свои планы, рассчитывай каждый свой шаг. А теперь проваливай, я должен побыть со своими.

Тарас постоял немного, вдыхая холодный воздух, чувствуя странное беспокойство: учитель осуждал его с какой-то обреченностью, будто знал, что ожидает ученика впереди, и жалел его, как отец родного сына.

Черт возьми, может, я действительно делаю что-то не так? – думал Тарас, покидая квартиру учителя. С другой стороны, если не восстанавливать паритет добра и зла, не отвечать ударом на удар, как добро может победить? И кому выгодно, чтобы мы не отвечали на удар по щеке, а подставляли другую? Неужели Богу? Не может быть! Он не должен превращать людей в стадо баранов. Это выгодно только дьяволу, Монарху Тьмы. Принципы недеяния и непротивления – е г о принципы! Живой человек должен быть свободен, а бандит должен сидеть в тюрьме, как говорил персонаж старого фильма «Берегись автомобиля». Неужели я не прав?..

Тарас вспомнил похороны прокурора и его жены, окаменевшее лицо Тони и вздохнул свободнее. Расплачиваться за свои злодеяния бандиты и убийцы должны были тотчас же, а не в следующей жизни, как этого требовал принцип переноса вины. Абсолютно дьявольский принцип, рассчитанный на уничтожение добрых, умных, честных и сильных людей. И был этот принцип спущен в мир реальности Земли самим Монархом, еще при рождении человечества. Возможно, он был одним из Аморфов, подключившимся к эксперименту, олицетворяя собой темную сторону божественного творения...

Эту идею Тарас обдумывал долго, пока ехал домой, пил чай, укладывался спать, и в конце концов решил попросить Хранителей дать ему доступ ко второму уровню Хроник, чтобы найти ответ на свое предположение. Ему очень хотелось найти базу своему отношению к миру: добро обязано уметь защищаться...

Тоню он забрал у Нины уже после похорон.

Девушка слегка оттаяла и уже не выглядела серенькой мышкой, пугавшейся каждого взгляда и возгласа. Она искупалась, переоделась в однотонное лиловое платье, облежавшее фигурку, заплела на висках

две косички и теперь походила на школьницу старших классов, готовящуюся к выпускным экзаменам. Платье на ней было далеко не модным, что понимал даже Тарас, поэтому первым делом он повез Тоню по магазинам, радуясь в душе, что может позволить себе думать о чем-то более приятном, нежели разборки с лакеями Монарха Тьмы.

Тоня сначала отказалась покупать одежду, потом согласилась на «дежурный минимум», и они после нескольких часов блуждания по универсамгам столицы купили золотистую вельветовую курточку, плащ, два платья – с длинными рукавами и летнее с короткими – бельгийской фирмы «Demeulemeester», а также шорты, отечественный сарафанчик, кофточку, брючный костюм от «Кельвина Кляйна», джинсы-стрейч, спортивный костюм, халат и две пары туфель – осенние и летние. Для шокированной Тони это было баснословное богатство, и примеряла она одежду с таким видом, будто все это ей снится. В платьях девушка выглядела слегка угловатой, неловкой и трогательной, однако они придавали ей некий неуловимый шарм, отчего девятнадцатилетняя девчонка преисполнялась совершенно особой, таинственной женственности.

Костюм из синего бархата с искрой марки «СК» тоже сидел на ней хорошо, словно специально сшитый по фигуре, и представлял собой внесезонную вещь, которая могла стать основой гардероба на несколько лет.

Остальные вещи были недорогими, но приличного качества, практичными и удобными. Белье Тоня выбирала сама, стесняясь и радуясь самому процессу выбора, и наблюдать за ней было трогательно и забавно. В конце концов покупки были упакованы, уложены в багажник горшинской «Вольво», и молодые люди поехали в ресторан. Тарас знал небольшой югославский ресторанчик «Круна» возле метро «Парк культуры», больше похожий на простенькое придорожное кафе. Однако готовили здесь неплохо, недорого, кухня была на высоте, да и вообще разнообразие блюд сербской кухни могло удовлетворить любого гурмана, а если учесть, что наряду с остальными блюдами здесь подавали хорватскую рыбу, венгерскую дичь и боснийский кофе, сюда любили заглядывать не только югославы, но и выходцы из других бывших советских стран Восточной Европы. Хотя забитым ресторан до отказа Тарасу видеть не приходилось.

Тоня, никогда в жизни не посещавшая рестораны, была поражена даже таким простеньким интерьером с налетом балканского колорита и с восторженным интересом осматривалась по сторонам, хотя, надо отдать ей должное, делать это она старалась незаметно. От ракии она отказалась, выбрала по совету Тараса тартуфе – шашлык из овощей, бурек – аналог хачапури с сыром, и чепавчичи – своеобразные котлеты. Плюс кофе.

Себе Тарас заказал сырный пирог – гибаницу, српски салат и кукурузный од бовича – маисовый суп с клецками. И тоже кофе.

Разговаривали обо всем, что приходило на ум, хотя Тоня больше спрашивала, освоившись и перестав стесняться, а Тарас отвечал. Вспомнив о походе по магазинам, она вполне серьезно пожурела его за растрату, пообещав обязательно вернуть долг.

– Зачем так много накупил? Столько денег потратил!

– Много – не мало, – попытался отшутиться он, а потом поспешно добавил, видя, что собеседница начинает сомневаться в его бескорыстии. – Конечно, я тебя понимаю, но здесь нет ничего дурного. Во-первых, я неплохо получаю, а во-вторых, верю в твои возможности. Художники твоего уровня зарабатывают очень прилично.

– Правда? – Тоня бросила на него недоверчивый взгляд.

– Правда, – с чистой совестью ответил он, решив не добавлять, что в нынешние времена без протекции в обойму высокооплачиваемых художников пробиться трудно.

– Ты говорил, что работаешь в Комитете экологической опасности.

– Безопасности, – засмеялся Тарас.

– Извини, так слышалось, – смутилась девушка. – Чем же ты там занимаешься?

Тарас подумал и рассказал ей историю последней операции в Кадоме, опустив ненужные подробности.

– Твоя работа очень важная, – сделала она вывод. – Надо, чтобы все соблюдали законы экологии, тогда жить всем будет легче. У нас в Чечне законы никогда не соблюдались. А чем ты занимаешься после работы? Я слышала краем уха, как папе говорил дядя Елисей, что ты очень сильный мастер по боевым искусствам.

– Это он преувеличил, – качнул головой Тарас. – Хотя боевыми искусствами я занимаюсь с детства. Когда-то это казалось главным

делом жизни.

– А теперь?

– Теперь я больше увлекаюсь поисками Ключей смысла и метаязыком.

– Что это за Ключи такие? Почему их надо искать?

– Существуют так называемые базовые системы знаний, хранимые в глубинах подсознания человека, а Ключи смысла позволяют снять внутренние запреты на чтение и использование этих изначальных знаний. Тот, кто овладевает всеми Ключами, становится очень могущественным человеком, оператором реальности.

– Волшебником?

Тарас улыбнулся:

– Можно сказать и так.

– Ты знаешь эти Ключи?

– Только семь, а всего их втрое больше. Но я не теряю надежды, что когда-нибудь овладею всеми.

– Ты сможешь, – убежденно заявила Тоня. – Дядя Елисей сказал, что ты упрямый и многого добьешься, если не свернешь с пути. Может быть, ты и меня научишь этим Ключам?

– Непременно, – пообещал Тарас. – Только не надейся на скорый результат, я учился этому всю жизнь.

– Ничего, я тоже терпеливая. – Взгляд Тони загорелся: – А что это вообще такое? Как они выглядят, эти Ключи?

Тарас снова засмеялся.

– Это просто слова древнего языка, называемого праязыком, или метаязыком, большинство из них человеческая гортань произносить не в состоянии.

Тоня сморщила носик.

– Я думала, это какие-то волшебные предметы. Но если эти слова нельзя произнести, как же ты их произносишь?

– Половину из них выговорить все-таки можно. К примеру, вот это. – Тарас взял девушку за руку и, понизив голос, нараспев, с гортанными интонациями проговорил: – Здрра-а-аво-о-о...

Тоня вздрогнула, округлила глаза, едва не выдернула руку и смущенно рассмеялась.

– Ой, даже мурашки по коже побежали... и будто свежий ветер в голове подул... Еще, пожалуйста!

Тарас заметил, что на них оглядываются из-за соседних столиков, и убрал руку.

– Не здесь. Кроме звуков, надо еще совершать определенные движения, что усиливает эффект воздействия. Но об этом мы поговорим лучше дома. Наелась, Антонина Антоновна?

– Да, спасибо. Только не называй меня так... официально... лучше Тошка.

– Почему тебя так называли?

– Меня не так назвать хотели. Папа предлагал Анной, а мама Ниной. Тогда вмешалась бабушка и предложила назвать меня Антониной.

– Что-то у твоих родителей коса на камень, никто не уступил. Хотя Антонина – тоже хорошее имя. Доедай и пойдем.

– А куда?

– Если ты мне доверяешь, могу предложить тебе остановиться у меня. Не побоишься? Человек я дисциплинированный, так что не обижу.

– Я тебя не боюсь, – простодушно сказала Тоня, уминая за обе щеки принесенные чепавчики. – Вкусно! Я таких никогда не ела. Но ведь я вас стесню.

– Кого – вас? Я живу один, в собственном домике у Кольцевой автодороги, в Щелкове. В этом куча преимуществ. Метро недалеко, минут десять на автобусе. Дом большой, в наследство от отца остался, в нем пять комнат и кухня. Я весь день работаю, так что ты будешь свободна, можешь учиться и рисовать.

– Я согласна, – опять с милым наивным простодушием проговорила Тоня, в головку которой, не испорченную цивилизацией, просто не приходили плохие мысли. – Буду ухаживать за домом и готовить обед и ужин. Я умею, честное слово!

– Верю, договорились! – с преувеличенной серьезностью сказал Тарас, протягивая ей руку. Затем не удержался и поцеловал пальцы девушки.

Ресницы Тони дрогнули, глаза раскрылись шире. И тогда он сказал медленно, с нежностью и властной уверенностью, глядя ей в глаза:

– С этого дня никого и ничего не бойся. Я буду рядом и всегда приду на помощь. – Он улыбнулся лукаво: – Пока кому-нибудь из нас

не надоест.

Тоня ответила понимающей милой – ямочки на щеках – улыбкой, и между ними протянулась еще одна ниточка связи, ниточка надежды, параллельная первым двум – понимания и симпатии.

После обеда они поехали в автосервис, пора было менять тормозные колодки, а потом в Щелково. Тоня явно устала от избытка впечатлений и поддерживала беседу с трудом, несмотря на попытки бодриться. Оживилась она, лишь когда машина остановилась возле дома Горшина, блестевшего новой крышей из гофрированного оцинкованного листа. Тарас получил дом в наследство от отца, а перестраивал уже сам в соответствии с новомодными веяниями, поэтому дом теперь напоминал финский одноэтажный коттедж с мансардой и верандой. Он был с трех сторон окружен шеренгами деревьев, не высаженных специально, а росших здесь изначально, и Тарас еще помнил времена, когда кругом шумел настоящий лес. Впрочем, и в нынешние времена лес еще сохранил в Щелкове свое присутствие, хотя изрядно поредел и помельчал.

Садовый участок, примыкавший к дому с южной стороны, не превышал пяти соток, однако был тщательно ухожен и содержался Тарасом в идеальном порядке. Времени на уход за яблонями, вишнями и грушами, посаженными еще дедом, он не жалел.

Тарас загнал «Вольво» во двор и с небрежной уверенностью хозяина стал показывать Тоне свое жилище. И только потом, вспомнив о кое-каких вещах Оксаны в своей спальне, сообразил, что надо было прежде прибраться. Поэтому пока ошеломленная девушка осматривала гостиную в готическом стиле, больше напоминавшую каминный зал в рыцарском замке, а также коллекцию старинного оружия и лат, он успел спрятать в душевой комнате расчески, помаду и тени Оксаны, а в свою спальню Тоню не повел. Хотя она, учуяв запах духов, и так догадалась, наверное, почему он вдруг засуетился. Однако ничего ему не сказала, только посмотрела на него искоса, и впоследствии он остро пожалел, что сразу не сообщил гостье о своей дружбе с Оксаной.

– Ну как тебе мои скромные апартаменты? – поинтересовался Тарас с преувеличенным равнодушием.

– Сказка! – ответила Тоня, не решаясь пройти на середину гостиной по коврам, имитирующим шкуры тигра и льва; половики

лежали у него только в прихожей и в сенях. – Как музей, честное слово... Это настоящие доспехи или подделки?

– Конечно, новodelы, – сказал он, подходя к стене с оружием. – У меня приятель увлекается такими штучками давно, причем делает латы и кольчуги точно в соответствии со старинными описаниями. Он и мечи кует, и кинжалы. Половина из этой коллекции – его рук дело, хотя есть и настоящее боевое оружие. Например, эта катана.

Тарас снял со стены слегка изогнутый клинок с красивой позолоченной рукоятью, крутанул вокруг себя, создавая смертоносный веер «пресечения намерений».

– Или вот немецкий охотничий меч, хиршфангер.

Тарас переложил катану в левую руку и снял прямой обоюдоострый клинок с двумя долами и с рукоятью из рога. Полубовался игрой муаровых узоров на клинке и сделал сложное движение сразу двумя мечами, так что они, вращаясь, обтекли его тело с двух сторон.

– Здорово! – захлопала в ладоши Тоня. – Ты отлично фехтуешь! Как называется этот прием? – Она попыталась повторить движение Тараса обеими руками.

Он улыбнулся.

– По-японски фехтование двумя мечами называется риото-дзукай, хотя есть и другие названия: «македонская защита», «колокол», «оселедец», «чешуя Радогора».

– Как-как? Не поняла. Чья чешуя?

– Существовал две тысячи лет назад такой легендарный русский воин Радогор, непревзойденный мастер меча, создавший свою технику боя. Она так и называется – сеча Радогора.

– Откуда ты знаешь?

Тарас улыбнулся, повесил мечи на место.

– Мои предки встречались с ним и кое-чему научились, ну, а я уже учился у них.

– Как это? – Тоня смотрела недоверчиво, не зная, как реагировать на его слова. – Разве твои предки жили так долго? Ты о дедушке говоришь? Или шутишь?

– Ни капельки, я действительно учился у предков – по родовой памяти, но об этом мы еще поговорим. – Он не удержался и снял со стены нож с рукоятью, состоящей из двух половинок. – Нравится?

– Да... страшный...

– Ну, никакой он не страшный. Это балисонг. А вот этот меч действительно страшный.

Тарас дотянулся до длинного меча с рукоятью, обтянутой простой черной лентой.

– Это борей, русский меч. Копия, к сожалению, аналог мне достать не удалось, археологи его изучают. Копию же сделал мне мой приятель Саша. Но сделал так здорово, что им вполне можно сражаться. Ладно, я могу рассказывать об оружии долго, а ты замучилась. Располагайся пока. Вот твоя спальня, за печкой, она самая уютная. – Тарас откинул занавески, отгораживающие спальню от гостиной. – Здесь все чистое, стираное. Одежду вешай в шкафчик, вот вешалки. Если что надо будет переставить, поправить, передвинуть – сделаем. Переодевайся и будь как дома.

Он шагнул из спальни, но она удержала его, посмотрев серьезно и пытливо.

– Здесь кто-нибудь спал... до меня?

– Когда-то спал я, – ответил так же серьезно Тарас, – когда был маленький. Иногда останавливалась бабушка. И все. А что?

Тоня с облегчением вздохнула, отпустила его рукав, порозовела под его взглядом.

– Ничего... я суеверная. Иди, я буду переодеваться.

Сбитый с толку Тарас поплелся на кухню, размышляя над странной обмолвкой девушки, потом встряхнулся, переоделся сам и в гостиную вернулся уже с подносом, на котором стояли фарфоровые чашки из маминого сервиза с перламутровым отливом, кофейник, сахарница, конфеты и печенье. Тоня в халатике, превратившем ее в худенькую девочку-подростка, перестала рассматривать оружие и забралась с ногами в любимое кресло Оксаны. Тарас устроил поднос на журнальном столике, разлил по чашкам кофе, сел в другое кресло, собираясь провести вечер так, как мечтал еще в Чечне, и в это время кто-то вошел в дом.

Тарас напрягся, включая внутреннее зрение, и с сожалением вспомнил, что не забрал у Оксаны ключи.

В сенях что-то стукнуло, простучали по половицам каблучки, дверь в гостиную распахнулась, и на пороге появилась Оксана с тортом в одной руке и сумочкой в другой.

– Вот и я...

Она увидела Тоню, и улыбка сползла с ее красивых, полных, умело подкрашенных губ.

– Ты... не один?!

Тарас аккуратно поставил чашку на поднос, посмотрел на Тоню, лицо которой изображало простодушное любопытство.

– Это Оксана, моя... приятельница. Работает в фитнес-клубе. – Он посмотрел на позднюю гостью. – Оксана, это Антонина, дочь друга моего учителя, погибшего в Чечне три дня назад.

– Да уж вижу, – прикусила губу Оксана, не слушая его. – Надо же, какая незадача. Я думала, тот случай в клубе не отразится на наших отношениях. – Она смерила Тоню пренебрежительным взглядом. – Это же пигалица, что ты в ней нашел?

– Извини, Тошка, она иногда неудачно шутит, – глянул на Тоню Тарас, встал, поворачиваясь к Оксане. – Может быть, разденешься, присядешь с нами, поделишься новостями?

– Вот барахло! – хмыкнула Оксана, нехорошо улыбаясь. – Я как дура мчусь сюда, покупаю шампанское, торт... а он с какой-то пигалицей кейфует!

– Оксана!

– Что Оксана?! – взъерилась барменша. – Я с Григорием всего два раза встречалась, и не дома, как ты! Подумаешь, увидел в клубе, скандал устроил! А у самого губа не дура! Решил компенсировать? – Она вдруг с размаху шмякнула торт на пол. – Где ты ее подобрал?! Да я тебе сотню таких...

Тарас вдруг оказался рядом, подхватил Оксану под локоть и стремительно вывел из гостиной, так что она не сразу поняла, что происходит. В сенях он сказал, глядя ей в глаза, пытаясь мысленно-волевым усилием успокоить женщину:

– Это дочь прокурора! Ее отца убили! Она будет жить у меня... какое-то время. Если не хочешь остаться в ее глазах хамкой, извинись.

– Да пошел ты! – махнула рукой сникшая Оксана, поворачиваясь к двери; возбуждение схлынуло, глаза ее потухли. – Знаем мы этих дочерей... Так хорошо все было... а ты взял и испортил...

Она открыла дверь, оглянулась, разглядывая Тараса с язвительной улыбкой и одновременно с завистью:

– Желаю приятно потрахаться.

Вышла, изо всех сил хлопнув дверью.

Тарас постоял немного, провожая гостью мысленным взором. Щеки горели. Было неприятно, горько и стыдно.

Вздохнув, он вошел в гостиную, остановился у порога, встретив взгляд Тони, развел руками.

– Извини...

– Я понимаю, – тихо проговорила девушка. – Догони ее, объясни. Она любит тебя, простит... У Екклесиаста есть изречение: нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил.

Тарас покачал головой и вдруг засмеялся. Она посмотрела на него с удивлением.

– Я что-то не так сказала?

– Все так, Антонина Антоновна, особенно касательно греха. Грешен я, чего уж там. Только все дело в том, что не любит она меня. Себя больше любит. Так что не переживай.

– А ты ее?..

Тарас заглянул в глаза девушки, в которых плавилась грусть, сомнения и ожидание чуда. Подошел вплотную, опустил перед ней на корточки.

– Ты мне веришь?

– Не знаю. – Она виновато улыбнулась. – Скорее да, чем нет. Дядя Елисей говорил, что ты иногда торопишься...

– К сожалению, бывает. Но ведь это не самое худшее качество мужчины?

Она порозовела.

– Я не встречалась с мужчинами... и даже с парнем не дружила.

– Я знаю, бабушка говорила. Выйдешь за меня замуж?

Глаза Тони сделались большими. Она изумленно посмотрела на него и даже засмеялась от неожиданности, покачала головой.

– Кажется, дядя Елисей был прав, ты действительно иногда торопишься.

Тарас улыбнулся, чувствуя облегчение, радость и легкое головокружение. Не говоря ничего прямо, Тоня уже ответила.

– Я подожду, – сказал он с твердой уверенностью, поклявшись в душе ждать столько, сколько понадобится. Главное теперь было не обидеть ее – ни словом, ни делом. Сердце еще в Чечне подсказало, что это – о н а, настоящая...

Глава 19

ПЛАНОВ ГРОМАДЬЕ

Все ночные попытки спуститься в прошлое, досмотреть сцену исследования предком «одуванчика» – Говорителя Слова Власти, не удались. Организм отказывался выполнять волевые приказы хозяина и в измененное состояние медитативного прорыва в бессознательное не входил. То ли Тарас упускал из виду какую-то важную деталь трансовой практики, то ли мешали мысли о Тоне и о появлении Оксаны, закончившемся некрасивой сценой.

Дважды Тарас выходил во двор, прислушивался к тишине ночи, смотрел на звезды в разрывах облаков, успокаивался, но так с предком и не повстречался. Раздосадованный, приказал себе заснуть и пролежал в одной позе до утра в полусне-полуяви, сотканной из обрывков незапомнившихся снов.

Проснулся он в начале седьмого от громкого тархтения: сосед напротив заводил свой старый автомобиль. Вообще с соседями Тарасу повезло, в основном это были люди трудолюбивые и добрые. Но далеко не тихие и очень суетливые. Бывший тамбовец Сергей купил дом через улицу еще в прошлом году. Семья у него была дружная – жена и четверо детей, и каждый раз, когда он уезжал на работу, каждый из них считал своим долгом выбежать на улицу и крикнуть какие-то приятные слова. Естественно, о тишине речь не шла, просыпалась вся улица и, наверное, соседний микрорайон многоэтажек.

Сергея пытались увещевать соседи, дважды навещал участковый инспектор, ему грозили и даже били, но все оставалось по-прежнему: в начале седьмого утра этот вечно озабоченный толстячок, незлобивый по натуре, но упрямый и замкнутый на свои проблемы, начинал заводить свой древний «Москвич» с проржавевшей выхлопной трубой, а его домочадцы, пытаясь перекрыть грохот, дружно орали ему приветствия.

Тарасу эти звуки не мешали, он умел отстраиваться от любого шума, но теперь у него жила Тоня, и следовало побеспокоиться о том, чтобы по утрам ее никто не будил. Он встал, натянул спортивный

костюм, надеясь, что девушка не проснулась, и тихонько выскользнул из дома.

Машина Сергея выезжала задним ходом со двора, сопровождаемая громким и противным синтезированным голосом: «Пожалуйста, осторожнее, моя машина едет назад! Пожалуйста, осторожнее, моя машина...»

Тарас зашел с левой стороны и точным движением повернул и выдернул ключ зажигания.

Машина заглохла, стало тихо. Дети во дворе – от двенадцати лет до пятнадцати, жена и сам хозяин оторопело уставились на соседа, которого видели мельком всего пару раз.

– Стало быть, расклад такой, – сказал Тарас, нажимая на горловые интонации и сопровождая речь волновым покачиванием рук. – С сегодняшнего дня шумный базар по утрам отменяется. Встаете тихо, садитесь в свою колымагу и так же тихо едете на работу. Никто не кричит, никто не стучит и в барабаны не бьет! Вокруг вас живут не скоты и не лесные звери, а люди. Вам понятно?

Сергей закрыл рот, мотнул головой, наивно округлил глаза:

– Но это мой дом, что хочу, то и...

Тарас вонзил заледеневший взгляд в глаза толстяка и тяжело, угрюмо, грозно проговорил, передавая импульс гипнотического воздействия:

– Вы будете жить так, чтобы не мешать другим! Это закон! Повторите!

Сергей побледнел, сглотнул слюну:

– Это закон...

– Великолепно! Некоторое время вас будет тянуть поддерживать шумные традиции, но каждый раз при этом у вас будет болеть голова. Повторите!

– У меня будет болеть голова...

– Отлично! В конце концов вы поймете, что шум – та же агрессия, сродни бандитской, и вести себя надо тихо. А теперь пара практических советов. Немедленно отключите этот дурацкий громкоговоритель заднего хода! Иначе вам когда-нибудь побьют за это фары или стекла.

– Уже били, – бледно улыбнулся Сергей.

– Значит, не помогло, болезнь серьезно запущена. Идиотизма не любит никто, даже сами идиоты. А выхлопную трубу почините сегодня же. А лучше поменяйте эту рухлядь на более приличную тачку.

– Она еще бегают вонсю...

Тарас усмехнулся, понимая, что не у каждого водителя есть средства на покупку хорошего авто, а ездить хочется всем.

– Тогда почините машину и заводите ее в сарае, чтобы не так слышно было, ведь трещит, как тракторный стартер. Договорились?

– Э-э... м-м... – Толстяк посмотрел на жену, такую же толстую, как и он сам. Та спохватилась, закричала:

– Что вы к мужу пристали?! Бандит! Я сейчас милицию вызову! Отойди от машины!..

Тарас шагнул к ней навстречу, поднимая ладони, глаза его вспыхнули тигриным блеском.

Женщина споткнулась, замолчала, вытаращив глаза.

– Успокойтесь, – сказал он глубоким голосом. – Соблюдайте правила гражданского общежития, не шумите и не кричите. И всем будет хорошо. Договорились?

– Договорились! – в один голос отозвались потрясенные соседи.

– Ну и ладушки. – Тарас вернул ключ Сергею, не спеша направился домой, размышляя, подействует на них внушение или нет.

Но криков больше не было. Через минуту Сергей завел свой тарантас и уехал. На улицу вернулась утренняя тишина.

Надеясь, что Тоня еще спит, Тарас тихонько вошел в гостиную и наткнулся на гостью, одетую в купленный вчера спортивный костюм, умытую и энергичную. Девушка вытянула вперед ладошки и низким голосом протянула:

– З-здрра-а-аво-о-о...

Тарас улыбнулся, радуясь ее настроению, ответил тем же, но глубже и мощнее, так что отозвались стаканы и рюмки в буфете:

– З-дрра-а-а-во-о-о!..

Она округлила глаза, ахнула, засмеялась.

– Как здорово! Внутри все задрожало! Я так не смогу.

– Все равно похоже. Это звуковая мантра энергетической накачки, очень сильно влияет на здоровье. Если будешь по утрам петь «здорово»,

да еще в сочетании с мантрами «живо» и «добро», никогда не заболеешь.

– Шутишь, – не поверила Тоня.

– Я же не болею, – привел он веский аргумент.

– Тогда я тоже попробую. – Она откашлялась (господи, какая же ты непосредственная, милая, желанная! Он замер, вбирая сердцем ее прелестный образ) и пропела:

– Здрра-а-а-во-о-о... жи-и-и-во-о-о... до-о-обрро-о-о...

Прислушалась к себе, приподняла брови.

– Щекотно... внутри... и сердце бьется... так надо?

Он очнулся, засмеялся, схватил ее в охапку, совсем не думавшую сопротивляться, закружил по комнате и поставил на пол. Отступил на шаг, склонив голову и спрятав руки за спину.

– Прошу прощения, моя принцесса. Готов понести наказание за вольность.

Тоня задумчиво посмотрела на него, подступила вплотную, подняла голову; она была ниже, и лица их оказались совсем рядом.

– Ты не сделаешь ничего... без моего разрешения?

Он понял. Поклялся:

– Ничего, моя принцесса!

– Дай слово не торопиться.

– Даю слово!

– И дай мне время подумать, разобраться во всем... в тебе, в себе самой. Я не хочу начинать новую жизнь с ошибки.

– Согласен, моя принцесса.

– И прекрати называть меня принцессой!

– Слушаюсь, Антонина Антоновна!

Она засмеялась, он тоже, и Тоня убежала в душевую комнату. А он остался, продолжая улыбаться, чувствуя желание жить и строить «новую жизнь» в соответствии с изменившимися обстоятельствами. В памяти всплыли строки знаменитого стихотворения Некрасова:

Замолкни, Муза мести и печали!

Я сон чужой тревожить не хочу...

Хотя Тарасу не меньше нравились и другие:

Волшебный луч любви и возрождения!
Я звал тебя – во сне и наяву.

Он невольно оглянулся на дверь, за которой скрылось юное создание, еще не изведавшее любви. Может быть, Елисей Юрьевич отчасти прав, не желая связываться с бандитами, убившими его близких и пытавшимися убить его самого. В принципе, никакая ответная акция воскресить их не сможет. Но ведь и поэт опирался на какие-то моральные принципы, утверждая:

Той бездны сам я не хотел бы видеть,
Которую ты можешь осветить...
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть...

Он включил тихую музыку: под гитарные перезвоны пел романс Юрий Лоза – и выбрался во двор, где полчаса занимался «боем с тенью», тренируя удары из самых неожиданных положений и взрывную темповую технику «потопа». Тоня появилась во дворе, когда он уже «нейтрализовал тень» и продырявил рукой-копьем специально укрепленную на стене сарайчика пятисантиметровой толщины доску. Увидев округлившиеся глаза девушки, он «исчез», то есть переместился ей за спину на сверхскорости и уже из сеней позвал:

– Антонина Антоновна, ау!

Девушка изумленно оглянулась.

– Ты?! Но я же видела тебя... Там... Как это у тебя получается?!

– Тебе показалось. – Он не выдержал и фыркнул. – Успокойся, я не колдун и не маг, просто умею двигаться быстро. Займись завтраком. Все необходимое найдешь на кухне, в холодильнике.

Он скрылся в душе, умылся, побрился и вышел, уже одетый в светло-серый костюм, белую льняную рубашку с вышивкой, серые туфли. День обещал быть теплым и даже солнечным, пора было переходить на весенне-летнюю форму одежды.

Завтрак был уже готов.

На столе стоял салат из свежих овощей, дымились тарелки с манной кашей, а на плите шипела сковородка с омлетом. Тоня, разбурлявшаяся от тепла, в Оксанином фартучке, с ножом в одной руке и батоном хлеба в другой посмотрела на него вопросительно и тревожно.

– Ты бутерброды с колбасой по утрам ешь? Я в холодильнике не нашла...

– Я вообще мяса не ем, – успокоил ее Тарас, приносясь. – Люблю омлет... и кашу тоже.

– Правда? – обрадовалась девушка. – Я обожаю жидкую манную кашу! Мама ее часто готовила... – Она умолкла, съежилась, как от удара, лицо застыло, глаза потемнели. Это длилось несколько секунд. Затем с большим усилием, проглотив слезы и боль, Тоня закончила шепотом: – Вот я и приготовила...

Тарас подошел к ней, обнял, чувствуя, как она вздрагивает, пытаясь удержать слезы, справиться с собой, передал ей бесконечно мягкий и доброжелательный импульс, погладил по плечам, по спине, успокаивая. Тоня замерла, вздохнула горестно пару раз и расслабилась. Проговорила виновато, касаясь губами его груди:

– Я думала – умру... без мамы и папы... было так плохо... жить не хотелось! Если бы не дядя Елисей... и не ты...

– Ничего, все будет хорошо, малыш, – сказал Тарас. – Я с тобой.

Потом они завтракали в молчании, но приступ горя уже прошел, и Тоня чуть оживилась, осветленная энергопоток, к которому подсоединил ее Тарас. Дом его стоял в месте выхода положительной энергии земли, что намного увеличивало жизненный потенциал живущих в нем людей.

– Что мы будем делать сегодня? – спросила девушка.

– О, планов у нас – громадье, – отозвался он, допивая смородиновый кисель. – Сначала съездим в больницу, навестим моего племянника и друга Марата. Он классный теннисист и хороший парень, тебе понравится.

– А что с ним?

– Попал в аварию, руку поломал, – не стал говорить всей правды Тарас. – Потом съездим в Суриковский художественный институт, выясним, когда там начинаются приемные экзамены и что нужно для

поступления. Не уверен, что мы туда поступим, институт этот протекционный, но попробовать стоит.

– Ты же говорил, что составишь протекцию.

Он почесал в затылке, скрывая смущение.

– Понимаешь, я хотел произвести на тебя впечатление... В Суриковке у меня знакомых нет, а вот в Московском академическом художественном училище имени Тысяча девятьсот пятого года, его еще называют «девятьсот пятым», – есть. Между прочим, это училище заканчивали многие наши знаменитые художники – Церетели, Шиловский, Слободенюк, Захаренков.

– Училище сильно отличается от института?

– Художественное – мало. Можно закончить училище, а потом поступить в Российскую академию живописи и зодчества на Мясницкой, если, конечно, иметь желание.

– Желание у меня есть, – серьезно сказала Тоня. – Только я не хочу ни у кого сидеть на шее. Если там есть заочное отделение, тогда буду поступать на заочное, чтобы учиться и работать.

– Само собой, – кивнул Тарас, улыбнувшись в душе. Он совершенно точно знал, что работать ей ради пропитания не придется.

Зазвонил телефон.

Гадая, кто это мог быть, Тарас вышел в прихожую, снял трубку.

– Тарас Витальевич? – заговорил характерный женский голосок. – Здравствуй, хорошо, что я вас застала. Шеф хочет вас видеть.

Тарас узнал секретаршу Самсонова.

– Доброе утро, Женечка. А нельзя ему доложить, что ты меня не нашла? Я же в отпуске.

– К сожалению, очень важное дело, он просил вас приехать как можно быстрее.

– Что за дело?

– Какое-то жутко секретное и действительно важное.

– Хорошо, – со вздохом сказал Тарас. – Раз надо, значит, надо, еду.

Положив трубку, он вернулся на кухню.

– Тошка, меня срочно вызывает главный экоголик, побудешь одна? Я бы взял тебя с собой, да не знаю, когда освобожусь.

– Конечно, без проблем. У тебя классная библиотека, я с удовольствием покопаюсь в ней. Да и рисовать хочется. Можно я свои рисунки в спальне повешу?

– Делай все, что пожелаешь, ты здесь хозяйка. Когда вернусь, мы поедем, куда наметили.

Он вывел «Вольво» из гаража, закрыл ворота и двери на замки и погнал машину в сторону МКАД. По кольцу на работу было ехать в два раза дальше, зато дорога через центр требовала по причине кучи светофоров и обязательных пробок больше времени.

В офисе НКЭБ он появился через сорок пять минут, сразу направился к Юлиану Львовичу, не заходя в свой кабинет. На месте секретарши сидел незнакомый молодой человек в лиловом костюме с ярким зеленым галстуком.

– А где Женечка? – поинтересовался Тарас, чувствуя неясное беспокойство.

– А вы кто? – вопросом на вопрос ответил молодой человек.

– Горшин я, мне позвонила секретарша и сказала, что меня вызывает Юлиан Львович по важному делу.

Молодой человек странно посмотрел на него.

– Это какая-то ошибка. Женя взяла неделю отпуска на сдачу экзаменов, а Юлиан Львович в командировке в Питере.

Сердце дало сбой. Мгновение Тарас стоял неподвижно, вспоминая, что ему не понравилось в голосе секретарши, затем стремительно подошел к столу, взял трубку телефона и набрал свой домашний номер.

Тоня отозвалась через две минуты.

– Але, слушаю...

– У тебя все в порядке? – быстро спросил Тарас. – Никто в дверь не звонил, к дому не подъезжал?

– Останавливалась какая-то машина, маленький фургон, моему, мороженое возит, и уехал. А что?

– Никому не открывай, на звонки не отвечай, к окнам не подходи. Я скоро приеду. Услышишь, что подъезжает машина, не выходи. Поняла?

– Что случилось?

– Слава Богу, пока ничего. Жди.

Тарас передал трубку ошеломленному его бесцеремонностью молодому человеку и так же стремительно вышел из приемной, ничего не объясняя временному секретарю Самсонова.

К дому он подъехал через двадцать четыре минуты, побив все рекорды движения по Москве, нарушив все правила дорожного движения, какие только существовали, и ухитрившись при этом не попасться на глаза инспекторам дорожно-постовой службы. Выскочил из машины, бросился к дому и резко остановился, почуяв дуновение угрозы. Японцы называли это ощущение сакки – «ветром смерти».

Что-то было не так. На природе – на улице, на заборе, на самом доме лежала печать опасного ожидания.

Усилив воли изменив состояние сознания, включив «третий глаз», Тарас огляделся и сразу увидел след. Не понадобилось даже формировать поле необходимости получения информации. След вел к крыльцу и обратно, однако угол крыльца светился в ментальном диапазоне, и Тарасу стало ясно, что гости из «фургона с мороженым» оставили здесь какой-то сюрприз. То есть взрывное устройство.

На раздумья времени не оставалось. Вполне возможно, кто-то из «мороженщиков» наблюдал за домом и держал палец на кнопке радиовзрывателя. Надо было действовать. Либо вызывать специалистов-подрывников, либо попытаться разминировать устройство самому. И оба варианта не давали гарантии, что взрыва удастся избежать. Конечно, можно было еще попробовать вычислить наблюдателя и взять его втемную, однако поблизости мог находиться дублер, и захват одного из них задачи не решал. Оставалась одна возможность, экзотическая, но едва ли учтенная разработчиками операции, – скорость. Надо было выпасть из поля зрения подрывников на несколько секунд, чтобы добраться до крыльца, найти мину и отбросить ее подальше от дома.

Тарас сделал вид, что забыл что-то в машине, вернулся, открыл багажник и начал копать внутри, настраивая себя на предельный режим т е м п а. При реализации этого уровня главное было – не получить автотравмы, то есть не травмировать себя самого своим же движением, так как во время ускорения возникают огромные силы, сжимающие тело в тугие, спирально закрученные узлы. Особенно это касалось позвоночника, коленных и локтевых суставов. Надо было выстроить позвонки позвоночного столба с математической точностью, распределить усилия, приходящиеся на межпозвоночные диски, на суставы, на кости и мышцы и только после этого включать темп. Обычно необходимое состояние тела достигается после

четвертьчасового разогрева и разминки, в данный же момент этих пятнадцати минут у Тараса просто не было.

Процесс пошел.

Время послушно застыло.

Первый рывок – от машины до калитки – пять метров (одна сотая секунды). Боль в толчковой ноге и в шейных позвонках. Удар ускорения был слишком велик.

Второй рывок – от калитки до крыльца – восемь метров (две сотых секунды). Боль в бедре – потянул мышцы все-таки, боль в голеностопе второй ноги, кажется, вывих. Ничего, терпеть можно.

Вот и крыльцо, деревянные перильцы, ступеньки, пол... где же сюрприз?! Ничего не видно! А сотые доли секунды утекают одна за другой, и это уже необратимо... Тарас представил, как наблюдатели только теперь заметили его отсутствие у машины, у них начинается паника: глаза открываются шире, дыхание прерывается, сердце дает сбой – обычная физиологическая реакция на неожиданность, а это, господа хорошие, – время, десятые доли секунды, так необходимые для решения задачи... Господи, где же они установили машинку?! Ага... вот что-то светится у столба, за доской верхней ступеньки... они ее вынули осторожненько и засунули в щель сюрприз...

Доска поддалась (три сотых секунды)...

Пакет полиэтиленовый... интересно, как долго срабатывает взрыватель? Полсекунды? Меньше?..

Пакет в руке легкий, не больше килограмма, но если там пластит – рванет так, что рухнет весь дом! Куда его?..

Тарас огляделся, считая сгорающие угольки сотых долей секунды. Со времени первого рывка прошло чуть больше полутора секунд, подрывники должны были уже заподозрить неладное... Куда же девать теперь этот проклятый пакет?!

Только теперь он сообразил, что бросать мину подальше от дома нельзя, могут пострадать случайные прохожие, да и соседние дома. Что же делать?!

Тарас прыгнул назад, к калитке, – одна десятая секунды. Много! Силы уходят, т е м п снижается! Еще полсекунды – и все, мина взорвется! Что дальше?..

Перед глазами возникла картина: палец подрывника, грязный, с заусенцами, вдавливают кнопку радиовзрывателя...

К дьяволу!

Еще рывок...

Что это? Канава... на дне вода... дренаж!

Тарас прыгнул в канаву и сунул пакет в дренажную трубу, пронизывающую бетонную перемычку въезда на территорию дома. Теперь ходу отсюда!..

Он метнулся назад, к машине, вскочил в кабину, вдавил педаль газа... хорошо, что не выключил двигатель, но как же медленно она разгоняется!..

Взрыв раздался, когда между воротами и машиной образовался просвет в два десятка метров. Перед воротами вырос невысокий фонтан дыма, обломков бетона и комьев земли. Взрывная волна ударила вдоль канавы в обе стороны, толкнула «Вольво» в корму, но не сильно. Взрывное устройство была рассчитано на поражение одного человека и, скорее всего, представляло собой тротильную шашку весом в полкилограмма. Засунутая в узкую трубу, она смогла лишь взломать бетонное перекрытие въезда, не повредив даже ворот и калитки.

Тарас вернулся к дому, сдав назад, бросился к крыльцу, на котором появилась Тоня. Едва ли среди подрывников находился еще и снайпер, но лучше перебдеть, чем недобдеть, как говаривал Козьма Прутков, и, подхватив испуганно-недоумевающую девушку на руки, он внес ее в дом.

* * *

Представители правоохранительных органов уехали через два часа, задав необходимое количество вопросов свидетелям взрыва – Тарасу, Тоне, соседям и двум прохожим, оказавшимся неподалеку, а также изучив место взрыва со специалистами по взрывному делу. В конце концов следователь пришел к выводу, что случившееся – результат детской шалости, точнее – хулиганства. Подростки соорудили бомбу и взорвали ради эксперимента в дренажной трубе.

Тарас не возражал против такой постановки вопроса, согласившись с версией следователя. Она была самой удобной для

всех, в том числе для него самого, так как позволяла ничего не объяснять и на все вопросы отвечать пожиманием плеч.

Не поняла, в чем дело, и Тоня, с бесхитростным видом сообщившая следователю, что спала и почти ничего не видела. О фургоне с мороженым она, по совету Тараса, ничего не сказала. Он был убежден, что чем меньше видишь, тем спокойнее спишь. Вдобавок он хотел заняться поисками «мороженщиков» самолично. Бомба готовилась для него, и неудавшееся покушение наверняка должно было подстегнуть организаторов сделать еще одну попытку.

После отъезда работников милиции и прокуратуры Тарас засыпал дыру перед воротами землей и песком, чтобы можно было заехать на машине во двор, затем позвонил знакомому в «девятьсот пятом» училище, и они поехали с Тоней на Суцевский Вал, где располагалось Московское государственное академическое училище имени 1905 года.

Приятель Тараса, Николай Прапорщиков, преподающий первокурсникам основы изобразительного искусства, с любопытством просмотрел рисунки Тони и доверительно сообщил, что «с таким талантом шанс у девочки есть».

– Но экзамены придется сдавать на общих основаниях, – добавил он виновато. – Я поговорю кое с кем в приемной комиссии, все-таки гибель родителей – серьезная вещь, но это вряд ли освободит ее от...

– Без проблем, – перебил Николай Тарас. – Будем двигаться вперед прямо, но честно. Она сдаст экзамены, я уверен, просто надо, чтобы экзаменаторы отнеслись к ней нормально.

– Это я гарантирую.

– Отлично, больше ничего и не требуется. А выхода на Суриковский институт у тебя нет?

– Почему нет? Моя двоюродная сестра там работает, правда, в бухгалтерии, зато всех знает. Но я бы посоветовал поступать к нам, преподавательский состав у нас не хуже, а требования послабее.

– Нужна программа подготовки.

– Сделаем, – пообещал Николай, на которого явно подействовали работы Тони. – Я подготовлю экзаменационные материалы и позвоню.

Они посидели еще несколько минут в баре училища, потом Николай показал им здание, музей, аудитории, мастерские, и гости покинули учебное заведение, интерьеры и атмосфера которого весьма сильно подействовали на Тоню.

– Я согласна, – сказала она, когда Тарас вез ее по Москве к еще одному знакомому, работающему в турагентстве «Четыре сезона». – Мне там понравилось. Как ты думаешь, я поступлю?

– Без всяких сомнений, – уверенно сказал Тарас. – Русский язык и литературу мы до июня с тобой подтянем, а художественного конкурса ты бояться не должна.

Тоня примолкла, все еще находясь под впечатлением знакомства со своей мечтой, и Тарас постарался занять ее разговорами, чтобы не дать овладеть сомнениям и отвлечь от безрадостных воспоминаний о родителях и о взрыве у ворот дома. Поэтому Марата он решил в этот день в больнице не навещать.

Вскоре они подъехали к старому зданию на перекрестке Миусской улицы и Второго Тверского-Ямского переулка. Тоня очнулась, завертела головой.

– Куда мы направляемся?

– В туристическое агентство, – сказал Тарас, вылезая. – У меня возникла идея. Начальник дал мне отпуск, ты в настоящее время не обременена особыми заботами, так почему бы нам не махнуть в круиз?

– Ты серьезно? – засомневалась девушка.

– Более чем. Здесь работает мой старый друг, – он кивнул на блестящую медную доску с надписью «Туристическое агентство «Четыре сезона», – вместе когда-то служили в армии, он поможет нам выбрать маршрут. Куда бы ты хотела поехать? На Черное море или на Балтику?

Тоня смутилась.

– Я никогда не была на море... мне все равно. Может быть, на юг? Там теплее.

– На юг так на юг, – улыбнулся Тарас, открывая дверь и пропуская девушку вперед.

Глава 20

ТРЕТЬЯ ПОПЫТКА

Напряжение последних дней было таким сильным, что, вернувшись в Москву, Елисей Юрьевич с трудом справился с гипертоническим кризом, хотя и появлялась мыслишка не сопротивляться и уйти в мир Нави, где его ждали жена и мама. Тем не менее ночь и следующий день после похорон, проводив брата и других родственников, Смирнов провел в полной прострации, не отвечая на звонки и не вставая из кресла. Он не умер, но и не жил все это время, пребывая в странном состоянии полусна-полуяви, бессистемно блуждая по этажам памяти и не задерживаясь ни на одном. В сорок лет он начал ценить время, в пятьдесят – тишину, в шестьдесят – одиночество, но никогда не думал, что оно может быть таким оглушающе-бессмысленным.

Он терял за свою жизнь многих: дедов и бабушек, отца, близких по роду и мысли людей, приятелей и друзей, однако последняя потеря была больней и горше всех, а винить в этом он мог только себя. Не надо было отпускать Веру к матери, надо было вовремя поехать в Чечню самому и забрать маму в Москву. Хотя вряд ли это остановило бы холуев босса «Купола», за которым маячила тень Монарха Тьмы. Конкере!

Елисей Юрьевич сжал пальцы в кулак, посылая в небо молнию проклятия, расслабился, горько усмехнулся. Можно было попытаться самостоятельно выйти на президента «Купола», однако справиться с ним в одиночку нечего было и мечтать. Не хватило бы ни душевных сил, ни энергии, ни знаний, ни ненависти, ни навыков «живы». Ни желания...

Он снова впал в транс, из которого его вывела тихая трель телефона. Встать из кресла оказалось делом непростым, но, судя по свечению трубки, звонил кто-то из знакомых. Елисей Юрьевич добрел до столика с телефоном, снял трубку и услышал голос Горшина. Ученик сдержанно поздоровался, осведомился о здоровье и сообщил, что они с Тоней решили совершить круиз по Черному морю на теплоходе «Айвазовский».

– Правильное решение, – сказал Елисей Юрьевич, преодолевая слабость, безразличие ко всему на свете и нежелание жить. – Здесь тебя попытаются локализовать определенные силы, поэтому лучше уехать на какое-то время, ослабить пресс давления. О вашем решении никто не знает?

– Только мой знакомый из турагентства.

– Будь внимателен, научись думать спинным мозгом, он обрабатывает информацию на шесть-семь порядков быстрее, чем голова.

– У вас есть рекомендации, как это делается? – осторожно поинтересовался Тарас.

– Вся эта информация лежит на полках твоей памяти, твои предки – защитники и воины – наверняка умели думать всем телом. Найди нужные тексты, прокачай через сознание, хотя и не увлекайся особенно. Без тщательной подготовки очень легко промахнуться и подсоединиться не к той иерархии с и л.

– Вы имеете в виду уровни воздействия на...

– Мы беседовали на эту тему. Существует иерархия «сфер света» – от уровня Метатрон или...

– Ангел Присутствия. Да, я помню.

– До уровня Армагеддон, – продолжал Елисей Юрьевич. – Что означает Гнев Бога. Однако же это все-таки Божественный Гнев, имеющий воспитательную цель, если не углубляться в каббалистику философии. Но есть и другая иерархия – сил Тьмы, от Чайгидиель, что означает Дьявольская Мудрость, до Тогарини...

– Дьявольская Красота, – закончил Тарас после недолгого молчания. – Я понял, учитель.

– Тогда удачи и радости тебе, воин. Вернешься – позвони.

С минуту Елисей Юрьевич сидел у телефона, сжимая в руке трубку и ни о чем не думая. Будто из него вынули стержень, поддерживающий мыслительные процессы. Потом, пожелав Горшину в душе, чтобы его сопровождал канал «демпфирования неприятностей», вострепнулся. Появилось желание погрузиться в бездны родовой памяти и выйти на Аморфов, разумных Первосуществ, некогда, миллиарды лет назад, завоевавших Землю задолго до появления людей и даже их прямых предков – Инсектов.

Конечно, с человеческой точки зрения, Аморфов не то что разумными, но и живыми-то назвать было трудно, каждый из них больше напоминал гору, а вместе они опоясывали Землю странной формы черными хребтами. Они были свободны в своих устремлениях, легко перемещались в пространстве и времени, способны были создавать миры и разрушать их. По человеческим меркам Аморфы были всемогущи, однако по какой-то причине не использовали свое могущество на Земле, не преобразовывали ее и тихо ушли в небытие, не оставив после себя никаких следов. Кроме одного.

Этим «следом» были люди, нынешнее поколение разумных существ.

Елисей Юрьевич не знал причин, заставивших Аморфов из всех видов Инсектов выбрать и трансформировать именно вид блаттоптера сапиенс, тараканов разумных, но уже не раз приходил к мнению, что Аморф, совершивший этот грандиозный эксперимент, был либо братом Монарха Тьмы, либо самим Монархом. И, возможно, именно он остался на Земле единственным представителем класса Аморфов, пережив их всех.

Может быть, была и другая причина исчезновения Предтеч. Во время изучения Хроник Круга Елисей Юрьевич не раз натыкался на «заблокированные файлы», хотя мог бы, наверное, взломать защиту и стать обладателем истинного – и очень опасного! – знания. Но не сделал этого и тому же учил своих учеников. Тарас Горшин последовал его советам, а вот Дима Щербань – нет, и в одной из последних бесед с ним Елисей Юрьевич с болью понял, что ученик кое-что знает об Аморфах. Тогда он спросил Дмитрия об этом в лоб и получил ответ:

– Естественно, знаю, это не такой уж большой секрет. Аморфам казалось, что Вселенная создана только для них, что они являются главными ее обитателями и устроителями. Они начали создавать особые зоны удовольствий, нечто вроде наших компьютерных игровых программ, где могли надолго отрешиться от дел и забот. В конце концов большинство расселилось по этим «зонам» и исчезло, оставшиеся же потеряли всякий интерес к жизни. Они могли все и не хотели ничего. Так погибла культура Аморфов. – Дима подумал и добавил: – Кроме, пожалуй, одного из них. Я еще не совсем разобрался. Неужели вы этого не знали, учитель?

– Откуда ты это узнал? – проигнорировал последний вопрос Елисей Юрьевич. – Знания об Аморфах засекречены.

– Я не хакер, – засмеялся Дмитрий. – Мне помогли. Я даже знаю, почему Аморфы изменили Инсектов. Имея Говорители Слов Власти, преобразующие реальность по их усмотрению, Инсекты начали создавать реальность, в которой не было места ни Аморфам, ни им самим, ни планетам и звездам. Земля могла исчезнуть во время их конфликтов, и тогда оставшиеся Аморфы, пробудившись, совершили Изменение. Что привело к коллапсу культуры Инсектов.

– Взламывание секретных файлов Хроник не есть этически идеальное деяние.

– Да плевать я хотел на этику Хранителей, – махнул рукой Дмитрий. – Все они старые пердуны и тоже близки к тому, чтобы исчезнуть, как Аморфы...

С того разговора и началась размолвка между учителем и учеником, выбравшим свой путь к самореализации. К сожалению, темный путь. Вскоре Дмитрий ушел и оказался уже в стане тех, кто шел к абсолютной власти на Земле, не считаясь ни с чем и ни с кем...

Елисей Юрьевич отогнал неприятные воспоминания, сосредоточился на вхождении в регулируемый и контролируемый сознанием транс. Идея спуститься «вниз» по линии родовой памяти до предка-Аморфа и выяснить у него базовые символы Дэванагари – праязыка, с которого начинался метаязык разумных существ на Земле, обрела необходимое духовное обоснование. Только зная все восемнадцать Ключей смысла и семантические поля метаязыка, можно было перейти на другой уровень иерархии Круга и стать адептом, не доступным для физических методов устранения.

Однако он не успел создать «истинный крест пространства и времени», дающий защиту на время отключения сознания, кто-то позвонил в дверь. Елисей Юрьевич не сразу сообразил, что звонят ему. Запустил «щупальце узнавания», обшаривая им лестничную площадку, лифт и весь дом. Вздохнул даже с каким-то разочарованием: гость был один и особой угрозы не представлял, хотя и работал на секретный отдел службы.

Елисей Юрьевич открыл дверь.

Перед ним стоял полковник Гольдин, начальник Управления собственной безопасности ФСБ. Елисей Юрьевич встречался с ним

пару раз на совещаниях, однако не относил его ни к числу своих друзей, ни к числу недоброжелателей и вообще не питал к нему каких-либо определенных чувств. Полковник имел репутацию зануды и классного преферансиста, которого было трудно обыграть не только в силу опыта, но и в силу специфического образования: в свое время Станислав Гольдин закончил мехмат Казанского университета и слыл прекрасным математиком.

— Один? — спросил он, кивая на прихожую; полковник со всеми коллегами разговаривал на «ты», даже с директором.

Елисей Юрьевич отступил.

— Заходи.

— Я ехал мимо и решил заглянуть. Есть пара вопросов, которые хотелось бы прояснить. Ах да, извини, — спохватился полковник. — Прими мои искренние соболезнования по поводу гибели твоей жены.

Елисей Юрьевич кивнул, сжав зубы, усадил гостя на диван в гостиной, принес чашки, чайник, сахар и лимон.

— Бутерброды, сыр?

— Не надо, я с лимончиком тепленького хлебну. Дрянь погода! Не апрельская. Обещали потепление, а температура выше восьми градусов не поднимается.

Они поднесли чашки к губам, отпили по глотку.

— Плохо выглядишь, — равнодушно сказал Гольдин. Он был небольшого роста, но плотный, осанистый, круглоголовый, с залысинами, с умным взглядом черных глаз. — Взял бы недельку-другую для отдыха.

— Я подумаю, спасибо за заботу. Что за вопросы ты хотел прояснить?

— Их всего два. — Полковник отпил полчашки чая, посмотрел сквозь нее на свет и поставил. — Первый: откуда у тебя сведения по Жмутенко? В штабе его знают как хорошего специалиста и честного офицера.

— Я видел его в компании с Гелаевым. — Елисей Юрьевич не стал говорить всей правды и вмешивать в это дело Горшина.

— Где?

— В Грозном, в развалинах тракторного завода, откуда начинается подземный ход к базе Гелаева.

– По нашим сведениям, полевой командир Гелаев погиб при странных обстоятельствах.

Смирнов выдержал острый взгляд собеседника, невозмутимо пожал плечами.

– Надеюсь, мое сочувствие не требуется?

– Извини, я понимаю, у тебя такое горе, а я снова ворошу прошлое. Но это моя работа, Елисей, я и рад бы тебя не трогать, да не могу. Хотелось бы выяснить, откуда идет утечка информации. В твою встречу с Гелаевым – я имею в виду контакты Жмутенко и Гелаева – я не верю, но откуда-то ты знаешь об этом?

– Как тебя понимать? – насторожился Елисей Юрьевич.

Гольдин усмехнулся.

– Как говорил Оскар Уайльд: «Я живу в постоянном страхе, что меня поймут правильно». Дело в том, дорогой коллега, что подполковник Жмутенко работает на нашу контрразведку и никак не мог быть связан с Гелаевым.

– Значит, я видел не его, – сухо сказал Елисей Юрьевич.

– Тогда кого?

– Это допрос? – еще холоднее спросил Смирнов.

– Ни в коей мере, – запротестовал Гольдин, выставляя перед собой ладони. – Но ради выяснения обстоятельств дела эти вопросы надо решать немедленно. Я их только озвучил, а главное заинтересованное лицо – начальник Управления «Т» генерал Молчанов. Он сейчас у себя, поехали к нему, побеседуем, поспорим, а? Как говорится, в спорах рождается истина.

– Это заблуждение. В споре истина не рождается, а познается, проясняется, рождается же она помимо спора.

– Ну все равно, поехали. Заодно и пообедаем, твой чай не спасет меня от голода.

– Хорошо, поехали, – подумав, согласился Елисей Юрьевич, отказавшись решать в уме загадки службы гостя. – Я и сам хотел попасть на прием к Молчанову. Только придется завернуть на бензоколонку, у меня бензин почти на нуле.

– Поедем на служебной «Волге», я ее не отпустил. Она же тебя и обратно отвезет.

Елисей Юрьевич кивнул, не обнаружив подвоха. Вернулось тоскливое настроение ненужности и равнодушия. Ни одна беседа с

начальством, ни одна операция контрразведки не могла воскресить Веру и маму, остальное было не главным.

– И вообще, мы можем пообедать в Думе, – продолжал развивать тему Гольдин, пока они спускались во двор дома. – Я предпочитаю депутатскую кухню, а не нашу: и выбор больше, и дешевле.

– Я не хочу, – буркнул Елисей Юрьевич. – Могу подождать в машине.

– Зачем же, тогда поедem к нам, я потерплю.

Они вышли во двор, где среди подержанных иномарок и потрепанных «Лад» стояла черная «Волга» с флажком на капоте. Гольдин направился к ней, заводя разговор о преимуществах депутатского положения по сравнению со своим. Елисей Юрьевич слушал вполуха, находясь в зыбком равновесии яви и небытия. Снова накатило глухое состояние одиночества и тоски, захотелось скрыться с людских глаз, никого не видеть и ни с кем не разговаривать. Потом сквозь эту глухую стену пробился тоненький голосок тревоги, и Смирнов очнулся, чтобы оценить подсказку интуиции. Однако сделать практически ничего не успел, только сообразил, что его ждали.

До машины Гольдина оставалось всего с десятков шагов, когда вдруг распахнулись дверцы стоящего неподалеку микрофургона «Баргузин», и показавшийся в проеме человек в черном комбинезоне и в маске дал в Елисея Юрьевича очередь из пистолета-пулемета с насадкой бесшумного боя.

Очередь легла точно в одно место – в грудь Смирнова. Если бы стрелок направил ее в голову, Елисей Юрьевич был бы уже мертв, но убивать его не хотели, во всяком случае, сразу. И хотя он среагировал, превращая тело в подобие «телесных лат», однако не так быстро, как требовалось, и две неотраженные пули поразили легкие и сердце.

Тем не менее он, наверное, смог бы справиться с засадой, имеющей только огнестрельное оружие, и уйти, чтобы в укромном месте залечить раны, смертельные для любого другого человека. Но засада была подготовлена для захвата именно такого мастера, как он, с учетом всех его возможностей. Микроавтобус был изнутри заэкранирован, что не позволило Елисею Юрьевичу вовремя услышать голос сторожевой системы. Да и момент был выбран подходящий – когда он находился в угнетенном состоянии и не ждал нападения. Поэтому оно и увенчалось успехом.

Когда Елисей Юрьевич остановил сердце, переходя на резервную клеточную биоэнергетику, усилием воли попытался ускориться, ему вдруг показалось, что на голову упала массивная бетонная плита. Покачнувшись, он оглянулся, увидел в руке Гольдина пистолет с необычайно толстым дулом, и все понял. Это был гипногенератор «удав», или в просторечии «глушак».

Затем наступила темнота...

Он уже не видел, как его быстро и умело перенесли в фургон, человек в голубоватом халате сделал ему укол, подключил к аппарату искусственного кровообращения и нацепил кислородную маску. «Баргузин» с воем понесся по улицам, игнорируя светофоры, и через полчаса доставил тело Смирнова к двухэтажному белому домику с узорчатой металлической оградой, расположенному на тихой улочке в районе аэровокзала.

Очнулся Елисей Юрьевич через двое суток на специальном хирургическом столе, привязанный к нему за руки и за ноги. Долго приходил в себя, то погружаясь в темноту, то всплывая, прислушиваясь к пространству вокруг и не понимая, почему он не может двинуться с места. В глазах жгло, будто туда насыпали песка, грудь давил горячий камень, дышать было больно, в руках торчали гвозди, а мышцы, казалось, отсутствовали вовсе.

Кто-то появился в поле зрения.

Елисей Юрьевич напрягся, чуть не застонал от рези в глазах, но все же сумел разглядеть человека в голубом халате и шапочке. С трудом ворочая языком, прошептал:

– Где я?..

– Надо же, очнулся! – хмыкнул человек в халате; вероятно, он был врачом. – Зря я сомневался. У него шесть пуль в теле, из них две в сердце и легких, человек получил фрустрирующий шоковый импульс и не загнулся! Никогда ни с чем подобным не сталкивался!

– Я предупреждал, – раздался чей-то знакомый голос. – Он способен перенести и не такое. Во всяком случае, пули для него не страшны, даже разрывные, разве что если попасть в голову.

– Мы удалили две из сердца и легких, остальные вышли сами.

– Держите язык за зубами, доктор, и поменьше удивляйтесь. Вам платят деньги не за это.

У стола сформировалась более темная человеческая фигура, на Елисея Юрьевича глянули знакомые насмешливо-самоуверенные глаза.

– Ди... ма... – прошептал он.

– С прибытием в «чистилище», учитель, – усмехнулся бывший ученик. – Даже обидно, честное слово, что вас так легко удалось взять.

– За... чем?..

– Это вам скажет босс, вы ему зачем-то нужны. На мой взгляд, вас нужно было просто ликвидировать, уж очень вы шустры для своих шестидесяти с хвостиком. Но приказ есть приказ. Лежите, поправляйтесь, да не вздумайте бежать, охране приказано стрелять в голову. Скоро вас навестит главный, он и решит вашу судьбу.

Силуэт Дмитрия отдалился, голос стал тонким, ушел в шумы и гулы в ушах.

Елисей Юрьевич почувствовал головокружение и погрузился в серую бездну небытия...

Повторно он пришел в себя на следующий день, почувствовав укол, от которого по жилам потек жидкий огонь. Он застонал, дернулся, открыл глаза, пытаясь заблокировать ощущения, и это ему удалось, «огонь» перестал течь по сосудам, серый туман отступил, и Елисей Юрьевич ощутил себя лежащим в той же позе – крестом – на том же столе. Руки и ноги, и даже шея, были прихвачены мягкими скобами к столу так, что двигаться он не мог. Над столом висело многосегментное зеркало, в нем отражалось чье-то худое, бледное, в синяках и царапинах, со шрамами и наклепками бинтов тело. Елисей Юрьевич не сразу сообразил, что это тело принадлежит ему. Однако больше всего ему не понравились не раны и не удерживающие браслеты, а сложное устройство, похожее на шлем с двумя десятками торчащих из него штырей, в которое была погружена его голова. Точнее – череп. Только теперь Елисей Юрьевич понял, что он наголо обрит.

Он пошевелился, и тотчас же послышались шаги, над ним склонилось смуглое усатое лицо. Через некоторое время послышались голоса, шаги нескольких человек, позвякивание, шуршание, и в помещении появилась группа людей, сопровождающих инвалидную коляску сложной формы. Полулежащий в ней человек показался Елисею Юрьевичу знакомым. Он напряг память и вспомнил. Это был

Эдмонд Анатольевич Рыжайс, глава РЭК – самой крутой в России энергетической компании.

– Георгий Георгиевич... – проговорил Елисей Юрьевич глухо.

Инвалид в коляске, огромный, рыхлый, рыжеволосый, с отеками красным лицом, страшный и вместе с тем ощутимо сильный, растянул в улыбке бледно-серые губы.

– Поздравляю, мастер, мозги у вас еще работают. Это хорошо. От трупа и шизофреника пользы не было бы никакой, а так у нас есть шанс уточнить с вашей помощью кое-какие детали плана войны с Монархом Тьмы. Ведь такой план подготовлен, не так ли?

– Бред! – выговорил Елисей Юрьевич. – Война с Монархом бессмысленна...

– Ну, может, я не так выразился. Пусть будет не война, а противостояние, однако же борьба с эмиссаром Монарха на воинском уровне Круга вами ведется, не так ли? К примеру, с Конкере. А это меня тревожит, так как в данный момент я не только президент «Купола», о чем вы знаете, но и Конкере. Итак, уважаемый полковник, вы проиграли. С большим трудом, кружным путем, через смерть ваших близких – цель стоила любых средств – мы вас все же достали.

– Ему помогал ученик, – сказал один из сопровождающих Эдмонда Анатольевича, в котором Елисей Юрьевич узнал заместителя начальника Управления «Т» ФСБ Генриха Ельшина. – Если бы не он, мы бы взяли полковника еще в Чечне.

– Об ученике мы еще поговорим, – дернул щекой президент «Купола». – Он мне тоже нужен живым.

– Зачем? – спросил Елисей Юрьевич, покрываясь от слабости липким потом.

– Он такой же носитель эзотерической информации о метаязыке, как и вы. К нашему удовлетворению, это очень редкое явление среди людей. Если бы таких, как вы, было много, нам пришлось бы свернуть программу маргинализации человечества. Так вот... о чем это я?.. Ах да... мы захватим и вашего ученика, выясним, что он знает, и... отпустим, естественно.

В свите, окружившей Рыжайса, послышались смешки.

– Отпустим, отпустим, – проворчал президент «Купола» с бледной улыбкой. – Если только он не согласится работать с нами. Тем более что после бесед он станет абсолютно безопасен.

– Не трогайте его... он почти ничего не знает...

– Э-э, господин эксперт, – президент «Купола» покачал пальчиком, – не лгите. Лгать можно только любимой женщине и полицейскому, всем остальным нужно говорить правду, как говорил один актер [\[10\]](#). Горшин – Посвященный седьмого уровня, а мы с вами прекрасно знаем, что иерархи Круга зря никого в свою организацию не принимают. Итак, предлагаю вам добровольное сотрудничество, мастер. Первый и последний раз. Я своих предложений дважды не повторяю.

Елисей Юрьевич закрыл глаза, с пронзительной ясностью осознавая, что выхода нет. Сосредоточился и жестоким усилием воли взорвал раненое сердце.

В голову хлынула боль и тьма...

Он не увидел, как вокруг него началась суeta, медики мгновенно развернули реанимационную камеру, бросились присоединять к нему датчики и провода, подключили искусственные легкие и пульсатор крови.

– Сердце удалите вообще, – приказал взбешенный неудачей Эдмонд Анатольевич. – Посидит на аппарате какое-то время. Когда придет в себя, начинайте сканирование. Если будет сопротивляться, блокируйте пси-сферу, вызовите меня. Поехали.

Два дюжих телохранителя, выполнявшие одновременно и роль слуг, покатали коляску к выходу. У стола с телом Смирнова остались двое, Ельшин и Дмитрий.

– От него мы ничего не добьемся, – сказал Дмитрий, кивая на учителя. – Он адепт «живы».

– Почему ты не адепт «живы»?! – окрысился Генрих Герхардович. – Ты же учился у него пятнадцать лет! А знаешь только, как убивать!

– «Наваждение» – часть «живы»...

– Но не сама «жива»! Нам нужна ее база – метабой! – Ельшин слегка успокоился, вытер уголки рта платком. – Найди этого смирновского птенца – Горшина, пора браться за него всерьез.

– Зачем его искать? – пренебрежительно пожал плечами Дмитрий. – Объявим по телевидению об исчезновении учителя или о болезни, ученик сам к нам придет.

Ельшин некоторое время смотрел на телохранителя мутными глазами, усмехнулся, похлопал его по плечу и поспешил за боссом «Купола». Уже в коридоре он объявил о своем решении:

– Найдите его, пошлите за ним группу, где бы он ни был. Мне он нужен уже завтра.

Дмитрий оглянулся на тело учителя, проворчал:

– Охота было напрягаться...

– Идем, – донесся голос Ельшина.

– До встречи в аду, учитель, – сказал Дмитрий, направляясь следом за начальником.

Глава 21

ЧЕРНОЕ МОРЕ, БЕЛЫЙ ПАРОХОД

Дождливая погода не помешала самолету вылететь в Сочи по расписанию. Семнадцатого апреля в двенадцать часов дня он приземлился в аэропорту Адлера, где сияло солнце и температура днем не опускалась ниже плюс двадцати градусов. Еще через полтора часа Тарас и Тоня, ошеломленная переменой обстановки, прибыли в порт, где их ждал четырехпалубный красавец-теплоход «Айвазовский».

Тарас только внешне казался беззаботным и веселым, подшучивал над спутницей, впервые летевшей на море первым классом, ухаживал за ней, травил анекдоты и рассказывал всякие интересные истории, однако на самом деле был предельно собран и зорек, отмечая не только движение подозрительных лиц, на поверку оказывающихся случайными прохожими, но и пульсации биополей, по которым можно было оценить приближение опасности. К счастью, никто за ними не следил ни в Москве, ни во время полета в Сочи, и в конце концов он поверил, что сумел оторваться от следящих систем «Купола», которые и организовали, по его мнению, операцию с минированием дома. В душе он пообещал после отпуска разобраться с этим делом и примерно наказать исполнителей и заказчиков, чтобы в следующий раз им неповадно было устраивать на него охоту.

Посадка на борт теплохода прошла гладко, они устроились в двухместной каюте на второй палубе и весь вечер просидели на корме у бара, как и два десятка других путешественников, любуясь морем, небом, солнцем, закатом, чайками и теплоходом. Тоня наконец пришла в себя, чаще улыбалась, и, если бы не воспоминания о погибших отце и маме, была бы, наверное, на седьмом небе от счастья.

За их столик подседа средних лет пара, они познакомились, и мужчина, назвавшийся Юрой, рассказал им свою историю «нового русского фермера, раскулаченного властью».

В принципе, история была типичной для сотен таких же фермеров, попавших под давление обстоятельств, к которым позднее присоединились — к обстоятельствам, разумеется, — бандиты и

государственные чиновничьи структуры, действующие не в пример жестче.

Юрий Алексеевич Кулагин открыл свое дело в селе Катын-Покровское Смоленской губернии еще в тысяча девятьсот девяносто первом году, а закрыл в две тысячи первом, ровно через десять лет.

– Никаких моральных сил не осталось терпеть этот беспредел! – заявил он с усмешкой, одну за другой опорожняя кружки с пивом. – Вы не смотрите, что я с виду здоровый, могу кулаком быка зашибить, а вот поди ж ты, не выдержал.

– Я давно советовала ему уехать в город или хотя бы в другую область, – добавила жена Юрия, Валя, такая же крупная, мягкая, улыбчивая. – Так он же упрямый: батя мой не сдавался и я не буду!

– Сдался! – махнул ручищей Юрий. – Десять лет коту под хвост! Кто еще сейчас мало-мальски держится, так это фермеры-животноводы. А я сделал ставку на зерно, ошибочка вышла, никому оно, как выяснилось, не требуется. Продать килограмм ржи, к примеру, сейчас можно рубля за три, а литр соляры стоит шесть-семь. С ячменем, овсом и пшеницей еще нужно лоб морщить: особым образом почву обрабатывать, подкармливать, ухаживать. А рожь засеял – и в ус не дуй, все равно вырастет. Вот я и нарастил... что пришлось потом урожаи за бесценок отдавать, себе в убыток.

– А госзакупки? – поинтересовался Тарас.

– Забудь, нету их давно, – снова махнул рукой Юрий. – Не нужна оказалась моя работа людям. Да и просушить, и хранить зерно негде, рожь надо везти в соседний совхоз с кучей взяток в кармане, иначе ничего не добьешься. А результат такой: шестнадцать процентов зерна теряется по влажности, восемь – из-за засоренности почвы. На сортировке, просушке, хранении – еще двадцать пять процентов. Двадцать как минимум – взятки. Вот и получается – три четверти урожая – ёк! К чему заниматься бесполезным делом?

– И как же вы из этого положения выходите?

Юрий засмеялся.

– Подался в маленькие животноводы. Купил корову, поросят, курей, вот приеду – коз разведу. Говорят, из козлиц делают особую колбасу, как «Виагра» действует. Отдам долги, может, и заживем нормально. Хотя и в этой коммерции хлопот невпроворот, особенно –

со сбытом продукции. В Смоленске все рынки – под мафией, попробуй сунься без поддержки!

– Юра, не надо их нагружать своими проблемами, – потянула супруга за рукав Валя. – Люди отдыхать приехали, а ты им свои обиды выкладываешь. Справимся, не впервой.

– И то верно, – смутился Юрий, поднимая кружку. – Будем отдыхать и жизни радоваться, пока возможность имеется.

– Дети есть? – спросил Тарас.

– А как же, трое: две девки и пацан Антон, старший, семнадцать уже стукнуло. В Смоленский пединститут собирается поступать.

– Одни остались?

– Почему одни? С бабкой и дедом. Да и не балованные они у нас, как говорится, опора и надежда.

– Пошли купаться, – сказала Валя, расстегивая ворот платья. – Жарко. Здесь где-то бассейн есть с подогреваемой морской водой. Раз уж решились отдохнуть, надо все попробовать.

– Это уж точно. – Юрий допил пиво и поднялся. – Заходите в гости, каюта триста двадцатая, на третьем этаже.

– На палубе, – поправила его жена.

– Один хрен, – махнул он рукой, обнимая супругу.

Они ушли.

– Хорошие люди, – задумчиво сказала Тоня; в купальнике она сидеть за столиком стеснялась, но и юбочка с легкой маечкой ей шли необыкновенно. – И, по-моему, счастливые.

– Мне тоже так показалось, – кивнул Тарас, потаенно любуясь девушкой. То, что они остановились в одной каюте, еще ни о чем не говорило, учитывая просьбу Тони, однако и это зыбкое равновесие «платонической любви» не могло длиться долго. Он хотел ее и ничего не мог с собой поделать. Хотя, с другой стороны, твердо знал, что не посмеет – без ее воли и согласия.

– Папа очень любил маму, – продолжала Тоня тем же тоном; она уже привыкла к своему положению, понимая, что родителей нет и не будет. – Они тоже были счастливы. Таких других счастливых людей я не встречала. Но они, наверное, были исключением.

– Я так не думаю, – не согласился Тарас. – Счастливых людей мало, но они есть, вот как Юра с Валей.

– И они тоже – исключение, а как говорится: исключение подтверждает правило.

– Глупости, древние мыслители, на которых привыкли ссылаться наши комментаторы их знаний, просто неправильно перевели латинское изречение, которое гласит: исключением поверяется знание. То есть исключение отвергает правило, им оно проверяется, ибо что это за правило такое, если подтверждается своей противоположностью?

Тоня наморщила лоб, призналась с удивлением:

– Я никогда об этом не задумывалась... действительно, ты прав!

– Не я – мудрецы, наши предки.

– Ты знаешь язык, как настоящий филолог. Вот, кстати, ты обещал научить меня древнему языку.

– Только не здесь, – засмеялся Тарас, с облегчением уводя разговор от скользкой темы. – Представляешь, если мы сейчас в голос запоем «здрavo»?

Тоня фыркнула, тряхнула отросшими до плеч волосами.

– Представляю! Начали бы обходить стороной. Между прочим, я бы тоже искупалась. Пойдем поищем бассейн?

– Чего его искать? – Тарас встал. – Он на верхней палубе. Переодеваемся и идем. Кстати, все забываю спросить: как тебе показался Марат?

Перед отлетом они все-таки успели забежать в больницу и навестить теннисиста. Он выздоравливал, мог ходить, но пальцы на руках срастались медленно, и находиться ему в больнице предстояло еще долго.

– Он умный и самоуверенный нахал, – ответила Тоня равнодушно, – хотя, наверное, хороший человек. Мне не понравилось, как он смотрит.

– Как?

Девушка смутилась.

– Так... оценивающе... с хитрецей... наверное, у него много знакомых девушек.

Тарас засмеялся.

– Да уж, хватает. Я еще не видел той, которой он бы не нравился. Ты первая.

– А почему он назвал тебя графом? Ты из какого-то графского рода?

– Это школьное прозвище, – с улыбкой пояснил Тарас. – В детстве я любил читать Дюма, особенно его мушкетерские романы, и хотя в играх роль Д’Артаньяна доставалась не мне, все же меня удостаивали титула «графа».

– Я тоже люблю Дюма, особенно «Королеву Марго» и «Графиню Монсоро», но в игры с мушкетерами не играла.

– У тебя все впереди, королева, – пообещал Тарас.

Он взял ее за руку, и они побежали переодеваться.

В течение двух дней ничего особенного не происходило.

Погода на море стояла отличная. Теплоход изредка заходил в порты Черноморского побережья России и готовился плыть к берегам Турции.

Молодая пара загорала, купалась, исследовала бары и рестораны теплохода, участвовала в шоу и смотрела фильмы под открытым небом – от боевиков до комедий и мелодрам. Тарас посещал кинотеатр теплохода с неохотой, но это нравилось Тоне, и он был вынужден терпеть. К счастью, длилась кинозйфория недолго. Тоня увлеклась изучением Ключей смысла метаязыка и с большой охотой оставалась в каюте, слушая Тараса и жадно впитывая новые знания.

Она быстро научилась входить в трансовое состояние через созерцание мандалы (он всегда возил с собой деревянную досочку с вырезанной на ней искусным мастером «схемы Вселенной»), хотя существовали и другие способы вхождения в транс, приводящие к мистическому прозрению или инсайт-состоянию. Так же быстро Тоня поняла, что такое «звук-не-звук» и как надо произносить слова-символы древнерусского языка, являющиеся по сути Ключами смысла Дэванагари, или метаязыка. Лучше всего у нее получались энергонасыщающие «звукопакеты»: «живо», «здорово», «добро» и «славо», – хотя неплохо подчинялись и другие, известные Тарасу.

Не стал он учить ее только резонансно-управляющим звукорядам, способным внушать ужас или чувство блаженства. Он и сам владел ими наполовину, как оружием, а не как комплексами настройки организма (своего собственного или других людей) на вибрационные процессы пространства. Чего-то ему не доставало для полного

включения и осмысления этих Ключей. Возможно, любви и согласия. Учитель недаром повторял, что все, лишённые воли, любви, смысла, веры, согласия, обречены слепо двигаться по коридорам лучей чужой воли.

Однако объяснить сей постулат Тоне Тарас пока не мог. Боялся, что она поймет его неправильно. Поэтому продолжал ненавязчиво учить ее воспринимать звуки – всем телом, свет – сквозь лицо – затылком, сквозь грудь – спиной, энергию неба – ступнями через голову, а энергию земли – макушкой через все тело. Усваивала она его уроки на одном дыхании и нисколько не удивилась, практически убедившись в том, что звук может создавать твердые невидимые препятствия и становиться видимым, что есть так называемый «белый шум», отшибающий память у человека, и есть «розовый», восстанавливающий ее.

На третий день путешествия Тарас начал потихоньку приобщать девушку к знаниям Круга, касающимся истории человечества, и поразился тому, с какой серьезностью она воспринимает информацию об Аморфах, Инсектах и Перволюдях. Она ни капли не усомнилась, что былинный Святогор является одним из Перволюдей, хранителем русского Рода, а былинный же и сказочный Змей Горыныч – уцелевшим после Изменения Инсектом, скорее всего – мантоптером, разумным Богомолем. Тоня вообще не сомневалась, что ее учитель говорит правду. Лишь спросила, откуда у него эти сведения. И тогда он рассказал ей о своих «путешествиях во времени» – спусках в прошлое по линии родовой памяти. Впрочем, Тоня и это признание восприняла спокойно, как должное, уже поверив в возможности друга и его нормальность.

Вечер запомнился обоим надолго.

Закаты на Черном море всегда красивы, но этот превзошел все другие по необычности форм облаков и их цветокомпозициям. По горизонту разлилось море золотисто-оранжево-сиреневого света, простреленное струями перистых облаков, алых снизу, темно-синих сверху. Им можно было любоваться долго, и Тоня с Тарасом, затаив дыхание, как и многие отдыхающие пары, наблюдавшие закат со своих палуб, смотрели на феерию цвета и света и не заметили, как очутились в объятиях друг друга.

Первый поцелуй обжег обоим губы и прервал дыхание. Второй длился несколько минут, бесконечно нежный, трепетный, необходимый как воздух, чарующий и невыносимо сладкий. Он сбросил оковы этических норм и возбудил дивное желание принадлежать другому, и они, не сговариваясь, молча, продолжая обниматься и целоваться, не боясь чужих взглядов, направились в каюту и продолжали там узнавание друг друга, но уже на другом – высшем уровне, где сливаются сердца, и души, и тела...

Она не сказала «нет».

Она вообще не сказала ни слова...

Она не стыдилась...

Только застонала...

Но и боль была сладкой и невыразимо притягательной...

И оба они умерли в этой пытке наслаждением и мукой невыносимого желания...

И воскресли вновь, вдруг осознав, что произошло...

И он молча, взглядом попросил у нее прощения, а потом сказал ей, без слов, что любит...

И она ответила тем же, и ничего их больше не разъединяло, ни возраст – он был старше ее на одиннадцать лет, – ни опыт, ни память прошлого, утраты и потери, ни последствия, ни пространство и время...

Лишь засыпая у него на груди, Тоня сонным голосом проговорила:

– Тебе не кажется, что мы все-таки спешим?

– Мы опаздываем, – ответил он убежденно.

Она счастливо улыбнулась и уснула.

А во втором часу ночи на теплоходе появились непрошенные гости...

Их было шестеро, все – в особых боевых костюмах, материал которых почти не отражал света и не пропускал тепловые лучи. Они высадились на идущий крейсерским ходом теплоход с борта небольшого скоростного катера с бесшумным двигателем, который догнал круизное судно на траверзе турецкого города Самсун, в международных водах, в ста километрах от берега. Сообщать капитану и вообще кому-либо из команды теплохода о своем прибытии бойцы неведомого спецназа не стали. Действовали они скрытно, тихо, быстро

и точно знали, что, или точнее кого, ищут. Встречавшихся на пути пассажиров, в основном молодых и нетрезвых, они старались обходить, а если не получалось – стреляли в них усыпляющими иглами. И двигались они весьма целеустремленно – с кормы на вторую палубу теплохода, где находился, очевидно, объект их забот.

Здесь уместно будет сделать техническое отступление для описания их костюмов.

Мировой опыт войн последнего десятилетия (Ливан, Сомали, Косово, Македония, Палестина, Афганистан, Чечня, Абхазия) показывает, что в условиях городских застроек и штурма горных баз тактические приемы с применением авиации, танков, ракет, вообще тяжелых вооружений малоэффективны. Появилась необходимость в концепции интеграции систем управления, связи, разведки и компьютерных технологий для «автоматизации работы воина». Американцы первыми начали разработку «носильных компьютерных комплексов», которую возглавил крупнейший в США системный интегратор радиоэлектронных комплексов компания «Raytheon Systems», создавшая в середине девяностых годов защитный костюм «Пехотинец» («Land warrior»). Полевые испытания костюма были проведены в конце двадцатого века, и он был признан годным для эксплуатации. Дальнейшие разработки привели к созданию «компьютерных киберкостюмов» нового поколения для спецподразделений с IBM-совместимым портативным мультимедийным компьютером на базе процессора Pentium с тактовой частотой 100 и выше мегагерц, оперативной памятью на 32 мегабайта, жестким диском на 400 мегабайт, сменной флэш-памятью на 85 мегабайт и сетевой картой Ethernet. Программное обеспечение такого костюма обрабатывает любые задачи по модульной технологии: отдельно – разведка, отдельно – связь, навигация, топография, донесения, изображение в трех диапазонах, корректировка движения, корректировка огня, опознавание «свой-чужой», медицинская диагностика. Специальные графические программы позволяют вести запись в память видеоизображения, а также его наложение на сетку или цифровую топокарту. Компьютер позволяет ориентироваться на местности, вести переговоры с боевыми товарищами, передавать и получать видеокартинки, опознавать цели, вести химическую и

радиационную разведку, обнаруживать мины, а также распознавать голоса командира и бойцов.

Защитный шлем в этой системе по сути является вторым мозгом пехотинца или спецназовца. Он оснащен индивидуальным дисплеем, экраном с высокой четкостью изображения, тепловым и оптическим устройством прицеливания (в том числе в темноте), системой ночного видения, видеокамерой, двумя рациями. Шлем выдерживает прямое попадание девятимиллиметровой пули и обеспечивает защиту глаз от лазерного излучения.

Рации костюма работают на расстоянии до пяти километров, одна связывает бойца с командиром, вторая – с остальными бойцами.

Вся система может работать непрерывно до четырех часов, однако с применением режима «засыпания» отдельных ее частей срок работы без замены батарей увеличивается до двух суток.

Весит такой защитный «киберкостюм» около четырнадцати килограммов, без учета оружия и комплекта выживания.

Однако гости на теплоходе не были американскими диверсантами, а имели реальное российское гражданство. И костюмы на них были отечественного производства, хотя не уступали по характеристикам западным образцам, а кое в чем и превосходили их. К примеру, ткань, из которой они шились, выдерживала удар пули на излете и удар ножом, а главное, изготовленная по технологии «стелс», она делала человека практически невидимым ночью и на местности, и даже в яркий солнечный день превращала солдата в зыбкий, смазанный силуэт.

Такова была экипировка проникших на теплоход неизвестных, позволявшая без шума выполнить не слишком уж и рисковую, по мнению командира, поисковую операцию.

Тарас проснулся от возникшего неудобства.

Прислушался к себе, не открывая глаз, почувствовал скользнувший вдоль позвоночника холодок. Что-то изменилось на спящем корабле, и это изменение было негативным и целенаправленным. Призрачно, невесомо и почти неощутимо по палубам теплохода летел поток намерений, опережая тех, кто эти намерения имел.

Тарас тронул Тоню за плечо, прижал палец к ее губам, призывая к молчанию. В каюте было темно, но отсвет фонарей палубы рассеивал мрак, и они вполне видели друг друга.

– Что случилось? – напряглась девушка.

– Пока не знаю... однако у меня плохое предчувствие... собирайся...

Не задавая больше вопросов, Тоня послушно принялась одеваться.

– Вещи брать?

– Не надо, с сумками далеко не уйдешь.

– Жалко оставлять, – огорчилась девушка. – Все такое новое... и денег стоит.

– Мы еще вернемся.

В последнем Тарас уверен не был, но совсем пугать Тоню не хотелось. Тем более что он пока не знал причин своих ощущений. Времени же на выяснение обстоятельств ночной тревоги не хватало, он чувствовал это всей кожей.

– Не отставай и делай все, что я скажу.

– Хорошо, – прошептала Тоня, вздрагивая в нервном ознобе.

Она ничего не понимала, но не задавала глупых вопросов, не охала и не суежилась, заметно облегчая его положение, и Тарас не удержался, чтобы не поцеловать ее и шепнуть на ухо:

– Все будет хорошо!

– Я знаю, – ответила она с простодушной доверчивостью.

Тарас приоткрыл дверь каюты, выглянул в коридор, освещенный двумя плафонами. Никого... Только ток холодного воздуха усилился до покалывания в шее. Он понял, что уйти коридорами не удастся, те, кто шел сюда с весьма специфичным «смертным запахом» биополей, были уже совсем близко.

– Назад!

Он закрыл дверь на ключ, метнулся к приоткрытому иллюминатору.

– Сюда! Я полезу первым, ты за мной.

Неплохо представляя особенности корпуса теплохода, к тому же помогало чувство пространства и расширившаяся сфера «внутреннего зрения», Тарас ужом проскользнул в круглый проем иллюминатора, применив приемы «вынимания» костей из суставов, встал ногами на

створку иллюминатора, одной рукой вцепился за край ребра, проходящего по всему корпусу, а вторую протянул спутнице.

– Давай!

Тоня легко вылезла из иллюминатора, затем вспорхнула на плечи Тараса и, поддерживаемая им, цепляясь за решетку вдоль борта верхней палубы, перепрыгнула в проход. Тарас последовал за ней, прилипая к борту, как муха. Несколько мгновений прислушивался к звукам музыки, долетавшим сюда из кормового ресторана, двинулся было вперед, к носу, и не увидел – почувствовал впереди сгущение мрака. Решение пришло мгновенно.

Он развернул Тоню к себе и начал целовать, спиной ощущая приближение таинственного «сгущения», уже догадываясь, что это такое, и молил небо в душе только о том, чтобы Тоня не запаниковала или не начала выяснять отношения в этот момент.

Секунда, еще секунда, еще...

В спину Тараса воткнулось что-то острое, превратилось в кусок льда. Волна холода ударила от этого места во все стороны, парализуя мышцы, перехватывая дыхание, грозя «заморозить» все тело...

Если бы Тарас не находился в состоянии боевого транса, он бы не успел перевести организм в инаковость и вовремя справиться с атакой «холода» (парализующая игла! – мелькнула мысль), но скорость его нынешнего реагирования на внешние раздражители была на порядок, а то и на два выше обычной, он был сейчас отобилизован физически, физиологически и психически и действовал на уровне *вашиты*^[11], хотя в данный момент объектом воздействия был он сам.

– Блок! – крикнул он внутрь себя.

Волна холода остановилась, успев охватить всю спину, но не дойдя до сердца и головы. Спина онемела, но, к счастью, еще не мешала телу действовать на физическом уровне.

Нейтрализация!..

Едва ли впоследствии он смог бы вразумительно объяснить, что именно сделал. Однако его мысленный приказ подействовал! Химический препарат, парализующий мышцы и в конце концов усыпляющий человека, не дошел до мозга, сработавшие ганглиоблокаторы нейтрализовали его вокруг места укола, и он стал распадаться, трансформироваться, исчезать. Хотя в спине еще долго «торчал камень» пораженных мышц.

В следующее мгновение Тарас в темпе прыгнул навстречу противнику, применившему парализатор, за сотые доли секунды разглядел человека в спецкостюме со шлемом, оценил его вооружение и, выдернув у него из руки пистолет, стреляющий иглами, одним движением выбросил за борт.

Вскрик, сильный всплеск, тишина...

На верхней палубе слышались голоса, кто-то перегнулся через поручни мостика.

– Петрович, ты слышал? Вроде кто упал за борт.

– Показалось тебе, – отозвался хрипловатый бас. – Пить меньше надо.

– Нет, я точно слышал крик и плеск.

К первой голове присоединилась вторая.

– Ничего не вижу... Эй, там кто-то на третьей палубе...

По знаку Тараса замершая Тоня подвинулась к перилам.

– Девушка, вы ничего не слышали?

– Ничего, – покачала головой Тоня.

– Вот видишь, – обратилась вторая голова к первой. – Почудилось тебе, алкаш, пойдем допьем пиво и на боковую...

Голоса отдалились.

Тоня посмотрела на Тараса огромными черными глазами.

– Кто это был?!

– Пират, – отозвался Тарас, вспоминая вычитанную в газете заметку о нападениях пиратов на суда в Южно-Китайском море. Во время одного из таких нападений бандиты связали несчастных моряков рыболовными сетями, а потом хладнокровно расстреляли из автоматов.

– Не может быть, – не поверила Тоня.

Вместо ответа Тарас взял ее за руку и повел в ту сторону, откуда шел человек в спецкостюме. Появилась идея оставить девушку в баре, работавшем круглосуточно, среди посетителей, а самому вернуться и посмотреть, что за команда рискнула высадиться на теплоход в такой крутой экипировке.

Бар на третьей палубе оказался заполненным на треть. Тем не менее Тарас усадил Тоню за столик, велел ждать, заказал ей кофе, оставил деньги и вышел из бара, будучи уверенным, что никакой спецназ не рискнет ворваться сюда и открыть стрельбу. Если уж он

появился на теплоходе инкогнито, в маскировочных кибер-костюмах, то и уйти собирался так же тихо и незаметно.

Уже в коридоре Тарас собрал энергию, усилием воли сформировал поле необходимости получать прямую информацию извне и вошел в инсайт-состояние, позволяющее использовать кровеносную систему в качестве магнитной антенны и видеть-чувствовать источники опасности.

Таких источников он насчитал пять.

Два перемещались по левому крылу второй палубы, исследуя каюты. Еще два контролировали выходы со второй палубы на третью и на первую. Пятый источник находился на четвертой палубе и, очевидно, управлял операцией. Однако пока Тарас определял положение команды «киборгов», ситуация изменилась. Двое со второй палубы перестали обшаривать каюты и поднялись на третью палубу, а их коллеги направились к бару вдоль бортов, не отвлекаясь на попадавшихся стюардов и пассажиров. Тарас понял, что его каким-то образом пеленгуют и что начинать контроперацию следует с того, кто это делает, то есть с командира.

Он скользнул по коридору до выхода на четвертую палубу, взгляделся в поле внимания. Красные струйки намерений противника начали перегруппировываться, стягиваясь к лестнице с четырех сторон. Несомненно, его каким-то образом вычисляли и вели. Вспомнился совет учителя «думать спинным мозгом». Если неизвестные профессионалы обладали его индивидуальной психикой, они действительно могли наблюдать за ним по рисунку биополей. Следовало этот рисунок изменить.

Оставив на потом выяснение источников сведений о нем, Тарас заглянул в глубь себя, интуитивно вычислил мостики третьей сигнальной системы и переключил сознание: перестал думать головой, освободил ее от мыслей, направив их в нервную систему всего тела и в позвоночный столб.

Ощущение было такое, будто его расчленили!

Совершенно жуткое ощущение, едва не ставшее последним! Лишь каким-то непонятным ухищрением ему удалось собрать разбежавшиеся чувства и мысли в единое целое. Но прошло какое-то время, по собственной оценке – не меньше трех секунд, невероятно

много, прежде чем он начал соображать и адекватно оценивать обстановку.

Видел он теперь и вообще ощущал мир иначе, как медуза или скорее живая паучья сеть, но все же смог сориентироваться и начать действовать в прежнем темпе.

Красные струйки чужих волевых устремлений приблизились, загородили все выходы. Неизвестные десантники были совсем близко и, наверно, уже видели его на шлемных экранчиках целенаведения. Интересно, наводчик еще видит его или нет? Вряд ли он поймет, что случилось. Что ж, начали, парни! Вас сюда никто не звал!

Тарас вспомнил слова известной песни ансамбля «Любэ»: «Ветер в харю, а я шпарю» – и шагнул к лестнице.

Глава 22

ХРАМ ПОД ГОРОДОМ

Прием сработал.

Командир операции – то ли по захвату Горшина, то ли по ликвидации – потерял его из виду. Тарас понял это по движению красных струек вражеских биополей на фоне интерференционной картины общего психофизического поля теплохода. Только что эти пять струек целились в него, неся злую волю, но как только он перешел на «спинномозговое мышление», они остановились и начали растерянно тыкаться во все стороны, что указывало на их зависимость от целеуказаний.

Поскольку в задачу Тараса не входило поголовное уничтожение десанта, он решил ограничиться знакомством с командиром группы, а потом думать, что делать с остальными десантниками. Теплилась надежда, что какая-то из спецслужб (либо Федеральная служба безопасности, либо недавно созданная Федеральная служба расследований) просто проверяет его на профпригодность, чтобы потом предложить место в обойме оперативных структур.

Потолкав двери кают по обе стороны коридора, Тарас обнаружил одну незапертую дверь у лестницы и бесшумно скользнул внутрь, прикрыв ее за собой и заперев на задвижку. В каюте храпели на два голоса два полуголых мужика. Запахи перегара, пота и носков ударили в нос Тараса, нейтрализовали обоняние, едва не лишив возможности видеть. Он заблокировал обоняние вовсе, открыл иллюминатор и ужом вывинтился наружу, цепляясь пальцами за нависающий край четвертой палубы. Подтянулся, перетек через релинг прохода, опоясывающего всю палубу по периметру, несколько секунд прислушивался к звукам, доносившимся с других палуб теплохода, и как паук взобрался на крышу палубы. Не останавливаясь, двинулся «по пеленгу» к тому месту, где прятался командир – наводчик десанта.

Через минуту стало понятно, что он расположился за шлюпбалкой, у принайтовленного к четвертой палубе баркаса. Это место не освещалось прожекторами, и отсюда было очень удобно

наблюдать за всем объемом теплохода. Разумеется – по экрану системы наведения.

В тот момент, когда командир десанта, обеспокоенный исчезновением сигнала от объекта, высунулся из-за шлюпбалки (видел его Тарас как едва заметное струящееся серое облачко с более яркими прожилками – в инфракрасном диапазоне светились незащищенные полоски запястий, пальцы, шея и щеки), Горшин, подобравшийся вплотную, прыгнул на него с крыши четвертой палубы, пролетел по воздуху пять метров и торцом ладони толкнул его в спину с такой силой, что тот ударился шлемом о колонну шлюпбалки и едва не сломал себе шею.

Тем не менее, поплыв от удара, он попытался выстрелить в противника, наугад выворачивая ствол пистолета-пулемета, и Тарасу пришлось выкручивать у него из руки оружие и бить еще раз – в лицо, защищенное пластиной устройства ночного видения. Вскрикнув, мужчина в спецкостюме ударился затылком о баркас и потерял сознание. Тарас перешел на более привычное «головное мышление», застыл, осваиваясь с «традиционным» состоянием, прислушиваясь и осматриваясь.

У ног «киборга» стоял на металлической станине шлюпбалки раскрытый ноутбук системы наведения, по светящемуся дисплею которого изредка пробежали более светлые волны, высвечивая контуры корабельных конструкций и ярко вспыхивающие зеленые звездочки членов команды десанта. Судя по их расположению, они все еще торчали у лестницы посреди корабля, контролируя выходы с палуб, ожидая указаний командира.

Тарас снял с противника шлем, пошлепал его по щекам, зажал рот ладонью, чтобы он не закричал.

– Живой?

Мужчина попытался достать из-за спины пистолет. Тарас перехватил руку, выкрутил пистолет, удивляясь его тяжести и необычайно толстому дулу.

– Тихо! Не дергайся! Шею сломаю! Как понял?

Спецназовец замычал, шевельнув рукой.

– Отвечать на вопросы будешь?

Мычание, попытка кивнуть.

– Что за команда? – Тарас отнял ладонь.

– ДДО «Гамма», служба внутренних расследований конторы...
– ДДО – это, надо полагать, диверсионно-десантный отряд? Меня так уважают в вашем ведомстве? Это лестно. Кто послал?

– Майор Золиньш.

– Кто над ним?

– Начальник Управления.

– Фамилия.

– Полковник Гольдин.

Тарас хмыкнул, качнул головой.

– Не знаю таких. Не вешай мне лапшу на уши. Я никогда не встречался ни с майором, ни с полковником. Зачем он послал вас сюда? Захватить, ликвидировать?

– Сообщить, что ваш учитель, полковник Смирнов...

– Елисей Юрьевич? При чем тут мой учитель? Что с ним?!

– Его взяли...

– Кто?!

– Боевики «Купола».

– Что ты сказал?! – Вопрос вырвался сам собой. Ошеломленный известием, Тарас сдавил шею спецназовца, придвинул к себе. – Повтори!

– Его... взяли... солдаты... «Купола»... – просипел «киборг».

– И тебя, бойца ДДО, послали затем, чтобы сообщить об этом?! Достаточно было дать телеграмму капитану. Говори правду! – Тарас сдавил шею противника сильнее, добавил в шепот дикой ярости. – Один из твоих подчиненных стрелял в меня из химшокера! Ну?!

– Это... ошибка... отпусти... они... просто... тебя... не узнали... хрр...

Тарас отпустил спецназовца, потер лоб, собираясь с мыслями. Командир десанта либо искусно врал, либо подчинялся более глубокому внушению, нежели пси-атака Горшина. В любом случае верить ему было нельзя. Но и сообщение о захвате учителя требовало каких-то немедленных действий. Что-то подсказывало Тарасу, что десантник насчет этого не врал.

Взгляд Тараса упал на пистолет с толстым дулом. Он поднес его к глазам, с недоумением потрогал дульный срез, имеющий не одно отверстие, а с десяток маленьких, миллиметрового диаметра. Это был

не обычный пистолет с насадкой бесшумной стрельбы, как ему показалось вначале. Это был...

– «Глушак»! – выдохнул Тарас. Направил ствол в лоб «киборгу». – Я из тебя сейчас идиота сделаю! Ведь это гипногенератор, не так ли? Тебя с командой послали угробить меня любой ценой? Считаю до трех! Раз...

– Меня послали убрать тебя, – торопливо захрипел пленник. – Я выполнял приказ, но и захват твоего учителя – правда.

Тарас думал несколько мгновений, подал ему шлем, из переговорного устройства которого доносились шелестящие сигналы вызова.

– Пошли своих парней в трюм! Живо! И не вздумай шутить, ей-богу, пристрелю!

Командир десанта напялил кое-как шлем, проговорил в микрофон:

– Всем вниз, в трюм! Ждать команды!

Тарас сорвал с него шлем, встряхнул.

– На чем вы пришли?!

– На катере... следует за нами в полукабельтове...

– Сколько на нем человек?

– Только рулевой.

– Связь?

– По рации...

Тарас нащупал на шее спецназовца парализующие точки и погрузил его в сон. Подтянул тело поближе к баркасу, где тень была погуще, и метнулся к центральной лестнице, соединяющей все палубы теплохода.

Тоню он обнаружил за тем же столиком в компании двух молодых парней, разгоряченных вином и надеждами на полноценный отдых. Девушка была напряжена, не отвечала на их шутки и то и дело оглядывалась, ожидая спутника. Увидев Тараса, она вскочила и торопливо подбежала к нему с явной радостью и облегчением в глазах.

– Все нормально? – спросил он, окидывая взглядом разочарованных парней. – Они тебя не обижали?

– Нет, только скабрезничали... и смеялись... пойдём отсюда.

– Именно это я и хотел предложить.

Не обращая внимания на захмелевших молодых людей, что-то кричавших им вслед сквозь музыку, Тарас и Тоня вышли из бара,

направились к лестнице.

– Куда мы теперь?

– К сожалению, отдых наш закончился, – нехотя сказал Тарас. – Моего учителя захватили... нехорошие люди. Надо возвращаться в Москву. Хотя, если хочешь, можешь остаться, я полечу один.

– Нет! – быстро сказала Тоня, сильнее сжимая его руку. – Я с тобой! А как мы доберемся до берега?

– Нам подадут транспорт. Жди меня на первой палубе, справа по корме. Я сейчас вернусь.

– Не бросай меня одну! Я... я боюсь...

– Не бойся, малыш, никто тебя не тронет. Можешь даже забежать в каюту и забрать наши сумки. Только не медли, у тебя всего минут десять. Я могу на тебя положиться?

Тоня перестала дрожать, взбодренная необходимостью действовать.

– Через пять минут я буду на корме.

Он отдал ей ключ от каюты, и они разошлись: Тоня побежала вниз, легкая и стройная, как серна, Тарас – вверх. Командира десанта он нашел там же, где и оставил. Привел его в чувство.

– Вызывай катер. Скажешь рулевому, чтобы подошел к борту справа, я опущу трап. И помни: твоя жизнь находится на кончике твоего языка!

Спецназовец натянул шлем, вызвал катамаран.

– Теперь снимай костюм, – приказал Тарас. – Живее!

Командир десанта повиновался, ощутив прилив первобытного ужаса, хотя всегда считал себя человеком без нервов. Через две минуты возни с «киберкостюмом» Тарас превратился в «киборга», натянул шлем и с помощью вздрагивающего от холода и волнения спецназовца вызвал катер.

– Я под правым бортом, – доложил рулевой. – Жду указаний.

– Заберешь меня и девку-заложницу, – голосом командира группы проговорил Тарас. – Будем через три-четыре минуты.

– А остальные? – не понял рулевой.

– Выполняют задание, мы их снимем позже. Конец связи.

Тарас уколom в переносицу – точка *шоку* – усыпил командира ДДО «Гамма», взял его оружие и комплекс наведения и метнулся вниз, на первую палубу, где ждала его Тоня.

Испугаться «призрака», возникшего ниоткуда, она не успела. Тарас притиснул ее к себе, зажал рот ладонью и шепнул на ухо:

– Спокойно, это я! Ничего не спрашивай, следуй за мной и делай покорный вид.

Он в последний раз просканировал «третьим глазом» пространство теплохода, но затаившихся врагов не обнаружил. Десантники в это время спускались в трюм, моряки занимались своими делами, а большинство пассажиров давно наслаждались объятиями Морфея. Пора было уходить.

Тарас спустил трап, стараясь не шуметь, спустился первым вниз и спрыгнул на палубу небольшого быстроходного суденышка с динамически зализанной крохотной рубкой и двумя киями на подводных крыльях, махнул рукой, не видя, но физически чувствуя взгляд рулевого, поманил Тоню.

Девушка с тихим возгласом сорвалась с нижней площадки трапа и упала бы в воду, не подхвати ее Тарас. Где-то на верхних палубах слышались возбужденные голоса, вспыхнул прожектор. Видимо, кто-то из экипажа теплохода обнаружил тело командира десантников. Тарас повелительно махнул рукой, приказывая рулевому отойти от борта корабля.

Катер накренился вправо, увеличил скорость и по дуге ушел за корму теплохода. Лайнер удалялся, сверкающий иллюминацией, огромный и величественный, унося в своем чреве более тысячи человек пассажиров и членов экипажа.

– Спускайся в кубрик и жди, – подтолкнул Тарас Тоню к люку в палубе катера.

– Что случилось? – высунулся из рубки ничего не подозревающий рулевой. В отличие от десантников, он был одет в обычную морскую робу.

– К берегу! – скомандовал Тарас, не снимая шлема, затем направил на парня пистолет-пулемет. – Где мы сейчас?

– На траверзе турецкого порта Самсун, – ответил изумленный моряк. – До берега миль сто. Ты кто?!

– Агент ноль-ноль-семь, – ответил Тарас. – Гони во всю мочь, еще успеешь к утру догнать теплоход и забрать своих пассажиров. Кстати, один из них упал за борт. Надеюсь, море не холодное и он выплывет.

– ..! – выругался рулевой, увеличивая скорость.

Через полтора часа дикой гонки по волнам катер высадил пассажиров на берегу, недалеко от какого-то поселка. Перед высадкой Тарас разбил панель рации катамарана, снял спецкостюм и оставил его рулевому. Без оружия. «Глушак» он решил взять с собой.

– Теперь жми обратно. Скандал обеспечен, но это не твоя вина и не моя проблема.

Рулевой еще раз выругался заковыристо, и катер унесся в темноту, как гигантская скоростная торпеда. Тарас нашел в камнях на склоне холма нишу, спрятал в нее пистолет-пулемет и ноутбук системы целенаведения, повернул к себе уставшую от переживаний спутницу. Глаза ее отразили звезды и недалекие огни селения.

– Прости, что так все получилось. Честное слово, я не хотел.

– Я знаю, – кивнула она, вдруг прижимаясь к его груди лицом. – Они хотели тебя... убить?

Он замер, не зная, что сказать.

– Не хочешь – не отвечай, – поняла девушка его колебания. – Я ничего не понимаю и ничего не умею, но если ты захочешь, я пойду, куда ты скажешь.

– Спасибо, – улыбнулся в ответ Тарас. – Всегда мечтал встретить такую, как ты. А о чем мечтаешь ты?

– Не знаю, не задумывалась, хотя, наверное, больше всего хотела бы найти место, где нет войн и несчастий, где никто никого не убивает, и поселиться там.

– Пожалуй, я тоже не отказался бы поселиться в таком месте. У «Любэ» есть песня:

Ай брусничный цвет, алый да рассвет,
Али есть то место, али его нет...

– Я не встречала.

– Найдем, обещаю.

Он нежно отнял голову Тони от груди и поцеловал...

Через час они выбрались на окраину поселка, встретили сонного мужика, запрягавшего лошадь, и тот, сообщив, что поселок называется Вуколье, доставил молодую пару на телеге к автостанции. Там Тарас договорился с дежурившим частником, сочинил страшную историю об

угодившем в реанимацию друге, и пожилой татарин за два часа (и три тысячи рублей) доставил пассажиров в аэропорт Адлера.

В одиннадцать часов дня они были во Внуковском аэропорту, а в двенадцать Тарас на руках внес уставшую Тоню в свой дом.

* * *

Следующий день едва не начался ссорой.

Тоня отказывалась переселяться к сотруднице Тараса, ему же важно было иметь свободу маневра и развязанные руки, для чего он и предложил дочке прокурора пожить два-три дня у Нины. В конце концов остановились на компромиссе: Тоня согласилась остановиться у Нины, однако с одним условием: он должен был регулярно, не реже раза в день, навещать ее. На том и порешили.

Утром, после зарядки и завтрака (зарядка получилась «двойной», так как обоих неудержимо потянуло друг к другу, отчего вторая часть «зарядки», наиболее приятная, закончилась в постели) Тарас отвез Тоню по знакомому адресу и, более или менее успокоенный, принялся искать каналы выдачи информации о судьбе учителя. Однако поиск оказался значительно сложнее, чем он рассчитывал. Ни один традиционный метод не сработал, в том числе – подключение к Интранету, компьютерной сети спецслужб, которую в России чаще называли Ментанетом. Основные сведения о «Куполе» оказались засекреченными, а те, что были доступны, содержали только общие положения и ничего конкретного – ни имен, ни кличек, ни занимаемых постов и должностей.

Поразмышляв над ситуацией в тишине своего кабинета, Тарас зашел в офис Комитета, не уведомляя об этом ни начальство, ни сотрудников. Он выключил компьютер и стал обзванивать друзей и приятелей, которые могли хоть что-то слышать о судьбе полковника Смирнова, эксперта аналитического отдела ФСБ. Но и этот путь ничего не дал. Даже коллега Елисея Юрьевича, полковник Науменко, с которым Тараса когда-то познакомил учитель, ничего не слышал об исчезновении последнего. Выходить же на директора службы не хотелось, так как тот сразу задал бы вопрос: откуда Горшин, не являющийся сотрудником конторы, знает о захвате полковника

Смирнова боевиками «Купола»? К директору можно было идти, только зная точное местоположение учителя. Поэтому оставались три варианта поиска: попытаться взломать секретные серверы ФСБ и ГУБОПа с помощью хакера, захватить полковника Гольдина из Управления внутренних расследований ФСБ, который рискнул послать за Тарасом группу «Гамма» аж на Черное море, и, наконец, выйти в астрал и поискать Елисея Юрьевича с помощью Ведогона. Если только дух согласится помочь младшему отпрыску рода Горшиных, увлекающемуся физической реализацией в ущерб метафизике внутреннего совершенствования. Тем не менее Тарас решил использовать все шансы один за другим, не считаясь ни с чем, так как совершенно четко понимал, что никто, кроме него, не поможет учителю, тем более иерархии Круга, свято соблюдавшие тысячелетние традиции невмешательства в межчеловеческие разборки первого и второго уровней. Тарас также был убежден в том, что эти традиции необходимо ломать, надо спасать своих сподвижников, а не бросать их в беде, даже если они допустили ошибку. Силы Тьмы можно было победить только всем миром – *вместе!* История Руси уже неоднократно доказывала этот постулат на деле, тем более в условиях, когда каждый воин был на счету, а потеря мастера и вовсе приводила к поражению.

Сомнений, что он действует правильно, у Тараса не возникало.

В конце дня он созвонился с Витюшей Кучиным, работающим в частной фирме компьютерщиком, и договорился о встрече. С Витюшей он был знаком уже несколько лет, впервые встретившись с ним в Норильске, куда Горшина закинула судьба эксперта по экологии. В те годы Кучин занимался разработкой сайтов для организаций и частных лиц, случайно влез в файлы местных энергетиков, обнаружил кое-какие отклонения в строительстве ТЭЦ и честно доложил об этом начальству. Это привело к десанту экспертов Комитета, закрытию строительства и ряду судебных процессов. Витюше пригрозили выколоть глаза и вырвать язык, он пожаловался на это Тарасу, и тот помог ему перебраться в Москву. А так как этот человек был профессионалом своего дела и мог обойти защиту любых серверов, Тарас поддерживал с ним приятельские отношения и приглашал изредка в гости. Помимо компьютеров, Витюша знал и много чего из других областей науки и техники и был интересным собеседником. К

тому же он безоговорочно верил Горшину и оставался, наверное, единственным специалистом, который мог ему помочь, не спрашивая о законности и этической стороне данного мероприятия.

Однако планы неожиданно пришлось менять.

Когда Тарас уже садился в машину, рядом вдруг возник какой-то высокий человек в сером плаще, открыл дверцу кабины с другой стороны и сел на переднее пассажирское сиденье, повернув голову к водителю. Тарас оторопело вскинул глаза на гостя и, встретив его спокойный, ясный взгляд, расслабился. Перед ним сидел пентарх Герард, Хранитель Круга, ответственный за «кадровую политику». Хотя, наверное, это было не единственное поприще пентарха, за которое он отвечал положением и жизнью.

– Здравο, воин, – произнес Герард звучным голосом. Выглядел он достаточно молодо, лет на сорок, на самом деле жил этот человек уже несколько сот лет.

– Здравο... – пробормотал Тарас.

– Прости, что без предупреждения. Есть тема для недолгой беседы.

– Слушаю вас.

– Поехали.

Тарас вопросительно приподнял брови, и пентарх добавил:

– Знаешь, где располагается бывший Зачатьевский женский монастырь?

– Где-то на Остоженке, по-моему. Но ведь монастырь разрушен.

– От него действительно сохранилась лишь часть стен да фундамент, но надвратную церковь Спаса недавно восстановили, и в ней уже проводятся богослужения. Нам туда.

Тарас завел двигатель и выехал на улицу.

Пока ехали по городу, молчали. Герард был задумчив и смотрел перед собой, решая какую-то из очередных задач. Лишь однажды он спросил, каковы успехи Горшина в изучении метаязыка. Тарас ответил, что некоторые Ключи смысла не только не поддаются расшифровке, но и не произносятся. На что собеседник усмехнулся и сказал:

– Если бы все вербальные Ключи метаязыка можно было произнести любому человеку, человечество уже прекратило бы существование. Современная цивилизация имеет переходный характер, ей нельзя доверять все тайны магического оперирования

материей. Кое-кто уже дооперировался, что поставило земную реальность в разряд запрещенных. Кстати, Ключи на самом деле – только многомерные голографические коды метаязыка, их знание еще не дает человеку права считать себя *выше* закона. Если к ним подходить только как к символам и звуковым пакетам, сущности метаязыка не понять. Подходить к их осмыслению надо системно.

– Мне это говорили, – сухо сказал Тарас.

– Я знаю, – кивнул пентарх. – Просто еще раз расставляю акценты. На наш взгляд, твой учитель слишком рано посвятил тебя в тайны этой проблемы. Хотя, с другой стороны, это – основной путь Посвященного.

– Вы хоть знаете, что с ним случилось? – не выдержал Тарас.

– Знаю, – спокойно ответил Герард. – Он заложник Конкере.

– И вы ничего не делаете, чтобы его освободить?!

– Именно по этой причине я и встретился с тобой. Мы не хотим, чтобы ты шел Путем потерь. Это дорога в никуда.

– Объяснитесь!

– Потерпи, сейчас мы приедем в одно место и побеседуем.

С Остоженки свернули к набережной Москвы-реки, остановились возле небольшой церквушки из красного кирпича с белыми фронтонами. Это и была надвратная церковь Спаса, построенная еще в конце семнадцатого века и восстановленная три столетия спустя. Однако Герард повел Тараса не в саму церковь, а обошел ее и во дворе свернул к низкой пристройке, напоминающей склеп, с небольшой железной дверью, запертой на амбарный замок. Пентарх коснулся его пальцем, и на глазах заинтересованного Тараса замок открылся.

Дверь, толстая, казавшаяся монолитной чугунной плитой, также отворилась сама, без визга петель. По двору прошел монах в рясе, перебирая четки, но на гостей даже не взглянул. Скорее всего, он их не видел. Дверь тихо закрылась за шагнувшими внутрь посетителями, отрезав все звуки и свет. Фигура Герарда оделась в мягкое серебристое сияние, стали видны стены и пол строения. По узкой деревянной лесенке они спустились в подвал, открыли еще одну металлическую дверь и долго считали каменные ступеньки другой лестницы, с пролетами высотой около полусотни метров каждый. Когда Герард остановился, Тарас прикинул, что находятся они примерно на

двухсотметровой глубине под Москвой, гораздо ниже любого колодца метро.

Пентарх подвинулся, чтобы его спутник мог разглядеть очередную дверь, имевшую странный вид. Впечатление было такое, будто она была покрыта отливающими шелковой малахитовой зеленью крыльями гигантских жуков. Во всяком случае, это был не металл и не пластик, Тарас мог в этом поклясться.

– Проходи, – покосился на него Герард.

Тарас воспринял команду как тест, коснулся рукой выпуклого ромба «крыла жука» и не удивился, когда рука не встретила сопротивления, одевшись в ореол зеленоватого свечения. Тогда он шагнул вперед, пронизал неощутимую, хотя и отчетливо видимую преграду и оказался на балюстраде, опоясывающей колоссальный квадратный зал с бугристым каменным потолком и такими же стенами. Глубина зала достигала ста метров, каждая сторона квадрата – около шестидесяти, и весь объем зала занимала гигантская, светящаяся изнутри как единый кусок янтаря постройка, форму которой описать было невозможно. Больше всего она походила на чудовищный термитник, но термитник геометрически совершенный, созданный по всем канонам строительной науки с учетом «золотого сечения» и «вурфа» и принципов фрактала.

Тарас замер, вцепившись руками в каменный поручень балюстрады, пораженный красотой и более всего – необычностью и чужеродностью «термитника», созданного явно не человеческими руками и производящего на созерцателей потрясающий эстетический эффект.

– Не может быть! – очнулся Тарас, слепо оглянувшись на терпеливо ожидавшего Герарда. – Это же... замок изоптеров!

– Термитов разумных, – кивнул проводник, также разглядывающий строение древних Инсектов. – Под Москвой сохранилось около сотни таких подземных храмов, созданных десятком видов Инсектов – от пчел и термитов до клещей и комаров.

– Да! – кивнул Тарас, с трудом сбрасывая оцепенение, вызванное созерцанием термитника. – Они должны были где-то храниться... теперь я понял... – Он посмотрел на пентарха. – Зачем вы мне его показали?

– Ты мне симпатичен, воин, – без тени улыбки проговорил Герард. – Обычно я не контактирую с Посвященными твоего уровня, но есть нечто, заставляющее меня сомневаться в правильности выбора твоего учителя.

Тарас стиснул зубы.

– Слушаю.

– Нет-нет, поучений и наставлений не будет, – покачал головой пентарх. – Я хотел показать тебе то, ради чего когда-то был создан Внутренний Круг. – Он кивнул на сооружение в центре зала. – Круг – лишь хранящая организация, не творящая и не стремящаяся переделать мир даже с самыми благими намерениями. Мы – Хранители древних культур, и только. Восстановлением порядка и справедливости занимаются другие структуры.

– Но седьмой план Круга – это воины, кшатрии, и я тоже воин...

– С одной лишь добавочкой – воин духа. А это уже качественно иная форма мировоззрения. Мы не возражаем, когда в наши ряды приходят люди боя, профессиональные воины и защитники, не потерявшие души и совести. Кстати, таких мало. Но и они должны следовать закону интеллектуальной чистоты: не совершай деяний, опирающихся на эмоции.

– Я понял. – Тарас отвернулся и тут же снова посмотрел на проводника. – Но я не могу и не хочу бросать в беде друга... учителя. И не брошу! Если не поможете ему вы, это сделаю я, чего бы мне это ни стоило! Иначе зачем тогда жить? Ради сохранения этих мертвых осколков древних знаний?! Но ведь жизнь людей значительно ценнее! Или я чего-то не понимаю?!

– Жизнь ценнее, – кивнул Герард со вздохом сожаления. – Именно поэтому мы не можем рисковать жизнью других иерархов Круга и Посвященных ради спасения одного. Кстати, эти, как ты выразился, «мертвые осколки древних знаний» далеко не мертвы.

Тарас скривил губы, собираясь высказать все, что он думает по этому поводу, но встретил понимающий и предостерегающий взгляд пентарха и удержался. Сказал глухо:

– Я привык жить иначе. Если я не помогу другому, то и мне никто не поможет. Прошу только одного: дайте координаты базы или помещения, где содержится учитель. Дальше я пойду один.

– Ты погибнешь.

– Возможно. Однако совесть моя будет чиста, а это для меня пока главное законов Круга. Посчитаете нужным отчислить меня из кандидатов в Хранители – я пойму.

– Хорошо, – сказал Герард. – Мы подумаем. Возможно, информационная помощь будет оказана. Маленький совет, прежде чем мы расстанемся: береги Антонину. Она пробуждающийся сенс и вполне может войти в нашу систему. Отныне ответственность за ее путь и жизнь тоже лежит на тебе. Теперь иди, я еще побуду здесь какое-то время. Двери откроются и закроются за тобой сами.

– Спасибо, – пробормотал Тарас, сделав полупоклон. Бросил взгляд на сияющий храм Инсектов и с опаской шагнул в «голографическую» дверь, еще не привыкнув к ее нематериальности.

– Раньше говорили: спаси Бог, – задумчиво сказал Герард, сложив руки на груди. – Что ж, спаси Бог тебя, воин...

Обратно Тарас выбирался двадцать минут, размышляя над тем, что увидел и услышал. Но решения своего не изменил. Учителя надо было вызволять любой ценой, даже вопреки мнению иерархов Круга, закосневших в своих определениях ценностей жизни.

Глава 23

ИЩИ ВЕТРА В ПОЛЕ

Тоне о своей встрече с пентархом он ничего не рассказал. Не потому, что не доверял ей или боялся, что она не поверит, просто не хотел ее волновать. Она и так напереживалась за последние несколько дней на много лет вперед.

Вечер они провели втроем с Ниной, не выходя из квартиры. Сотрудница Тараса отнеслась к своей квартирантке с доброжелательным интересом и вниманием, ввела ее в курс большинства столичных новостей и принялась учить светским манерам, хотя Тоня в этой учебе, по мнению Тараса, и не нуждалась. Тем не менее такая опека отвлекала девушку от горестных воспоминаний и заставляла думать о будущем. Нина, понимая, что с ними происходит, вела себя достаточно тактично, показав лучшие качества хозяйки, за что Тарас был ей очень благодарен. У него не раз возникал вопрос, почему бухгалтер Комитета живет одна, будучи красивой и умной женщиной, потом пришла догадка: критерий отбора у таких женщин, имевших опыт общения с мужчинами, настолько высок, что мало кто дотягивает до «планки».

Нина, угостив Тараса ужином, прикинулась занятой, вспомнила о подруге, которую надо было «срочно навестить», и оставила молодых наедине друг с другом. Тоня, смущенная подтекстом этой «занятости», не знала, что говорить и что делать, и Тарас пришел ей на помощь, предложив позаниматься произношением Ключей метаязыка. Однако девушка отказалась, еще раз показав, как тонко она чувствует его переживания и желания.

— Ведь она все понимает? — проговорила Тоня, кивая на закрывшуюся дверь. — Что мы... что у нас...

— Понимает, конечно, — мягко улыбнулся Тарас. — Но ведь мы не делаем ничего дурного. Или ты считаешь иначе?

— Ты прекрасно знаешь, что я думаю, и ничего не боюсь.

— Ты так и не ответила, пойдешь ли за меня замуж.

Тоня вздрогнула, округлила глаза, удивленно изогнула брови.

— Ты... всерьез... этого хочешь?

Он согнал улыбку с губ, подошел вплотную, заглянул в глаза девушки, ставшие глубокими и загадочными.

– Хочу!

Она снова вздрогнула, потянулась к нему, прошептала с каким-то сожалением, осуждением и недоверием:

– Я ничего не понимаю в жизни... я некрасивая... тебе нужна другая, такая, как Нина...

– Мне нужна ты!

Она подняла лицо, просиявшее такой доверчивой и чистой радостью, что он задохнулся от нежности и любви.

– Правда?

И тогда он поцеловал ее и подхватил на руки...

Нина пришла через полтора часа, по лицам гостей определила их состояние и поспешила приготовить глинтвейн, не умолкая ни на минуту, пригласив Тоню на кухню, чтобы показать, как готовится напиток. Тарас, пока они возились с глинтвейном, позвонил Витюше еще раз, наткнулся на автоответчик и понял, что время отдыха прошло, настало время действий. Он зашел на кухню и объявил, что уходит по срочному делу.

– Даже не попробуешь моего фирменного алкоголя? – огорчилась Нина.

– Извини, не могу, мне надо иметь свежую голову.

Тоня посмотрела на него вопросительно, и он добавил успокаивающе:

– Предстоит встреча с одним сумасшедшим компьютерщиком. Я вам потом позвоню.

– Жаль, – вздохнула Нина. – А можно, я приглашу подругу? Она тоже сейчас кукует в одиночестве, мужа выгнала. Посидим вдвоем, поболтаем.

– Я ее знаю?

– Это Света Кашина, я тебе рассказывала, она работает менеджером в рекламной компании.

– Какие могут быть вопросы? Это твоя подруга и твой дом. – Тарас чмокнул Тоню в щеку. – Не скучай, художница, я приду завтра.

– Скучать ей не придется, – со знанием дела сказала хозяйка, – это я обещаю.

Он послал Тоне ментальную улыбку с ароматом грусти и ожидания, и по тому, как у нее шире раскрылись глаза, понял, что девушка восприняла его послание. И еще он понял, что случайной их встреча в Чечне не была. Тоня имела не только талант художника, но и задатки видящего. Из нее вполне мог проклюнуться экстрасенс, а в перспективе – Посвященный Круга.

Домой Тарас возвращался с нетерпением, твердо и окончательно решив использовать для поисков учителя все свои паранормальные возможности. Он просканировал дом и район вокруг «третьим глазом», ничего угрожающего не обнаружил и устроился в гостиной, не зажигая света, готовясь к выходу в пространство Хроник.

Минуты сосредоточения на солнечном сплетении оказалось недостаточно. Тогда он положил руки на затылок, глубоко втянул носом воздух, наклонился вперед, задерживая выдох. По телу прошла ударная волна тепла, смывая отвлекающие ощущения и мысли. Он выпрямился, все еще не торопясь выдыхать наполнявшийся углекислотой в легких воздух, качнул корпус слева направо с затухающей амплитудой и только тогда выдохнул со звуком о-о-о-у-у-у-м-м-м...

Тело и сознание перестали ощущаться отдельно, стали одним целым, сгустком воли и ума, отражавшим колебания полей Мироздания. Затем этот сгусток заполнил собой объем комнаты и вышел за пределы дома, становясь частью более мощной энергоинформационной системы, в свою очередь, являющейся лишь ступенькой к Хроникам Акаши – энергоинформационному полю Вселенной. Вместе с тем объем окружающего тело пространства продолжала контролировать периферийная часть чувственной сферы, и любое изменение обстановки немедленно было бы проанализировано и доложено главному «я» Тараса.

Перед глазами замелькали странные картины (конечно, видел он сейчас не глазами, а подсознанием, хотя по привычке продолжал использовать описания и термины земной жизни), он как бы спускался вниз и одновременно поднимался вверх, над панорамами неких призрачных миров и бездн, и, наконец, вылетел в беспредельное, текучее, живое, шепчущее и светящееся нечто, называемое адептами Круга порогом Великой Пустоты, за которым начиналось *тайдзокай* – Чревохранилище Вселенной, или Хроники Акаши. Зная ключи,

приемы и коды подсоединения к «файлам» Хроник, можно было «скачать» любую информацию о любом явлении прошлого и будущего. Однако Тарас Витальевич Горшин, Посвященный седьмого уровня Внутреннего Круга человечества, еще не был допущен к уровню *тайдзокай*, а уровень *конгокай* – «сфера неразрушимого», сущность духовной ответственности за все совершаемое, и вовсе казался ему недостижимым. Правда, для решения утилитарной задачи, ради которой он вышел в поле Хроник, этот уровень не требовался.

«Ведогон!» – позвал Тарас.

В бесконечном океане света взметнулись туманные струи, проявляя чье-то струящееся, изменяющееся, текучее, неопределенное лицо.

«Мы слушаем», – ответил дух рода с какой-то печалью. Похоже, он знал причину вызова, заставившую последнего потомка родовой линии Горшиных выйти в информационное «болото» астрала.

«Прошу прощения за беспокойство, но мне совершенно необходимо узнать координаты места, где в данный момент находится мой учитель Елисей Юрьевич Смирнов».

«Мы уже предупреждали, идущий. Ты избрал неверную дорогу, она ведет в пропасть».

«Речь идет о жизни и смерти человека!»

«Жизнь – лишь небольшая пауза в океане Вечности. А смерть все равно найдет причину, как от нее ни убегай. Это закон. Твой учитель обречен».

«Плевать мне на закон! Я хочу спасти учителя! Дайте мне координаты его тюрьмы, и больше я вас ни о чем не попрошу».

«Это неправильное решение, младший. Мы не хотим давать ответы, ведущие к твоему преждевременному уходу из данной реальности. Ты увлекся сведением счетов, в то время как должен был заниматься устройством знаний древних Текстов, которые дали бы тебе возможность самостоятельно рассчитывать поля возможных траекторий любого живого существа».

«Может быть, я в чем-то и ошибаюсь, но сейчас мне нужно спасти дорогого мне человека».

«Его невозможно спасти».

«Это ваше мнение. Я думаю иначе. И вообще, вы должны отвечать на мои вопросы, так как являетесь хранителем рода!»

«Мы обязаны защищать род, а с твоей смертью он прекратится».

«Я требую!»

«Сожалею. — Лицо из струй золотистого тумана, то проявляющееся в сиянии облаков и лучей информации, то пропадающее, опечалилось. — Мы советуем пореже выходить в пространство Хроник без дополнительной защиты. Наши силы не беспредельны, а тебя здесь давно ищут охотники носителя Тьмы. Отвечая тебе, мы ослабляем защиту, и когда-нибудь ты будешь атакован на уровне, который тебе не доступен. Прощай».

«Значит, вы бросаете меня?»

«Мы защищаем тебя, как можем».

Лицо духа-хранителя — ментальный образ, проявленный фантазией Тараса, — исчезло. Световая бездна всколыхнулась. Из неведомых глубин информационного «болота» всплыло мрачное фиолетовое пятно со множеством щупалец, напоминавшее спрута. Беги! — шепнул сторож организма. Тарас замешкался и едва не поплатился за это — «спрут» метнул в него щупальце, которое мгновенно преодолело разделявшее их расстояние, и, наверное, «сожрал» бы неопытного путешественника по астралу, но на пути щупальца возникло звездообразное зеркало и отразило большую часть темноты. До сознания Тараса долетела почти прозрачная голубоватая струя неизвестной субстанции, похожая на струю реденького дыма. Но и ее оказалось достаточно, чтобы выбить Тараса из сферы видения и затемнить сознание. Как сбитая на лету птица он рухнул вниз, в бездну, растворяясь в грохочущем гуле и леденящем кровь страхе...

Очнулся он через несколько минут, судя по стрелкам часов, хотя внутренние ощущения давали другую величину — несколько часов. Прислушался к пространству вокруг, ожидая появления «пауков угрозы», но все было спокойно, никто не проявлял к его дому особого внимания, не следил и не готовил нападений, и Тарас расслабился, ощущая блаженство покоя. Вспомнился старый анекдот про ангела-хранителя, вполне соответствующий ситуации.

Подгулявшая компания едет в машине. Водитель-лихач гонит, нарушая все правила движения, так что даже у подвыпивших приятелей сжимается от страха сердце. «Останови, Вовик, — просят они водителя, — мы лучше выйдем». — «Труссы, перестраховщики! — восклицает водитель, останавливаясь. — У меня есть ангел-хранитель,

он меня всегда остановит и спасет». Приятели выходят, он снова давит на газ и выкруливает на встречную полосу. Тут кто-то вежливо хлопает его по плечу: «Останови, братан, это я, твой ангел-хранитель. Пожалуй, я тоже лучше выйду...»

Тарас слабо усмехнулся. Ведогона нельзя было назвать ангелом-хранителем, но сходство анекдота с тем, что произошло между духом рода и Горшиным, было разительным.

— Ладно, я и сам справлюсь, — проговорил Тарас вслух, погружаясь в полузабытье. — Никто не запретит мне спасти учителя...

Затем он уснул и увидел продолжение сна, который Елисей Юрьевич называл зонгом — наведенной пси-передачей.

Тот же величественный зал храма с колоннами, пюпитр с лежащей на нем Книгой ключей, огромный резной трон, резные треножки с каменными шарами, пол из плит бархатистого розового камня. И туманная пелена, скрывающая дальнюю стену зала, в которой изредка вспыхивает, проявляется и исчезает прекрасное женское лицо, внимательное и печальное.

Осторожно ступая по скользким, на вид живым плитам, Тарас приблизился к пюпитру, ожидая, что ему снова предложат почитать древние Тексты. Но Книга вдруг расплылась клубом дыма, превратилась в птицу, которая взмахнула крылами и нырнула в призрачную пелену дальней стены. Тарас замер, ошеломленный таким явно демонстративным нежеланием Книги раскрывать ему свои тайны. На глаза навернулись слезы. Потеря была велика, и душа опечалилась.

— Ты сам виноват, незавершенный, — прилетел из дальних далей мягкий, сожалеющий женский голос. — Твои решения пугают наставников. Чего ты хочешь добиться, пытаешься реализовать свои возможности на физическом плане?

Слезы мешали видеть, но Тарас боялся их вытереть. Ответил с мрачной решимостью:

— В нашей реальности возмездие преследует каждого, но мало кого догоняет. Я хочу исправить этот псевдозакон. Кто-то сказал, что в мире есть и святые, и бандиты, но первые всегда действуют в рамках, которые устанавливают вторые. Я считаю, что бандитов должно быть как можно меньше.

Из пелены выступила женская фигура в струящемся световом платье, на Тараса глянули прекрасные золотые глаза, полные ума, силы

и печали. Он замер, пораженный неземной величественной красотой незнакомки, зная уже, что это спутница и она же – вторая ипостась инфарха, Алконост. Женщина улыбнулась, качнула головой и повернулась спиной, за которой вдруг распахнулись белоснежные крылья, исчезла, донесся только ее голос:

– К сожалению, с уменьшением количества бандитов количество святых не увеличивается, идущий. Да, закон адекватного ответа в твоей реальности работает слабо, но все же зло всегда накажет себя само. Никто не придумает себе лучшего наказания, чем тот, кто совершает зло.

– В другой жизни? – скептически скривил губы Тарас.

– И в другой тоже. Твой опыт не изменит расстановку сил в пользу Светлых исходов. Физическое устранение носителей зла не дает избавления от переживаний и не помогает погибшим.

– Но возмездие позволяет простым людям верить в справедливость. Зло должно быть наказано! А я – воин.

– Воин не должен придавать своим делам большего значения, чем они того заслуживают. Путь воина твоего уровня – безупречность. Однако наряду с такими качествами, как острота восприятия чужой боли, своевременность вмешательства...

Тарас поднял голову, не веря, что его мимолетно, но похвалили. Однако воздержался от высказываний на эту тему.

– ...личная сила, физическая и внутренняя, воля, воин безупречности должен обладать ответственностью, – продолжала собеседница. – Ты бываешь нетерпелив и негибок, а главное – теряешь самоконтроль. В идеальном воине должны гармонично сочетаться владения боевыми искусствами и любым ремеслом, самодисциплина и свобода от плотских желаний. Ты уверен, что достиг этого плана?

Тарас опустил голову, нехотя выдавил:

– Нет...

– Вот видишь, – огорчилась Алконост. – Как же ты встанешь на путь истинный, не желая подчиняться этическим нормам этого пути?

– Я... постараюсь... хотя есть обстоятельства... я не могу бросить в беде друга... учителя...

– Никто не заставляет тебя бросать друга в беде, но есть предел необходимой обороны от зла, за которым твои добрые намерения сами становятся злом. Запомни: воин должен прислушиваться к сердцу, ибо

оно – канал связи с божественной силой; пока воин чувствует сердцем правду, он непобедим.

– Я запомню, обещаю...

– Удачи тебе, идущий...

Пелена тумана потемнела, зал неведомого храма подернулся дымкой, растаял...

Тарас проснулся с мокрыми от слез глазами, полежал немного, жалея, что рядом нет Тони, и вдруг услышал-почувствовал прилетевший ментальный звук-импульс:

– Та-а-а-ра-а-ас-с-с...

Встрепенулся, бросая в ночь ответный зов:

– То-о-о-ш-ш-ка-а-а-а...

Перед глазами возникло видение: Тоня в полупрозрачном белом сарафанчике идет босая по траве, протягивая к нему руки...

Он вылетел из тела и бросился к ней навстречу, ощутив самый настоящий взрыв изумления, любви, нежности и тепла. Затем видение растаяло, но канал, соединивший их, остался. Теперь они могли слышать друг друга сердцем на больших расстояниях и поддерживать эмоциональный разговор, что было немаловажно в условиях войны, затеянной Тарасом с легионом Тьмы. В случае угрозы жизни Тони он мог вовремя оценить опасность и прийти к ней на помощь в любой момент.

Послав девушке воздушный поцелуй, он задремал, успокоенный. Но сон с храмом больше не возвращался. Ему сообщили все, что хотели, проявив удивительное терпение и расположение.

– Я оправдаю... – пробормотал он в полусне, не обращаясь ни к кому в особенности.

И кто-то над ним, высоко в небе, а может быть, внутри его и внутри мира, грустно улыбнулся в ответ на обещание.

* * *

Утром он проснулся бодрым, энергичным и уверенным в своей правоте. Позвонил Нине, поговорил с Тоней, обрадовав ее нечаянным словосочетанием «любимая сударыня», и поехал к Витюше Кучину на работу.

Офис частной фирмы «Меюс» располагался на втором этаже старого здания на Цветном бульваре, как раз напротив цирка. Охранник пропустил Тараса, не взглянув на документ, запомнив его, очевидно, с первого посещения, хотя Горшин был здесь полгода назад. Вопреки ожиданиям, Витюша не сидел у компьютера, составляя с ним единое целое, а слонялся по коридорам и кабинетам офиса с унылой физиономией. Увидев Тараса, он обрадовался, стиснул его руку своей лапицей – был Витюша Кучин похож на потолстевшего былинного богатыря, на минутку сбросившего кольчугу и латы, – и отвел в сторонку с виноватым видом.

– Извини, Витальевич, неувязочка вышла. У меня «мама» полетела, менять надо, а в наличии нету, вот жду, прохлаждаюсь. Кофе хочешь? Можем посидеть пока в баре, если ты не спешишь.

Под «мамой», очевидно, подразумевалась материнская плата компьютера, хотя невозможно было представить причину выхода ее из строя.

– Сколько времени потребуется на замену? – спросил раздосадованный Тарас.

– Часа полтора, не меньше, – развел руками Витюша. – Пока привезут, пока установят. Кстати, тебя искал какой-то тип в плаще. Я даже удивился – с чего это он вдруг спрашивает, когда ты придешь?

Тарас насторожился.

– Он представился?

– Сказал, что от какого-то Ведогона и что у него есть нужная тебе информация.

Екнуло сердце. Неизвестный доброжелатель не мог знать о существовании Ведогона, вообще никто из людей не знал, кроме учителя и иерархов. Звонить мог только один из них, решив-таки помочь ему найти учителя.

– Он оставил номер телефона?

– Нет, сказал, что позвонит через час. – Виктор глянул на часы. – Осталось минут двадцать, еще успеем глотнуть кофейку.

Они направились в бар на первом этаже. Витюша восторженно рассказывал о новом варианте игры «Демидур», Тарас размышлял о том, откуда незнакомец, представившийся «другом Ведогона», узнал о его визите к компьютерщику.

Заказали кофе – оба предпочитали капучино. Тарас коротко сообщил Витюше о цели своего визита, тот махнул рукой: для тебя я готов на любую авантюру, – и они вновь поднялись в офис фирмы «Меюс», где Витюша сразу сел за свой починенный персональный «Пентюх», как он называл компьютер «Пентиум-4». Тарас присел на стул за его спиной, но тут же вскочил, услышав телефонный звонок.

Витюша снял трубку, выслушал, подозвал приятеля:

– Тебя.

– Слушаю вас, – коротко сказал Тарас.

– Не ищи ветра в поле, Посвященный, – раздался в трубке бестелесный равнодушный голос, – не подвергай риску посторонних людей.

– Кто говорит? – глухо спросил Тарас.

– Не важно, главное, что не враг. Ты не оставил попыток найти учителя?

– Где он?!

– Известие тебя не обрадует. Он в руках сил... гм-гм, скажем так, сил Тьмы.

– Конкретные координаты! Где?!

– В бункере электротехнической лаборатории Института энергетики, принадлежащего РЭК.

– Я понял, то есть господину Рыжайсу, президенту РЭК и «Купола».

Короткое молчание.

– Ты неплохо осведомлен о роли... гм, господина Рыжайса.

– Адрес лаборатории!

– Сенная улица, примыкающая с севера к Нескучному саду, дом четыре, строение три. Может быть, одумаешься, Посвященный? Риск превышает все допустимые нормы.

– Спасибо за информацию. Жизнь человека стоит любого риска. Кто вы все-таки?

– Тот, кто знает. Когда-нибудь встретимся... если откажешься от затеи вызволить старика, закончившего свой путь.

В трубке затухал сигнал отбоя.

Тарас положил трубку, пытаясь разобраться в своих ощущениях. Звонил явно не враг, судя по свечению телефонной линии, но и не друг. Доброжелатель... «друг Ведогона»... Может быть, тоже дух? Чей? И

почему он согласился выдать тайну, которую не стали раскрывать даже иерархи Круга? Не значит ли это, что адрес указан ложный? И там ждет засада?..

– Что застыл? – удивился Витюша, разминая пальцы. – Поехали ломать чужие секреты. С чего начнем?

– Отбой... – очнулся Тарас, стремительно направляясь к выходу, но остановился и вернулся к ошеломленному компьютерщику. – Можешь уточнить по адресу, кому принадлежит здание недалеко от Нескучного сада?

– Да нет ничего проще!

Тарас продиктовал адрес лаборатории, и толстые, как сосики, пальцы Витюши проворно запорхали по клавиатуре с легкостью бабочки. Через минуту он крикнул, вцепился в шевелюру, дернул и сказал:

– Ни хрена себе!..

– Что там?

– Информация закрыта, а защита настроена на поиск запрашивающего... Ладно, попробуем по-другому.

Пальцы Виктора снова забегали по клавиатуре компьютера, причем он на нее не глянул ни разу, словно клавиатура была продолжением его тела.

– Ну вот, это совсем другое дело. – Компьютерщик удовлетворенно откинулся назад, ткнул пальцем в экран. – Улица Сенная, четыре, дробь три, принадлежит Институту энергетики.

– Спасибо, Витя, ты мне очень помог! – Тарас стиснул плечо приятеля, направился к двери.

– И это все, что ты искал? – разочарованно бросил ему вслед Витюша.

– Пока все. Возможно, я еще приду к тебе за помощью. Только никому не говори о моем визите.

Растерянный Витюша еще что-то говорил, но Тарас его не слышал. Отсчет времени пошел. В голове крутились слова неизвестного информатора: «Если откажешься от затеи вызволить старика, закончившего свой путь». Что он имел в виду? «Закончившего свой путь...» Неужели учитель мертв?!

Выжимая все силы из рыдающего мотора, он гнал машину по улицам Москвы к Нескучному саду, и вдруг затормозил, услышав

тихий ментальный голос:

– Та-а-а-ра-а-а-ас-с-с...

Это звала его Тоня, освободив от наваждения.

Гипнотическая фраза «если откажешься...» перестала давить на психику, сквозь волну возбуждения в мозг пробился тоненький всхлип сработавшей защитной системы неверия: остановись, отсоединись, не спеши... остановись, отсоединись, не спеши...

Тарас выдохнул воздух через стиснутые зубы, заставил себя расслабиться, успокоил бешено работающее сердце. Тебя только что едва не закодировали! – пришла трезвая мысль. Тот, кто звонил, великолепно знает Ключи метаязка. Ты едва не попался...

– Спасибо, Тошка, – с трудом сказал Тарас вслух, уронив руки и голову на руль.

Глава 24

ВИЗИТ В ЛАБОРАТОРИЮ

До вечера он провел время в изучении местности вокруг Нескучного сада – по картам и через компьютерный поиск, – затем стал собираться к походу в электротехническую лабораторию. В том, что ему сказали правду – о содержании учителя в бункерах лаборатории, сомнений не было, несмотря на отсутствие пси-ответа: Елисей Юрьевич на все мысленные вызовы не ответил ни разу. Сомнений не было и в том, что Горшину бросили вызов, не принять который он не мог, попытавшись воздействовать на него с помощью удачно наведенной зонг-линии. Он был подготовлен к восприятию нужной информации, и ему ее дали! После чего он ринулся «спасать учителя», не считаясь ни с чем. Если бы не зов Тони, почуявшей, очевидно, его состояние, он бы так и не понял, что подчинился оператору, работавшему на «Купол», – то ли проводнику темных сил, то ли магу. А в лаборатории его наверняка ждали.

Впрочем, в любом случае ему надо было туда идти.

Я приду, пообещал Тарас мысленно. Но только после определенной подготовки.

Брошенный вызов требовал ответа. Кто его бросил – было уже не важно. Тарас надеялся, что это были Ельшин, Гольдин и Дима Щербань, ставшие олицетворением зла. Они не должны были жить, и не столько из-за того, что работали на «Купол», а через него на Монарха Тьмы, но больше по причине того, что ни в грош не ставили жизнь других людей. Президент России был прав, когда высказывался, что террористов и мерзавцев надо мочить везде, даже в сортире.

Стемнело, когда Тарас погрузил сумку с необходимой для решения задачи экипировкой в багажник «Вольво», еще раз мысленно пробежался по узлам плана проникновения в лабораторию – он собирался использовать канализацию, причем старую, заброшенную еще с послевоенных времен, – и обошел комнаты дома, не зажигая света, испытывая странное ощущение забытой вещи. Спohватился, позвонил Тоне.

– Извини, я не смогу сегодня забежать.

– Я поняла, – ответила девушка с преувеличенной бодростью. – Ничего, у меня все хорошо, читаю книжки, рисую. Нина мне все уши прожужжала, какой ты хороший человек, добрый, суровый, решительный и справедливый. – Она тихо рассмеялась.

– Ты одна? – встревожился Тарас.

– Да, Нина ушла по делам, обещала быть через час. Я попросила ее закрыть дверь на ключ.

– Никому не открывай! И на звонки не отвечай.

– Даже на твои?

– Я буду звонить трижды, коротко, чтобы ты догадалась.

– Не стоит, и я так знаю, когда ты звонишь.

– Ну и отлично, – с облегчением сказал Тарас и добавил с удивительной для себя нежностью: – Экстрасенс мой любимый.

– Правда? – прошептала Тоня. – Что любимый?

– Тебя нельзя обманывать, – сказал он серьезно. – Все равно сразу почувствуешь. Скажи и мне что-нибудь приятное.

– Я... люблю тебя.

У него оборвалось сердце, заработало с бешеной частотой, язык онемел. Но говорить ничего не потребовалось. Канал понимания, ожидания, обещания и любви соединял их, и слова только повторяли чувства обоих, хотя и организовывали окружающее пространство не хуже слов метаязыка.

– Здра-а-а-во-о-о-о... – пропел он и услышал в ответ:

– Жи-и-и-во-о-о-о-о...

Засмеялся, положил трубку, походил по гостиной, все еще улыбаясь, видя перед собой лицо Тони и чувствуя тепло ее тела, затем вдруг почувствовал укол холода и мгновенно перевел сознание в состояние боевого видения. Выскользнул во двор, обошел сарай, метнулся через сад и одним прыжком перемахнул забор, отделявший его участок от усадьбы соседа. Выглянул в щель соседского забора, поблагодарив судьбу за отсутствие у соседа собаки.

К дому подъехала машина – синяя «Волга» последней модели, удивившая, судя по всему, не только создателя рекламы («Волга», ты меня удивляешь!), но и многих автовладельцев, не побоявшихся ее купить. Из машины вышли трое, направились к калитке горшинского дома. Один из них по-хозяйски уверенно вдавил кнопку звонка. Судя по их целеустремленности, они были уверены, что хозяин дома.

Тарас беззвучно выругался. Он должен был почуять, что за ним наблюдают, даже если использовались новейшие дистанционные методы слежки.

Звонок, еще звонок. Короткий обмен фразами. Один из гостей вернулся к машине, наклонился к окну, спросил что-то, выслушал ответ и снова подошел к калитке. Двое мужчин в куртках перепрыгнули штакетник, один направился в обход дома, через сад, второй остановился у входной двери, достал нечто похожее на универсальную отмычку.

Тарас усмехнулся. Дверь его дома можно было открыть разве что из гранатомета. Однако надо было что-то предпринимать, и он, обдумав пришедшее решение, включил темп.

Прыжок через забор, бросок через дорогу, уличный фонарь светит в спину, это неплохо, свист ветра в ушах, еще мгновение – вот и синяя «Волга» с водителем и пассажиром на переднем сиденье.

Тарас открыл заднюю дверь, нырнул в кабину и ткнул сгибом пальца в шею пассажира.

– Сидеть тихо! Дернешься – пристрелю! Вели водителю сидеть смирно!

Пассажир, плотный, с толстой шеей, с коротким ежиком волос и хорошо заметными залысинами, замер.

Водитель в испуге оглянулся и получил удар костяшками пальцев по уху.

– Руки на затылок! Мордой в руль! Живо!

Водитель послушался.

Мужчина, возившийся у двери с отмычкой, и третий гость, у калитки, оглянулись на звук открывшейся и закрывшейся двери, но не поняли, что произошло, и снова обратили внимание на дом.

Тарас обыскал пассажира, вытащил из-под мышки пистолет, из кармана книжечку удостоверения, развернул. И присвистнул от удивления. Удостоверение принадлежало полковнику Гольдину, сотруднику Управления внутренних расследований ФСБ. Тому самому, который послал группу «Гамма» на теплоход «Айвазовский», чтобы ликвидировать Горшина.

– Вот так подарок! – сказал он вслух. – Я собирался вас искать, полковник, а вы сами ко мне заявились. Что, заехали на чашечку кофе? Или захотелось поговорить о смысле жизни? Кстати, отзовите своих

парней, не ровен час кто-нибудь из них нарвется на сюрприз, придется потом долго лечиться.

– Горшин? – чуть повернул голову Гольдин.

– Он самый.

– Вы понимаете, с кем имеете дело?

– Еще как понимаю. Стоит мне позвонить вашему начальству, и вашей карьере крышка. – Тарас ткнул стволом пистолета в висок полковника. – Давай отбой, не тяни время. Пусть убираются!

Гольдин приспустил боковое стекло, позвал:

– Шелганов, подойди.

Мужчина у калитки оглянулся, подошел. Стекла у «Волги» были затемненные, и он не мог видеть, что творится в кабине.

– Отбой операции.

– В чем дело, Станислав Борисович? – удивился сотрудник.

– Потом объясню. Вызывайте резервную машину и езжайте на базу.

Сотрудник с сомнением посмотрел на командира, кинул взгляд в кабину и отошел, доставая брусочек мобильного телефона.

– Поехали, – сказал Тарас водителю. – По улице налево, за углом остановишься и будешь сидеть тихо.

«Волга» развернулась, остановилась за поворотом на соседнюю улицу.

– Чего ты хочешь? – угрюмо поинтересовался Гольдин. – Ты же сам себе могилу роешь, дурак.

– А разве это не вы мне могилу спроворили? Там, на теплоходе? Кстати, все обошлось благополучно? Все вернулись целы и невредимы?

Полковник засопел, кинул косой взгляд на водителя.

– Это недоразумение...

Тарас быстрым и точным движением усыпил водителя, вытащил из машины, убедившись, что этого никто не видит, и сел на его место.

– Теперь поговорим серьезно, полковник. Мы оба знаем, кто есть кто, не правда ли? Вы знаете, на кого работаете и где сейчас находится мой учитель. Я тоже осведомлен о второй стороне вашей деятельности. Честно говоря, я, наверное, не стал бы вас разоблачать, так как отлично понимаю, что такое в одиночку сражаться с системой. Но вы преступили грань, напали на меня и захватили полковника

Смирнова. Теперь настал мой черед. Если не поможете вытащить учителя, я все равно его найду и освобожу, но вы умрете первым. Устраивает вас такой вариант?

Гольдин заерзал, бросил взгляд на шеренгу кустов шиповника вдоль забора, где сидел обеспамятевший водитель, буркнул:

– Мне приказали, я выполнил... что я должен делать?

– Сейчас поедem на Сенную улицу, вы меня представите охране как вашего нового телохрана, мы заберем Елисея Юрьевича «для допроса у начальства», и ваша миссия будет закончена.

Полковник скептически хмыкнул.

– Нас не впустят... и не выпустят. Лаборатория не принадлежит конторе, и охраняет ее спецназ ФСО [\[12\]](#), а не наши ребята.

– Я думаю, они должны вас знать. Мы войдем, а дальше уже моя забота. Только учтите, господин чекист, при малейшей попытке бунта я вас отправлю прямоком на тот свет. И не поможет вам ни спецназ «Купола», ни ваши brave ребята, ни сам Господь Бог!

Глаза Тараса просияли ледяной желтизной, и Гольдин отшатнулся, почувствовав удушливый ужас.

– Я все сделаю! – торопливо закивал он, потев.

Тарас прислушался к шевелению биополей в окрестностях Щелкова, вывел «Волгу» из переулкa и подогнал к дому, возле которого уже никого не было. Легким касанием парализующих точек на шее усыпил полковника и вышел. Дома он переоделся в строгий костюм: пиджак, брюки, серая рубашка, галстук – сунул во внутренний карман пиджака «глушак», аккуратно разложил по карманам метательные иглы и пластины, укрепил на ноге нож и, не оглядываясь, не теряя времени на сомнения, закрыл дверь за собой. В кабине он привел в чувство полковника, тот очнулся, не сразу сообразив, где он и что с ним.

– Вперед, Станислав Борисович, – сказал Тарас почти весело. – Нас ждут славные дела.

Он тронул машину с места.

– Хочу напомнить о нашем уговоре. Я вооружен, а терять мне, как вы сами понимаете, нечего.

– А девушка? – безразличным тоном сказал Гольдин.

Тарас бросил на него быстрый взгляд, от которого тот съежился, как от удара, и снова вспотел, и после паузы, продолжая вести машину,

сказал чужим тусклым голосом:

– Если вы тронете хотя бы волосок на ее голове...

Волна дрожи прокатилась по телу полковника, вызывая панику и ужас. Он едва не вскрикнул, чувствуя, как горло непроизвольно сжалось и перехватило дыхание. Торопливо, сдавленным голосом, заговорил:

– Лично я ничего не планирую... но они знают... и мне не подчиняются.

– Кто – они? Ельшин? Президент «Купола»?

Гольдин весь покрылся холодной испариной, попытался вытереть ладонью струящийся по лицу пот.

– Ты... вы слишком много знаете...

– Меньше, чем хотелось бы. Однако не будем отвлекаться по пустякам. Рассказывайте все, что знаете о лаборатории, об охране: сколько, кто, где, как вооружена, где бункер, в котором держат учителя, и все остальное.

Тарас сделал сложное замысловатое движение правой рукой перед глазами полковника, одновременно посылая мысленный приказ не сопротивляться, ломающий волю собеседника, и Гольдин начал рассказ.

* * *

В десять часов вечера перед неприметным двухэтажным зданием на тихой Сенной улице остановилась синяя «Волга» со спецномером. Из нее вышли двое и направились к центральному входу в здание, поднялись по ступенькам на невысокое крыльцо с перильцами. Тот, что шел первым, плотный, круглоплечий, круглоголовый, с коротким ежиком волос и заметными залысинами, нажал дважды на кнопку звонка. Над дверью шевельнулся окуляр мини-телекамеры. Гостей внимательно разглядывали. Потом ожил динамик:

– Полковник Гольдин?

– Апостол Павел, – буркнул Станислав Борисович.

– Не поздно?

– Допуск «три нуля».

Молчание.

Атмосфера сгустилась до состояния желе, напряжение, владевшее Тарасом, усилилось. Его мысленный нажим достиг, наверное, стадии физического воздействия на невидимых охранников, и они сдались. Или просто выполняли инструкцию.

Замок щелкнул. Дверь мягко и тяжеловесно открылась. Гольдин шагнул через порог, за ним вплотную Тарас. Охранники не спросили, кто он такой, приняв за того, кого и надо, – телохранителя полковника, и это слегка облегчило задачу.

Небольшой тамбур со стеклянными полосами, еще одна дверь.

– Ваш спутник вооружен, – заговорил скрытый динамик.

– На то он и оперативный работник, – покосился полковник на Тараса. – Ему положено носить оружие.

Тарас «рывкнул» во всю пси-мощь мозга:

«Пропустить!»

Лязгнуло. Дверь тамбура отошла в сторону, открывая коридорчик с турникетом и двух охранников в серо-синей униформе, вооруженных пистолетами. Оба носили темные очки, и по толщине дужек и массивности оправы Тарас опознал в очках устройства связи и контроля, а также приборы ночного видения.

– Что случилось? – вышел из-за турникета кряжистый седой охранник, внимательно изучая Горшина; тот чувствовал его недоумение и настороженность, поэтому продолжал давить на психику настойчивым повторением мысленной фразы: «Не мешай! Все нормально! Мы имеем право!» При этом Тарас слегка покачивался из стороны в сторону и шевелил пальцами рук в особом порядке, создавая визуальный канал прямого бесконтактного воздействия на охранников.

– Нам нужно поговорить с одним вашим гостем. Вы понимаете, о ком я.

Охранники переглянулись.

– Он плох, – коротко сказал более молодой охранник, высокий, но сутулый.

– Плевать, – махнул рукой Гольдин. – У меня приказ. Можете пойти с нами, это не займет много времени.

– Но мы не получали на этот счет никаких указаний, – пожал плечами седой с сомнением во взоре.

«Пропустить!» – ударил Тарас обоих «тараном» мыслеволевого приказа, готовя на всякий случай «глушак».

Однако гипногенератор не понадобился.

Молодой сутулый страж лаборатории внезапно потерял интерес к происходящему, отвернулся.

– Пусть идут. Объект если и не окочурился, то вряд ли в состоянии говорить.

– Проходите, – отступил седой, сдаваясь. – Знаете, куда идти?

– Передайте парням второй линии, чтобы не препятствовали. – Гольдин миновал турникет, направился по коридору к лестнице.

Гости спустились на этаж ниже, прошли пустой коридор с голубыми стенами и белыми дверями, снова начали спускаться вниз по ступенькам с металлическими полосками. Еще один коридор, узкий, с шероховатыми серыми стенами, почти без дверей. Дважды повернув, он уткнулся в перегородку с металлической дверью, возле которой сидел за столиком мрачный амбал в серо-синем и читал книжку в мягкой обложке. Увидев гостей, он не встал, а лишь кивнул на дверь, видимо, предупрежденный по телефону дежурным:

– Проходите, открыто, только осторожнее, ни к чему не прикасайтесь, стены под током.

Дверь, толстая, обтянутая медной сеткой с внутренней стороны (сетка оказалась под напряжением), медленно открылась. Гольдин вошел в помещение первым. Невольно затаив дыхание, Тарас шагнул следом, и ему показалось, что в голове разорвалась бомба.

Он успел увидеть лежак с телом человека и туманную фигуру в углу за дверью с поднятой рукой. И все... Сознание вылетело из головы как пушинка под ударом урагана...

* * *

Кто-то лез в уши и ворочался там, шурша крыльями, царапаясь и недовольно стрекоча.

Тарас попытался выковырнуть неприятное насекомое, почувствовал укус и жжение и практически сразу очнулся, ощутив, как волна возбуждающего тепла бежит по сосудам и прогоняет онемение.

«Насекомое», копавшееся в ушах, исчезло, слух восстановился. Стали слышны голоса переговаривающихся людей, постукивания, металлическое позвякивание и щелчки. Голова прояснилась, хотя в затылке все еще торчал остывающий гвоздь боли. Мышцы слушались плохо, к тому же двигаться мешали тугие жгуты на запястьях рук и на лодыжках.

Он открыл глаза и тут же закрыл от яркого света. Но и одного мгновения хватило, чтобы увидеть главное и понять, что случилось.

Тарас лежал голый, в одних плавках, на специальном столе с резино-металлическими скобами, удерживающими его тело. Рядом стоял еще один такой же стол с телом учителя, накрытым простыней до горла. Над столами висели хирургические бестеневые светильники. Тот, что смотрел на Горшина, был включен, и его белое сияние мешало рассмотреть детали обстановки. Тем не менее Тарас определил, что в комнате, кроме них с учителем, находятся еще двое людей, чьи негромкие голоса напоминали жужжание мух.

Послышался тихий звонок, затем скрипучий голос:

– Кажется, он очнулся.

Над ним склонились две головы. Тарас открыл глаза.

– Как себя чувствуешь, супермен? – ухмыльнулся Гольдин. – Поздравляю с исполнением мечты. Ты хотел встретиться с учителем? Вот он лежит рядом, почти живой. – Полковник хрюкнул. – Ты великолепный исполнитель, надо признаться, мастер боя, профессионал, но стратегически слаб. Неужели не понял, что посыл команды «Гамма» и мое появление возле твоего дома – лишь звенья разработанного нами плана?

Тарас смолчал, пытаясь собраться с мыслями и начать энергетическую накачку, но тело продолжало оставаться слабым и безвольным, и он понял, что ему вкололи какой-то препарат, парализовавший мышцы.

– Мы знали, что тебя трудно убрать обычными методами, это показал и последний случай с миной, которую ты обезвредил. Я видел запись, очень впечатляет! Вот мы и пошли на усложненный вариант, надеясь, что ты клюнешь на наживку. Как видишь, наш расчет оказался верным, и теперь ты здесь. Скоро подъедут мои коллеги, они весьма заинтересованы в беседе с тобой. Что будет дальше – зависит

только от тебя. Будешь умницей, станешь сотрудничать – вернешься к своей подруге, нет... – Гольдин развел руками. – Сам понимаешь.

Тарас молчал, сосредоточенно пытаясь открыть заблокированные химией энергоканалы.

– Он меня слышит? – повернул голову к спутнику полковник.

– После разряда «удава» немногие приходят в себя быстро, – ответил обладатель скрипучего голоса, одетый в халат; очевидно, это был врач или сотрудник лаборатории. – К тому же, памятуя наставления, мы вкатили ему приличную дозу галоперидола, так что он сейчас заторможен.

– Когда он придет в себя?

– Нейтрализация токсинов идет несколько минут.

– Эй, эксперт, ты меня слышишь? – Гольдин приблизил лицо к губам Тараса.

Тот продолжал смотреть в одну точку, демонстрируя полное безволие. Хотя мог бы и ответить. Однако пусть думают, что он все еще находится под влиянием препаратов. Если бы удалось сломать пси-барьер, созданный излучением «глушака» (вот он – взрыв «бомбы» в голове), можно было бы попытаться освободиться, но силы не восстанавливались и хотелось взвыть от обиды и злости на самого себя за бездарную подготовку и отсутствие полного расчета вариантов. Он должен был предвидеть такую ситуацию, должен был помнить, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Что-то хрустнуло тонко, на грани слышимости, словно сломался кончик ампулы, и тотчас же в голове прошелестел теплый ветерок, разгоняя слабость. Тарас вздрогнул, с трудом заставил себя остаться неподвижным. Ветерок подул снова, очищая голову от липкой «грязи» химических соединений. Это была внешняя энергоподкачка, и осуществить ее мог только тот, кто хорошо знал резонансы психики Горшина.

Учитель!

Он еще жив!

И пытается поддержать ученика!..

– Сделайте что-нибудь, – раздраженно проговорил Гольдин. – Мне нужно задать ему пару вопросов и получить вразумительные ответы.

Врач отошел и появился у стола с пузырьком в руке и тампоном.

– Сейчас он быстренько очнется.

– Что это?

– Ничего особенного, обыкновенный нашатырь.

Тарас почувствовал резкий запах, перехвативший дыхание. В голову вонзилась игла очищающей сознание боли. К расширившимся глазам Тараса приблизилось лицо полковника.

– Ну как, супермен, очухался? Узнаешь?

– Узнаю... – ровным голосом ответил Тарас и двумя рывками оторвал скобы, которыми его руки были пристегнуты к столу.

Глава 25

ЗРИ В ЗАТЫЛОК

Сознание разделилось на три отдельные сферы, контролирующие каждая свой объект внимания. Одна наблюдала за Гольдиным, вторая за врачом, третья переключилась на собственные нужды – восстановление энергобаланса, очистку организма, накопление сил и включение в нужные моменты того или иного умения.

Внешняя энергоподпитка позволила Тарасу в считанные секунды настроиться на вибрационные узоры пространства – сначала объема собственного тела, потом помещения, в котором он находился, здания и, наконец, всей планеты, а рассредоточение внимания помогало вовремя изменять зависящие от него события. Ошеломленные его неожиданным пробуждением хозяева не помешали пленнику окончательно прийти в себя и завладеть инициативой.

Держа обоих полями внимания разных «контуров сознаний», он освободил ноги и сел на столе, прокачивая через позвоночник ситуационные модели дальнейших действий. Враги помешать ему уже не могли, он находился в инсайт-состоянии и двигался намного быстрее, а главное – предвидел их действия.

Гольдин сунул руку под мышку – за пистолетом, но он был менее опасен, чем врач, тянувший палец к кнопке вызова охраны, и Тарас занялся сначала им. Спрыгнул на пол (три сотых секунды), сделал четыре шага (еще две сотых), дернул руку врача вниз, сломав ему при этом палец (извини, мужик, уж больно большая скорость), и коснулся нужной точки за ухом. Врач обмяк, стал падать и падал так долго – около секунды, – что за это время Тарас успел найти свою одежду в корзине, в углу комнаты, натянуть штаны, вернуться к полковнику и успокоить его шокирующим *хокку-яма* – резким наклоном головы к груди. Прижми он голову чуть резче, мог бы сломать Гольдину шею.

Затем он оделся, продолжая выстраивать энергопотоки всего тела в единый «ствол», и подошел к столу, на котором неподвижно лежал учитель. Сжалось сердце. Елисей Юрьевич не дышал!

Но в этот момент веки его затрепетали, открыли черные бездонные глаза. Раздался слабый, как шелест ветра, шепот:

– Я знал... что ты... придешь...

Тарас сглотнул ком в горле, положил руки на лоб и на грудь учителя.

– Я вас подпитаю... вылечу... держитесь!

– Поздно... дорогой мой... мне следовало... уйти из жизни... иным способом... тогда ты не попал бы сюда...

– Лежите тихо, берегите силы! «Жива» поднимет на ноги мертвого!

– Не каждого... не надо тратить энергию... зря... бесполезно... я теперь пустой сосуд... я сжег мозг... чтобы они не смогли просканировать память... так что разговаривает с тобой не учитель... остатки личности, укрывшиеся в спинном мозге...

– Кто это сделал?!

– Времени у меня мало... Не перебивай... Здесь был Конкере...

– Монарх?!

– Его очередная проекция... воплощение...

– Кто?! Ельшин? Дима?!

– Господин Рыжайс... президент...

– «Купола»! – закончил Тарас, сжав зубы. – Хозяин этой лаборатории. Я догадывался...

– Не пытайся его искать... воевать... иначе вся твоя жизнь будет сплошным боем... у тебя другой путь... обещай мне...

– Учитель, он же рвется к абсолютной власти! Он не должен жить!

– Его власть ограничена... ты многого не понимаешь... существует тайная система... управления реальностью... Союзы Известных... ищи выходы на них... они – главные эмиссары Монарха... Конкере – лишь одиночка, мелкий бес, изгой... не уподобляйся ему... и еще просьба: будешь уходить отсюда, не убивай без необходимости...

– Обещаю, учитель. Но мы уйдем вместе!

– Я... уже... ушел... последнее... существует Ключ смерти... октава... морок – мор – умри... сам... найдешь... прощай...

Шепот прекратился. Глаза Елисея Юрьевича погасли, оставшись открытыми. Лицо разгладилось, приобрело выражение просветленной сосредоточенности. Казалось, он увидел ангела и устремился к нему,

умиротворенный и успокоенный. Но это был покой небытия. Душа покинула тело учителя и воспарила в небеса.

Тарас уронил руки, почувствовав муку беспомощности и одиночества, и очнулся лишь в тот момент, когда в помещение ворвались четверо охранников с оружием в руках. И разом вспомнилось, ради чего он здесь оказался и что надо делать. Кругом были одни враги, разве что разной степени понимания своей роли и ответственности за содеянное. Их можно было не жалеть, и лишь просьба учителя удержала Тараса от применения умиротворения – каскада приемов из арсенала «наваждения», приводящих к прямой или «отсроченной» смерти.

Охранники начали стрелять первыми, мешая друг другу, периодически теряя противника из виду.

Тарас пропустил сквозь себя две пули в состоянии *анима*, потом испробовал «принцип скалы», пытаясь отразить пули уплотнившимся мышечным каркасом, но это ему не понравилось из-за сильной боли, пули все-таки пробивали кожу и застревали в теле, и тогда он пошел по самому простому пути – присоединению к эгрегору атаки для управления им. Контратаку он начал с физического взаимодействия с противником.

Зацепил одного, вытащил из ядра группы, закрутил по ходу движения. Второго поймал на ногу, зацепил, подсек. Третьего также зацепил подсечкой, ногой подтянул к себе и тут же «сбросил» на четвертого. Снова поймал первого за руку, выбивая пистолет, еще раз закрутил, «оборвал» движение, столкнув лоб в лоб с третьим охранником.

Он ловил их внимание, тут же исчезая из поля зрения, просчитывал направление ударов, сбрасывал друг на друга, свивал в клубок, сталкивал лбами и терпеливо «выщелкивал» оружие. Чем больше людей участвует в такой схватке, тем сильнее эффект действия приемов – по принципу резонансного сложения волн, и наступил момент, когда Тарас полностью овладел пространством боя, установил мыслесвязь с каждым противником, достаточно помятым и потерявшим ориентацию (рукопашниками они были слабыми), «заморочил» им головы и резко оборвал активную фазу схватки.

В очередной раз столкнувшись друг с другом, охранники попадали на пол, теряя сознание.

Тарас остановился, вслушиваясь в объем здания, напичканного электроникой и живыми охранниками. Судя по колебаниям полей, особой тревоги его появление не вызвало. Ловушка сработала, захлопнулась, он был один, да и удар по психике получил приличный, приняв импульс из «глушака», поэтому охрана особенно не беспокоилась, чувствуя свое превосходство. Из лаборатории, где находились оба пленника, путь был один, и убежать отсюда, минуя посты, было невозможно. Получив сигнал вызова (врач все-таки успел дотянуться до кнопки), охранники, естественно, отреагировали должным образом, но посчитали, что четверых будет вполне достаточно для одного пленника, и ограничились этим. Пятый – тот самый амбал с книгой – остался за дверью, не тревожась за коллег.

Тарас шагнул к выходу и вдруг почувствовал затылком тонкий укол угрозы. Отпрыгнул в сторону, вспоминая заповедь учителя: во время боя зри в затылок. Если бы он выполнил эту заповедь, входя в лабораторию, ловушка не сработала бы и надобность в применении боевых навыков скорее всего отпала.

Пуля прошла у виска, пошевелив волосы.

Стрелял очнувшийся Гольдин. Он успел выстрелить еще раз, прежде чем качнувшийся «маятник» Тараса приблизился к нему и с холодной яростью нанес удар... удержав его в последний миг. Шейные позвонки полковника хрустнули, и он, наверное, умер бы мгновенно, если бы рука Тараса не остановилась на полпути. Тем не менее Гольдин рухнул на пол и потерял сознание.

Постояв над ним с вытянутой рукой, Тарас выдохнул, сплюнул, остывая. А чтобы окончательно сбросить негативные эмоции, поднял руки вверх, присел, выговорив слово «изыди», выбросил сжатые в кулаки руки вперед и медленно встал. Оглядел поле боя, задержав взгляд на теле Елисея Юрьевича. Пробормотал:

– Прости, учитель, мне не надо было уезжать, они бы не посмели...

Теперь можно было уходить.

Он еще раз огляделся и начал реализовывать пришедшую на ум идею.

Снял с одного из охранников форму, переоделся, нацепил очки с наушником, получив возможность слышать переговоры охраны здания.

Затем отыскал «глушак», с помощью которого его обездвижили, мысленно попрощался с учителем и вышел из лаборатории.

Белобрысый амбал за столиком вопросительно посмотрел на него, не узнавая, и Тарас выстрелил в него из «глушака». Это был самый простой способ заставить его молчать и не поднимать тревогу. Охранник вздрогнул, глаза его расширились, опустели. Он уронил голову на стол и обмяк.

Тарас глянул на обложку книги, которую читал парень: «Катарсис», автор Голованов. Что ж, вот и дождался реального катарсиса, надолго запомнится.

Лестница, шестнадцать ступенек, поворот.

Пост.

Два бесшумных выстрела из «глушака». Отдохните, ребята, мне ваши жизни не нужны.

На торце пистолета зажегся красный огонек. Ах ты, черт! Неужели разрядились батареи? Плохо дело, придется прорываться с напрягом.

Коридор, лестница, ступеньки... Тихие голоса в наушнике: диспетчер охраны вызывает «девятку» и какого-то Шустрика. Отсчет времени пошел, еще полминуты – и начнется светопреставление. Пора?

Он поднялся на первый этаж здания, считая секунды, держась уверенно и твердо, как и положено охраннику. Десять метров до турникета и еще столько же до выхода. Ну, судьба, что у тебя в запасе плохого?

– «Третий», проверь, что на нижнем горизонте, – долетел приказ начальника смены. – В «колбе» подозрительно тихо, никто не отвечает.

Спасибо за выдержку, отец родной! – поблагодарил диспетчера Тарас. И спасибо тому, кто тебя сегодня поставил дежурить. Теперь у меня есть шанс никого не убить...

Шаг, второй, третий... пятый... десятый...

Двое оглядываются, вполне спокойно, еще не понимая, что перед ними чужой. Хорошо сидит костюмчик, как по фигуре сшит.

– Что там происходит? – любопытствовал седой охранник. – Ты не... – он замолк, шире открывая глаза, рука потянулась к кобуре.

Тарас сделал сложное движение рукой, заворожившее седого, произнес гортанно-металлическим голосом:

– Не двигаться! Свет гаснет! Покой! Выполнять!!

Молодой сутулый охранник рухнул на колени, подчинившись удару чужой воли. Седой тоже поддался внушению, но в меньшей степени, успел-таки взяться за пистолет.

Наушник рации щелкнул, принес голос дежурного:

– Тревога! Пленник сбежал!

В здании завывала сирена.

Тарас выкрутил из руки охранника пистолет, приставил к его носу.

– Открывай входную дверь! Живо!

Седой затрясся, нажал на клавиатуре пульта две клавиши, снимая блокировку замка. Дверь мягко повернулась на оси, управляемая автоматом.

– Спи! – бросил Тарас, отталкивая охранника, и выскользнул в проем двери, окунулся в шелестящую дождем полутьму улицы.

«Волга» сиротливо ждала его там, где он и Гольдин ее оставили. Мотор завелся не сразу, будто его залило водой. Не включая фар, Тарас погнал машину прочь от проснувшегося здания лаборатории, в окнах которого начал загораться свет, и на повороте оглянулся.

К зданию с другой стороны стремительно подлетели три машины: такая же «Волга», джип «Паджеро» и микроавтобус «Баргузин». Из них десантировался десяток фигур, втянулся в открытую дверь центрального входа. Это прибыла команда Ельшина.

– До встречи! – прошептал Тарас, вдавливая педаль газа.

Машину он оставил в центре города, а ночь провел у Нины, понимая, что его будут искать везде, в том числе дома. Объяснять женщинам, где был и что делал, он не стал, ответив на пытливый взгляд Тони слабой улыбкой и короткой фразой:

– Укатали сивку крутые горки.

Оставшись с ней наедине, он немногословно рассказал девушке о смерти Елисея Юрьевича, и Тоня тихо заплакала, прижавшись к нему, не задавая больше вопросов. Через полчаса, успокоившись, горько проговорила:

– Неужели нас так и будут сопровождать смерть и горе? Неужели те, кто убил дядю Елисея, будут и дальше охотиться за нами?

Тарас хотел сказать, что он постарается у всех отбить желание охотиться за ними, но решил не пугать любимую еще больше. Сказал твердо:

– Мы уедем отсюда. Туда, где нас никто не найдет. И я надеюсь, что нам помогут.

– Кто?

– Люди Круга, такие же воины, как я.

– Почему же они до сих пор не помогали?

– Были заняты, – ответил Тарас первое, что пришло в голову. На самом деле он совсем не был уверен, что им помогут, но и оставлять девушку без надежды было неправильно. Пусть верит в лучшее. Худшее придет само.

Тарас мрачно усмехнулся в душе, оценив собственную шутку, и пообещал, что сделает все возможное, чтобы не допустить худшего. Хотя и не знал пока, что нужно сделать ради этого. В одном он был уверен абсолютно: «Купол» не оставит его в покое после беспрецедентно наглого посещения лаборатории. Да и господин Ельшин имеет некие виды, зная его тайну «путешествий в прошлое», надеясь заполучить доступ к эзотерической информации Хроник. Убедить его, что Тарас сам не владеет в полной мере этим доступом, будет очень трудно. Если вообще возможно. И тогда останется лишь один выход – смертельно опасный для обоих...

Он снова мрачно усмехнулся про себя и очнулся от размышлений, услышав укоряющий голос Тони:

– Ты меня совсем не слушаешь...

– Решено, – сказал он. – Утром едем в деревню, к маме. Пора тебе познакомиться с ней.

– Ты что? – испугалась Тоня. – Что я ей скажу? Что она обо мне подумает?

– А что она подумает? Разве ты не согласна стать моей женой?

– Согласна... и все равно... боязно...

Он улыбнулся, привлекая девушку к себе.

– Не бойся, ты ей наверняка понравишься. Спи...

Уснул он, однако, первым, как в яму провалился, а она долго не шевелилась, смотрела на него, перебирая его волосы на виске, оберегая сон, и думала, думала, пытаясь представить, что будет дальше и как ее встретит мать Тараса, но, в конце концов, сон сморил и ее.

Мать Горшина жила в деревне Фрахт Архангельской губернии, расположенной в двадцати километрах от города, на берегу небольшого залива под названием Беглый. Никто из жителей деревни не знал, почему залив называется Беглым, но изредка, в особенно жаркие летние периоды, залив мелел, отступал от берега, и Тарас сделал вывод, что из-за этого предки и окрестили его Беглым. Причину же, по которой деревня в сорок дворов называлась странным морским термином Фрахт, и вовсе нельзя было объяснить ничем иным, как фантазией первопоселенцев, облюбовавших эти места в незапамятные времена. Возможно, первыми здесь обосновались матросы какого-нибудь потерпевшего кораблекрушение судна, зафрахтованного в порту Архангельска. Что фрахт получился береговой, их не смутило.

Мама Тараса Ефросинья Карповна недавно похоронила второго мужа и теперь жила одна в просторном бревенчатом доме на пять комнат, но без русской печки. Муж сделал в доме водяное отопление, и печка оказалась ненужной, хотя Тарасу ее отсутствие казалось едва ли не кощунством.

Приехали они на автобусе к обеду. Весенняя распутица в этих краях начиналась в мае, в середине же апреля еще стояли вполне зимние холода – около десяти градусов мороза, и одетая не по сезону Тоня продрогла, с удивлением разглядывая подтаявшие снежные сугробы, поля, застывшее, синее, в белых барашках торосов пространство залива и лежащие на берегу, как огромные рыбины, баркасы рыбаков, полузанесенные снегом.

Ефросинья Карповна возилась во дворе, набивая углем ведро. Сына увидеть она не ожидала и долго не могла поверить, что он действительно приехал. Еще не старуха, высокая, статная, с седыми волосами, уложенными короной, с яркими голубыми глазами (желтые «тигриные» глаза достались Тарасу в наследство от отца), она так же долго разглядывала покрасневшую, не знающую, куда деваться, Тоню, потом обняла ее, и Тарас вздохнул с облегчением: его будущая женушка явно пришлась маме по душе.

В жарко натопленной избе они разоблачились и отогрелись. Тарас показал Тоне все комнаты, пока мама хлопотала на кухне, и они уселись в светелке, уютной, чистой, пропахшей травами и свечами, обставленной по-старинному и устланной домоткаными половиками.

– Ты мне так и не рассказал, как умер дядя Елисей, – сказала притихшая Тоня, разглядывая фотографии семейства Горшиных под стеклом на стене комнаты.

Тарас вспомнил последние наставления учителя, обнял Тоню сзади, прижался щекой к ее уху.

– Не будем об этом, Тошка. Я виделся с ним... после смерти... знаю, кто его... но они свое еще получают.

Девушка вздрогнула, повернулась к нему. Глаза ее стали на мгновение печальными и тревожными.

– Ты хочешь объявить им войну?

Тарас попытался улыбнуться как можно оптимистичней.

– Ну что ты, малыш, никаких войн. Просто я хочу сделать так, чтобы нас с тобой больше не трогали. Я побуду здесь до утра и уеду на пару дней, а потом вернусь за тобой, и мы начнем новую жизнь. Ты будешь готовиться к экзаменам, я буду работать, познакомлю тебя со своими друзьями, потренирую, научу кое-каким приемам, чтобы не приставали всякие хулиганы. Да и языком займемся вплотную, древним, магическим. Не возражаешь?

Тоня вздохнула, слабо улыбнулась, протянула негромко:

– Жи-и-и-во-о-о-о... так?

Он засмеялся, поцеловал ее и повернул лицом к фотографиям.

– Ну-ка, найди меня здесь маленького.

Тоня безошибочно ткнула пальчиком в фотографию, и он принялся показывать родственников, большинство из которых уже покинули эту реальность, увлекся сам и с удовольствием вспомнил стариков рода Горшиных, навечно поселившихся в его памяти. Они были с ним всегда, стоило только сосредоточиться на вхождении в генетический «файл», и с ними можно было советоваться почти как с живыми людьми.

Тоня отвлеклась от невеселых дум, приободрилась. Сама сходила на кухню, чтобы предложить помощь. Ефросинья Карповна попростому приняла ее предложение, и женщины вдвоем быстро накрыли на стол. Тарас наблюдал за ними, не вмешиваясь, радуясь, что они нашли общий язык, но висящая над ним гора проблем мешала расслабиться и отдыхать так, как он привык, навещая маму, и отстроиться от мыслей об адекватном ответе убийцам учителя он так и не сумел.

Пообедав в компании с мамой, сбросившей свой обычный озабоченный вид, буквально помолодевшей на глазах, они два часа гуляли по берегу залива, натянув валенки и телогрейки. Затем пошли в гости к деду Порфирию, не прямому, но родственнику Горшиных-Самохиных (мама Тараса была урожденная Самохина, и дед Порфирий Алексеевич приходился ей двоюродным дядей по линии матери Софьи Дементьевны Прусаковой), которому исполнилось восемьдесят девять лет.

Дед жил уже с четвертой женой, похоронив трех, ушедших из жизни по разным причинам, и был еще в состоянии рыбачить на уровне с молодыми и ходить на охоту. Небольшого роста, подвижный, лохматый, с седой бороденкой и смеющимися глазами, он заворожил Тоню рассказами о поморской жизни, о своих подвигах, о встречах с русалками, лешими, кикиморами и даже с Белой Бабой, которая в этих краях олицетворяла собой смерть. Речь свою он пересыпал шутками и прибаутками, неожиданными сравнениями, воспоминаниями о своих детских впечатлениях, так что ни Тарас, ни тем более Тоня не пожалели о визите к старику, жена которого, лет на двадцать пять моложе его, только улыбалась в ответ на его «царапки» – шутки в ее адрес – и ухаживала за гостями и за мужем с тихой и щедрой покорностью. Самым знаменитым выражением Порфирия Алексеевича был лозунг идеологов кубинской революции «Но пасаран!», что в переводе означало – «Они не пройдут!». Речь шла, разумеется, о контрреволюционерах и буржуях. Но дед абсолютно искренне полагал, что это такое иностранное приветствие, и при встречах с гостями всегда вскидывал руку в пионерском салюте и радостно кричал:

– Но пасаран!

На что Тарас отвечал точно таким же жестом:

– Никогда!

Перед сном они с Тоней еще немного погуляли по скрипучим снежным дорожкам вдоль деревни, полюбовались на звезды, мечтая побывать в космосе. Тарас показал девушке Полярную звезду, увлекся, показывая созвездия, хорошо зная их расположение. Когда-то в детстве он всерьез интересовался астрофизикой и даже намеревался поступить в астрономический институт.

– Ты рассказывал об Инсектах, – сказала Тоня, запрокинув голову, в ее глазах отражались звезды. – Интересно, они летали в космос?

– Хроники утверждают, что летали.

– Какие хроники?

– Хроники Внутреннего Круга.

– Записи?

– Не записи, не книги и вообще не материальные предметы вроде плит или свитков, это нечто вроде компьютерной памяти, так сказать, файлы, записанные и хранящиеся в общем эгрегорном поле Земли. Хотя вполне возможно, что существуют и какие-то компактные носители эзотерической информации типа современных кассет и дискет. Но мне об этом ничего не известно.

– Ты имеешь доступ к Хроникам?

– Пока только к первому уровню, – признался Тарас. – Многие называют этот уровень астралом, он является как бы пограничной зоной, взаимодействующей со всеми каналами выдачи информации. Если захочешь, я научу тебя входить в астрал.

– Не знаю, зачем это нужно, – задумчиво проговорила Тоня. – Я всегда считала, что человек должен добиться всего сам, а не подглядывать в чужие тетради и ждать подсказки.

Тарас улыбнулся.

– Астрал дается не каждому. Точнее, не астрал даже, а путь магического восприятия. Учитель говорил: кому много дается, с того много и спрашивается. А что касается Инсектов, то они сотни миллионов лет назад побывали на всех планетах Солнечной системы и обживали Галактику. Пока не спровоцировали Изменение.

– Что значит – спровоцировали?

– Это долгий разговор. Инсекты добились огромного могущества и научились изменять реальность с помощью Говорителей Слов Власти, не считаясь с последствиями своих замыслов. Гибель Фазтона между орбитами Марса и Юпитера, появление Луны у Земли, разрушение спутниковой системы Нептуна и отделение Плутон-Харона, уничтожение атмосферы Меркурия и превращение Венеры в углекислотный мертвый ад – все это результат их экспериментов.

– Как интересно! А потом?

– Потом они принялись устраивать земную природу по своему усмотрению, разбалансировали равновесие природных сил,

спроворили первый потоп, затем оледенение, второй потоп, создали Луну из земной коры, что повлекло за собой третий потоп, самый катастрофический. В общем, повеселились.

– Кто же их остановил? Господь Бог?

– Не Бог, но Предтеча всех разумных на Земле, а может быть, и во всей реальности – Аморф.

– Какое странное имя.

– Это не имя, так наши предки называли этот вид существ. Они не имели определенной формы, хотя могли принимать любую геометрическую форму и были похожи на живые горы.

– Такие огромные? – Тоня зябко передернула плечами.

– Величина еще не гарантирует качество мыслительного процесса. Но Аморфы действительно были очень большими и умными.

– Куда же они подевались?

Тарас развел руками.

– Тайна сия велика есть. Этого не знает никто. Точнее, – поправился он, – я не знаю. Но мы еще поговорим на эту тему. Пойдем-ка домой, а то ты вся скоро в ледышку превратишься.

Тоня очнулась, послушно зашагала рядом, изредка поглядывая на небо с крупными, словно омытыми и почищенными звездами. А он с невольным сожалением подумал, что таких спокойных прогулок у них может уже и не случиться.

У дома Ефросиньи Карповны она остановилась, повернулась к Тарасу, освещенная снопом света из окна, проговорила с необычной настойчивостью:

– Обещай мне, что не станешь мстить тем, кто убил дядю Елисея! Обещай не рисковать и не отвечать злом на зло!

Он хотел было успокоить ее, но посмотрел девушке в глаза и понял, что не сможет лгать.

– Если ты... если с тобой что-нибудь случится... – Она задохнулась и закончила шепотом: – Я умру!

Тарас прижал ее к себе, поцеловал в холодную щеку.

– Хорошо, обещаю.

– Правда? – не поверила Тоня.

– Твой любимый вопрос не оставляет мне шансов, – вздохнул он. – Правда!

Над головой сгущались тучи, и он это видел, понимая, что опасен для деятелей «Купола». Они наверняка готовили планы его ликвидации после столь наглядной демонстрации возможностей, начиная с Чечни и заканчивая столицей. Хотя военные действия начал не он. Но ведь должен же быть какой-то выход? Что, если позвонить президенту «Купола» и сказать: оставьте меня в покое, иначе... Что иначе? В одиночку с системой не справиться, нужна помощь такой же системы. Может быть, попытаться разбудить Внутренний Круг?

– Звезда упала! – вдруг прошептала Тоня. – А я не успела загадать желание.

Он оглянулся, посмотрел на небо, но ничего не увидел. Зри в затылок, парень, зри в затылок, береги спину...

Что-то кольнуло его в грудь. Тарас сунул руку в кармашек рубашки, наткнулся на значок в форме кинжальчика – свидетельство Посвящения. Хотел показать его Тоне и вдруг почувствовал, что кинжальчик становится горячим, зыбким, текучим. Через несколько мгновений он растаял, как струйка дыма...

Глава 26

НАЙДИ МНЕ ПРЕЕМНИКА

В последние пять лет Эдмонд Анатольевич Рыжайс редко бывал на людях, прикованный к инвалидной коляске вследствие повреждения позвоночного столба. Президентом Российской энергетической компании он стал всего два с лишним года назад, побывав до этого руководителем многих структур, как частных, так и государственных. К примеру, он целых полтора года был вице-премьером российского правительства, пока грянувший финансовый кризис не сменил президента и весь состав правительства. Вообще же Эдмонда Анатольевича называли «бюрократом без родословной», так как он сделал карьеру, сидя за письменным столом, а не блистая на трибунах или имея папу-начальника.

Будущий вице-премьер, а затем президент РЭК и «Купола», родился в апреле тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года в Солнцево Московской области. Окончил автодорожный институт, служил в армии, работал во Всесоюзном научно-исследовательском институте промышленного транспорта, в Госстрое СССР, затем в Госплане. После распада этой организации продолжил карьеру в Министерстве экономики, где добрался до ступеньки замминистра и заработал свой первый миллион «зеленых», умело перераспределяя финансовые потоки. В тысяча девятьсот девяносто восьмом году вошел в правительство министром энергетики, затем стал вице-премьером, а после кризиса – председателем правления Российской энергетической компании.

Однако мало кто знал, что, кроме этого, он занимал еще и должность президента «Купола». Власть этого человека была велика, а если учесть, что последнее время ему помогал некто, чье имя нигде никогда не фигурировало и о чьем присутствии на Земле знали только иерархи Внутреннего Круга, а также Двенадцать Неизвестных – «главное» правительство России, адепты Тьмы, то власть господина Рыжайса простиралась далеко за пределы его «энергетической епархии».

Своему беспомощному в физическом плане положению он был обязан покушению на жизнь, организованному одним из поделщиков-конкурентов по криминальному бизнесу. Пять пуль, выпущенных наемником-киллером, легли довольно кучно, однако только одна из них затронула позвоночник, и тем не менее этого оказалось достаточно, чтобы навсегда лишить рвущегося к власти бизнесмена-политика прелестей жизни, таких, как спорт и женщины. Правда, это не помешало Эдмонду Анатольевичу захватить «верхотуру» — главенствующую роль в теневом бизнесе, а потом и в «Куполе». Зато он стал гурманом, способным оценить достоинства той или иной кухни, хотя предпочитал индийскую — с тех времен, когда он ездил по командировкам и посещал столицы многих государств мира, в том числе Дели.

В Москве индийских ресторанов насчитывается около десятка, но Эдмонд Анатольевич предпочитал посещать лишь два из них: ресторан яхт-клуба «Голубой ветер» и ресторан элитного клуба друзей Индии «Джавахарлал», где его мало кто мог увидеть и где он мог в неделовой обстановке встречаться со своими давними друзьями. Или с агентами, заселенными практически во все государственные структуры. Не встречался президент Купола только с директорами этой организации, хотя знал о каждом их шаге.

Посещение клуба вечером семнадцатого апреля не выпадало из череды других таких же «выходов в свет». Эдмонда Анатольевича доставили в отдельный кабинет вместе с коляской, сохранявшей одно и то же положение позвоночника, и он приступил к трапезе, заказав дал — суп из дробленой чечевицы с овощами, тандури — мясо, запеченное с травами в глиняной печи (хотя врачи ему рекомендовали только овощи), и пхал ка пакора — фрукты, жаренные в тесте. Иногда, правда, он заказывал и матар алу таркари — тушеные овощи с сыром, изумительно вкусные, но в последнее время здоровье президента ухудшилось, поэтому, чувствуя скорое приближение рокового конца, Эдмонд Анатольевич махнул рукой на предписания и советы врачей и гурманствовал каждый день, не обращая внимания на жестокие приступы атеросклероза. Правда, эти приступы ему помогал снимать временный «квартиросъемщик» его тела, и Эдмонд Анатольевич за это готов был выполнить любую его просьбу и повеление.

Конкере проявился в голове, как второй собеседник, неожиданно, словно подслушал мысли хозяина. Впрочем, в данное время хозяином надо было считать именно его, а не Рыжайса. Так и осталось тайной для Эдмонда Анатольевича, почему Монарх внедрил свою «проекцию» в его неможное тело, а не выбрал кого помоложе. Хотя в глубине души (правильнее было бы сказать – в глубине сознания, ибо душу Эдмонд Анатольевич давно продал) он догадывался, что на территории России он оказался наиболее подготовленным кандидатом для воплощения «князя Тьмы», так как не существовало преступления, на какое бы он не пошел ради власти и наживы.

«Пора прекратить хождения по ресторанам, – сказал Конкере ворчливо, как добрый дядюшка. – С завтрашнего дня – строгая диета!»

– Раньше ты не вмешивался в мою личную жизнь, – вслух отозвался Эдмонд Анатольевич, движением руки выгоняя испугавшегося официанта. – У меня и так мало удовольствий.

Молчаливые охранники-слуги, сопровождавшие босса всюду, никак не отреагировали на его речь. Привыкли ко всему.

«Я не успеваю реализовать свою программу. Твое тело изнашивается окончательно и скоро перестанет функционировать. Нужен новый организм».

– Сейчас сюда придет мой главный исполнитель Генрих Ельшин, может, он подойдет?

В свою очередь Эдмонд Анатольевич хорошо понимал, что жить ему действительно осталось немного, и относился к этому философски спокойно. Хотя жить хотел и готов был идти на все, чтобы продлить существование, даже в этом неможном рыхлом теле.

«Хорошо, я посмотрю на него. Еще одно дело: ты слишком увлекся своими планами увеличения прибыли, из-за чего опять-таки страдают мои программы. Процесс физического и психического вырождения аборигенов идет недостаточно быстро, его надо ускорить, срочно бросить все силы на разработку систем внешнего коллективного пси-управления, а вместо этого ты увлекся грабежом госструктур и своих коллег. Пора остановиться!»

– Но разработка пси-генераторов требует больших вложений. На создание одного «глушака» я положил около миллиарда «зеленых» да еще столько же – на разработку «болевика».

«Этого недостаточно. Нужна большая система, основой которой готова стать система телевидения. Твои лаборатории уже работают над этой проблемой, но результата пока не видно».

– Мне мешают. Не могу же я напрямую подчинить такие конторы, как ФСБ и МВД.

«Убери мешающих, ускорь реализацию программ. Твои предшественники добивались большего. Все достижения современной технократической цивилизации построены за счет непрерывного духовного регресса людей – вот это результат! Ты же пока мало что сделал в этом направлении».

– Я же сказал – мне мешают! Главным образом – люди Круга. Помог бы найти их центр, я бы его уничтожил – и дело с концом.

«Круг является самоуправляющимся объектом».

– Что это значит?

«Несмотря на определенную иерархию, в нем нельзя выделить систему централизованного управления. Даже я не знаю всех его связей».

– Тогда какого дьявола даешь советы? Кстати, ты обещал дать мне дополнительный способ давления на всех, кто нам мешает.

«Если речь идет о метаязыке – тебе уже поздно что-либо учить. Если о метабое – у тебя есть возможность получить информацию от воинов Круга».

– Ты имеешь в виду этого Посвященного, перешедшего к нам в услужение? Дмитрия Щербаня? Но ведь иерархи перекрыли ему канал доступа к Хроникам.

«В мое поле зрения попал еще один мастер – Тарас Горшин. Возьми его, он владеет сиддхами и несколькими Ключами доступа к метаязыку. Он будет более полезен, чем Дмитрий. Хотя это далеко не главное, чем тебе придется заниматься. Мне нужна связь с Союзом Двенадцати Неизвестных. Есть результаты, о которых я не знаю?»

– Ты же контролируешь все, что я делаю, – удивился Эдмонд Анатольевич. – Как я могу что-либо утаить?

«Я не всегда нахожусь внутри тебя, ты для меня только скважина, линия связи с твоей реальностью. Если информации больше нет, прощай».

– Гуд бай, – ответил Рыжайс, шевельнув рукой, будто и в самом деле прощался с кем-то.

В голове прошелестел сквознячок, и она стала пустой и звонкой, как сосуд, из которого вылили содержимое. Зато исчезли и неприятные ощущения, связанные с травмой позвоночника. «Квартирант» и на этот раз не забыл слегка «прибрать» квартиру – тело Эдмонда Анатольевича, очистить его от «мусора» солевых блокировок и других физиологических шлаков. Ненадолго, конечно, всего на пару суток, но Эдмонд Анатольевич радовался и этой передышке, позволявшей ему чувствовать себя почти здоровым человеком.

У стола возник телохранитель в черных очках, почтительно склонил голову:

– К вам посетитель, босс.

– Зови, – кивнул президент «Купола».

Через минуту в кабинет вошел Ельшин с букетом цветов и коробкой в руках, перевязанной атласной лентой.

– Поздравляю, Георгий Георгиевич! – сказал он с лучезарной улыбкой.

– Фу-ты ну-ты, ветки гнуты! – стукнул себя по лбу Эдмонд Анатольевич. – Я же совсем забыл!

Он, конечно, лукавил. Вчера ему исполнилось сорок три года, и не поздравил его с днем рождения только заместитель начальника антитеррористического Управления ФСБ Генрих Ельшин, занятый в одной из операций службы. И вот теперь полковник наверстывал упущенное.

– Что это? – с любопытством кивнул на коробку Рыжайс.

– Вам трудно угодить и еще труднее удивить, – сказал Ельшин, – а человек я небогатый, поэтому не взыщите. Это опытный образец генератора боли «пламя», больше известного как «болевик». Прямо, как говорится, с пылу с жару – после лабораторных испытаний.

Он открыл коробку и подал Эдмонду Анатольевичу необычной формы пистолет с толстым дулом красного цвета. Тот повертел его в руках, с интересом разглядывая детали и примеряясь к рукояти.

– Спасибо, Генрих, это, пожалуй, действительно лучший подарок с твоей стороны. Работает? – Он направил ствол на Ельшина.

Улыбка полковника потускнела.

– Не надо испытывать его на мне, босс. «Болевик» работает, и весьма эффективно. Промышленный образец будет готов к концу года.

Эдмонд Анатольевич еще раз прицелился в Ельшина, бросил генератор телохранителю.

– Спрячь пока. – Посмотрел на Ельшина: – Теперь выкладывай, что у нас плохого.

Улыбка совсем погасла на губах Генриха Герхардовича.

– К сожалению, неприятностей избежать не удалось. Смирнову каким-то образом удалось разрушить свой мозг, сканер его не взял. Мы подготовили ловушку для его ученика Тараса Горшина, но не учли глупость некоторых наших сотрудников.

– Кто проштрафился на этот раз?

– Полковник Гольдин из отдела внутренних расследований. Он допустил ошибку, и Горшину удалось уйти.

– Гольдина ликвидировать!

– Ну зачем же, – бледно улыбнулся Ельшин, – он нам еще пригодится. Это его первый прокол. Смирнова-то он взял.

– Что еще?

– Это пока все. Остальное движется в рамках плана и контролируется.

Ельшин поежился. Иногда взгляд Эдмонда Анатольевича стекленел, словно он впадал в коматозное состояние, и это было страшное зрелище, будто с полковником разговаривал мертвец.

– Горшина найти! И взять живым!

– Но он слишком много знает...

– Именно поэтому и взять живым, что много знает. Это приказ! Надеюсь, проблем с этим у тебя не возникнет?

– Можете не сомневаться. – Генрих Герхардович почувствовал дрожь в коленях, на лбу выступил холодный пот. Он знал, что означают последние слова президента «Купола». Люди, у которых возникали проблемы, – исчезали.

– Свободен.

Ельшин сдвинул каблуки, боднул головой воздух, направился к двери.

– Да, вот еще что, – остановил его Рыжайс. – Убери-ка потихоньку Барона. Надоел он мне своим кретинизмом. «Купол» без него обойдется.

Ельшин еще раз наклонил голову и вышел.

В машине его ждали водитель и скучающий Дмитрий Щербань, в последнее время начавший раздражать полковника своим панибратским поведением.

– Что сказал покойник? – пошутил он, имея в виду Рыжайса.

– Он еще тебя переживет, – буркнул Ельшин, делая знак водителю, чтобы тот ехал. – Не найдешь мне Графа в ближайшие три-четыре дня, уволю!

Дмитрий подобрался, понимая, что начальник не зря находится не в добром расположении духа.

– Что, наш подарок не понравился?

– Твоей заслуги в его разработке нет. – Генрих Герхардович подумал и добавил со вздохом: – Да и моей тоже, честно признаться. Но твой приятель-соученик нужен боссу живым.

– То он приказывает ликвидировать его, то теперь взять живым. Может, подождем, пока сменится настроение, и боссу понадобится труп Графа? Ничего он не знает такого, чего не знаю я.

– Тем не менее приказ есть приказ. Мне он тоже нужен живым. Интересно будет покопаться в его мозгах, вдруг он действительно вышел на Тексты?

Дмитрий поскуchnел.

– Я в это не верю. Не в способности клиента, а вообще, в теорию скрытой информации, влияющей на законы физики. Если бы она существовала, ее давно бы нашли до нас.

– На то и существует Круг, чтобы ее охранять. – Ельшин усмехнулся. – От таких, как ты. Короче, бери команду и начинай искать Графа. К субботе его голова должна быть в нашей лаборатории вместе с телом... пока. Не в лаборатории господина Георгия Георгиевича, подчеркиваю, а в нашей.

– Понял, сделаем.

– Как? Ты же сам говорил, что он сбежал, дома его нет.

– Да куда он от нас денется? Разве что на тот свет? Мы возьмем его через эту девицу, которую романтически настроенный Граф привез из Чечни. Скорее всего, он попытается спрятать ее у знакомых или у родственников. Найдем ее, он сам к нам прибежит.

– Смотри не ошибись, как с его учителем. Ты тоже обещал, что он сам к нам придет. Он и пришел! Смирнов мертв, Гольдин в реанимации, Граф на свободе!

– Гольдин сам виноват, – буркнул Дмитрий. – Не надо было самодеятельностью заниматься. Подождал бы нас, и все было бы тип-топ. Теперь Графом займусь я, лично.

Ельшин кинул косой взгляд на телохранителя, поморщился, но ничего не сказал. Горшин ему нравился больше, но он вынужден был опираться на тех людей, кто был под рукой.

Глава 27

ДРУГАЯ СИЛА

На следующий день Тарасу уехать не удалось. Заболела мама – простудилась где-то, на радостях побегав по морозу без платка, и сыну пришлось лечить ее, применив терапию, о которой она и слыхом не слыхивала, и не верила, что это поможет. Однако помогло.

Тарас активировал обычную колодезную воду: «погрел» руками, «сдвигая» диполи воды в единую полимерную систему, заставил Ефросинью Карповну пить эту воду в течение всего дня, и к вечеру простуда практически прошла. Впрочем, чудом это лечение назвать было трудно, метод назывался биоактивацией, использовался на Руси давно и действительно превращал обыкновенную воду сначала в «мертвую», убивающую микробов, а затем в «живую», восстанавливающую нормальное функционирование сосудов и тканей.

Вечером молодые поехали в Архангельский театр оперетты на спектакль «Исход», привезенный испанской труппой «Эмилия Романья». Тарасу захотелось показать Тоне местный бомонд, да и самому отдохнуть. Однако досмотреть спектакль до конца они не смогли, как и десятки других архангельцев и гостей города.

В труппе собрались не профессиональные актеры, а просто нездоровые люди, не умеющие не только играть, но и естественно держаться на сцене. Среди них оказались и настоящий бродяга, и эмигрант, и дистрофик, и представители сексуальных меньшинств, и даже дауны.

В принципе, все было бы ничего: актеры, как могли, пытались рассказать о творящихся в мире бедах и несправедливостях, о войнах и переживаниях людей, о жизни, напоминающей помойку, но когда персонажи, олицетворявшие собой силы зла, после пыток героев начали жонглировать вырванными с корнем человеческими головами, Тоню едва не стошнило, и Тарас вывел ее из зала, чувствуя себя оплеванным и не зная, как оправдаться перед ней. Он мог бы простить режиссеру несовершенства спектакля, веря, что создатели именно так понимают противоборство на земле сил добра и зла, но от этого не

становилось легче, а главное – не хотелось сочувствовать уродам, пытавшимся пробудить сочувствие к другим уродам – моральным.

Тоня пришла в себя быстро, виновато посмотрела на спутника.

– Извини, я такая слабая... и вообще не хочу слышать о страданиях, вспоминать папу и маму.

– Я понял. Извини и ты, что не выяснил, о чем будет спектакль. Больше всего меня бесит реклама спектакля, которая преподносит его как произведение искусства! Я бы с большим удовольствием посмотрел какой-нибудь мюзикл или старую комедию вроде «Миллионерши» или «Летучей мыши». В Москве мы обязательно сходим в Театр Сатиры, да и вообще будем ходить на спектакли с настоящими мастерами.

Тоня вздохнула. Мысли ее все еще витали далеко отсюда. С большим трудом Тарасу удалось отвлечь девушку, сводив ее на главную площадь города, где шла подготовка к проведению очередного национального фестиваля русской сказки. Меж снежными скульптурами сказочных персонажей – от Змея Горыныча до Святогора – шествовали Бабы Яги (одна даже летела на воздушном шаре), Емеля на самоходной печи, Иванушка-дурачок, русалки, лешие, кикиморы, водяные и прочая нечисть, шуты и скоморохи. Судя по объявлениям, за два фестивальных дня должны были пройти сказочные спектакли, концерты, игрища, народные гуляния, петушины и кулачные бои. Тоня с Тарасом успели досмотреть репетицию начала фестиваля, и настроение обоих улучшилось.

– Я не знала, что у вас такое бывает, – сказала Тоня задумчиво, когда они возвращались на автобусе домой. – Мы об этом даже не мечтали.

– Ты еще многое не видела, – рассеянно ответил Тарас. – Мир живет иначе, стремительнее и полней, чем Чечня. Когда нелюди из нее уйдут, там тоже начнется нормальная жизнь.

– Хотелось бы верить.

Мне тоже, подумал Тарас, но вслух об этом говорить не стал.

На следующее утро, с тяжелой душой, попрощавшись с мамой и Тоней, он уехал в Архангельск, а оттуда в Москву. Проблема дальнейшего противостояния прислужникам Конкере требовала разрешения. Воевать не хотелось, но и переходить в лагерь Конкере ради спасения жизни тоже. Нужен был какой-то нестандартный ход,

который отвлек бы врагов и направил их по ложному пути, давая возможность самому Тарасу и его близким жить спокойно.

В доме явно побывали непрошенные гости, но не воры. Тарас понял это, обнаружив следы профессионального обыска и проверив тайники: взято ничего не было. Однако следовало принять срочные меры безопасности, чтобы никто больше безнаказанно не мог проникать в дом, и Тарас решил в ближайшее время заняться устройством системы охраны. Прийти к нему без приглашения могли только боевики «Купола», а с ними можно было не церемониться.

В течение дня он пытался выяснить что-либо о судьбе учителя, побывал на работе, нашел фирму, готовую взяться за переоборудование дома, затем пообедал в Думе, имевшей свой комбинат питания и отличных кулинаров. Депутаты были не дураки хорошо и дешево поесть. В принципе, желающие насытиться, предпочитающие знакомые и проверенные блюда, могли здесь уложиться в символическую сумму сорок-пятьдесят рублей. Тарас же любил столоваться в Думе не из-за дешевизны, а по причине хорошего выбора диетических и вегетарианских блюд. Мяса он не ел уже лет пятнадцать.

Вечером он съездил к Марату в больницу, чем несказанно обрадовал изнывающего от скуки спортсмена. Они проговорили полтора часа, а когда Тарас собрался уходить, Марат вдруг вспомнил, что Горшиным интересовались двое посетителей. Один назвался коллегой Тараса, второй сотрудником Управления внутренних расследований.

– Опиши обоих, – попросил озадаченный Тарас.

Марат описал.

Тарас хмыкнул. Ни одного, ни другого он, судя по описанию, не встречал. Но если сотрудником Управления внутренних расследований вполне мог быть агент «Купола» или же работник Ельшина, то с «коллегой» вопрос оставался открытым. Кто-то знал, что Горшин работает в Комитете экологической безопасности, и, представляясь коллегой, как бы намекал на некие обстоятельства, связывающие обоих.

– Ладно, разберемся, – пообещал Тарас, вставая. – Держись, теннисист, недолго уже осталось прохладиться.

– Все равно тоска зеленая, – сморщился Марат. – Ребята в Туркмению поехали, на кубок Ниязова «Рухнаме», а я вот вынужден тут ошиваться.

– Сдался тебе этот кубок, есть попрестижней награды.

– Во-первых, «Рухнаме» уже входит в десятку самых крупных турниров Всемирной теннисной ассоциации, во-вторых, призовой фонд – полтора миллиона баксов, в-третьих, сам кубок – из чистого хрусталя с золотым покрытием в виде книги.

– Почему книги? – удивился Тарас.

Марат засмеялся.

– Туркменбаши недавно поэму написал – «Рухнаме» называется, нечто вроде книги заветов и правил для туркмен, – как верно и правильно служить своему народу, государству и, само собой разумеется, президенту. Теперь это настольная книга каждого туркмена. Отсюда и кубок.

– Великий человек! – почесал затылок Тарас. – Покруче любого западного президента. Во всяком случае, наш поэмы пока не пишет.

Попрощавшись с Маратом и пожелав ему скорейшего восстановления, Тарас поехал домой, не забывая отслеживать «хвосты». Однако никто за его машиной не наблюдал. Слуги Конкере временно потеряли его след.

Дома он включил телевизор и сел с чашкой травяного отвара, очищающего организм, в кресло, еще хранившее тепло тела Тони. Передавали новости, повторявшие по сути вчерашние «новости», не отличимые от позавчерашних. В мире царил своеобразный «день сурка», основой которого была грязная политика и терроризм. Смотреть на это не хотелось. Тарас собрался выключить телевизор и замер, услышав знакомую фамилию. Диктор упомянул учителя.

В сообщении говорилось, что в Москве-реке обнаружено тело известного военного эксперта полковника Смирнова, потерявшего несколько дней назад в Чечне мать и жену. Криминалисты МВД не исключали версию самоубийства, поддержанную военными психологами, которые отмечали «депрессию и черную меланхолию», в которые впал полковник после гибели близких. Но так как на теле Смирнова были обнаружены следы пуль, предполагалось, что на него напали чеченские боевики-смертники, внесшие его в черный список

подлежащих уничтожению командиров, советников и спецназовцев, показавших себя в Чечне.

Тарас понимал, что «чеченский след» является попыткой скрыть от общественности истинные причины смерти учителя, а также имена истинных исполнителей-убийц, и снова почувствовал жгучее желание расправиться с ними. Ему стоило больших усилий успокоить душу и сердце обещанием изменить реальность таким образом, чтобы террористы и убийцы просто не могли творить свои темные дела безнаказанно. К тому же он дал обещание учителю не мстить. Да и Тоне тоже. А свои обещания он привык сдерживать.

Идея посоветоваться с иерархами Круга появилась исподволь, как реакция ума на безнадежность ситуации. Он загнал мысль поглубже, гордо не желая идти на поводу у слабости, но мысль вернулась, и в конце концов Тарас был вынужден обдумать идею всерьез, взвесив все «pro et contra». Наверное, пентарх Герард будет рад контакту, подумал он с невольной усмешкой, вспомнив слова учителя о недовольстве Герарда его поведением. Что ж, поднимем ему настроение, поелику возможно.

Зазвонил телефон.

Тарас с недоумением посмотрел на лежащую на диване трубку мобильного, с усилием дотянулся, поднес к уху, ожидая почему-то услышать голос Тони, хотя звонить она могла только из переговорного пункта на почте, которая в деревне Фрахт работала до шести часов вечера. В трубке зазвучал незнакомый мужской голос:

– Тарас Витальевич Горшин?

– Он, – ответил Тарас. – Кто говорит?

– Дмитрий Васильевич Завьялов. Вы меня не знаете, в настоящее время я инспектор по экологии правительства Москвы.

– А-а, тот самый «коллега», который заходил к Марату Барамидзе в больницу? Это он дал вам номер моего мобильного?

– Не ругайте его, он хороший парень, но простой. Поменьше делитесь с ним своими проблемами.

– Чего вы хотите?

– Встретиться и поговорить. Моя машина стоит в квартале от вашего дома, так что могу подъехать прямо сейчас, если вы не заняты. Но если хотите, можем встретиться в любом другом нейтральном месте. Называйте координаты.

– Вы даже знаете, где я живу?

– Я все объясню.

Тарас напрягся, включая «прожектор» «третьего глаза», чтобы увидеть-почувствовать-понять собеседника, и ощутил-увидел его золотисто-оранжевую «неопасную» ауру. Судя по свечению биополей, инспектор по экологии действительно находился неподалеку и, что немаловажно, один.

– Хорошо, подъезжайте ко мне. Только предупреждаю: увижу, что за вами следует прикрытие, отвечу адекватно.

– Прекрасно вас понимаю. Однако я тоже заинтересован в конфиденциальности разговора и не хотел бы, чтобы нам помешали. Ждите.

Тарас посидел несколько секунд с трубкой в руке, склонив голову к плечу, продолжая прислушиваться к пространству, потом погасил свет в доме и вышел в сад.

Машина инспектора – вишневого цвета «Фольксваген Бора» – подъехала через две минуты. Из нее вышел среднего роста человек в светлом плаще, спокойно направился к калитке, позвонил.

Тарас бесшумно объявился у калитки, сказал негромко:

– Завьялов?

Гость вздрогнул, освещенный сбоку уличным фонарем, хмыкнул.

– Вы появляетесь как привидение, Граф.

– Откуда вы знаете мою школьную кличку?

– Я много чего знаю, Тарас Витальевич. Но давайте поговорим не здесь, если можно.

Тарас открыл калитку, пропустил гостя и вошел в дом следом за ним, заинтригованный его заявлением.

Дмитрий Васильевич Завьялов оказался бывшим подполковником КГБ, вышедшим в отставку в начале девяностых годов прошлого столетия. На вид ему можно было дать лет тридцать пять, если судить по круглому лицу с детски пухлыми губами и румянцу во всю щеку, на самом же деле инспектор разменял уже пятый десяток и жизненный опыт имел немалый. Отказавшись от чая и холодных напитков, он огляделся без особого любопытства и сразу приступил к делу.

– Не будем терять время, Тарас Витальевич. Я представляю некую организацию, созданную бывшими профи спецслужб, борцами с мафией и с бандитами.

– Вы же говорили, что работаете инспектором по экологии, – не выдержал Тарас.

– Я действительно инспектор, – спокойно заметил Завьялов, пригладив светлые волосы на висках. – Но скоро правительство сменится, и я стану референтом нового премьер-министра.

– Вы что же, знаете, кто станет премьером?

– Знаю, – не изменил тона Завьялов. – Им будет Краснорыжин, нынешний посол России в Украине. Не удивляйтесь, это не прогноз, а точное знание нынешних политических реалий. Но вернемся к причине, по которой я связался с вами. Мы знаем о вас многое, если не все. Вы нужны нашей организации, а мы нужны вам, судя по последним событиям. «Купол» не оставит вас в покое.

– Откуда вам известно о... моих разногласиях с «Куполом»? – спросил неприятно удивленный осведомленностью визитера Тарас.

– Наши люди есть везде, в том числе и в «Куполе». Если вы согласитесь работать с нами, получите мощную поддержку и другой уровень возможностей. В одиночку с криминальной системой нынче бороться невозможно.

– У меня уже есть работа.

Завьялов улыбнулся.

– Как говорится, если пьянство мешает работе, брось работу. Вам не придется уходить из Комитета, просто эта организация будет официальным прикрытием основной.

– Какой?

– Между собой мы называем ее «Чистилищем». Протокольное название – «Стопкрим».

– Не слышал о такой организации.

– Мы еще заявим о себе. Как вы понимаете, в названии организации уже заложен принцип ее работы. Мы хотим очистить страну от коррумпированного чиновничества, бандитов, террористов и уголовников. Для чего создали структуру с эшелонированной подстраховкой. Ее аналитики, тактические руководители и инструкторы – бывшие спецы КГБ, нынешней ФСБ, МВД, Внешней разведки; исполнители – профи рукопашного боя и спортсмены. Нам нужен исполнитель вашего уровня, который впоследствии смог бы стать теневым спикером.

– Кем? – не понял Тарас.

– Руководителем операций. Такие руководители имеют свои монады – тройки-пятерки проверенных парней и управляют ими только по мобильной связи. Главных же руководителей или комиссаров всего четыре.

– Стоп! – поднял руку Тарас, останавливая собеседника. – Без имен. Боюсь, вы бежите впереди паровоза. Я еще не дал согласия стать членом вашей... э-э, вашего «Чистилища».

– Разумеется, последнее слово за вами. Конечно, задачи перед нами стоят огромные и даже, может быть, непосильные, однако мы не собираемся спасать весь мир, Россию бы сохранить.

– Мир спасет конец света, – пробормотал Тарас.

Завьялов с любопытством посмотрел на него, улыбнулся.

– Вы неплохо реагируете на неожиданные предложения, хотя с виду не очень коммуникабельны.

– Спасибо за комплимент.

– А это не комплимент, констатация факта. Хотя, на мой взгляд, одна из лучших ваших черт – отсутствие стремления к власти. Мне она нравится больше.

– Власть власти рознь, – пожал плечами Тарас. – К примеру, мне бы очень хотелось всегда быть над обстоятельствами.

– Но ведь не над людьми?

– Пожалуй, нет, – сказал Тарас после недолгих раздумий. – Если не считать некоторых нелюдей.

– Нелюди и есть нелюди, они не должны ни властвовать, ни вообще жить.

Тарас вздрогнул, заглядывая в глаза гостя, озвучившего его собственную доктрину, но увидел в них только терпеливое ожидание и почему-то печаль.

– Я давно сделал вывод, – продолжал Завьялов, – что у тех, кто рвется к власти, используя все средства, меняется психика, и к высшим постам приходят уже не люди, а человекоподобные монстры. Они опаснее всего, потому что умеют говорить правильные вещи и якобы радуют за народ. Ими и будет в первую очередь заниматься «Чистилище». Итак, ваше слово, Граф.

Тарас открыл рот и закрыл, вдруг увидев перед собой укоряющие глаза Тони. Опустил голову, долго молчал, сцепив руки на груди. Потом покачал головой и вздохнул.

– Нет.

– Понял, – ни капли не удивился и не расстроился гость, развел руками: – Как говорится, хозяин – барин. Мы не надеялись, что вы сразу проникнетесь нашими идеями и примете предложение. Подумайте, у вас еще есть время. – Завьялов встал. – Только не оставляйте девочку одну. Это ошибка, что вы поселили ее у матери.

Тарас изменился в лице.

– Вы и об этом?..

Дмитрий Васильевич кивнул, с сочувствием глянув на Горшина.

– Мы следим за вами уже полгода. Извините. Таков срок проверки. Но Антонину заберите как можно быстрее. Ваш поход в лабораторию «Купола» сильно огорчил его президента, он предпримет все меры, чтобы найти вас и уничтожить. Вот почему мы решили предложить вам нашу помощь, хотя альтруистами не являемся и спокойную жизнь не сулим. Кстати, мы делали такое же предложение и вашему наставнику, полковнику Смирнову.

– Вот как? Он мне ничего не говорил. И что же?

– Он отказался.

– Почему же вы решили, что я соглашусь?

– Если бы он пришел к нам, трагедии бы не произошло.

– Вы мне... угрожаете?

Завьялов досадливо поморщился.

– Возможно, я неудачно расставил акценты. К сожалению, выбор у вас невелик: жизнь – смерть... еще раз простите. Это жестоко, но это правда. Вот моя визитка. – Он подал Тарасу прямоугольничек белого картона с тисненым золотым кинжальчиком и фамилией. – Надумаете – позвоните. Всего хорошего.

Так и не сняв плащ, Завьялов вышел в прихожую. Тарас догнал его:

– Не бойтесь, что я сообщу о вас?

– Кому? – усмехнулся Дмитрий Васильевич. – Разве что сразу президенту «Купола». В правоохранительных органах у нас свои люди. Но ведь вы никому не сообщите?

– Президенту «Купола» – точно нет, – прищурился Тарас.

– Ну и славно.

Инспектор по экологии и он же комиссар «Чистилища» скрылся за дверью. Заработал двигатель машины, прошелестели шины, стало

тихо.

– Что-то дьяволы нынче больно вежливые стали, – добавил вслух Тарас, вдруг поймав себя на мысли, что хотел бы иметь за спиной такую «крышу», как «Чистилище».

Из гостиной донесся звонок обычного телефона. Спину охватил озноб. Тарас метнулся в дом, схватил трубку.

– Ой, Тарасик, ты дома! – донесся обрадованный и одновременно испуганный голос Нины. – Тут только что тебя искали и хотели... – Она вскрикнула, умолкла, будто ей заткнули рот.

– Нина! – крикнул он.

Кто-то с той стороны подержал трубку возле уха и аккуратно положил ее на аппарат. В трубке Тараса раздались гудки отбоя. Мгновение он прислушивался к шумам телефонной линии с широко раскрытыми глазами, скрипнул зубами и принялся собираться. Через несколько минут он уже мчался через спящий город к дому бухгалтера, понимая, что не успеет, и тем не менее выжимая все из мотора «Вольво».

Во дворе никого.

В подъезде и на лестнице тоже никого.

Дверь в квартиру закрыта, и лишь тонкий след чужеродности указывает на то, что здесь недавно побывали недобрые гости.

Тарас толкнул дверь, ворвался в прихожую – никого, порядок, вещи на местах, заглянул на кухню – тоже все в порядке, бросился в гостиную и сразу увидел лежащую на диване в одном пеньюаре Нину. Глаза у нее были открыты, в них застыл ужас, она была мертва. Это он понял сразу. Подошел, присел на корточки, уронив руки и разглядывая сотрудницу, отмечая синяки на руках и царапину над губой. Нет, ее не душили, просто держали за руки и затыкали рот, а потом... потом выстрелили в нее из «глушака», чтобы допросить без хлопот. Однако она умерла раньше – от страха и шока. Вряд ли она что-либо успела сказать...

Тарас пошевелился, стряхивая оцепенение, начал оглядываться, искать какие-то следы, но, кроме слабого ментального запаха, оставшегося от побывавших здесь гостей, ничего не обнаружил. Они были профессионалами и не тронули ни одной вещи, придя сюда с одной-единственной целью – узнать у Нины, где может скрываться сотрудник Комитета Тарас Горшин. Оставалось загадкой, почему они

не догадались оставить в квартире засаду. Скорее всего, считали, что Горшина в Москве нет. И ушли, добившись цели. Или не добившись.

– Не надо было ее убивать, шакалы! – прошептал Тарас. – Вы не оставляете мне выбора!

Вспомнив о предупреждении Завьялова, он заторопился, позвонил в «Скорую», сообщив о «сердечном приступе» Нины, назвал ее адрес и убрался из квартиры. Нине он уже ничем не мог помочь, прошло слишком много времени с момента ее смерти. Надо было думать о живых.

Дома он переоделся, захватил только самые необходимые вещи, документы и деньги и помчался в аэропорт. Машину оставил на платной стоянке и сразу бросился к кассам, чтобы успеть купить билет на самолет до Архангельска.

Ему повезло. Посадка в самолет уже заканчивалась, но его подождали, и в двенадцать часов ночи он уже был в воздухе, пытаясь успокоить тревожно ноющее сердце. Перед глазами все еще стояло лицо Нины, то и дело сменяющееся лицом Тони, и от этого становилось еще хуже. Но передвигаться в пространстве как иерархи Круга он еще не мог, хотя душа рвалась на части и давно опередила непослушное, зависимое от физических законов реальности тело.

В три часа ночи самолет сел в аэропорту Архангельска.

Больше часа Тарас искал способ добраться до деревни Фрахт, пока один из таксистов-частников не согласился отвезти его за баснословную сумму. Он не торговался, пребывая в состоянии лихорадочного возбуждения. Начало светать, когда водитель остановил свою издававшую виды «Ниву» возле дома мамы. Тарас расплатился, выскочил из машины и сразу почувствовал, что Тони здесь нет!

Глава 28

ПРОШЛОЕ ВЫТЕКАЕТ ИЗ НАСТОЯЩЕГО

Маму он нашел в состоянии, близком к смерти. Ее никто не трогал, не бил и не пытал, но ей хватило и того страха, который она испытала при неожиданном появлении чужих людей, забравших Тоню. У женщины случился сердечный приступ, и, если бы не возвращение сына, она бы так и умерла на полу в светелке, не приходя в сознание.

Тарас быстро сделал биоперенос, восстановив энергетику Ефросиньи Карповны с тем расчетом, чтобы отошло сердце, затем умыл маму «живой водой», одел и сбегал за дедом Порфирием. Вдвоем они нашли транспорт – сосед деда одолжил лошадь с санями – и отвезли маму в ближайшую больницу на окраине Архангельска. Пока ехали, пришедшая в себя Ефросинья Карповна поведала сыну историю появления в доме команды, и Тарасу стала ясна картина похищения Тони.

Их было трое, в камуфляже. Мама запомнила только одного – рослого, белобрысого, с коротким ежиком волос и прозрачными равнодушными глазами навывкате. Он был среди гостей главным. Показав маме издали красную книжечку, белобрысый сказал, что они из криминальной милиции, и велел позвать квартирантку. На вопрос Ефросиньи Карповны зачем, ответил: по вопросу временной регистрации.

Шел уже одиннадцатый час вечера, Тоня читала в своей спальне, когда появились гости, и сразу почувствовала нарастающее беспокойство. Жизнь в чеченской столице приучила ее с тревогой относиться к ночным визитам чужих людей. Она вышла из спальни в халате и сразу поняла, что эти трое явились за ней с недобрыми намерениями.

– Собирайся, – приказал белобрысый спецназовец. – Поедешь с нами.

– Никуда я с вами не поеду, – отступила девушка. – Приедет муж (она так и сказала), с ним и будете разговаривать.

– Конечно, приедет, – меланхолически заметил командир группы. – Особенно когда узнает, что ты у нас. Собирайся, я дважды приказы не повторяю.

– Не поеду! – Тоня спряталась за Ефросинью Карповну. – Я ничего плохого не сделала! Вы не имеете права!

Тогда белобрысый оттолкнул мать Тараса и схватил Тоню за руку, дернул так, что она, вскрикнув, отлетела к двум его подчиненным, и те, зажав девушке рот, потащили ее к двери.

– Что вы делаете, супостаты! – простонала Ефросинья Карповна, приподнимаясь с пола и протягивая к ним руку. – Не трогайте ее, нехристи!

– Уймись, старуха, – бросил белобрысый равнодушно. – Не то отправим к праотцам.

Последнее, что услышала женщина, был крик Тони: «Тарас!...» Затем послышался мат, удар и крик оборвался.

– Так они ее и увезли, – закончила шепотом мама, а в груди Тараса вспыхнуло и сторело его обещание не начинать с врагами войну. Они снова опередили его и заставили изменить решение.

В больнице он не задержался, всем телом ощущая, как уходит время. Оставив маму на попечение деда Порфирия, он помчался в аэропорт и успел на дневной рейс, отправлявшийся в Москву в два часа пополудни. Он ни капли не сомневался, что Тоню повезли именно туда, в столицу, где обосновались главные действующие лица противостояния, методично претворяющие в жизнь программу Монарха Тьмы. Оставалось выяснить, кто именно захватил Тоню: гангстеры «Купола» или бойцы антитеррористического отряда «Гамма», подчинявшегося Гольдину. Или напрямую Генриху Ельшину.

В самолете пришло ощущение, что кто-то пытается пролезть в голову сквозь череп и кожу. Тарас напрягся, подставляя зеркальный щит. Ощущение притупилось. Успокоенный (до этого он проверил каждого пассажира в салоне «Як-42») Тарас откинулся на спинку кресла и вдруг подумал, что сверху видна вся поверхность земли. Стоило попробовать определить координаты местонахождения Тони по пси-пеленгу. Лишь бы она была в сознании и услышала его.

Однако попытка выхода в астрал провалилась. Несмотря на хорошее самочувствие (переживания не в счет) и высокий энергетический потенциал, Тарас не смог преодолеть ментальный

барьер и выбраться на край колоссальной энергоинформационной бездны, с которой начинался спуск (или подъем) в более упорядоченную среду под названием Хроники Внутреннего Круга. Впечатление было такое, будто коридор выхода превратился в извивающийся во все стороны шланг и все время возвращал разум-волю Горшина к началу пути, не позволяя ему слиться с полем информации большой живой системы – биосферы Земли. Не удалось ему нащупать и канал информации скрытой реальности, через который он общался с духом рода. Такие каналы были доступны лишь иерархам Круга – мастерам, адептам и ангелам, и очень редко – Посвященным первых семи ступеней, но у Тараса он был, благодаря настойчивой помощи учителя. Почему канал вдруг пропал, надолго ли, и не связано ли это было со смертью Елисея Юрьевича, надо было разбираться в другой обстановке. Теперь же, получив доступ к *мугамуси* – полной отрешенности от земного бытия, настроенный на восприятие эйдетической информации, недоступной словесному выражению и логическому определению, Тарас решил идти дальше, в глубины своего подсознания, надеясь наконец получить ответы на давно мучившие его вопросы. Учитель говорил, что главный путь Посвященного – изучение метаязыка, языка творения, но прежде Тарас хотел выяснить законы метабоа, так как полагаться он мог только на свои силы и умение, а противостоял ему не один человек и даже не спецподразделение, а система.

Тарас глубоко вздохнул и нырнул в бездну памяти, считая секунды, часы, месяцы, годы и столетия.

Темнота, пронизанная странным невидимым светом...

Беззвучные и объемные свисты и гулы со всех сторон, сотрясающие пространство...

Мягкое шевеление живых масс, мимо которых он пролетал с огромной скоростью...

Тяжкий плеск океанских волн, огненный ветер...

Удар!..

Помутнение рассудка... вход в событие... как же тут тесно, Боже ты мой!..

Он открыл глаза и осознал себя стоящим на балюстраде с низким каменным парапетом, опоясывающей внутреннюю стену огромного замка со множеством башен разной высоты и формы. Башни были

усеяны мириадами отверстий, как, впрочем, и стена замка, словно изъеденные кислотой или жучком-древоточцем, но Тарас сразу понял, что это означает. Замок был создан Инсектами – то ли термитами, то ли муравьями, люди пришли сюда и заняли его позже.

Предок Тараса, в теле которого он «вылупился» из временного потока, имел две ноги, две руки и голову, как и обычные люди. По-видимому, Тарасу открылась не очень древняя «кладовая» памяти, глубиной на три-пять миллионов лет. Однако после первых минут разочарования он почувствовал растущий интерес к происходящему и понял, что вышел в нужное время и в нужном месте. Учитель знал, что говорил, настойчиво повторяя принцип Круга: идущий должен научиться искусству задавать точные вопросы, это главный путь к знанию. По-видимому, его усилия не пропали даром, ученик с грехом пополам, но овладел навыками задавать вопросы, и подсознание вывело Тараса в ту область памяти, которая соответствовала его запросу.

Предок не смотрел на стены замка, он смотрел на внутренний двор, где шло сражение. Точнее – обучение воинов приемам боя. самого древнего из воинских искусств, не имевшего названия в свое время. Современники Горшина называли это искусство «живой», спасом, первобоем и метабоем. И только глядя на это действо, Тарас понял, что оно насквозь – магическое, судя по колебаниям пространства, изменению форм двора и самих участников процесса.

Бойцы сражались один на один, попарно, строй на строй, и каждый раз пейзаж менялся, возникали и пропадали ямы и бугры, скалы и стены, здания и сооружения, бойцы превращались в птиц и зверей, в невиданных существ, и разобраться в калейдоскопическом верчении призрачных – или вполне реальных – объектов было трудно, а понять, что и как они делают, и вовсе невозможно.

Словно почувствовав разочарование Тараса, нетерпение и желание разобраться в происходящем, предок крикнул что-то низким гортанным голосом и спустился во двор, снимая белоснежные одежды. В этом мире он был, очевидно, наставником школы воинского искусства, так как слушались его беспрекословно.

Тарас многого не понял из того, что показывал учитель и что говорил, зато интуитивно, на тонкой грани соответствия психик – все же он был прямым потомком этого первочеловека – он воспринял

глубинный психологический базис системы, которую можно было бы назвать системой целостного мировоззрения и движения, и запомнил основные моменты учения. Кроме собственно движения и физических приемов, метабой включал в себя элементы первоязыка, каждая буква которого имела глубокий смысл, отчего мастер боя сразу становился магическим оператором, способным менять мерность пространства и влиять на противника таким образом, что тот отказывался от намерений причинить ему вред. По сути, это была система пресечения боя на психофизическом уровне, хотя владеющий ею мог не только останавливать противника «дистанционно», но и физически, с помощью совершенных по технике исполнения и красоте каскадов приемов, в том числе – смертельных. А мог и лечить травмированного либо оживлять, если требовалось. Ибо метабой представлял собой не что иное, как растянутое во времени, воплощенное в материи и движении Слово Власти...

Тарас вздрогнул, ощутив присутствие незримого собеседника и осознав, что последнее открытие, сделанное им, на самом деле подсказано. Не выходя из сознания предка, огляделся и увидел чуть сбоку (по ощущению) высокую полупрозрачную фигуру в сером плаще до пят и в шляпе. Предок и его ученики не замечали эту фигуру, и Тарас понял, что она существует лишь для него.

«Зонг...» – поежился он.

«Тебе многое дано, Незавершенный, – слышался мысленный голос незнакомца, чье лицо мерцало: то исчезало, то проявлялось световым пятном. – Но ты избрал путь потерь, ведущий в никуда. Круг тебя не примет».

«Кто вы? Посланец инфарха? Или... Конкере?!»

«В последнее время ты задаешь очень сильные вопросы, Граф. Мне жаль, что ты до сих пор не определился. Я один из тех, кто имеет право контролировать сущее твоего рода, хотя и без права вмешательства».

«Декарх...»

«Браво, молодой человек, ты быстро ориентируешься. Однако позволь спросить: что ты собираешься делать дальше?»

Двор замка перед глазами Тараса затуманился, фигуры людей и контуры строений стали расплываться. Наступал этап перегрузки сознания, пора было возвращаться в свое время.

«Я хочу освободить свою девушку...»

«Любой ценой?»

«Мне не оставили выбора...»

«Выбор есть всегда, прежде всего выбор нравственный. Ты уверен, что сделал правильный?»

Сознание потускнело.

«Уверен!»

«Что ж, до встречи в другой реальности, идущий окольным путем. Извини, что я выбрал не самый удачный момент для беседы, у гостя всегда больше времени, чем у хозяина. Но все же мне придется сообщить тебе неприятную вещь: с этого момента твоя личная линия «пологого спуска» больше не действует».

«Что это значит?»

«Канал ДН – «демпфирования неприятностей», который оставил тебе твой учитель, практически нейтрализован твоим непродуманным поведением. Ты становишься опасным для Круга».

«Тогда заблокируйте мне память, не позволяйте нырять в прошлое».

«Блокирование памяти невозможно без нарушения психики, на это мы пойти не можем. Но вот выход к Хроникам...»

«Делайте, что хотите... – Тарас начал погружаться в темноту и последним усилием воли скомандовал «подъем». – Я не могу остановиться на полпути!»

В себя он пришел, когда самолет совершал посадку в аэропорту Быково. Тело казалось губкой, пропитанной водой, но голова была ясная, он помнил весь разговор с декархом, от слова до слова, и... не помнил ничего, что увидел и понял во время похода и встречи с предком-наставником! Лишь сам факт погружения да очень смутно – видение замка и двора, где воины-перволюды проходили обучение метабою. Декарх ухитрился-таки заблокировать самое важное знание, которое скрывалось в генетической памяти рода Горшиных.

– Сволочь! – вслух выговорил Тарас и извинился, поймав удивленный взгляд бортпроводницы. В глубине души он пообещал, что непременно спустится в прошлое еще раз и восстановит все, что ушло из памяти бесследно, как сон.

«Третий глаз» не обнаружил опасности, засады в доме не оказалось. Зато обострившееся чутье подсказало, что гости снова побывали в доме. Тарас медленно обошел свое жилище, обнюхивая пространство. Взрывчаткой не пахло, и он вошел в дом. В гостиной на столе его ждала записка:

«Ваша девчонка у меня. Придите и заберите. Заодно сыграем в бильярд – одна партия за мной».

В голову ударила волна крови.

Ельшин! Ну, конечно же, это его команда побывала у мамы и забрала Тоню! А перед тем убила Нину! Только Дмитрий способен свободно проникать в закрытый на все замки дом и уходить так же незаметно, не оставляя следов. Почему он не оставил засаду? Или хотя бы наблюдателя? Впрочем, он знает, что Посвященный его уровня способен вовремя обнаружить и то, и другое. Проще всего было бы спрятать где-нибудь снайпера. Один точный выстрел – и объект обезврежен! Почему Генрих Герхардович или Дмитрий этого не сделали? Почему не объявили в розыск как потенциального преступника? В чем здесь подвох? Или они просто хотят насладиться унижением соперника? Заставить его просить пощады?..

Тарас скомкал записку, окаменев от ненависти. Клочок бумаги в ладони обуглился, превратился в пепел. Тарас очнулся, покачал головой, стряхнул с ладони пепел. На ум пришло чье-то изречение: «Бойся гнева терпеливого человека!» Возможно, он не самый терпеливый человек на свете, но...

– Бойтесь и моего гнева, мерзавцы! – сказал вслух с такой силой, что на столе лопнула хрустальная пепельница в форме дракончика.

Сердце перестало гнать лаву крови по жилам, стало немного легче.

Что ж, мужики, встречу я вам гарантирую, – подумал он уже почти совсем спокойно. – Вы перешли границы первыми. Один предал учителя, второй предал все светлое, но главное – вы привыкли наносить удары в спину. А это карается! Не законом, так мной! До Божьего суда далеко, я не могу ждать так долго.

Сев за стол, Тарас набросал схему взаимодействия команды Ельшина с президентом «Купола», как он это понимал, и начал анализировать последние события с участием всех заинтересованных в смерти учителя лиц. Не хватало данных по ДДО «Гамма», не хватало

компьютера, это стало понятно уже через полчаса, поэтому он бросил свое занятие и поехал к Витюше Кучину на Цветной бульвар, захватив свои схемы и записи.

Пробыл он там больше двух часов, бегал за кофе и бутербродами и терпеливо ждал конца расчетов, которые Витюша запустил через какой-то хитрый алгоритм после взлома сети ФСБ. Наконец компьютерщик вывел решение на принтер и потянулся, сцепив ручки на затылке.

– Хорошая задачка была, Витальич, даже жаль, что кончилась. Ты приноси еще чего-нибудь в этом роде, с удовольствием повоюю. Кстати, зачем тебе этот геморрой с конторой? Они же тебя к себе на пушечный выстрел не подпустят.

Тарас выдернул стопку листов из корзины принтера и пробежал их глазами. Здесь было все, что требовалось для решения другой задачи – посещения всех тех, кто исполнял и заказывал убийство жены и матери учителя, семьи прокурора Хованского и самого Елисея Юрьевича. Разумеется, на основании тех сведений, которыми располагал Тарас. В списке было пять фамилий, и напротив каждой компьютер нарисовал самые вероятные пути их следования из квартир на службу, а также дал адреса возможных мест отдыха.

Среди этих пятерых был и полковник Гольдин. Поколебавшись, Тарас листок с его фамилией выбросил. Возможно, родичи полковника знали, с кем и где он встречался наиболее часто, но травмировать их расспросами не хотелось, они ни в чем виноваты не были. Сам же Гольдин до сих пор находился в реанимации и едва ли пережил бы допрос. Зато с четырьмя остальными стоило разобраться по полной программе. Это были Дмитрий Щербань, Генрих Герхардович Ельшин, заместитель начальника штаба Северо-Кавказского военного округа полковник Жмутенко и президент Российской энергетической компании господин Рыжайс.

Жмутенко, правда, в настоящий момент волновал Тараса меньше, да и находился далеко, в Моздоке, поэтому его Тарас тоже пока решил оставить в покое. Однако и до Генриха Ельшина добраться было нелегко, учитывая его положение и окружение. Стоило поподробней познакомиться с его досье и выяснить детали, которые помогли бы осуществить перехват полковника без лишнего риска и стрельбы и освободить Тоню. Исходя из этих соображений, Тарас и начал

подготовку к своей ратной работе, выбрав для начала не сильно значимую личность, от которой тем не менее многое зависело. Этой личностью был майор Золиньш, командир десантно-диверсионного отряда «Гамма», подчинявшегося непосредственно полковнику ФСБ Гольдину. Именно Золиньш, судя по описанию мамы и портретному сходству, и руководил группой, взявшей Тоню в заложники.

Тарас с чувством пожал руку Витюше, пообещал в благодарность за выполненный заказ бутылку коньяка или, в крайнем случае, купить велосипед (Витюша посмеялся шутке, довольный, что угодил приятелю) и, выйдя из офиса фирмы, еще раз внимательно перечитал текст под фамилией Золиньш.

Майору исполнилось двадцать девять лет. Служил в армии, закончил военное училище и школу пловцов-подводников, участвовал в спецоперациях в Чечне, был замечен кадровиком ФСБ и с конца двухтысячного года приглашен в антитеррористическое Управление, где быстро продвинулся по служебной лестнице и занял место командира ДДО «Гамма». Холост. Не курит. Пьет в меру. Женщинами интересуется мало. Занимается единоборствами. Хобби – подводное плавание и рыбалка, а также разработка автомата для подводной стрельбы.

– Перспективен для привлечения к спецоперациям уровня «А», – вслух прочитал Тарас. Покачал головой. Спрятал лист с данными на Золиньша в карман.

Майор действительно был человеком незаурядным и способным, и если бы он лично руководил группой десантников, пытавшихся ликвидировать или захватить Горшина на теплоходе, возможно, еще одна встреча с ним и не понадобилась бы.

«Ах, майор, майор, – подумал Тарас с сожалением, – знал бы ты, на кого работаешь, может быть, и не встретился бы на моем пути».

Дома он еще раз перечитал данные на всю четверку, подлежащую нейтрализации, сжег листочки с записями и наметил первый маршрут. Затем собрался, как на прием в посольство: костюм, белая рубашка, галстук, туфли, – и поехал на Фрунзенскую набережную, где располагалась резервная база ГОНа – Гаража особого назначения.

Глава 29

СХВАТКА ПОД ВОДОЙ

Когда-то ГОН принадлежал бывшему Девятому управлению КГБ и имел собственный герб – выезжающий из кремлевских ворот «ЗИЛ» на фоне чекистского щита. Теперь же герб «главного» гаража государства Российского сменила эмблема Федеральной службы охраны: двуглавый орел, щит, меч, триколор. Именно этот штандарт и красовался на неприметном здании на Фрунзенской набережной Москвы-реки, в котором укрывалась секретная часть ГОНа, предназначенная для замены транспортных средств передвижения «объектов государственной охраны».

Сотрудников ГОНа можно узнать по крошечным нагрудным значкам, как бы меткам для своих. Всю свою жизнь они развозят туда-сюда высших сановников страны, от руководителей депутатских фракций до премьер-министра и президента, а также высоких гостей – глав государств других стран. Приятель Тараса Вадим Логинов водителем не был, но тоже носил значок ГОНа. Работал он главным инженером гаража и власть имел немалую. Во всяком случае, выслушав Горшина, он тут же приказал сотруднику выгнать машину, что и было сделано без вопросов и обсуждений. Зачем Тарасу понадобился представительский автомобиль, тридцатипятилетний Вадим не спросил. Он был вечным должником Тараса, который спас его в Чечне в тысяча девятьсот девяносто восьмом году, и все его просьбы выполнял с великой тщательностью. Впрочем, таких просьб на протяжении последних трех лет насчитывалось всего две, когда Тарасу понадобилось «показаться» перед Оксаной и отвезти учителя в аэропорт. Эта просьба была третьей.

– Поаккуратнее с ней, – пробасил Вадим, широкий, кряжистый, с висячими «запорожскими» усами, похлопав по крылу бронированный «ЗИЛ». – Штучная работа, по заказу для премьера.

Тарас оглядел холеные, агрессивно-вышколенные «Мерседесы», вылизанные, строгие «ЗИЛы» и «Чайки» и пожал руку приятелю. В гараже прямо пахло кожей, лаком, натуральным деревом и совсем

чуть-чуть бензином. На машины приятно было посмотреть, а уж ездить тем более.

Вадим перехватил взгляд Горшина, подкрутил пальцем усы.

– Все – новье, старые модели теперь только в эксклюзивном пользовании. Например, спикер Госдумы ездит только на «ЗИМе», который стоит в отдельном гараже. А раньше у нас и «Роллс-Ройсы» обслуживались, и «Бьюики», и «Паккарды», и наши «Руссо-Балты».

– Ты мне это уже десятый раз говоришь, – улыбнулся Тарас. – Но все равно – спасибо. Верну в идеале. – Он подумал и добавил: – Если удастся.

– Надеюсь. – Вадим кинул взгляд на костюм бывшего сослуживца: – А куда это ты собрался? На прием к президенту или к бабе?

– К ней, родимой, – кивнул Тарас, размещаясь в просторной кабине «ЗИЛа».

Через минуту он ехал по Москве, чувствуя странную гордость и неловкость одновременно, когда инспекторы дорожного патруля дружно козыряли, вытягиваясь перед машиной власти, хотя и не видели за тонированными стеклами, кто в ней едет.

Тарас пересек МКАД по Боровскому шоссе, на пятом километре свернул на Чоботовскую аллею, пересек железнодорожные пути, проехал Вокзальную, все четыре Лазенковых тупика и оказался на территории санатория «Переделкино». Однако мало кто из живущих здесь людей – а скорее всего никто – знал, что на территории санатория располагается и секретный полигон базы подразделения «Гамма» Управления «Т» Федеральной службы безопасности.

В одиннадцать часов к стареньким воротам с эмблемой Минздрава СССР – змея, обвивающая чашу, – подъехал роскошный черный лимузин с флажком на капоте и требовательно прогудел. Никто не вышел к воротам, однако створки их медленно раздвинулись, снабженные неслышным механизмом. Лимузин проехал за ворота и остановился перед другими, металлическими, врезанными в забор из бетонных плит.

Чувствуя, что за машиной наблюдает телекамера, Тарас приспустил боковое стекло и показал свою красную книжечку с тисненым двуглавым орлом и буквами НКЭБ. Ворота дрогнули и начали бесшумно открываться. Тарас миновал ворота и остановился у

КПП перед двумя рослыми парнями в камуфляже, в черных беретах и черных очках, с ленивой профессиональной небрежностью держащих за спинами – дулом под мышку – автоматы.

– Кто? – коротко спросил третий охранник, возникший у дверцы «ЗИЛа», наклоняясь к щели.

– Федеральный инспектор Горшин, – проговорил Тарас раскатиисто, с выразительной «царственной» вальяжностью.

– К кому?

– Мне нужен майор Золинъш.

– Проезжайте прямо, у кирпичной одноэтажки повернете налево, за спортплощадкой свернете направо и упретесь в пруд. Он там.

Тарас закрыл окно и двинулся в указанном направлении, гадая, почему охранники не стали смотреть удостоверение и спокойно пропустили незнакомого «инспектора» на территорию секретного объекта. Впрочем, могло быть два фактора, повлиявших на их решение. Первый фактор: такие автомобили возят только важных лиц, и это чувствуется. Фактор второй: водитель в лимузине хорошо одет и ведет себя уверенно и хладнокровно, как человек, привыкший повелевать. Существовал и третий фактор, который вполне мог стать главным: въехать на территорию отряда «Гамма» было легко, а вот выехать – проблематично.

«ЗИЛ» миновал небольшой стадиончик с полосой препятствий и спортивными сооружениями, остановился у невысокой кирпичной стенки, за которой рос высокий, еще голый кустарник. В стенке был проход, ведущий на мостик, нависавший над частью берега и краем пруда круглой формы, окруженного тополями. На мостике возились с аквалангами двое парней в камуфляже и мужчина постарше, с короткими светлыми волосами и глазами навывкате. На нем был гидрокостюм, подчеркивающий атлетическую фигуру, и акваланг, в руках атлет держал необычной формы автомат. Это, очевидно, и был майор Золинъш, успевший вернуться на базу после поездки в Архангельск.

Тарас вышел из машины, надел очки, захваченные с собой, и не торопясь направился к мостику, боковым зрением отмечая движение трех появившихся с двух сторон парней в комбинезонах. Возможно, они просто страховали командира, однако на всякий случай Тарас взял их под контроль.

Майор оглянулся, услышав шум подъехавшего автомобиля. Он был спокоен и расслаблен, так как не ждал никаких неприятных сюрпризов. Он был здесь хозяином и не сомневался в своей защищенности. Именно этого и добивался Тарас, идя сюда в открытую, как бы сжигая за собой мосты, словно смертник-камикадзе.

– Мне сказали, что вы федеральный инспектор, – заговорил первым Золиньш. – Инспектор чего? У нас здесь нечего инспектировать. – Он повернул голову к своим подчиненным: – Кончайте возиться. – Снова посмотрел на гостя: – Я вообще не понимаю, почему вас пропустили.

– Потому что я этого хотел, – бесстрастно сказал Тарас, демонстрируя безмятежность и подходя к майору на расстояние прямого контакта.

Редкие белесые брови Золиньша прыгнули вверх, в глазах мелькнуло любопытство. Однако он все еще ничего не понимал и подыскивал стереотипное объяснение визиту «инспектора».

– Кто вас послал сюда? Щербак? Жуков? Ройфе?

– Гольдин, – ответил Тарас, внушая командиру ДДО желание поскорее освободиться и одновременно добиваясь максимального распределения внимания, чтобы не быть застигнутым врасплох.

– Полковник? Но он же... – Золиньш нахмурился, тряхнул головой, пытаясь сбросить наваждение. – Что вы мне мозги компостируете? Покажите документы!

– Где она?! – тихо, но с жестким нажимом и угрозой, властно и требовательно проговорил Тарас, так что майор вздрогнул, а его подчиненные оглянулись.

– Кто?

– Девушка, которую вы захватили в деревне Фрахт под Архангельском и увезли. Где она?!

– Ах, вот оно в чем дело! – На губах майора появилась кривая усмешка. – Меня предупреждали, да я не поверил. Ты – Горшин? Или как там тебя... Граф?

– Да, я Граф! – металлически-гортанным голосом, от которого у всех действующих лиц зазвенело в ушах, сказал Тарас. – Ответишь – будешь жить!

Брови Золиньша снова прыгнули вверх. Он изумленно посмотрел на Тараса, хотел было ответить, но опомнился и отступил к краю

мостика. Остановил жестом взявшихся за оружие парней в камуфляже.

– Мне говорили, что ты мастер единоборств, жуткий профессионал. А что, профессионал, слабо поговорить со мной там? – Золиньш мотнул головой на пруд, засовывая в рот мундштук акваланга и надвигая очки.

– Без проблем, – сказал Тарас, набирая темп, и, прежде чем ему успели помешать, толкнул майора в воду и прыгнул сам.

Золиньш тоже был профессионалом. Чего и следовало ожидать. В ДДО «Гамма», специализирующемся по захвату и ликвидации террористов, слабаков не держали. Поэтому, оказавшись в воде, майор тут же ушел глубже и подготовил к бою автомат для подводной стрельбы; именно его он и хотел испытать, когда подъехал «инспектор». Но командир спецподразделения все же не владел темпом и не знал рукопашный бой в том объеме, коим владел Тарас. К тому же он имел преимущество – так ему казалось – в виде акваланга и мог держаться под водой больше часа, в то время как противник имел запас воздуха в легких максимум на две-три минуты и был не вооружен. Поэтому он не особенно торопился, полагая, что время работает на него. И ошибся. Тарас двигался под водой быстро и уверенно, как рыба, владел «акульим» – кожным – дыханием и мог держаться под водой гораздо дольше.

Схватки не получилось.

Золиньш вдруг, к своему изумлению, почувствовал удар по руке, развернулся и в придонной мути увидел противника, который должен был находиться выше и в другой стороне.

Тарас вырвал у него автомат, направил на вытаращившего глаза майора.

– Где она?!

Вода проводит звуки иначе, чем воздух, и при попытке произнести слово образуются пузыри, мешающие говорящему, но Золиньш понял.

– Да пошел ты!.. – опомнился он, хватаясь за нож на поясе.

Тарас отвел в сторону ствол и дал очередь.

Когда-то он имел дело с отечественным «АПС», поражающим цель на дальности не более двадцати метров и разваливающимся после ста восьмидесяти выстрелов. Этот автомат стрелял дальше, пули клал кучно, чуть ли не в одну точку, и был гораздо удобнее и мощнее,

прежде всего за счет отсутствия газового пузыря, образующегося при стрельбе из автоматов старых конструкций.

Очевидно, Золиньш устроил на дне пруда настоящий тир, нагромоздив там кучу железных бочек, вбив деревянные сваи и установив щиты разной толщины из разных материалов. Очередь, выпущенная Тарасом, легла впритирку к бедру майора и вошла в одну из бочек, породив гулкий дробный грохот. Золиньш отшатнулся, осознав наконец, что происходит, со страхом посмотрел на противника, который продолжал двигаться в воде как ни в чем не бывало. Попытался было что-то сказать, вытолкнув мундштук акваланга, но бурлящий поток воздуха ему не позволил.

Тарас воткнул ствол автомата ему в бок, коснулся губами металлического обода очков-консервов, медленно, одной гортанью, почти без артикуляции, выговорил:

– Сейчас ты высунешь голову из воды и велишь своим нукерам убраться подальше. Скажешь что-либо другое, я снизу сделаю из тебя дуршлаг. Понял?

Золиньш кивнул.

– Пошел!

Майор поднялся из глубины пруда наверх, высунул голову из воды:

– Всем собраты у спортплощадки!

Спецназовцы, обступившие мостик, высыпавшие на берег пруда и вглядывающиеся в мутную воду, оторопело воззрились на своего командира.

– Бегом марш! – рявкнул Золиньш.

Солдаты потянулись к мостику, опуская оружие, оглядываясь на голову майора, торчащую из воды, как голова профессора Доуэля, в десяти шагах от берега. Они пока ничего не понимали и пытались выискать глазами «утопленника». По их мнению, человек без акваланга более трех минут в воде находиться не мог, а так как прошло уже больше пяти, это означало – гость утонул.

Тарас всплыл, контролируя зону в районе мостика с помощью «третьего глаза», подтолкнул майора к берегу.

– Выходим.

Золиньш в два взмаха достиг лесенки для подъема на мостик, вылез, в течение секунды сбросил ласты, чтобы метнуться к своим

подчиненным, пока из воды будет выбираться противник в мокром, стесняющем движения костюме, и замер, увидев направленный на него автомат для подводной стрельбы.

– Не стоит, – тихо сказал Тарас, выбираясь на мостик. – В этой реальности жизнь дается только раз. Я вполне понимаю, что ты человек военный и действовал по приказу. Но лучше бы ты отказался от похищения той девочки. Где она?

Золиньш усмехнулся.

– Ну, скажу я, где она, и что дальше? Тебя же все равно отсюда не выпустят. Здесь со мной восемь человек, и все вооружены.

Тарас хладнокровно поднял автомат, направляя ствол в лоб майору.

– Вопрос больше повторять не буду!

Золиньш побледнел, внезапно ощутив волну морозного ужаса, ослабившего тело.

– Ее забрал телохран полковника...

– Ельшина? Дмитрий?

– Больше я ничего не знаю, – заторопился майор. – Мое дело – выполнять приказы. Я доставил девчонку на базу... пальцем не тронул... потом приехал Дмитрий и...

– Куда он ее повез?

– Не знаю, хоть режь! Может, к себе на квартиру?

– Адрес.

Золиньш облизнул губы, помялся, оглянулся на выглядывающих из-за угла строения в тридцати шагах сослуживцев.

– Адрес! – повторил Тарас, усиливая эффект воздействия движением рук и мысленным импульсом покорности.

– Шоссе Энтузиастов... семнадцать... недалеко от Авиамоторной... квартира, кажется, двадцать шесть... не помню точно. Седьмой этаж.

– Отлично, майор. Теперь мы вместе сядем в мою машину, и ты велишь своим парням открыть ворота. Пусть не балуются с оружием, машина бронированная, на ней президент ездил. Шагай!

Золиньш вздрогнул и безропотно полез в кабину «ЗИЛа». Тарас снял мокрый пиджак, кинул на заднее сиденье, сел сам. Рубашка и брюки неприятно липли к телу, в туфлях хлюпала вода, но

переодеваться было некогда, бойцы ДДО «Гамма» могли не выдержать и открыть стрельбу, чтобы выручить командира.

«ЗИЛ» медленно подъехал к стадиончику, возле которого собрались все восемь спецназовцев, приехавших с Золиньшем на полигон. Тарас приставил к виску майора ствол автомата, чтобы это было видно со стороны, продолжая вести машину правой рукой, приспустил стекло с его стороны.

– Командуй!

– Синицын, жди меня с ребятами здесь, – проговорил сквозь зубы Золиньш. – Откройте ворота.

– Но, майор!.. – сунулся к окну бородатый, голубоглазый, с утиным носом лейтенант. – Мы же его...

– Пропустить, я сказал! Я скоро вернусь, ждите.

Лейтенант отступил в сомнении, глядя то на майора, то на Тараса, потом все-таки махнул охранникам:

– Откройте ворота.

«ЗИЛ» выехал с территории полигона, попетлял по переулкам и оказался у железнодорожного моста. Тарас остановил машину, посмотрел на пассажира.

– Выходи.

Золиньш с недоумением огляделся.

– Ты меня... отпускаешь?

– Вылезай быстрее!

Майор открыл дверцу, вылез, придержал ее.

– Зря ты с нами связался, парень, мы тебя из-под земли достанем.

Глаза Тараса налились тигриным блеском, он сделал правой рукой странное движение, напоминающее полет птицы, и выбросил короткое, несущее энергию слово:

– Забудь!

Золиньш отшатнулся, бледнея.

Тарас закрыл дверцу и погнал машину к центру города. Вспомнил об автомате, хотел было выбросить, потом подумал, что он может пригодиться, и оставил. В два часа дня он подъехал к дому номер семнадцать на шоссе Энтузиастов, где, по признанию Золиньша, обитал бывший ученик Елисея Юрьевича.

Одежда за то время, пока он ехал, высохнуть не успела, но вода с нее стекла, и она уже почти не прилипала к коже. Тарас накинул

пиджак, сунул под него автомат майора, привычно огляделся в психополе. Полей внимания в пределах зоны чувствительности «третьего глаза» не обнаружилось, и, судя по всему, Дмитрия Щербаня дома не было. Да и ауры Тони Тарас не почуял. Золиньш или соврал, что было маловероятно, или же Дмитрий не повез Тоню к себе на квартиру.

Тарас оставил машину у бензозаправки и направился к старой девятиэтажке с разнокалиберно застекленными лоджиями. Он уже понимал, что приехал сюда напрасно, тем не менее следовало проверить этот след, чтобы потом не сожалеть о потерянных возможностях.

Дом имел домофоны. Дождавшись, когда жильцы откроют дверь подъезда, Тарас поднялся на седьмой этаж и присмотрелся к дверям четырех квартир, выходящим на лестничную площадку. Дверь квартиры Дмитрия светилась чуть сильнее остальных – в энергоинформационном диапазоне. Тарас, насыщенный силой, переливающейся по сосудам и мышцам, приложил ладонь к отверстию замка, сосредоточился и волевым усилием заставил его открыться. Дима Щербань, считавший себя хозяином своих вещей и территорий, не оставил каких-либо секретов, не позволявших никому заходить к нему без разрешения. Он был уверен, что воры его квартирой не заинтересуются.

Тарас остановился в прихожей, готовый к появлению чего-то необъяснимого, но все было тихо. Никто его здесь не ждал. Хотя некоторые следы ожидания присутствовали. Повинуясь голосу интуиции, скользнул в гостиную, прислушиваясь к насыщенной «ментальными» запахами хозяина тишине квартиры, состоящей из трех комнат. Планировка здесь была старой, неудобной, и гостиная представляла собой проходной зал, из которого две двери вели в другие комнаты. Зато сама гостиная заставила Тараса покачать головой: она была почти полной копией его «рыцарского зала» с очень хорошей коллекцией холодного оружия. Тарас обнаружил на стенах комнаты те же мечи, кинжалы, алебарды, акинаки, сабли, что украшали стены его дома, задержал взгляд на кельтском двуручном мече, но отвлекаться не стал. Подошел к старинному круглому столу с инкрустациями и обнаружил листок бумаги с написанным от руки текстом: «Молоток, если читаешь эту записку, ученичок. Пора нам выяснить отношения. Девочку твою я отдал, так что если хочешь

узнать, у кого она сейчас, приходи в храм Инсектов, что под Курским вокзалом. Если ты, конечно, понимаешь, о чем идет речь. Вход – через метро. Время встречи – шесть часов вечера».

Тарас прочитал записку два раза, скомкал в руке, так что она превратилась в пепел, с трудом погасил гнев и ярость. Прошелся по «музею» Дмитрия, находя клинки, которых не было в его собственной коллекции. Похоже, они с Дмитрием имели сходные черты характера, хотя признаваться в этом не хотелось даже самому себе.

«Странно, что мы оба увлеклись собирательством оружия, – пришла мысль, – в то время как учитель никогда этим не занимался».

Зазвонил телефон.

Тарас невольно вздрогнул, не ожидая звонка в чужом доме.

Телефон зазвонил снова. Он снял трубку.

– Дмитрий, какого дьявола ты забрал девчонку?! – раздался в трубке чей-то взбешенный голос. – Что за самоуправство?! Немедленно привези ее в контору! И вообще, что ты делаешь дома? Ты мне нужен! Только что позвонил Золиньш, у них побывал твой бывший дружок Горшин!

Тарас наконец узнал голос Ельшина.

– Добрый день, Генрих Герхардович. Я понял так, что моя девушка не у вас? А как же записка у меня дома?

Пауза.

– Горшин?! – Голос Ельшина изменился. – Ты как там оказался?!

– Случайно проходил мимо, зашел в гости.

– Где Дмитрий?

– О нем больше не беспокойтесь, – глубоким, бархатным, светящимся баритоном проговорил Тарас. – Вы напрасно начали войну со мной, полковник, надо было начать с переговоров, я готов был занять нейтральную позицию. Теперь ждите в гости, я вас скоро навещу.

– Подожди, я не... – начал Ельшин, но Тарас положил трубку и, не оглядываясь, вышел из квартиры Дмитрия, оставив дверь открытой. Телефон зазвонил снова и был слышен даже с улицы: Генрих Герхардович получил приличную дозу «метазвуковой радиации» и, очевидно, испугался не на шутку. Но, судя по его же словам, он сам не знал, где в настоящий момент находится Тоня, поэтому разговор с ним был напрасной тратой времени.

Неизвестно, связывался или нет Золиньш с милицией и ГИБДД на предмет задержания «ЗИЛа» с правительственным номером и флажком на капоте, но Тараса никто не пытался остановить, и он добрался до дому меньше чем за полчаса, чудом избежав пробок. Быстро сбросил еще не полностью высохший «представительский» костюм, переделся в джинсовый, побросал в сумку кое-какой боевой инвентарь, в том числе любимую катану, автомат же Золиньша оставил дома. Снова сел за руль «ЗИЛа». В начале пятого он был уже на площади Курского вокзала, оставил машину прямо у входа в кассовый зал (инспектор ДПС взял под козырек) и спустился в метро. Дмитрий не сказал, где именно находится спуск в подземелье с храмом Инсектов, его еще надо было найти, а опаздывать куда-либо Тарас не любил. Тем более что от этого зависела жизнь любимого человека.

Включив «третий глаз», он начал осматриваться.

Глава 30

ВРЕМЯ БРАНИ

Интуиция, усиленная инсайт-состоянием, не подвела и на сей раз.

Проблуждав сорок минут по двум залам метро «Курская», Тарас обнаружил «инфраиндиговое» свечение в глубине южной ветки метро и во время посадки пассажиров на очередной поезд проскользнул за ограждение в тупике зала, за которым начинались служебные помещения метрополитена. Сумка через плечо и целеустремленный вид делали его похожим на человека, имеющего право находиться в данном месте, поэтому встретившиеся ему на пути мужчина и женщина, работники метрополитена, приняли Тараса за своего и задавать вопросы, кто он, куда и зачем идет, не стали.

Тарас дождался очередного электропоезда, спрыгнул на шпалы и зашагал в глубь тоннеля, ориентируясь на ментальный «запах» чужеродности и тонкое свечение потревоженных естественных биополей. Тоннель через сто метров повернул. Тарас остановился, обнаружив в его полу рядом с рельсами и шпалами квадратный металлический люк, над которым висело призрачное энергоинформационное облачко инаковости. Вход в подземелье с неведомым храмом Инсектов начинался здесь.

Пропустив очередной состав метropоезда, Тарас присел над люком и просканировал его «локатором третьего глаза» в поисках взрывных устройств. Не обнаружив последних, потянул за скобу и не удивился, когда увесистая железная плита приподнялась, открывая лаз. Замок здесь был уже вскрыт, и сделал это, надо полагать, Дмитрий Щербань. Не задумываясь, Тарас нырнул в лаз и закрыл люк за собой до того, как в тоннеле появился электропоезд.

Зрение упало, потом восстановилось в ином цветовом диапазоне. Тарас стал различать оттенки коричневого и бордового цвета, а также тепловые волны. Прислушиваясь к тихим инфразвуковым сотрясениям воздуха, контролируя всплески и резонансы пси-полей, он начал спускаться по скобам в глубину колодца. Гул проходящих над головой по тоннелю метро электропоездов продолжал регулярно бить по ушным перепонкам, усиленный трубой колодца, и тогда Тарас

останавливался, переживал гул и стук колес, чтобы двигаться дальше в тишине.

Примерно на четвертом десятке метров колодец закончился в бетонном мешке с одной небольшой металлической дверью без замка, но с ручкой. На двери красовалась грозная надпись: «Стой! Аварийный сброс!»

Тарас дернул дверцу за ручку. Она поддалась со скрипом, неожиданно массивная и толстая. За ней начинался провал глубиной в пять-шесть метров, представлявший собой естественную каверну в местных осадочных породах земной коры. Что это был за аварийный сброс, кому понадобилось устраивать его так глубоко под землей, догадаться было трудно. По сути, для любого нормального человека это был тупик, но Тарас в и д е л следы, оставленные на стенах колодца и каверны, и прыгнул в нее, не задумываясь, будучи целиком уверенным, что здесь есть проход.

Он не ошибся. Под выступом породы, невидимое сверху, в стенке каверны обнаружилось отверстие, ведущее в довольно просторный и высокий тоннель, стены, пол и потолок которого были выложены из грубо обработанных каменных блоков. Тарас провел пальцем по влажной шероховатой поверхности одного из блоков и покачал головой. Интуиция подсказывала, что возраст тоннеля по крайней мере превышает сто лет, а скорее всего, ему исполнилось несколько тысячелетий.

Он посмотрел налево, направо, прислушался к себе и уверенно направился в правую сторону, где пол тоннеля светился сильнее и постепенно понижался. Воздух в тоннеле был спертый, насыщенный запахами прели, плесени и мокрого камня, принудительной вентиляции тоннель, очевидно, не имел, а естественная не справлялась с очисткой воздуха, но, с другой стороны, это указывало на явную заброшенность подземного хода. Люди здесь появлялись нечасто.

Пройдя около двухсот метров, Тарас достиг двери из отливающих атласной зеленью выпуклых овалов и ромбов, такие же ромбы — надкрылья древних гигантских жуков — украшали и двери храма Инсектов, показанного Горшину пентархом, и уверенно стукнул в нее носком кроссовки. Нога свободно прошла сквозь преграду, словно та была голографической иллюзией. Тарас шагнул в дверь, невольно задержав дыхание, и оказался в естественной полости овальной

формы, на стенах которой лежал серебристо-пепельный отсвет, проникавший сюда из пролома в дальнем конце полости.

В ушах тоненько запел комар.

Тарас замер, прислушиваясь. «Комаром» был поток внимания, просочившийся из-за оплывших каменных стен в пещеру. Его ждали.

Он быстро пересек пещеру и шагнул через невысокий и неровный порог в другой подземный зал, гораздо больший – около сотни метров высотой – и не пустой. С высоты узкого уступа без перил, обрывающегося в бездну, открылся вид на колоссальное сооружение из серебристого, с белыми искрящимися прожилками материала.

Тарас еще не видел такого дикого сочетания экспрессии и покоя, такой однозначно хищной и агрессивной красоты. Он невольно замер, поглощенный созерцанием необычного замка, созданного, вне всяких сомнений, миллионы лет назад Инсектами, не в силах оторвать от него взгляда.

Более всего строение Инсектов напоминало ажурный, оскаленный, рогатый, со множеством чешуй, перепонки и более мелких «неаппетитных» деталей череп какого-то апокалиптического чудовища, готового проглотить любого, кто подойдет к нему близко.

– Спускайся вниз, Граф, – донесся откуда-то гулкий насмешливый голос. – Отсюда эта хреновина впечатляет больше.

Тарас очнулся, заглянул вниз за край карниза и увидел стоящего на бугристом полу зала Дмитрия Щербаня в десантном комбинезоне.

– Что, завораживает? – кивнул Дмитрий на сооружение за спиной. – Это творение акарин, разумных клещей. Не доводилось встречаться?

Тарас прислушался к гулкому пространству зала, усиливающему каждый звук. Где-то внизу прятались еще люди, но кто и сколько их, разобраться было трудно, мешали резонансы биополей, искажающие восприятие реальности.

– Где Тоня? – спросил Тарас.

Его негромкий голос взлетел под купол зала и вернулся гроыхающим эхом:

– ...де тоня-оня-оня-оня...

– Спускайся, поговорим. Или боишься? Там лестница слева, за бугорком. Да смотри не сорвись, разобьешься, всю малину мне испортишь.

Тарас повесил сумку через плечо, нашел лестницу, высеченную в стене зала, и начал спускаться на дно пещеры, пытаясь настроиться на ауру Тони. Однако увидеть ее не удавалось даже на полной энергоотдаче, словно девушка сидела в металлической клетке с электромагнитным экраном, и уже на середине лестницы он понял, что ее здесь нет. Мелькнула мысль вернуться наверх, он даже остановился, колеблясь, а когда поднял голову, увидел на карнизе человека в камуфляже с автоматом в руках.

– Не обращай на него внимания, – махнул рукой Дмитрий. – Это я на всякий случай подстраховался, чтобы ты не вздумал сбежать. Надо кончать эти наши разборки, надоело терпеть от босса нагоняи за твои наезды.

Тарас молча досчитал ступеньки (их оказалось двести восемьдесят восемь), вышел на свободное пространство под жуткой «челюстью» творения разумных клещей, сохранившегося в том виде, в каком его покинули хозяева миллионы лет назад.

– Тебе учитель этот храм не показывал? – весело осведомился Щербань, уверенный в том, что он владеет преимуществом и диктует условия. – Мне тоже. Значит, старикашка и тебе не доверял. Хорошо же мы себя зарекомендовали. Ну что, не надумал присоединиться к нам?

– Где девушка?! – низким, вибрирующим голосом проговорил-пропел Тарас, усиливая эффект мощным энергопосылом и маятником тела.

По залу прошел резонирующий гул.

Улыбка сбежала с губ Дмитрия. Он с недоверием и удивлением глянул на противника.

– Ого, а ты, оказывается, кое-что умеешь! Другой бы на моем месте не устоял. Может быть, ты уже и до с и л добрался? Кстати, какую иерархию предпочитаешь? Что тебе ближе, Голаб или Самаэль [\[13\]](#)?

– Честь и достоинство, – тем же голосом сказал Тарас, прислушиваясь к живой пульсации замка акарин в ответ на его слова.

– Узнаю уроки учителя, – презрительно фыркнул Дмитрий. – Он любил рассуждать на эту тему: честь, достоинство, совесть, справедливость. Фуфло все это! Важно только то, чего я добиваюсь в данный момент. Если хочешь добиться большего, плюй на все эти

псевдочеловеческие категории; иерархи – как те, так и другие – признают только силу. Чего ты добился за годы подчинения учителю? Всего-навсего стал экспертом Комитета по экологии. Я же дошел до девятого Ключа и стал ганфайтером [\[14\]](#). Чувешь разницу?

– Много говоришь, перехватчик. Кому ты отдал девушку? Тебе звонил босс, он был в ярости, поэтому я знаю, что Тоня не у него. У Георгия Георгиевича?

– Ты догадлив, – рассмеялся Дмитрий. – Он хорошо заплатил, я и отдал. Мне показалось, что он жаждет тебя видеть. Только вот незадача, для того чтобы ваша встреча состоялась, тебе надо пройти меня.

– Пройду! – выдохнул Тарас. – Ты стал нелюдем, а нелюди жить не должны!

По залу снова прошла гулкая звуковая волна, усиленная стенами храма акарин.

– Браво, браво! – хлопнул в ладоши бывший ученик Елисея Юрьевича. – Какие красивые слова! Восхищен! А что у тебя в сумке, можно поинтересоваться? – Он оглянулся и позвал: – Байкалов, друг мой, подойди.

Из-за светящегося рога вышел еще один спецназовец в десантном комбинезоне с автоматом под мышкой, высокий, жилистый, черноволосый, смуглый, с усиками и перебитым носом. Взгляд его выражал высокомерие и скуку.

– Байкалов, дружище, подай мне его сумочку.

Спецназовец снял с плеча Тараса сумку, обдав его волной чесночно-сигаретного запаха, и поставил у ног командира. Дмитрий расстегнул «молнию», заглянул в сумку и хмыкнул.

– Я так и думал – дайсё. Рыцарь ты у нас, однако, Граф, ишь, приготовился к поединку на мечах. В принципе я это предвидел и подготовился заранее, вкусы у нас и впрямь примерно одинаковые, хотя я предпочитаю кастане. А это что? Ага, кинжальчик, дзюдзи [\[15\]](#), шарики, стрелочки... Ну, эти ниндзянские штучки нам не пригодятся, сегодня на дворе время наваждения.

Дмитрий небрежно бросил Тарасу его мечи в ножнах, отодвинул ногой сумку, посмотрел на черноволосого.

– Принеси мои ножички.

Спецназовец удалился за угол сооружения акарин и принес длинный деревянный пенал с ручкой. Дмитрий раскрыл пенал, вытащил два меча с рукоятками в виде головы дракона, длинный и покорооче, полюбовался ими и сделал несколько взмахов двумя мечами сразу, так, что образовался веер защиты. Хищно, с раздувающимися ноздрями, посмотрел на противника.

– Начнем, пожалуй?

Тарас молча снял куртку, вынул мечи из ножен и тоже крутанул мечи в защитном веере, усилием воли вгоняя организм в сингл-состояние, позволяющее резко ускорять скорость физиологических и нейрофизиологических процессов, а также сознательно реагировать на внешнее воздействие на уровне рефлекторных реакций.

– Молодец, ученичок! – восхитился Дмитрий. – Времени ты даром не терял. Что ж, тем веселее будет дело.

Сверкнули мечи. Дмитрий исчез... и появился снова в метре от Тараса, поймавшего его атаку расширенным полем внимания и в том же скоростном диапазоне. Для двух наблюдателей они практически выпали из поля зрения, изредка проявляясь то здесь, то там смазанными силуэтами или обозначая места пересечений вспышками и звоном мечей.

Дмитрий знал технику сечи Радогора. Каждое движение его мечей таило угрозу, и каждый удар мог нести смерть. Он двигался сразу, в трех плоскостях и наносил удары неожиданно из положений, когда удар казался невозможным. Спасало Тараса лишь предвидение таких ситуаций и знание приемов «зеркальной защиты», которой он научился у предков. Дважды применив бесконтактный, «мягкий», съём удара, Тарас атаковал противника сам и заставил его защищаться веерным колоколом, требующим больших энергетических затрат.

Дмитрий отступил, озадаченный мастерством противника, которого он считал недоучкой. Арсенал приемов кэндо [\[16\]](#), которым владел Горшин, не уступал его собственному, а признаваться в этом не хотелось. Тогда он пошел по другому пути, по пути выстраивания звуковых энергоколец. В один из моментов очередного пересечения он вдруг нанес удар с выбросом энергии звукопакета «моррр»! И произошло чудо!

Замок акарин налился прозрачным переливчатым сиянием, отреагировал на звук, усилил его многократно, и весь объем зала

заполнился свистящим гулом резонансов, от которых у всех присутствующих в зале едва не полопались барабанные перепонки!

Тарас отскочил, вскрикнув от боли в ушах, в голове, в сердце. Глаза застлала красная пелена, из носа пошла кровь – лопнули какие-то сосудики. Если бы Дмитрий после крика начал атаку, он не смог бы ее отбить, судорожно восстанавливая ритмы энергоканалов. Но активированный Ключ метаязыка подействовал и на него, десинхронизировал волновую структуру эфирной оболочки, заставил отвлечься на создание защитного силового каркаса. Дмитрий ударил еще раз, вслепую, находясь в «тумане» магического воздействия звуковых паттернов, тоже отскочил, и бой на несколько мгновений прервался.

Гул стих, пляска звуковых волн улеглась, согнувшиеся от боли спецназовцы Дмитрия перестали кричать, в зал вернулась тишина. Замок разумных клещей еще некоторое время вибрировал и светился, потом снова стал тускло-серебристым.

– Эксперимент признаю неудачным, – хрипло проговорил взмокший Дмитрий. – Замки Инсектов, по сути, представляют собой Говорители Слов Власти, внутри которых любое слово метаязыка становится материальным, реализуется. Но все они давно лишились энергоподпитки и включаться по идее не должны.

– Каждое слово изменяет структуру пространства, – сказал Тарас, не для того, чтобы поддержать разговор, а чтобы окончательно прийти в себя и включить адаптивную психофизическую защиту, как учил Елисей Юрьевич. Такая защита блокировала наведенные пси-резонансы и неплохо «заземляла» потоки гипновоздействия.

– Все-то ты знаешь, умник, – скривил губы Дмитрий. – Только все равно дураком помрешь. Неужели не понял, что тебе отсюда не уйти?

– Продолжим, – хладнокровно ответил Тарас.

– Предлагаю помахать руками без этих игрушек. – Дмитрий кинул мечи на пол.

Тарас молча сделал то же самое. Они прыгнули навстречу друг другу и снова исчезли из поля зрения наблюдающих за схваткой спецназовцев.

Бой длился две минуты.

Дмитрий показал все приемы «наваждения», каждый из которых был смертельным. Тарас защищался по методике *потона*, применяя

бесконтактный съём удара, ускользая от атак противника без энергообмена и не пытаясь ставить блоки, так как даже удар по локтям и плечам мог смять силовой каркас тела и привести к параличу мышц.

Конечно, он не знал систему «наваждения» так, как Дмитрий, по примеру учителя не собираясь применять ее в жизни, но он хорошо видел намерения противника, видел энерговолны, опережающие каждый удар, и мог бы отражать их даже с закрытыми глазами. Однако не позволял себе куражиться и пренебрегать знаниями другого, как это делал Дмитрий. Надо было победить в этом бою, чтобы потом найти Тоню и спасти.

Удар, удар, удар, свист рассекаемого воздуха, выдох-вдох, уход, нырок, скольжение, полет, спираль входа, спираль выхода...

Странно, он работает как машина и стремится к контакту... зачем? Приготовил сюрприз?..

Удар, обманка, удар, удар... связка, протяг назад, не успеть, сброс на плечо, иначе достанет на втором уколе, удар... Что-то царапнуло руку. Тарас свил кольцо захвата, заставив противника отпрыгнуть назад, и вдруг почувствовал онемение мышц руки и плеча, волну слабости. Поймав блеснувший торжеством взгляд Дмитрия, он понял, что это означает.

Перстень на пальце Дмитрия представлял собой *какутэ* – кольцо с шипами, отравленными ядом. Не надеясь на победу в честном поединке, Дмитрий нашел другой выход.

Сознание начало меркнуть. Надо было немедленно начинать мощную блокировку ганглиев, проводящих нейросигналы в мозг, и очистку организма от яда, а для этого требовалось время, и Тарас принял рискованное, но единственно правильное решение: опустил руки, покачнулся и упал лицом вниз, плашмя, как это делают потерявшие сознание люди. Закрыв сферу мысли, передвинул ее в область спинного мозга, тем самым заставляя противника по ослаблению свечения головы поверить в обморок, и уже без удивления осознал себя длинным червем, разместившимся в теле лежащего на полу зала Тараса Горшина.

На адаптацию к новому состоянию ушло полсекунды. Затем время послушно замедлилось, а волна холода, бегущая от плеча к голове и к сердцу, приостановилась. Навстречу ей побежала горячая волна нейтрализации яда, заставляя подергиваться мышцы плеча и

руки, а затем и всего тела, что создавало впечатление агонии. И все же очищение шло слишком медленно, он это видел и, считая секунды, взмолился, чтобы ему хватило времени на восстановление до того момента, когда Дмитрий попытается сделать «контрольный выстрел».

Секунда...

– Готов! – сказал Дмитрий с удовлетворением, опуская руки. – Байкалов, друг мой, прикончи неудачника.

Черноусый спецназовец, сидевший на корточках в пятнадцати шагах и вытиравший кровь на губах, поднялся и дал очередь из автомата. Две пули попали в тело Тараса, остальные с визгом заскакали по залу, срикошетировав от ребер и бугров пола. Он не пошевелился, пропуская пули сквозь тело, только вздрогнул, как вздрагивает труп при попадании пуль. Боец ДДО «Гамма» промахнулся, не попав в голову, и это позволяло надеяться на спасение.

Еще две секунды...

– Мазила!

– Он давно сдох, – пробурчал Байкалов, пытаясь унять дрожь в руках.

– Проверь, – поморщился Дмитрий, проведя ладонью по лицу. – В голову попасть не можешь! Ладно, я сам. Ладыженский, тебе там сверху все хорошо видать, держи его на мушке.

Он поднял с пола свой меч (еще две секунды) и направился к лежащему без движения Тарасу (секунда, вторая, третья), остановился над ним, кольнул в спину острием меча.

– Вот и все, ученичок, отпрыгался. Кончились мои мучения. За твою голову многое обещано, придется предъявить ее боссу, чтобы не сомневался в твоей смерти.

Речь Дмитрия длилась восемь секунд – ничтожно мало по меркам человеческой жизни и безмерно много для того, кто жил в ином времени. Тарас успел восстановить силы, выстроить энергопотоки и войти в сингл-состояние.

Дмитрий вмахнул мечом... и отлетел от удара в грудь, выронив клинок и задохнувшись от боли. «Оживший» мертвец невероятным образом встал на голову и отбросил его ногами из положения, которое казалось безнадежно статическим. Дмитрий попытался ответить «сбросом» – тактикой ускользания-опережения, но получил еще один

оглушающий удар и закричал – не от боли! От пришедшего осознания конца!

Бой продолжался еще несколько мгновений.

Дмитрий попытался зацепить противника кольцом с шипами, затем выхваченным из ножен на ноге кинжалом, однако Тарас каждый раз опережал его, вгоняя с ударами по телу энергоимпульсы наваждения, то есть отвечая в том же диапазоне пси-воздействия, и закончил одним мощным ударом в сердце, сплющив грудную клетку Щербаня с криком:

– Умррри!!!

Замок акарин снова вспыхнул, отзываясь на этот крик, усилил его до невероятной силы, так что со стен и потолка зала посыпались камни, а люди, попавшие в зону звуковых резонансов, попадали без чувств.

Тарас тоже потерял сознание, но всего на несколько секунд. Очнувшись, привел себя в боевое состояние, не обращая внимания на текущую из ушей и носа кровь, и расслабился.

Дмитрий Щербань, Посвященный шестого уровня Внутреннего Круга, возомнивший, что имеет право на пренебрежение его законами и волен действовать только в соответствии с личным законом «я хочу!», был мертв.

Тарас подошел к нему, помня собственное притворство в таком же положении, сказал с гортанно-металлическими модуляциями:

– Умри, нелюдь! Человек, продавший душу Тьме, жить не должен!

– Неэ-неэ-неэ-не-жен-жен! – гулко и грозно отозвался завибрировавший замок Инсектов за его спиной.

Тело Дмитрия свела судорога, глаза его раскрылись, стали пустыми, затем тело расслабилось, и Тарас вдруг увидел полупрозрачное коричнево-зеленоватое облачко, вылетевшее из него и растаявшее в воздухе. Не душа уже – ее отравленный Тьмой неистовых плотских желаний призрак.

Что-то прошумело в воздухе, раздался тупой, хлюпающий удар.

Тарас оглянулся, покачнувшись и едва удержавшись на ногах, заметил тело второго спецназовца, свалившегося с карниза. Парень не выдержал «слова власти», частично воссозданного храмом акарин после крика Тараса.

Чувствуя себя прокрученным через мясорубку, Тарас подошел к спецназовцу, которого Дмитрий называл по фамилии Байкалов, убедился, что он тоже мертв (все лицо усатого было залито кровью, у него даже глаза лопнули), и поплелся к лестнице. Вспомнил о мечтах, вернулся. Снова направился к выходу из подземелья. Насчитал двадцать ступенек, задохнулся от слабости и присел, не в силах отдышаться. Но вдруг увидел перед собой отсвет лица Тони, подхватился и поспешил наверх, уже не останавливаясь для отдыха, не оглядываясь и не прислушиваясь к своим ощущениям.

Когда он выбрался через люк в тоннель метро, шел второй час ночи.

Глава 31

ДО ПРЕДЕЛА

Сном назвать это было нельзя.

Он то и дело просыпался, подхватывался с постели, с трудом соображая, где находится, и снова впадал в полубессознательное состояние, наполненное кошмарами, встречами с монстром-Дмитрием, погонями и стрельбой. Однако, проснувшись, он потом так и не смог вспомнить ни одного эпизода из этих сумбурных астральных странствий, куда заносили его фантазия и жуткая психическая усталость. Промучившись так до шести часов утра, Тарас встал, вяло умылся и начал приводить себя в норму, понимая, что впереди у него схватка посерьезней. Если Дмитрий и вправду отдал Тоню президенту «Купола», добраться до него и освободить любимую будет проблематично. Да и в голову ничего путного не приходило, кроме как устроить засаду на Рыжайса либо захватить его ближайшего родственника и предложить обмен.

Ни один, ни второй варианты были невыполнимы, Тарас это вполне осознавал, тем более что они требовали тщательнейшей детальной проработки и времени. А вот времени у него как раз и не было. Чем дольше Тоня оставалась в руках боевиков «Купола», тем меньше шансов было освободить ее живую и здоро-вую. Для Тараса она была – жизнь, для них – всего лишь предмет торговли.

Тело оставалось ватным даже после сеанса энергоподкачки. Очевидно, сказывалось воздействие звуковых полей, отнимающих энергию, которые возбудил проснувшийся замок Инсектов. В таком состоянии искать Тоню значило понапрасну тратить здоровье и время, надо было восстановить свой потенциал полностью, и тогда он спустился в сад, подошел к столетней березе, посаженной еще дедом, и обнял ее, ощущая себя березовым листком.

Сначала пришла тишина. Исчезли все посторонние звуки, шумы машин, далекие свистки электричек, гул большого города, остались только тихие шепоты почек, скрип коры, шелест ветвей дерева и тонкое журчание соков по его каналам.

Потом Тарас прирос к березе, стал ее веткой и почувствовал блаженство покоя и умиротворения. Дальнейший процесс растворения его уже не беспокоил, он был своим в этом мире, сыном березы и всего леса, и этот мир взял его под свое покровительство и защиту, снял слой грязи, наросший на душе и на сердце, прочистил сосуды, восстановил кровотворение и вдохнул жизнь...

Очнулся он от птичьей трели, улыбнулся сидевшему на ветке над головой зимородку и, чуть ли не счастливый от расправившей тело энергии, разнял объятия, послав березе мысленное спасибо. Настроение не улучшилось, а вот качественное состояние души и тела достигло оптимума. Внедрение психосоматики в «психику» дерева, связанного, в свою очередь, с эгрегором леса, всегда приносило облегчение, и учитель рекомендовал пользоваться этим приемом как можно чаще, чтобы не терять связь с природой.

Мысли побежали энергичней, хотя решение проблемы по-прежнему найти не удавалось. Можно было попытаться захватить Ельшина, чтобы предложить боссу «Купола» обмен, однако даже если бы ему удалось каким-то образом это сделать, Рыжайс мог не пойти на обмен. Он давно стал нелюдем, и ему было глубоко наплевать на других людей, в том числе на соратников, помощников и слуг.

Надо действовать просто и эффективно, пришла трезвая мысль.

Это как? – скептически спросил Тарас сам себя.

Все экзотические варианты требуют классной подготовки, веско ответило второе «я». Значит, надо идти напролом. Все знают, что Рыжайс охраняется, как сейф с золотыми слитками, поэтому все уверены, что никто прямо к нему не пойдет. Он и сам уверен. А ты пойдешь!

Тарас усмехнулся. Эта идея уже приходила в голову, но все казалось, что найдется менее сумасшедший вариант. Вспомнилась чья-то шутка: «Эй, есть кто живой? – спросил грабитель, входя в дом с пистолетом в руке».

А что – это идея! Взять и войти в дом Рыжайса с пистолетом в руке, а лучше с гранатометом или с «глушаком». Может, только такие наглые авантюры и удаются?

Пройдясь в задумчивости по комнатам дома, где еще сохранился аромат Тони, он принял решение и начал собираться. Помочь ему не мог никто, рассчитывать приходилось исключительно на собственные

силы. Был бы жив учитель... если бы он был жив, проблема решилась каким-либо иным путем, а может быть, и вообще бы не возникла. Но Елисей Юрьевич был мертв, его убили, и убийцы еще гуляли на свободе, а это было несправедливо. Еще более несправедливым казалось Тарасу невмешательство в ситуацию иерархов Круга. Они должны были вмешаться, посодействовать, вызволить своего коллегу из беды или, в крайнем случае, не допустить ее, изменив реальность! Но они этого не сделали. И какие бы ими ни двигали расчеты, принять их Тарас не мог. Он был убежден, что Зло должно быть наказано! И будет наказано! Лишь бы ничего не случилось с Тоней...

– Потерпи, Тошка, – проговорил он вслух. – Я скоро приду за тобой.

По данным Витюши, президент Российской энергетической компании имел несколько коттеджей на территории Москвы, все – в престижнейших районах, построенные за баснословные деньги, но чаще других он посещал усадьбу Болотово в Серебряном Бору. Конечно, большую часть жизни в роли босса «Купола» Эдмонд Анатольевич проводил в офисе компании на Замоскворецкой набережной, поэтому можно было навестить его и там, тем более что рабочий день уже начался. Но Тоня вряд ли могла находиться в офисе, ее появление там надо было как-то объяснить сотрудникам, а это едва ли входило в планы Рыжайса. Забирая девушку у Дмитрия, он рассчитывал на появление Горшина, значит, должен был поместить ее в месте, доступном для информационного поиска, но недоступном для проникновения. Таких мест Тарас насчитал три: лаборатория РЭК на Сенной улице, в которой погиб учитель, усадьба Болотово и собственный яхт-клуб в Мякинине, на берегу Живописной бухты.

На Сенной улице Тарас уже был однажды, пытаясь спасти Елисея Юрьевича, и хорошо помнил расположение комнат и охраны. Два других объекта требовали ознакомления и наверняка охранялись по высшему разряду силами ФСО. Однако Тарас не собирался штурмовать здания или пробираться туда тайно, как ниндзя-лазутчик, поэтому тратить время на изучение территории и самих строений ему не требовалось. Надо было только точно определить, где находится Тоня, а для этого существовали другие методы, нетрадиционные.

Он расположился в гостиной, в кресле, хранившем тепло тела любимой, и почти без усилий вызвал состояние инсайта, перешагнув

сразу несколько ступенек медитативного сосредоточения. Зная местонахождение объектов не только на карте Москвы, но и географически, он представил, что опускается сверху на первый из них – лабораторию РЭК на Сенной улице, и включил «локатор» *пракамы*^[17], вдруг отчетливо увидев, как это делается.

Ощущение было такое, будто предметы перед глазами стали прозрачными, покрылись ореолами световых лучей, не видимых в обычном состоянии. Неживые предметы и вещи испускали прозрачно-серебристое, голубовато-серое сияние, живые светились ярче и насыщенней, до радужного, хотя и не столь сильного, блеска.

Лаборатория работала, людей в ней было много, зеленовато-желтые и оранжево-синие ореолы перемещались по всему объему здания, не взаимодействуя друг с другом. Но ауры Тони среди них не наблюдалось. Ее Тарас узнал бы сразу. Дважды просканировав на всякий случай все этажи здания, в том числе подземные, неожиданно заработавшим «локатором внутренней проницательности», Тарас вышел из *пракамы* и с минуту отдыхал, прислушиваясь к себе с некоторым удивлением. Покорение еще одной сиддхи прошло слишком просто, буквально волевым приказом, и это радовало и тревожило. Учитель говорил, что сиддхи являются лишь ступенями самореализации и не должны подчиняться эмоциям. Включение же *пракамы* произошло от сильнейшего желания увидеть ауру Тони. Что это означало и какие последствия вызывало, надо было разбираться отдельно.

Потом, сказал Тарас сам себе, разберемся потом, сначала – дело.

Он сосредоточился и вышел над Серебряным Бором, на краю которого располагалась усадьба Болотово, владение президента «Купола», занимавшее два гектара леса на берегу Москвы-реки, в тупике Четвертой линии Хорошевского Серебряного Бора. Конечно, местность он видел не глазами, а сферой внечувственного восприятия, и не мог оценить высоту, сложность, красоту и стоимость коттеджа, возведенного здесь, но опасность этого уголка природы оценить смог. Территория владений Рыжайса была напичкана электронными системами наблюдения – он видел их в виде пульсирующей сети фиолетовых лучей и звезд, – охранялась собаками и вооруженными людьми. И здесь тоже не было Тони.

Трижды Тарас погружался в калейдоскоп биополей усадьбы, тщательно отсеивая ореолы живых объектов, людей и животных, но ауры Тони так и не обнаружил.

Навалилась тоска, душу охватило чувство гибельной безнадеги, захотелось бросить все и разбить голову о стену, но он пересилил себя, довел до состояния нейтрального позволения, очистил душу от гнева и печали, и в этом пограничном состоянии прав и вышел над акваторией Живописной бухты, на берегу которой располагался комплекс зданий яхт-клуба «Голубой ветер», принадлежащего Рыжайсу. Хотя официальным владельцем клуба считалась мэрия столицы.

Радужное сверкание пси-ореолов развернулось перед внутренним взором текучим световым озером, плавно колыхаясь и вихрясь вокруг более темных пятен искусственных сооружений. Эти пятна сливались в некий неприятный, отталкивающий силуэт, напоминавший паука, и Тарас мимолетно вспомнил образное выражение «тарантул Тьмы», которым иерархи Круга называли структуры, пораженные «вирусом» темных сил. На яхт-клубе лежало проклятие, Печать Тьмы, что указывало на частое посещение этого места носителем Тьмы, эмиссаром Монарха по имени Конкере.

Тарас сжался, перестраивая диапазоны видения, чтобы уйти от «взгляда» яхт-клуба, не давая себе запаниковать и отступить. Если Конкере когда-нибудь и посещал клуб, то в настоящий момент его здесь не было, а сама по себе Печать Тьмы была не страшна.

Людей на территории яхт-клуба Тарас насчитал всего два десятка. До начала сезона плавания оставалось еще порядочно времени, и собственно клуб был закрыт. Работал только его небольшой ресторан и сауна, да кое-где шевелились техники и яхтсмены-фанаты, уже начавшие подготовку своих яхт к спуску на воду. И тем не менее каким-то «двадцать шестым» чувством он уловил слабенький знакомый ментальный «запах» и едва не закричал вслух: Тоня, отзовись!

Ментальное эхо крика отразилось от волн и вихриков биополей, вернулось детским плачем и смолкло. Тоня не откликнулась, лишь просиял на мгновение абрис ее глаз, умоляющих и печальных, будто выхваченный лучом фонаря. Но и этого было достаточно, чтобы понять: она здесь!

Тарас «вернулся в себя», ощутив тесноту и несвободу тела, успокоил работающее с пулеметной частотой сердце. Привычно огляделся вокруг, примеряя новые возможности, связанные с переходом на уровень *пракамьи*. Он шел к этому давно, терпеливо следуя советам учителя, но лишь душевные потрясения последних дней довели его «до кондиции» и позволили овладеть очередной сиддхой. И некому было открыться, некому похвастаться, не с кем поделиться своими ощущениями. Он снова был один.

– Пора! – сказал он вслух, вдруг понимая, что оттягивает момент принятия решения.

Встал.

Глубоко вздохнул.

И превратился в боевую машину, запрограммированную на решение одной задачи: освобождение дорогого человека любой ценой.

* * *

Ровно в полдень к яхт-клубу «Голубой ветер» подкатил сверкающий «ЗИЛ» с российским флажком на капоте. Из него вышел высокий седой мужчина с бородой и усами, в белом костюме, направился, слегка прихрамывая, к центральному входу в двухэтажный особняк клуба, где располагались комнаты отдыха, ресторан, сауна и боулинг.

Охранник, к своему собственному изумлению, услужливо распахнул перед ним дверь, хотя только что хотел попросить гостя предъявить клубную карточку.

Второй охранник, сидевший за столиком, возле рамки металлоискателя, тоже хотел поинтересоваться, кем является господин и что ему нужно, однако только привстал и, словно зачарованный, вытянулся по стойке «смирно».

Посетитель, ничего не говоря, лишь странно пошевеливая пальцами рук, поднялся по лестнице на второй этаж и скрылся в коридоре. Только после этого охранники опомнились, переглянулись, и тот, что сидел у металлоискателя, приказал второму:

– Догони, спроси, к кому он. И вообще посмотри документы.

– Видать, важная шишка, раз приехал на таком лимузине.

– Плевать, мы на службе, и порядок есть порядок.

Охранник, плечистый малый с мясистым лицом и складчатым затылком, бросился по лестнице вверх, выскочил на второй этаж и в растерянности остановился. В коридоре никого не было! Он подергал за ручки дверей в кабинеты отдыха. Все были закрыты, он сам проверял это утром, но седой гость в белом костюме словно растворился в воздухе, хотя деваться ему было некуда, кроме как в один из кабинетов.

– Ну что там, Филин? – пропищал в наушнике рации голос дежурного. – Где он?

– А хрен его знает! – огрызнулся толстомордый охранник. – Чертовщина какая-то! Здесь его не видно!

– Проверь кабинеты.

– В левом крыле проверил, остались правые, для VIP-персон.

– Проверь все!

Толстомордый повиновался, достал ключи и стал одну за другой открывать двери в комнаты отдыха. Проверив последнюю дверь в левом крыле здания, перешел в правое, где за прозрачной перегородкой располагались владения директора клуба и куда доступ посетителям без особого разрешения был воспрещен. Однако дверь в перегородке оказалась открытой, и озадаченный парень доложил об этом старшему дежурному по рации.

– Он там, – отреагировал дежурный. – Не входи. Я доложу кому следует. Приедут люди и займутся этим стариком.

– Колдун он, что ли? Нас охмурил и дверь открыл!

– Спускайся, не ломай голову понапрасну, не наше это дело.

Охранник вернулся к своему посту и возбужденно заговорил с напарником, делясь с ним впечатлениями от визита странного незнакомца.

Тот, о ком они говорили, в это время обследовал кабинет директора клуба и пришел к выводу, что его здесь ждали. Когда он заканчивал «лоцирование» пространства здания «третьим глазом», на огромном роскошном столе директора вдруг сам собой включился магнитофон:

– Располагайтесь поудобнее, Тарас Витальевич, я скоро буду. Генрих Герхардович сомневался, что вы найдете след, но я был уверен в ваших способностях. Кстати, девушка действительно находится в

яхт-клубе, но я не рекомендую искать ее самостоятельно. Как только вы предпримете шаги в этом направлении, мои мальчики ее прикончат.

Магнитофон умолк.

Оцепенев, Тарас ждал продолжения, понимая, что проиграл, но все было тихо, лишь росло ощущение обиды и обмана. Великого обмана! Потому что его вычислили еще до того, как он сам вычислил местонахождение Тони.

В недрах здания возник легкий шумок.

Тарас встрепнулся, выскочил из кабинета в коридор, прислушиваясь к развертке спецгруппы, которая подъехала к яхт-клубу, хотел было встретить ее как надо... и разжал кулаки. Тоне это не помогло бы. Он не знал точно, где ее спрятали, и не мог рисковать ее жизнью без надежды на успех.

Глаза зацепились за выключатель на стене. Под ним висел белый прямоугольничек с отпечатанной на машинке надписью: «Конец света».

Тарас невольно усмехнулся. В яхт-клубе работали люди с юмором. Еще раз просканировав объем здания «третьим глазом», он вернулся в кабинет директора и сел на кожаный диванчик в позе фудодза. До прихода спецназа у него еще оставалось время для энергонастройки.

Когда в кабинет ворвались трое парней в пятнистых комбинезонах, в шлемах, с пистолетами-пулеметами в руках, – знаменитый десантно-диверсионный отряд «Гамма», – он встретил их улыбкой, разведя руки в стороны.

– Заходите смелее, братаны, мы тут плюшками балуемся.

– Руки! – заорал первый боец спецгруппы, как он это делал не раз. – На пол, быстро!

– Зачем же на пол? – тем же доброжелательным голосом проговорил Тарас. – Я не вооружен и жду вашего начальника...

– Руки на затылок, сука! – Спецназовец направил ствол пистолета-пулемета в живот Горшину, не подходя к нему; видимо, он получил инструкции не приближаться к объекту задержания. – Яйца отстрелю! Считаю до трех...

В следующее мгновение Тарас растворился в воздухе, и по кабинету пронесся ураган, круша дорогую мебель, швыряя бойцов спецгруппы друг на друга, на стены, срывая с них шлемы и отбирая

оружие. Больше всех досталось первому бойцу, угрожавшему отстрелить яйца. Ураган ударил его о стену, затем об пол и наконец врезал между ног, после чего здоровяк свел глаза к переносице и потерял сознание.

– Никогда не ругайся зря! – наставил на него палец Тарас. – Даже если очень страшно.

– Отлично сработано, Граф! – раздался из коридора чей-то рокочущий густой голос.

В кабинет вошли два гиганта в фиолетовых костюмах с ничего не выражающими лицами, встали у косяков двери, и еще двое крупногабаритных парней ввезли в кабинет инвалидную коляску сложной формы, в которой удобно расположился президент Российской энергетической компании, президент «Купола» и эмиссар Монарха Тьмы Эдмонд Анатольевич Рыжайс.

Он улыбался с видом ворчливого любящего отца, а в глазах клубилась мгла, и Тарас содрогнулся, встретив его взгляд. За коляской вошел с озабоченным видом Генрих Герхардович Ельшин, остановился чуть позади босса, разглядывая тела своих подчиненных на полу кабинета.

– Вы, несомненно, лучший ратный мастер из всех, кого я знаю, – продолжал Эдмонд Анатольевич. – Ведь прежде, чем появиться здесь, вы должны были пройти своего бывшего коллегу Дмитрия. Не так ли?

Тарас молчал, начиная готовиться к новой схватке, быть может, самой жестокой по сравнению с прежними. Ему предстояло драться не просто с профессионалами антитеррористической группы, с телохранителями Рыжайса, вооруженными до зубов, но с воплощением Конкере, обладающим магическим оперированием на базе метаязыка. А противопоставить ему он мог только силу воли, знание «живых» и кое-какие тайны Круга, четко осознавая, что этого мало.

Президент Купола тоже с любопытством глянул на бойцов группы «Гамма», покачал головой, посмотрел на Ельшина.

– Вашим профи еще учиться и учиться, дорогой Генрих. Против таких мастеров, как господин Горшин, они не тянут.

– Пусть он их потренирует, – проворчал Ельшин. – Это был бы самый лучший выход. Но ведь он не согласится. – Полковник посмотрел на Тараса. – Или согласишься?

Тарас молчал.

Эдмонд Анатольевич усмехнулся, кивнул своим слугам:

– Приведите их в чувство и уберите.

Гиганты в фиолетовых костюмах вытащили тела спецназовцев в коридор, снова стали в дверях, как монументы. Другая пара подкатила коляску директора к столу. Один из громил достал откуда-то блюдо с экзотическими фруктами, протянул своему господину. Рыжайс взял двумя пальчиками фиолетового цвета плод размером с яблоко, посмотрел на Тараса, не сделавшего ни одного движения.

– Хотите попробовать, Граф? Это мангостин. Рекомендую, очень полезный и вкусный фрукт.

Он щелкнул пальцами, гигант-слуга взял мангостин, разрезал на две части, снял верхнюю, нижнюю отдал хозяину и протянул ему платиновую ложечку. Эдмонд Анатольевич погрузил ложечку в нутро мангостина и стал извлекать белоснежные дольки сердцевины, зажмурив глаза.

– Вай, как здорово!

Последнее слово он произнес рокошуще, с гортанными интонациями, и по комнате прокатился тугой упругий вихрик силы, качнувший людей. Конкре внутри Рыжайса демонстрировал свое присутствие.

Тарас молчал.

Эдмонд Анатольевич перестал смаковать тайландский фрукт, открыл глаз и посмотрел на него с хмельной снисходительностью.

– Граф, вы бука! С вами все-таки разговаривает живой человек, а не стол.

– Нелюдь! – расцепил челюсти Тарас.

Брови Рыжайса изогнулись домиком, на лицо упала печать отеческого неодобрения.

– Тарас Витальевич, ну как вам не стыдно! Не усугубляйте своего положения. Ведь вы совершенно один, не так ли? А меня – м н о г о! Неужели вы верите, что сможете меня победить? Напрасно. Вам бы, как никому другому, следовало бы знать, что человек силен не верой, а неверием! Вы же до сих пор верите в справедливость.

– Чего вы хотите? – спросил Тарас тем же хрустящим от льда голосом.

Рыжайс усмехнулся, отдал кожуру мангостина слуге.

– Я вам завидую, право слово. Вы молоды, сильны, энергичны, честолюбивы, как я в молодости, у вас все впереди... В то время как я неизлечимо болен, каждый день встречаю как праздник и вынужден искать себе преемника. Генрих еще слаб, – Эдмонд Анатольевич насмешливо кивнул на Ельшина, – а других кандидатур на роль преемника у меня нет. Может, вы согласитесь? Представляете, какие возможности у вас появятся? Никаких документов подписывать не придется, в том числе – кровью, достаточно вашего слова.

– Умри! – свистящим шепотом шевельнул воздух Тарас.

По комнате прошла холодная волна, заставляя всех вздрогнуть и схватиться за уши.

Президент «Купола» погрозил ему пальцем.

– Не хулиганьте, Граф, в этом кабинете заклинания не проходят, Ключи метаязыка здесь не действуют. Я знал, что вы откажетесь. Ваш учитель тоже отказался, и в этом была его глобальная ошибка. Вы одиноки, никто вам не поможет, неужели не хочется жить? Как там сказано в Евангелии? «Если Бог за вас, кто против вас?» [\[18\]](#) А против вас – система. Вы потеряли почти все, глупо терять остальное.

– Отдайте девушку!

– Ну вот, договорились. – Лицо Эдмонда Анатольевича приняло грустное выражение. – Зачем она вам, Посвященному Круга? Стоит вам мигнуть, у ваших ног будут сотни девушек самого высокого класса. Мастер вашего уровня не имеет права на слабость. Что касается Антонины Хованской... да, неплохая девочка, знаете ли, и с задатками видящего. Но она отказалась сотрудничать с нами, мы с ней поработали немножко... – Рыжайс небрежно пошевелил пальцами, отчего у Тараса заныли зубы, – и теперь можем вернуть.

Он посмотрел на слугу, и здоровенный амбал в фиолетовом костюме ввел в кабинет Тоню.

Девушка выглядела бледной и заторможенной и не отзывалась на мысленный зов Тараса, будто ее мозг не работал вовсе. В глазах ее, пустых и равнодушных, не отражалось никаких чувств. В руке она держала пистолет с толстым пупырчатым дулом красного цвета.

– Интересно, она вас сразу убьет или помучает? – задумчиво сказал Рыжайс. – У нее в руке двухступенчатый генератор боли «пламя», или в просторечии «болевик». Максимальный импульс убьет вас через несколько секунд, не поможет даже знание «живы» и

«зеркальный щит», оптимальный же заставит помучиться несколько минут. Ну-с, молодой человек, что предпочитаете?

– Мразь! – выговорил Тарас, начиная движение.

И в тот же миг на голову ему обрушилась бетонная плита: кто-то, очевидно, разрядил в Горшина «глушак».

Впрочем, это был не «глушак».

Догадка пришла позже, когда Тарас пришел в себя и обнаружил, что голова осталась на месте, руки-ноги целы, а сам он стоит как статуя и не может сдвинуться с места.

– Какой вы, однако, нетерпеливый, Граф, – долетел откуда-то издалека голос Рыжайса. – Чтобы тягаться с нами, Посвящения в Круг маловато будет. Приемчики ваши хороши для простых смертных. Я ведь только одно словечко шепнул, а вы уже и двинуться не можете. А если бы я его проговорил в полный голос?

Только теперь Тарас вспомнил, что перед «падением плиты» на голову он действительно услышал негромкое слово, соответствующее японскому иероглифу «син» [\[19\]](#). Он попытался пошевелиться и не смог. Мышцы не слушались, будто тело стало каменным и твердым, будто их парализовала неведомая сила. В отчаянии он крикнул внутрь себя: «Давай»! – напрягся изо всех сил, так что глаза застлала красная пелена, но добился лишь временной слепоты и темноты. Правда, блокаду мышц прорвать удалось, и он даже стал их чувствовать, но тело осталось рыхлым, как мешок с песком, и не хотело шевелиться.

– Вы очень способный ученик, – сказал Эдмонд Анатолевич с брезгливой гримасой. – Но так и останетесь Незавершенным. Антонина, девочка, закончи этот эксперимент, подойди к этому лоху поближе и выстрели. Покажи, как ты его любишь.

Тоня подошла к Тарасу, подняла пистолет.

«Тошка»! – крикнул он мысленно с ужасом и жалостью.

Палец Тони на курке дрогнул. В пустых глазах на мгновение появилась мысль... и понимание... тоска и боль... и любовь!

Она вдруг быстро поднесла пистолет к виску и выстрелила!

– Не-е-ет! – выговорил Тарас непослушными губами, заставляя себя сделать шаг, пытаясь выбить «болевик» из руки девушки.

Но было уже поздно!

Тоня слабо вскрикнула, широко раскрыла глаза, задохнулась от боли и словно погасла, опускаясь на пол. «Болевик» со стуком выпал

из ее руки, стало тихо.

Все присутствующие в кабинете смотрели на нее с удивлением, проняло даже телохранителей Рыжайса, и даже он сам некоторое время не двигался, озадаченный случившимся. Затем качнул головой, глянул на Тараса:

– Какая незадача, Граф. Она предпочла пожертвовать собой! Как в кино прямо-таки. Что делает с людьми любовь, а? Может быть, поэтому нам никак и не удастся справиться с вами? Но пора расставаться, дела, знаете ли. Прощайте, Граф, в этой жизни мы, наверное, уже не встретимся.

Он махнул рукой, приказывая телохранителям толкать коляску к выходу. Наставил на Тараса два пальца и коротко выбросил направленное точно в цель слово:

– Син!

С пальцев президента «Купола» сорвались тусклые сиреневые змейки энергии, вонзились в глаза Тарасу, и снова ему на голову упала «бетонная плита» прямого пси-воздействия, вышибая сознание. Однако за миг до этого он открыл мостик связи между сферами сознания и подсознания, и энергоудар просто перебросил «полюсы ума», загнал способность мыслить в спинной мозг. И все же удар был слишком силен. Он отнял последние силы, остановил сердце, оборвал дыхание, и Тарас безвольной куклой упал рядом с той, которую поклялся освободить любой ценой.

– Уберите их, – брезгливо сказал Эдмонд Анатольевич. – Ноги в бетон – и в озеро, чтоб не всплыли. Пойдемте, Генрих, посидим в ресторане, отметим это событие...

Глава 32

ЗА ПРЕДЕЛОМ

Голоса отдалились.

Тарас перестал слышать, видеть и чувствовать, затем вдруг очнулся от чьего-то взгляда, открыл глаза.

Он стоял по горло в ледяной воде, над которой колыхались струи серого тумана. А из глухой пелены над водой смотрел на него некто, чья кроткая, смиренная и вместе с тем необоримая сила пронизывала туман и воду и вливалась в замерзающее тело Тараса, согревая душу.

Что за глаза смотрели на него! В них раскрывалась великая глубина, светилось великое знание и бесконечная мудрость! Они видели все глубинные движения души Тараса, видели все его достоинства и слабости, видели, понимали и все прощали...

– Инфарх... – прошептал он.

– Нет еще, только образ в твоём «я», – прилетел мягкий, бархатный, сожалеющий и укоряющий голос. – Тебе дано видеть, а ты идешь, как слепой, ищешь там, где потеряли многие, поклоняешься идолам страсти и создаешь культы физического. Но ведь Путь воина – в другой стороне, в стороне безупречности.

– Что же мне делать?..

– Не советчики мы... Но когда отступать некуда, когда стоишь на пороге небытия и понимаешь, что достиг той грани, за которой ты или есть, или тебя нет, когда выбор один – жизнь или смерть, тогда на сцену выходит то, что ты собой представляешь. Что тебе ближе: ненависть, любовь, равнодушие, разрушение?

– Справедливость...

– Это не просто слово, это этическая категория, выстраданная твоими предками. Вдумайся: с-пра-вед-ливость... Жизнь во правде... Мы не уверены, что ты понимаешь этот закон правильно.

– Я пытаюсь...

– Иди до конца, Незавершенный, род поможет тебе...

Глаза того, кто разговаривал с Тарасом в пространстве его сознания, погасли. Туман повалил гуще, вода покрылась рябью и стала заливать рот и нос. Тарас напрягся, пытаясь выплыть, потом вспомнил

слова незнакомца о помощи рода и... нырнул в глубины генетической памяти!

Он летел в струях света и тьмы, переплетавшихся между собой, ощущая их единение, борьбу и согласие, выныривал на берега каких-то невообразимых морей, спускался на вершины сверкающих гор и везде встречал людей – своих предков, передающих ему часть души, часть энергии, часть понимания мира и знание, которого ему не хватало.

Он осознавал себя внутри обычных людей, потом Перволюдей, потом Инсектов и Аморфов, также протягивающих ему руку помощи, и собирал, собирал, собирал себя по крупицам, впитывая информацию, поддержку, знания, любовь и доброжелательность тех, кто дал ему жизнь, и, наконец, восстановил полностью канал, соединяющий его с родом Горшиных, дающий ему возможность восстать, как Феникс из пепла...

Все закончилось вспышкой жемчужного света.

Он пришел в себя.

Его волокли за ноги двое парней в фиолетовых костюмах, зашли в просторный эллинг с корпусами яхт, швырнули на бетонный пол. Еще пара богатырей опустила рядом тело Тони. Несколько мгновений он смотрел на нее, пытаясь уловить стук сердца и увидеть сияние ауры, но не увидел. Девушка была мертва.

В груди родилось рычание.

Слуги Рыжайса, деловито выполнявшие приказ хозяина, с удивлением оглянулись. Один догадался вытащить пистолет-пулемет, но воспользоваться им не успел. Возникший в тишине эллинга вихрь вдруг подхватил гигантов одного за другим и с размаху расплющил о борта яхт и бетонные плиты пола.

Вихрь стих так же неожиданно, как и появился.

Тарас уронил руки, глядя на тела бандитов с отсутствующим выражением лица, опомнился и подбежал к телу Тони. Опустился на колени. Сказал глухо, одними губами:

– Прости...

Попытался восстановить работу сердца Тони, зная, что это бесполезно, но все же с минуту боролся со смертью, с пространством и временем, с самим собой. Сил не хватило. Тоня не ожила...

Душа напоминала выжженную пустыню, обдуваемую ветром тоски и одиночества. А перед внутренним взором стояла она, смущенная и счастливая, и загораживалась ладонью, еще не зная судьбы...

Он плакал без слез, не замечая этого, и в душе со слезами тихо-тихо умирал образ любимой, умирала ее улыбка, умирали глаза, обещавшие неземное светлое счастье... Она хотела немногого: найти место, где нет ни тревог, ни страха, ни печали, где никто ни с кем не воюет и где все счастливы.

Ай брусничный цвет, алый да рассвет,
Али есть то место, али его нет...

Он застонал, раскачиваясь из стороны в сторону, запел тихонько: сла-а-а-во-о-о-о... Затем вытер ладонью кровь с прокушенной губы и поднял Тоню с пола. Понес к выходу из эллинга.

Испуганный механик, завернувший в гулкое помещение, отступил в сторону, пропуская его, с оторопью глянул на неподвижные тела на полу эллинга, на валявшееся оружие и побежал к телефону.

Тарас вышел на причал, огляделся, не понимая, как он здесь оказался, увидел спущенный на воду катер, на борту которого возился еще один механик клуба в оранжевом жилете, и подошел к нему.

– Прими...

Механик оглянулся, вытаращил глаза.

– Ты чего, парень? Это катер директора... – Он встретил белый мертвый взгляд Горшина, вздрогнул и замолк.

– Прими!

Парень засуетился, помог Тарасу усадить Тоню на сиденье за блистером катера.

– Что с ней? Перебрала? – Он подмигнул с кривой улыбкой, щелкнул себя по горлу.

– Побудь здесь. – Тарас взобрался на причал. – Никуда не уходи!

Механик хотел было возмутиться, но вдруг кивнул и неожиданно для себя промямлил:

– Ладно, подожду...

Тарас вернулся в эллинг, обыскал телохранителей Рыжайса, нашел «болевик», сунул во внутренний карман пиджака и направился к главному зданию яхт-клуба.

Его дважды пытались остановить: на входе в здание и на входе в ресторан. Он почти не обратил на это внимание – продефилировал мимо охранников, будто их не существовало, оставляя позади шоковую растерянность и тишину. Вошел в зал ресторана всего с десятком столиков и остановился, увидев коляску президента «Купола», стоявшую у одного из столов, за которым сидели Ельшин, незнакомый чернобородый мужчина, очевидно, директор яхт-клуба, и красивая смуглолицая девушка. Вокруг сфинксами высились богатыри-телохранители Эдмонда Анатольевича, не сразу отреагировавшие на появление гостя. Лишь Ельшин проявил достойную для человека его положения реакцию. Он встал и бочком скользнул в проход на кухню. Впрочем, замначальника Управления «Т» ФСБ Тараса в настоящий момент не интересовал.

– Ну надо же! – хмыкнул Эдмонд Анатольевич, окинув фигуру Горшина хмельным взглядом, еще не понимая ситуации. – Жив, курилка. Неужели я тебя недооценил?

– Нелюдь! – сказал Тарас так, что в зале лопнула хрустальная люстра.

– Убейте его! – каркнул президент «Купола», меняясь в лице.

Телохранители схватились за оружие, но поздно, поздно и очень медленно. Они не владели своим временем и не умели изменять реальность.

Тарас мог!

Он выстрелил из «болевика» четырежды, прежде чем парни в фиолетовой униформе добрались до курков пистолетов-пулеметов, и зал заполнили истошные вопли, заставившие оглядываться на яхт-клуб даже пешеходов на набережной.

– Ты не сможешь меня... – начал Рыжайс, мечая глазами молнии.

– Смогу! – одними губами произнес Тарас, разряжая в него «болевик», затем медленно, страшно, с непреодолимой силой выговорил: – Навь зовет тебя, нелюдь! Умри!

Глаза Эдмонда Анатольевича полезли на лоб. Он побелел, привстал, словно собираясь освободиться от коляски, но рухнул обратно, выгнулся и завыл от боли, как только что были его слуги.

Затем снова встал – на ноги, хотя до этого не ходил! – посмотрел на Тараса черным взглядом.

– Ты опередил меня, Незавершенный. – Это уже заговорил не президент «Купола», а тот, кто жил в нем долгое время, – Конкере. – Но я вернусь! И тогда тебя не спасет даже инфарх...

Рыжайс вздрогнул, глаза его стали пустыми и мертвыми, он схватился руками за воздух, словно пытаясь удержать кого-то, и упал в коляску безвольной массой. Через мгновение он был мертв. Лишь в воздухе некоторое время мистически металось эхо его слов:

– Я вернусь-вернусь-вернусь-нусь-нусь...

Тарас бросил «болевик» на пол, повернулся и вышел.

Механик в оранжевой безрукавке ждал его на причале, вертя головой и приплясывая от нетерпения.

– Кто там кричал? – жадно спросил он. – Аж жутко стало!

– Дьявол, – коротко ответил Тарас.

Отвязав катер, он прыгнул в него, завел двигатель, не обращая внимания на крики механика, и вывел катер на простор Живописной бухты, в начинающийся ливень...

На следующий день, похоронив Тоню, он позвонил Завьялову и сказал, что принимает его предложение...

Через полгода в стране появилось «Чистилище».

Москва – Чисмена
июль 2001

notes

Примечания

1

Ангел Присутствия, уровень сил тонкого плана Космоса.

Одна из сиддх: сила восприятия от других людей мыслей, чувств, энергии и проецирование собственных мыслей в сознание других людей.

Сингл – система инстинктов и рефлекторных реакций, выведенная в сознание.

«Spirit of Hemp» – «дух конопли» (*англ.*).

От латинского *supremos* – высший.

К примеру, миллионы лет назад Земля имела меньший диаметр и иной состав атмосферы.

Саккацу – свобода убивать (яп.), один из ментальных принципов в мироощущении ниндзя.

Ваки-гатамэ – выкручивание и сжатие тела противника сбоку, приводящее к удушению за счет сжатия надпочечников.

ЗВА – запасной военный аэродром.

Джек Николсон.

Вашита (одна из сиддх) – сила исключительного повиновения произнесенному слову, контроль над объектом, в результате которого объект становится покорным слову, мысли, действию.

ФСО – Федеральная служба охраны.

Уровни воздействия на физический мир. *Голаб* – Дьявольская Жестокость, *Самаэль* – Жестокость Бога.

Ганфайтер – оперативный работник сил специального назначения, перехватчик класса «абсолют».

Дайсё – название пары самурайских мечей, длинного – *даито* (*катана*) и короткого – *сёто* (*вакидзаси*). *Кастане* – изогнутый филиппинский меч с односторонней заточкой. *Дзюдзи* – крестообразный сюрикэн.

Бой на мечях (*яп.*).

Пракамья – одна из сиддх, абсолютная проницательность ума и чувств.

Апостол Павел. Посл. к римлянам; 8, 31.

Син – смерть (яп.).